

**СОВРЕМЕННАЯ
ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 2

ФЛИНТА

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Коллективная монография

Выпуск 2

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2020

УДК 821(4)
ББК 83.3(4)6
С 56

Рецензенты:

Левицкий Андрей Эдуардович

д.ф.н., профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода
и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков
и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Петренко Александр Демьянович

д.ф.н., профессор, директор Института филологии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь

Современная германистика и западноевропейская литература
С56 **тура** (= Modern Germanic Philology and West-European Literature). Вып. 2 : коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 428 с.

ISBN 978-5-9765-4537-3

Монография является вторым выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература». Серия создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н. А. Добролюбова.

Издание подготовлено коллективом авторов — членов диссертационного совета, а также учеными из различных вузов России, участвующими в деятельности совета, и включает работы, посвященные различным теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Адресовано широкому кругу лингвистов и литературоведов, интересующихся вопросами германской и — шире — западноевропейской филологии.

УДК 821(4)
ББК 83.3(4)6

ISBN 978-5-9765-4537-3

© Коллектив авторов, 2020
© НГЛУ, 2020
© Издательство «ФЛИНТА», 2020

Авторский коллектив:

Аверкина С. Н. (гл. 4.1.), Анашкина И. А. (гл. 3.1.),
Байкова О. В. (гл. 2.1.), Бухаров В. М. (гл. 2.1.),
Голубева Н. А. (гл. 1.1.), Григорьева Л. И. (гл. 3.3.),
Зуева Е. В. (гл. 1.1.), Иванов А. В. (гл. 3.2.),
Иванова Р. А. (гл. 3.2.), Иванова Т. К. (гл. 3.3.),
Карпова О. М. (гл. 3.4.), Кобенко Ю. В. (гл. 3.5.),
Конькова И. И. (гл. 3.1.), Королева С. Б. (гл. 4.2.),
Кострова О. А. (гл. 1.2.), Кохан Н. А. (гл. 1.4.),
Кузьмин Р. А. (гл. 1.4.), Лаххайн Б. (гл. 4.1.),
Никонова Ж. В. (гл. 1.3.), Нильсен Е. А. (гл. 3.6.),
Разина И. С. (гл. 4.1.), Рахманкулова С. Е. (гл. 1.4.),
Сакулина Е. А. (гл. 4.1.), Синеокова Т. Н. (гл. 1.5.),
Тырыгина В. А. (гл. 1.6.), Цветкова М. В. (гл. 4.3.),
Шемчук Ю. М. (гл. 3.7.)

Раздел I
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

1.1. МЕТАЯЗЫК АНАЛИЗА КОНЦЕССИВОВ (на материале современного немецкого языка)

Вступительные замечания

Рассмотрение заявленной проблемы логично предварить аксиомами языковой валентности А. Ф. Лосева, согласно которым она (языковая валентность) «всегда есть бесконечная стихийно-системная, и в частности конструктивно-техническая, интерпретативно-смысловая и коммуникативная валентность» (ЛОСЕВ 1982: 137).

В отечественной лингвистической традиции семантика контраста, противительности, ограничения именуется уступкой, уступительностью (В. Ю. Апресян, Г. П. Берзина, О. В. Евстафиади, Е. В. Золинова, О. А. Лаврова, Е. Н. Мишина, Е. В. Плотникова, Е. В. Урысон, И. К. Харитонов, В. С. Храковский, Е. А. Шикалова и др.). В зарубежной лингвистике закрепился термин «концессивность», а лексемы разных частей речи с этой семантикой именуются «концессивами» (H. Blühdorn, E. Breindl, E. Couper-Kuhlen, C. Di Meola, E. König, V. Kortmann, R. Pasch, U. Patzke, E. Rudolph). Этот, на первый взгляд, методологический нюанс можно обосновать с семиотических позиций. По единодушному убеждению отечественных и зарубежных лингвистов, уступительность отличается сложностью и многослойностью (см. авторов выше). Таким образом, семантический синкретизм объясняет метаязыковой характер уступки. «Это всего лишь метаслово, удобное для того, чтобы выделить некоторую группу слов для рассмотрения, но не пригодное для их толкования» (АПРЕСЯН 1999: 24). В русле данного определения А. Е. Голукович трактует «уступительность» как семантическую категорию,

«содержание которой обусловлено своеобразным взаимодействием четырех компонентов: обусловленности, причинности, противительности», а «концессивность» как «абстрактное ментальное образование, которое характеризуется определенным содержанием, а также этнокультурными параметрами» (ГОЛУКОВИЧ 2011: 13).

Серьезный научный интерес к проблеме связующих слов с

уступительной семантикой, другими словами, concessivam, обусловлен, очевидно, их языковой валентностью в понимании А. Ф. Лосева, т. е. целым рядом языковых особенностей уступительности, предопределивших в лингвистике наличие нескольких исследовательских векторов. Concessivы объединяются по разным лингвокогнитивным критериям — по категориальному статусу (союз), по функции (связующее слово), по пропозициональному статусу (коннектор), по результату познания (когниция), по речевой стратегии (дискурсоорганизатор).

По каждому из обозначенных выше критериев в лингвистической науке представлен опыт описания слов, структур, конструкций, предложений с уступительной семантикой (ПАРШИН 1988; САННИКОВ 1989; ХРАКОВСКИЙ 1998; АПРЕСЯН 1999; КАРУ 2006; БЕРЗИНА 2012; HUNNIUS 1999; COUPER-KUHLEN, KORTMANN 2000; KÖNIG, SIEMUND 2000; PASCH 1994; 2003; BREINDL 2004; DI MEOLA 2004). Специфика лексической и синтаксической семантики уступки диктует необходимость анализа языка ее описания — метаязыка, до сих пор не получившего рассмотрения, что указывает на *актуальность* предлагаемого исследования.

Целью настоящей научной дискуссии является анализ терминов и понятий, раскрывающих онтологию concessivov. Ее *новизна* видится в описании их когнитивной и лингвистической составляющих, разработке и систематизации метаязыка их анализа.

Методами исследования являются логический, концептуальный и синтаксический анализ. Термины «уступительность» и «concessivность» в рамках настоящего исследования рассматриваются как синонимы.

1. Онтологическая характеристика concessivности

Метаязыковой характер уступки претеоретически объясняется ее семантической синкретичностью. По этой причине лингвисты интуитивно представляют это значение как *incasual / anti-cause / inoperant cause / irrelevanzkonditional* (скрытая причина / антипричина / недейственная причина, антиусловие). Философия

языка трактует значение уступки как смысловой символ, абстракцию, в рамках которой, в отличие от выделенных лингвистами значений *причины, времени, степени интенсивности признака, условия* и др., уступка не входит в значения объединяемых ею вербальных знаков — слов или конструкций. Лексема «уступительный» не именуется это значение прямо, не эксплицирует его, а является лишь его общепринятой меткой, неким условным ярлыком (УРЫСОН 2002: 36).

Из выделенных в научной практике семантических компонентов уступки можно определить более общие метасемантические признаки коммуникативного и психологического свойства — *нарушение (отклонение от нормы), обманутое ожидание (следствие вопреки ожиданию), поворот (смена), преодоление препятствий, предел, лишение, изолирование, компенсация, конкуренция* (В. Ю. Апресян, Г. П. Берзина, А. Е. Голукович).

Вместе с тем содержательная палитра метазначения уступки значительно шире ее прототипического прочтения ($p \rightarrow \sim q$) «ожидаемое не наступило» и формируется как самостоятельный сегмент производно-дифференциальных метасемантических признаков — *разнознаковая смысловая отмеченность (несимметричность, обратнопропорциональность, избирательность), отказ, согласие, разрешение (передача полномочий), неожиданность, терпение, жертвенность, покорность* (см. работы авторов выше и др.). Но и в первом, и во втором случае эти признаки обусловлены когнитивным диссонансом — нарушением причинно-следственных связей в объективации соотносимых сущностей.

Отмеченные выше «непрозрачность» (Е. В. Урысон), синкретизм значения уступительного знака предполагают имплицитную реализацию одновременно всех его семантических компонентов с доминантой одного из них. Уступка в ее разных семантических проявлениях в целом «находит» свою форму в имплицитных конструкциях, в которых «естественное сосуществование событий выражается в причинных и условных конструкциях, а неестественное (ненормальное) — в уступительных и условно-

уступительных» (ХРАКОВСКИЙ 1998: 79). Таким образом, семантика уступительных выражений резервируется в *concessивной импликации*, которая в логическом смысле передается корреляцией «если..., то...» и передает сущность закона силлогизма с релевантной характеристикой значения правды, под которым авторы (PASCH et al. 2003: 17) понимают разделение этого значения на «верно» (wahr) — «неверно» (falsch).

Под значением речевого выражения в этом случае следует понимать семантику пропозиции с «условиями правды». *Пропозицию* мы трактуем, вслед за многими исследователями, как логико-семантическую структуру сущности, объективированную предложением, другими словами, как некоторое схематизированное концептуальное содержание, которое подлежит вербализации, составляет основу семантической структуры предложения и репрезентируется его синтаксической моделью (Н. А. Беседина, В. И. Казарина, С. Е. Кузьмина, Л. А. Фурс; S. Löbner, R. Pasch, H. Vater).

Говоря об уступке, мы подразумеваем под «условиями правды» пропозиции, в том числе наличие пресуппозиции, говоря проще, предварительного знания о семантической ситуации, реализованной предложением. В когнитивном процессе, как известно, активно задействована логика. В этом смысле пресуппозиция выступает как *Modus ponens* (выводное знание). Она призвана контролировать ситуацию, которая актуализируется предложениями. Пресуппозиция (термин Г. Фреге) сводится к логической формуле: *Из P следует P'*. Чтобы соединение уступительных предложений было правильно оформлено, наряду с условиями правды должно выполняться дальнейшее условие для корректного употребления связующего слова. Как замечено в (PASCH et al. 2003: 27), concessив *obwohl* «хотя» требует интерпретацию пресуппозиции, содержание которой выражается схемой $p \rightarrow \sim q$. Отношение $p \rightarrow \sim q$ является содержанием утверждения, истинность которого ставится под вопрос через содержание другого утверждения, т. е. сущности p и q являются логически несовместимыми.

Таким образом, пресуппозиция, включает «условия правды», а также прагматическую семантику и является частью пропозиции; это имплицитный смысл связи между двумя пропозициями, передаваемый уступительными связующими словами. В этом случае мы говорим о *concessивной пресуппозиции*.

В методологическом аппарате исследования concessивности широко задействованы термины «concessивное отношение», «concessивная ситуация», «concessивная стратегия», нуждающиеся в пояснении их метаязыкового функционала. Отталкиваясь от вышеприведенного постулата В. С. Храковского о семантике имплицативных конструкций, под «concessивной ситуацией» следует понимать «неестественное» сосуществование (хода) событий, иначе говоря, двух положений дел, когда одно сопровождается другим, блокирующим логически ожидаемый результат. Р. М. Теремова классифицирует все уступительные ситуации на три субкласса. Реально-уступительные содержат отвергнутое препятствующее основание, которое представляет собой реальное событие. Уступительно-предположительные содержат препятствующее, но недейственное основание. Усилительно-уступительные включают сему усиления, обнаруживающую связь с обобщением или полным объемом охвата лиц, предметов, пространства, времени, количества (ТЕРЕМОВА 1987). Как мы видим, в основе каждого из этих субклассов лежит один из общих метасемантических признаков, представленных выше.

Термин «concessивное отношение» можно соотнести со сложной, комплексной семантикой уступки, «связанной и по форме, и по смыслу с разными типами отношений» (КАРУ 2006: 15). В числе ведущих называются причинный, условный, адверсативный, отрицательный типы отношений. Кроме того, в (BLÜNDORN, GOLUBEVA 2007) выделяются и другие семантические типы — временной, квантитативный, модальный, указательный, пространственный, местоименный.

Как известно, *Bedeutung sucht Form* ‘значение ищет форму’

(VAN DER AUWERA et al. 2010: 269). Все типы concessивных отношений реализуются concessивными конструкциями, представленными разноуровневыми языковыми структурами — словом (со свернутым предикативным ядром), фразеологизмом, словосочетанием, предложением.

«Уступительное предложение — это сокращенное построение, семантически выражающее четырехчастную мысль, которая конденсируется в двухчастной (реже — трехчастной) структуре» (ПЕЧЕНКИНА 1976: 19).

Таким образом, *concessивная конструкция* — это бипредикативная имплицативная структура с семантикой уступки.

Продуктивной областью исследования уступки служит дискурс, в котором реализуются ее когнитивно-дискурсивные стратегии и тактики (БЕРЗИНА 2012). Под *concessивной стратегией*, вслед за Г. П. Берзиной, следует понимать использование вербальных и невербальных средств для достижения определенной коммуникативной цели, в данном случае, — реализации уступки. Concessивная стратегия является в свою очередь совокупностью речевых тактик и ходов языковой личности, таких как *взаимная уступка (компромисс), подчинение, примирение, вынужденное согласие, сближение в процессе коммуникации, выжимание уступки, частичная уступка* (ibid.).

2. Когнитивно-семантическое доминирование в concessивах

Реальное восприятие картин мира человеку обеспечивает доминирование более динамичных объектов над статичными. В нашем сознании можно, однако, выделить доминирующую сущность и среди статичных ментальных объектов, применив механизм *когнитивной доминанты*. Этот когнитивный прием разработан в рамках концептуального анализа и когнитивного моделирования отечественной лингвистики (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Л. А. Фурс). Суть этого механизма состоит в том, что Говорящий, исходя из задач коммуникации, должен и может передать многогранную информацию,

выделив главные с его точки зрения смысловые узлы. Когнитивная доминанта высвечивает только тот фрагмент знания, который релевантен в данный момент.

В зарубежном языкознании прием когнитивной доминанты, в частности, применительно к concessивам в немецком языке, нашел свое отражение в термине *Gewichtigkeit* 'важность' / «значимость». В соответствии с этим в разных группах concessивов доминирует определенный общий семантический компонент. Так, по К. Ди Меоле, независимо от синтаксического класса concessивов (субъюнктор, конъюнктор и др.), могут «играть» такие семантические компоненты, как *кондициональный*, *квантитативный*, *адверсативный*, *каузативный* и *темпоральный*. В этом смысле существуют исключения, когда семантическую доминанту выделить затруднительно, например, в *gleichwohl* 'все же', а темпоральный компонент представлен только в одном коннекторе *dennoch* 'однако' (DI MEOLA 2004).

Выделенные общие семантические доминанты во многом обусловлены семантикой входящих в уступительные коннекторы структурных компонентов. Как показывают результаты исследования, кондициональность мотивируют структурные элементы с соответствующей семантикой *wenn*, *ob*, *falls*, *soweit*; адверсативность — *trotz*, *doch*; отрицание — *nichts*, *un* (косвенно через компоненты *weniger*, *minder*); квантитативность детерминируется элементами *wie*, *so*, *desto*, *all*, *minder*, *weniger*; каузативность — *geachtet*; темпоральность — *denn*, *noch*, *schon*. В качестве так называемых «легких», «скользящих» менее значимых структурных элементов выступают предлоги и частицы *auch*, *bei*, *dem*, *desen*, *gleich*, *schon*, *selbst*, *sogar*, *und*, *wohl*, *zwar*.

Обобщая мнение многих лингвистов (HASPETH, KÖNIG 1998; COUPER-KUHLEN, KORTMANN 2000; BREINDL 2004; DI MEOLA 2004; STEDE 2004), мы понимаем *concessивное отношение* как *выражение контраста, предпосылаемого импликацией каузального, кондиционального и аффирмативного отношений*. Специфичность concessив-

ного отношения в противоположность адверсативному (противительному) отношению легко проследить на следующих примерах:

- (1) *Die Knospen sind schon gespritzt, **aber** es ist noch Ende Februar.* — Почки уже набухли, но еще конец февраля.
- (2) *Die Knospen sind schon gespritzt, **obwohl** es noch Ende Februar ist.* — Почки уже набухли, хотя еще конец февраля.
- (3) *Er redete weiter, **aber** ihm hörte keiner zu.* — Он продолжал говорить, но его никто не слушал.
- (4) *Er redete weiter, **obwohl** ihm keiner zuhörte.* — Он продолжал говорить, хотя его никто не слушал.

В предложениях (1) и (3) выражается контраст между двумя реальными положениями дел и ничего не говорится о какой-либо видимой взаимосвязи между ними. В (2) и (4) предполагается все-таки, согласно нашему жизненному опыту (прецедентному мышлению), что конец февраля для центральной части России не является благоприятной погодной ситуацией для набухания почек, а оратор обычно прекращает говорить, если его не слушают. Таким образом, мы видим, что concessивное отношение *отрицает* каузальное и кондициональное отношения, которые имеют место в последовательности причина — следствие, воспринимающихся как «норма».

Однако отрицание этих семантических отношений, как полагает К. Ди Меола, вовсе не означает того, что concessивное отношение кодирует что-то аномальное, сверхъестественное, «хаос на фоне (нарушенного) порядка» (DI MEOLA 2004: 289). Все происходящее в этом мире имеет причину. Так, можно предположить, что февраль был в текущем году аномально теплым, а оратор продолжал говорить из-за желания проговорить малый объем оставшегося запланированного текста. Сказанное позволяет, вслед за К. Ди Меолой, заявить о «скрытой» причине / условии, которые не упоминаются, но эксплицируются в следствии, выражаемом concessивным предложением. Суммируя сказанное, подчеркнем следующее.

Для concessивного отношения релевантными являются три фактора, влияющих на формирование семантической доминанты. Прежде всего, следует говорить об адверсативности в смысле общего значения противительности. В этом случае контраст обнаруживается на разных уровнях: 1) между эксплицированной причиной / условием (*февраль, отсутствие внимания*) и эксплицированным следствием (*набухшие почки, продолжение речи*); 2) между двумя причинами / следствиями — одной потенциальной, хотя эксплицированной (*февраль, отсутствие внимания*), и действенной, но оставшейся скрытой (*аномально теплый февраль, желание договорить текст до конца*); 3) между потенциальным следствием (*ненабухание почек, прекращение говорения*), оставшимся не упомянутым, и реальным (*набухание, говорение*), которое эксплицировано.

Относительно адверсативности необходимо сделать пояснения. Дело в том, что в лингвистике представлены разные мнения. Одни лингвисты полагают, что адверсативность является составляющей concessивного отношения, другие считают, что, наоборот, concessивность выступает одной из семантических сфер проявления адверсативности. Существует и третье, компромиссное, мнение, согласно которому, гиперонимом concessивности и адверсативности является «контраст» (Е. Брейндль, К. Ди Миола, Е. Ланг и др.).

Второй фактор обусловлен наличием каузативности / кондициональности, когда действенная причина или условие противостоит потенциальной причине, которой предписывается общепринятый нормативный характер.

Третий фактор заключается в отрицании потенциального каузативного / кондиционального отношения. Отрицание логично вытекает из адверсативности, так как отрицание одного положения дел в большинстве случаев имплицитно отрицание другого положения дел как противочлена первого.

Выше мы уже говорили о важной роли, в нашей терминологии, *concessивной пресуппозиции* при реализации concessивного от-

ношении. На данном этапе мы прибегнем к анализу роли контекста в широком смысле, который активно участвует в формировании целостного когнитивного пространства, обуславливающего формирование concessивной семантики коннекторов. Как правило, эти коннекторы либо с очень широкой, либо с очень бедной семантикой — относительные местоимения, как конъюнктор *und* и др. Для примера возьмем три простых предложения:

- (5) *Anna ist im Urlaub, und sie geht ins Büro.* — Анна в отпуске, а идет в офис.
- (6) *Anna, die im Urlaub ist (!), geht ins Büro.* — Анна, которая в отпуске (!), идет в офис.
- (7) *Sie ist erst 17, und hat zwei Kinder!* — Ей всего 17, а у нее двое детей!

В данном случае concessивная версия коннективов *und* и *die* детерминирована нашим прецедентным мышлением — обыденным знанием о том, что, если люди находятся в отпуске, то они на работу не ходят, для девушки в 17 лет двое детей — нежелательное исключение. Удивление по этому поводу нередко индицируется просодически и отображается графически (!). На важность интонационного контура коннективов (пропозиционального содержания), которые передаются коннекторами, указывается в (LANG 2004). Как мы видим, в предложениях (5) — (7) имплицитно выражены оба важных фактора — адверсативность и каузативность / кондициональность.

Посмотрим, однако, на случаи влияния конкретного контекста на формирование concessивной семантики. Например:

- (8) *Anna ist klein, aber Rose ist groß.* — Анна маленькая, а Роза большая.

В этом случае возможны два варианта интерпретации: 1) чисто адверсативная, если две девочки (даже если они сестры) противопоставляются просто по росту, но разные по возрасту; 2) concessивная, если при этом имплицитно выражается concessивная presupпозиция (*они близнецы*).

На функцию коннекторов с concessивным отношением настраиваются контекстуально и другие коннекторы с первично

не-концессивным отношением (модальным в широком смысле — темпоральным, каузативным): *doch*, *allerdings*, *während*, *wo*, *da*, *zumal*. Например:

- (9) *Warum hast du das Geschirr nicht abgespült, wo ich dich doch darum gebeten habe?* — Почему ты не помыл посуду, ведь я тебя об этом просила?
- (10) *Während ich so viele Lehraufträge im Semester habe, habe ich nicht weniger außerdienstlich zu erledigen.* — В то время как у меня в этом семестре большая учебная нагрузка, я еще не меньше должна заниматься и общественными поручениями.
- (11) *Da du schon so klug bist, kannst du mal ein Referat für mich schreiben.* — Раз уж ты такой умный, то сможешь написать реферат для меня.
- (12) *Wenn auch Anna im Urlaub ist, geht sie ins Büro.* — Даже когда Анна в отпуске, она идет на работу.

Из приведенных примеров видно, что концессивная интерпретация возможна в тех случаях, когда из семантики обоих коррелируемых коннектов очевиден контраст между двумя сущностями. Он подкрепляется настроенными на это лексическими и интонационными средствами, выражающими эмоционально-психическое состояние коммуникантов (упрек, удивление, неудовлетворенность ситуацией и др.). Другими словами, концессивная пресуппозиция как «превербальная» / «потенциальная» пропозиция, составляющая когнитивный контекст коннектора, должна четко указывать на возможность концессивного прочтения его семантики.

3. Грамматикализация concessivov как фактор прецедентности

Грамматикализация признана в лингвистике онтологическим фактором динамического развития языка. По мнению многих ученых, этот процесс напрямую связан с десемантизацией языковых единиц или их отдельных структурных элементов, как правило, с их делексикализацией (G. Diewald, M. Haspelmath, V. Heine, P. J. Hopper, Ch. Lehmann, T. Leuschner, E. S. Traugott). Попытаемся проследить **первый** путь этого процесса на концессивных коннекторах. Для этого сравним нижеследующие примеры:

- (13) **Sogar wenn** (*Auch wenn*) er reich wäre, würde sie ihn nicht heiraten. — *Даже если бы он был богатый, она бы не вышла за него замуж.*
- (14) **Sogar wenn** (*Auch wenn*) er damals reich war, sagte sie ihm ab. — *Хотя он тогда был богат, она ему отказала.*
- (15) **Wenngleich** (*Wennschon*) er ganz gut das Abitur machte, würde er keine Medizin studieren. — *Даже если бы он очень хорошо окончил школу, он бы не стал изучать медицину.*
- (16) **Wenngleich** (*Wennschon*) er ganz gut das Abitur gemacht hat, studierte er keine Medizin. — *Хотя он очень хорошо окончил школу, он не стал изучать медицину.*

При всей важности контекстуальной обусловленности формирования семантики синонимических пар коннекторов *sogar wenn / auch wenn, wenngleich / wennschon* мы видим, тем не менее, изменение их значения от кондиционального (13) и (15) к уступительному (14) и (16).

Показательным в этом смысле являются коннекторы серии с компонентом *ob* (*obschon, obwohl, obgleich, obzwar*), структурные элементы которых подверглись грамматикализации путем стяжения конститuentов (*ob + schon / wohl / gleich / zwar*). Об этом свидетельствует единичная устаревшая форма *ob* в качестве коннектора:

- (17) *Die Orgel tönnte, und ob niemand es wüßte, es war Verdi und Strauß.* (ERBEN 1966: 185) — *Звучал орган, и хотя никто этого не знал, это были Верди и Штраус.*

Посмотрим далее на коннекторы с квантитативным компонентом *wie / so ... auch, wiewohl*:

- (18) **Wie gut er auch** das Abitur gemacht hat, er studiert keine Medizin. — *Как бы хорошо он ни окончил школу, он не станет изучать медицину.*
- (19) **Wiewohl** er gut das Abitur gemacht hat, er studiert keine Medizin. — *Хотя он хорошо окончил школу, он не станет изучать медицину.*

В приведенных примерах мы видим, что оба коннектора выражают concessивность, но если в *wie ... auch* еще отчетливо прослеживается квантитативная семантика компонента *wie*, то в *wie-*

wohl она погашена, т. е. квантитативный компонент в первом случае проявляет начальный этап десемантизации, а во втором — ее конечный этап.

Позволим предположить, что **второй путь** грамматикализации concessivov обусловлен разрушением морфосинтаксических признаков их составляющих, что приводит к переосмыслению семантики concessivov в целом. Как уже отмечалось в (ГОЛУБЕВА 2010: 74), показателем высокой степени грамматикализации языковой единицы являются два морфологических аспекта — высокая интеграция ее составляющих и низкая продуктивность модели. Для concessivov это заметно по разнонаправленности их конститuentов — в дистантном или контактном расположении друг к другу.

При этом дистанцирование (разъединение элементов) может быть наблюдаемо в границах «главное предложение — придаточное предложение» (auch dann, wenn; selbst dann, wenn; auch, wenn; selbst, wenn, zwar, aber / doch / jedoch), а может осуществляться в пределах только лишь придаточного предложения (wenn ... auch; wenn ... schon, wie ... auch, so ... auch):

- (20) *Wie man's **auch immer** nimmt, die Hauptsache ist, dass die Kasse stimmt!* — Деньги счет любят.
- (21) *Er hat **zwar** keine eigenen Kinder, **aber** er ist sehr kinderlieb.* — Хотя у него нет своих детей, но он очень любит детей.
- (22) *Sie hat **zwar** nicht studiert, sie ist **jedoch** eine gute Kauffrau.* — Хотя она не училась, она, тем не менее, хороший менеджер.

Следует также заметить, что немаловажную роль здесь играют усилительные элементы (auch, doch, gerade, schon, selbst, wie, so / so sehr / so wenig):

- (23) ***So wenig** Zuschauer **auch immer** im Stadion waren, beide Mannschaften spielten mit vollem Einsatz.* — Как бы мало ни было зрителей на стадионе, обе команды играли с полной отдачей.
- (24) ***Auch wenn** Brigitte mit dem ersparten Geld ein Auto kaufen wollte, hilft sie gern finanziell den Kranken.* — Даже когда Бригитта на сбережения хотела

купить машину, она оказывает активную финансовую помощь больным.

(25) *Wo es doch dunkel ist, scheint der Mond hell.* — Ведь темно, а луна светит ярко.

(26) *Er schimpft ständig auf die Ehe, **obschon** er gerade erst geheiratet hat.* — Он бранится постоянно на супружество, *хотя* только недавно женился.

Контактное расположение конstituентов коннекторов является не менее распространенным способом выражения concessивной семантики: *wenn auch, wenn schon, auch wenn, selbst wenn, schon wenn, sogar wenn, und wenn*. На современном этапе контактное (смыкающееся) расположение строевых элементов concessивов зафиксировано в композитах: *wengleich, obwohl, obgleich, obschon, obzwar, gleichwohl, wiewohl*.

При этом можно заметить в вышеприведенных примерах, что структурно-позиционная интегративность закреплена расположением усилительных компонентов (*gleich, wohl, schon* и др.) во второй части коннекторов со смещением ударения именно на них. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о низкой продуктивности этой семантико-морфологической модели, а, с другой, — о высокой степени грамматикализации данных concessивов. Если допустить образование интеграции concessивов с новыми усилительными компонентами в постпозиции, например, *wenn bereits, wenn selbst, wenn ebenfalls*, то вряд ли можно проиллюстрировать эти новообразования лингвистическими фактами, в то время как в препозиции их существование не вызывает удивления *selbst wenn, bereits wenn, ebenfalls wenn* и др.

Синтаксическая грамматикализация коннекторов начинается в принципе с изменения их принадлежности к синтаксическому классу. Показательным в этом смысле можно считать коннекторы *aber auch, und wenn, und zwar, wenn aber, wenn überhaupt* и др. Их четкая принадлежность к определенному синтаксическому классу затруднительна, так как их конstituенты маркируют разные виды синтаксической связи (сочинение и под-

чинение) одновременно, а, следовательно, их интеграция есть результат завершившейся грамматикализации.

Мы остановимся также на других факторах синтаксической грамматикализации в сложноподчиненном предложении, а именно, утрате спрягаемого глагола, интерпозиции придаточного предложения и первой позиции глагола в главном предложении, находящемся в постпозиции по отношению к придаточному. Начнем с первого фактора, редукации глагола:

- (27) *In der Klasse war sie die begabteste, **obwohl** unbeliebt.* — В классе она была самая способная, *хотя* ее не любили.
- (28) ***Wenngleich** nicht reich, fährt er einen Mercedes.* — *Хотя* он не богат, а ездит на мерседесе.
- (29) *Er hat vorher unheimlich gebüffelt, **wenn auch** nicht das ganze Semester.* — Он раньше невероятно много работал, даже если и не весь семестр.

Ср. в дискурсе:

- (30) *Der Rittmeister, **obwohl** alter Offizier, konnte das nicht.*¹ ← Der Rittmeister, *obwohl er alter Offizier war, konnte das nicht.* — Ротмистр, *хотя* старый офицер, не умел этого.

Вторым фактором грамматикализации является интегрируемость редуцированного concessивного придаточного предложения в структуру главного предложения, т. е. «разрыхление» последнего. Сравним в дискурсе:

- (31) *Ich mag ihn gern, **ausgenommen**, wenn er schlechter Laune ist.* — Я обожаю его, за исключением, когда он пребывает в плохом настроении.
- (32) *Ein Sprecher, der p, aber q, äussert, geht davon aus, dass — **aus welchen Gründen auch immer** – nicht q zur Debatte stand [...]* (BRÜCKEN CHLAGEN 2004: 238) — Говорящий, который выражает отношение *p*, но *q*, исходит из того, что по любой из причин, обсуждается не *q*.

¹ Fallada, Hans. (1952) *Wolf unter Wölfen*. Berlin: Aufbau-Verlag, 48. [1. Aufl.]

Из предпринятого описания грамматикализации concessivов становится ясно, что concessivы с высокой степенью морфосемантической грамматикализации (*obzwar, wenn auch*) чаще интегрируются в структуру главного предложения по сравнению с concessivами с низкой степенью грамматикализации (*schon wenn, und wenn*).

Третий фактор синтаксической грамматикализации касается второй позиции спрягаемого глагола в главном предложении, которое стоит после придаточного. Грамматика P&P предписывает в этом случае первую позицию спрягаемого глагола. Однако однозначным индикатором concessивной семантики придаточного предложения является вторая позиция спрягаемого глагола в главном предложении. Например:

(33) *Auch wenn sie müde ist, sie geht nach der Arbeit zu ihrer Mutter.* — Даже если она устала, после работы она идет к матери.

(34) *Wo er auch studiere, er bekommt nie das Stipendium.* — Где бы он ни учился, он никогда не получает стипендию.

Лингвисты говорят в этом случае о «дезинтегрирующем эффекте» «ненормального» порядка слов в сложноподчиненном предложении (KÖNIG, VAN DER AUWERA 1988). И в этом случае высокая степень грамматикализации concessivов (*wenngleich, obwohl*) позволяет им значительно быстрее интегрироваться в главное предложение, чем менее грамматикализованные (*und wenn, auch (dann) wenn*) (DI MEOLA 2004).

Означает ли это, что concessивные предложения всегда предполагают вторую позицию в постпозитвном главном? Анализ лингвистических фактов указывает на то, оба варианта порядка слов равноправны, если отвлечься от меньшей степени грамматикализации «нормального» порядка слов в главном предложении.

Диахронический срез анализа concessivов может также привести относительно их грамматикализации к важным концептуальным выводам. Как показано в (BLÜNDORN, GOLUBEVA 2007), среди них есть только два в историческом аспекте простых коннектора *bloß* 'просто' и *trotz* 'вопреки'. В синхронии к простым

коннекторам причисляются aber 'но', doch 'тем не менее / все же' и nur 'только', которые восходят все же к словоформам. Так, aber как потемневшая форма компаратива восходит к ab (PAUL 2002: 35), doch как потемневшая форма словосложения из герм. frau (doch) и got. -uh (und) (KLUGE 1975: 136), nur пришло из древневерхненемецкого niwāri (nicht wāre) (KLUGE 1975: 516).

В некоторых concessивах в синхронии исторический след индицируется через входящие в них предлоги. Он присутствует в предлоге bei 'при', в dabei 'при этом', bei alledem 'при всем том' и wobei 'хотя', в предлоге für 'за', в dafür 'зато', а также в предлоге in 'в', в indessen 'в то время как'. Эти предлоги, отмечается в (BREINDL 2004: 22-23), изначально возникли как маркеры пространственных и временных отношений и развились конвенционально в имплицатуры уступительных отношений.

Заключение

Предпринятый анализ выявил ряд языковых особенностей уступительности, предопределивших в лингвистике наличие нескольких исследовательских векторов. Специфика ее лексической и синтаксической семантики обусловила необходимость разработки и описания ее метаязыка. Выяснилось, что метаязыковой характер уступки объясняется ее семантическим синкретизмом. В ходе анализа определены ее общие и дифференциальные метасемантические признаки коммуникативного и психологического свойства, которые обусловлены когнитивным диссонансом в представлении хода событий. Исследование показало, что префикс «мета» является идентификационным термином уступительной семантики.

Авторским результатом исследования стало введение и обоснование релевантных терминов *concessивная импликация, concessивная presupпозиция, concessивное отношение, concessивная ситуация, concessивная стратегия, concessивная конструкция* и др., которые являются операциональными метаязыковыми величинами выражения уступки.

Кроме того, мы пришли к еще одному концептуальному выводу о том, что морфосинтаксическая структура concessivov отражает десемантизацию их компонентов, другими словами, подтверждает гипотезу о прецедентном (производном) характере concessivov не только в диахронии, но и в синхронии.

Перспективой исследования может стать лингвистический анализ по выявлению других дифференциальных метасемантических признаков уступки и метаязыкового способа обозначения concessivovных коннекторов.

© Голубева Н. А.

© Зуева Е. В.

1.2. ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В САМАРСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Когнитивная прагматика как направление интегративно-лингвистических исследований

1.1. К истории Самарской лингвистической школы

Самарская лингвистическая школа начала складываться в 40-е гг. XX в., когда в нашем тогда педагогическом институте работал А. Н. Гвоздев. Его исследования по стилистике русского языка, не утратившие поныне своей актуальности (ГВОЗДЕВ 2018), имеют, по сути, интегративный характер, поскольку в них устанавливаются стилистические функции определенных языковых структур. Исследования в области русистики развивались учениками А. Н. Гвоздева, в частности, на материале сопоставления языков. Так, Е. М. Кубарев (2001) изучал экспрессивно-стилистические функции неполносоставных предложений в пьесах Н. В. Гоголя, сопоставляя русский оригинал с его немецкими, английскими и французскими переводами. В круг интересов исследователя входил собственно когнитивный компонент, позволявший увидеть разницу в языковом выражении одной и той же мысли. Кроме того, выявлялась специфика имплицитного кодирования эмоционально-отрицательных смыслов в русском языке за счет интонации и особых фразеологизированных структур.

Исследование имплицитных смыслов получило развитие в диссертации под руководством профессора Н. А. Булах, посвященной средствам выражения условных отношений в немецком языке (КОСТРОВА 1971; ЛУКИН 2016). Н. А. Булах умела видеть актуальную для 60-х гг. XX в. проблему выявления и систематизации имплицитных средств выражения семантических категорий, в которых отсутствуют прямые маркеры того или иного отношения. Систематизация имплицитных средств выражения условия требовала интеграции модальности нереальности или потенциальности, создаваемой конъюнктивом II, учета значений

некоторых предлогов, словообразовательных суффиксов существительных, атрибутивных прилагательных и всего контекстуального окружения. В то время не было теоретического обоснования взаимодействия категорий, но фактический материал подтверждал, что речь должна идти именно об этом.

1.2. Взаимодействие категорий как исследовательская проблема

Взаимодействие категорий как исследовательская проблема сформировалась в германистике, насколько можно судить, в 90-е гг. XX в.; в зарубежной германистике в поле зрения исследователей попало взаимодействие глагольных категорий времени, аспектуальности и наклонения (АБРАНАМ, JANSSEN 1989). Э. Лайсс включила в парадигму исследования глагольно-именные группы; ее монография (LEISS 2000) охватывает морфологические категории детерминации имени и аспектуальности ядерного глагола, а также детерминацию имени и употребление исторического презенса в особых жанрах. Исследование показывает развитие категории определенного артикля вследствие распада категории вида глагола, которая была представлена в готском языке, что доказывает взаимосвязь морфологических категорий имени и глагола. Распад категории вида повлек за собой развитие категории определенности имени.

В советской германистике проблема взаимодействия категорий выражалась в структурно-семантических исследованиях, в теориях лексико-грамматических и функционально-семантических полей. Однако в качестве самостоятельной проблемы взаимодействие категорий не эксплицировалось, растворяясь в перечисленных подходах. Исключение составляет, пожалуй, монография В. Б. Кашкина, вышедшая практически одновременно с книгой Э. Лайсс (КАШКИН 2001). В. Б. Кашкин на материале восьми языков прослеживает зависимость употребления неопределенного артикля от аспектуальной характеристики глагола. Его исследование согласуется с выводом Э. Лайсс о взаимной зависимости выражения категории детерминации имени и глагола. Забе-

гая вперед, отметим, что сопоставление на материале параллельного русско-немецкого корпуса аналогичных глагольно-именных групп, инициированное работами Э. Лайсс и В. Б. Кашкина, привело к выведению понятия детерминантно-аспектуального равновесия в этих группах (КОСТРОВА 2018).

1.3. К постановке задачи

В Самаре интенсивные исследования в области германистики начались с открытием аспирантуры по германским языкам и диссертационного совета по соответствующей специальности в конце 90-х гг. XX в. С тех пор сложилось несколько научных направлений, обзор которых приведен в (БОРИСОВА 2016). В каждом из этих направлений с тех или иных позиций анализируется взаимодействие языковых или речевых категорий. Под руководством проф. В. М. Савицкого (2006) с позиций структурного, логического и семиотического подходов исследуется широко понимаемая языковая идиоматика. Проф. М. А. Кулинич (2017) руководит культурологическими исследованиями, в которых нередко сочетаются вербальные и невербальные компоненты. Проф. А. Н. Морозова (2016) объединяет исследователей, работающих в рамках речеведения и лингвопоэтики. Проблематика создания художественного образа разрабатывается в трудах под руководством проф. Е. Б. Борисовой (2011). В задачу настоящего раздела входит анализ проделанной работы только в одном направлении, охватывающем взаимодействие категорий в русле когнитивной прагматики.

1.4. Когнитивно-прагматический подход в Самарской лингвистической школе

Начало когнитивно-прагматическим изысканиям в Самарском педагогическом университете (одно время «Поволжская государственная социально-педагогическая академия», ныне «Самарский государственный социально-педагогический университет») положено в докторской диссертации (КОСТРОВА 1992), где когнитивно-прагматический подход применяется к исследованию сложноподчиненного предложения (далее — СПП) и вводится понятие когнитивно-прагматического варианта, которое

затем трансформируется в понятие когнитивно-прагматической ситуации. В диссертации не используется понятие «концепт», которое стало активно применяться в исследовании синтаксических единиц позже (ВОЛОХИНА, ПОПОВА 2003; ВИНОГРАДОВА 2016). Тем не менее, речь фактически идет о концептуальном восприятии взаимосвязанных ситуаций действительности и выражении этой взаимосвязи с помощью языковых средств. Представление знаний о мире осуществляется с учетом категориального взаимодействия номинации, предикации, актуального членения и модализации высказывания в определенных условиях коммуникации.

В современном понимании *когнитивная прагматика* в широком смысле определяется как направление лингвистических исследований, изучающее ментальные процессы пользователя языка в коммуникативной интеракции. Типичным примером когнитивной прагматики считается теория релевантности (HUANG 2012: 51). Ментальными процессами, имеющими фундаментальное значение для когнитивной лингвистики и прагматики в том числе, вслед за Н. Н. Болдыревым (2002: 18-38) считаем концептуализацию и категоризацию. В отличие от теории релевантности (SPERBER, WILSON 1995), основными принципами которой являются “relevance in a context” and “relevance to an individual” (WILSON 2016: 4), мы понимаем релевантность более обобщенно, исходя из релевантности в коммуникативном регистре и ситуативной релевантности (КОСТРОВА, СОБЧАКОВА 2011: 79-93). Включение ментальных процессов отличает когнитивно-прагматический подход от коммуникативно-прагматического, имеющего более узкую направленность.

Широта подхода и возможность его применения в разных областях исследования позволяет рассматривать его как особый раздел лингвистики, объединяющим центром которого является проблема взаимодействия категорий. Подход реализован в сборнике *Прагматика высказывания и текста* (1999), один из разделов которого посвящен когнитивной прагматике.

2. Уровни межкатегориального взаимодействия

2.1. Концептуальный уровень

Неразрывная связь философских категорий пространства и времени нашла отражение в языке. В диахронических изысканиях взаимодействие этих категорий описывается, например, на материале происхождения временных предлогов из пространственных, что наблюдается в славянских и германских языках. Ср. словосочетания: *in der Stadt* — *in einer Stunde*, *im Sommer*, *an der Wand* — *an einem Sommertage*, *am Wochenende* и др. Концептуальное осмысление этой связи реализовано в двух научных конференциях, проведенных в Самарском педагогическом университете: «Пространство и время в языке» (2001) и «Язык в пространстве и времени» (2002).

В синхронном плане взаимодействие концептов пространства и времени рассматривается в диссертации О. В. Петряниной (ПЕТРЯНИНА 2007). Формирование временных значений объясняется ею с привлечением категорий перемещения или локализации в пространстве. Вовлечение в анализ этих категорий производится на основе аспектуальной характеристики глаголов движения и местоположения с учетом влияния семантики глагола на выбор падежа в зависимой предложной группе существительного. Таким образом, автор показывает, что в формировании имплицитного темпорального значения высказывания участвуют глагольно-именные категории. Тем самым исследование Петряниной перекликается с упомянутыми выше монографиями Э. Лайсс (2000) и В. Б. Кашкина (2001), которые в то время не были нам известны. Аналогично тому, как в этих монографиях устанавливается зависимость аспектуальной характеристики глагола и употребления определенного или неопределенного артикля в зависимой именной группе, О. В. Петрянина устанавливает семантическое взаимодействие между глаголом и зависимой локативной предложной группой существительного. Если имя существительное в предложной группе с предлогом двойного управления употребляется в дательном падеже, то имеет место экзистенциально-темпоральная

локализация; предложная группа, формируемая предлогом, требующим дательного падежа или предлогом с двойным управлением, после которого существительное стоит в винительном падеже, указывает на инхоативное или предельно-финальное временное значение глагола. В первом случае возникает когнитивно-прагматическая ситуация дуративного состояния, обозначаемого неопределённым глаголом (1), во втором случае — инхоативная ситуация или ситуация с признаком финальной предельности (2). Кроме того, имена существительные в таких предложных группах обозначают понятия, обладающие пространственными характеристиками и доступные непосредственному зрительному восприятию. Ср. примеры, приводимые в автореферате:

- (1) *Da **steht** die Feuerwehr **vom Haus** und diese Schauspielerin **steht oben auf dem Fensterbrett** und will sich aus dem fünften Stock stürzen* (ibid.: 24).
- (2) *Wenn er dann im zweiten Stock [...] **vom Aufzug absprang**, war er heiter und gelassen* (ibid.: 21).

Оставаясь в русле отечественной германистики, О. В. Петрянина определяет локативность как периферийный сегмент функционально-семантического поля темпоральности в современном немецком языке и приходит к выводу о существовании слитного концепта ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ (ibid.: 5).

Глобальное осмысление проблема пространственных категорий получает в работе В. М. Савицкого (2007), который формулирует ее как *лингвистический континуум*, пронизывающий всю систему языка и охватывающий в качестве взаимосвязанных и частично пересекающихся категорий уровни языка, функционально-семантические поля, зоны, координаты и др.

Концептуальный подход осуществляется и в других сферах, например, при исследовании СПП (см. ниже 2.2.), а также при описании типичных немецких ландшафтов, составляющих неотъемлемую часть картины мира немецкого этноса. Межкатегориальное взаимодействие прослеживается в языковой репрезентации ландшафтов. Одним из характерных для немецкой

лингвокультуры оказывается концепт WALD. В его репрезентации интегрируются номинативные, словообразовательные и фразеологические категориальные компоненты (БЕСПАЛОВА 2016). Концептуальная семантика взаимодействует с номинативной категорией «топоним», что ведет к образованию топонимических номинаций, обозначающих горы, покрытые лесом: *Bayrischer, Böhmischer, Thüringer Wald* (ibid.: 172). В немецкой лингвокультуре для обозначения видов лесных массивов нередко используется словосложение; при этом взаимодействуют семантические категории общего и частного. Ср.: *Birkenwald, Buchenwald, Tannenwald* (ibid.: 168). При фразеологизации происходит ассоциативное взаимодействие разных концептов. Так, немецкий фразеологизм *einen ganzen Wald absägen*, дословно означающий ‘спилить целый лес’, в переносном смысле значит ‘храпеть’. При метафоризации совмещаются категориальные признаки концепта ЛЕС, имплицитующего признак ‘сфера деятельности человека (работающего пилой)’, и концепта СОН, который имплицитует факультативный признак ‘храп’. Перенос значения производится по сходству звуков (ibid.: 172-173).

2.2. Взаимодействие категорий в сложноподчиненном предложении

Исследование межкатегориального взаимодействия в диссертации Е. С. Гундаревой (2002), посвященной сложноподчиненному предложению с придаточным объектным (далее — СППО), продолжено в монографии (ГУНДАРЕВА, КОСТРОВА 2005), в которой синтаксическая форма СППО рассматривается с позиций лингвопрагматического анализа как форма косвенного высказывания. Косвенность понимается при этом в широком смысле не только как передача чужой речи, но и как выражение собственных или чужих мыслей и чувств. Здесь выявляется семантическое согласование между субъектом и предикатом главного предложения: субъект всегда антропоцентричен, выражен личным местоимением, существительным одушевленной семантики или заменяющим его названием какой-либо инстанции, а

предикат выражен глаголами говорения/слушания или имеет психоментальную семантику (ibid.: 110-115). Виды косвенности дифференцируются союзами и союзными словами: союзы вводят дескриптивную, а союзные слова — индексальную косвенность. Семантическая классификация субъектов, предикатов и средств связи выполняется в рамках когнитивистики, значение косвенности выводится из соответствующих речевых и психоментальных актов, что и в этом случае позволяет говорить о когнитивно-прагматическом подходе.

Следующим этапом развития теории СППО стал анализ этой структуры с позиций эвиденциальности. Толчок к этому повороту дало участие в работе международной исследовательской группы (*Arbeitskreis Modalität im Deutschen*), основанной в 1992 г. профессором Кельнского университета Х. Фатером (Heinz Vater) и профессором Бергенского университета (Норвегия) О. Лайрбуктом (Oddleif Leirbukt). С течением времени проблематика кружка расширилась и охватывает теперь изучение категориального взаимодействия аспектуальности — темпоральности — модальности в языках мира, в том числе в контрастивном аспекте.

Участие в работе кружка позволило по-новому взглянуть на накопленный опыт и аспирантские диссертации, выполненные в СГСПУ. Как выяснилось, мы во многом идем с зарубежными коллегами параллельными путями, используя, однако, разную терминологию, за которой стоят разные исследовательские школы и традиции. Именно за этим скрываются нередко трудности взаимопонимания. Исходя из этого, мы включили в нашу грамматику (АВЕРИНА, КОСТРОВА 2018) специальные разделы, посвященные межкультурному сравнению описываемых категорий в отечественной и зарубежной германистике.

Дальнейшая разработка проблемы эвиденциальности, отражена в статье (КОСТРОВА 2014), написанной по материалам доклада, прочитанного на конференции рабочей группы в Ганновере. В виду труднодоступности текста статьи для отечественного читателя, изложим ее основные положения.

Проблема эвиденциальности вызывает непрекращающиеся дискуссии, поскольку она прямо соотносится с авторством и достоверностью информации. Методологической основой получения новых результатов в указанной статье послужило различение понятий «источник информации» и «источник эвидентности». Информация создается лицом, передающим ее, а эвидентность относится к реальности воспринимаемого факта или события. Источник эвидентности становится информацией, когда кто-то осознает его как субъект мысли, которая может быть передана. При этом одно и то же эвидентное событие может быть по-разному интерпретировано разными людьми. Исходя из этого, эвиденциальность понимается как категория, обозначающая модальное отношение между эвидентным объектом, лицом, создающим информацию об этом, и, в случае передачи этой информации, коммуникативным партнером. В отличие от Р. О. Якобсона (1972) предлагается акцентировать не тему сообщения, а лицо, создающее информацию. Изменение акцента требует вовлечения в исследование теории речевых актов.

Существенным отличием предлагаемого подхода, определяемого как когнитивно-прагматический, состоит в том, что мы дифференцируем не прямой и косвенный доступ к эвидентности, как это сделано в работах (ПЛУНГЯН 2011; КОЗИНЦЕВА 2007: 15). Важным для нас является контраст между *осознанием воспринятого эвидентного объекта* и *сообщением об этом*. Различие выражается семантикой глагола в главном предложении, обозначающим либо мышление или эвоцирование как внутренние процессы, либо производимый речевой акт. Глаголы говорения и восприятия нередко расцениваются как маркеры эвиденциальности (AIKHENVALD 2006). На наш взгляд, они обозначают *канал передачи или осознания информации* (KOSTROVA 2014: 314-315).

В статье показано, что ядерным компонентом, с помощью которого выражается отношение эвиденциальности в немецком языке, является СППО. Эта синтаксическая структура представ-

ляет прототип эвиденциальности, поскольку в ней эксплицированы все ее элементы: трансферируемые события или факты обозначаются придаточным предложением, факт передачи или осознания информации выражается матричным предикатом с психоментальной семантикой или с семантикой говорения, антропоцентричный субъект главного предложения гарантирует либо трансфер информации, либо ее осознание (ibid.: 334-335).

В отличие от имеющихся исследований принимается во внимание направление информационного потока, которое обозначается лексической семантикой матричного предиката. Глаголы говорения указывают на то, что информация исходит от говорящего; глаголы восприятия и размышления сигнализируют о том, что информационный поток направлен извне вовнутрь, либо извлекается из внутреннего мира. Таким образом, лексическая семантика матричного предиката имплицитно располагает источник информации и различает саморефлексию и внешнюю эвидентность (ibid.).

При исследовании СПП с придаточными субъектными (АМИНЕВА 2005) выявлено взаимодействие категорий, связанное с релевантностью обозначения ситуативного референта в функции предмета мысли. Взаимосвязанными оказываются: средства введения придаточного предложения (союз или местоимение в функции союзного слова), способ обозначения ситуации (дескриптивность или индексальность) и модальность фактивности или неопределенности. Кроме того, функционирование этого вида СПП зависит от регистра речи (см. ниже 2.6.). Ср. следующие примеры из автореферата Т. А. Аминовой:

- (3) *Gequält hat mich, dass wir Julia die Geborgenheit verweigerten* (ibid.: 12).
- (4) *Was ich schmecke, macht mir keine Freude mehr* (ibid.: 14).

С другой установкой развивает теорию СПП Т. В. Бурдаева (2020). Автора интересует функционирование этой синтаксической единицы в научно-техническом тексте. В указанной моно-

графии СПП характеризуется как синтаксический концепт, представленный набором прототипических моделей, в которых интегрируется пропозитивная семантика и коммуникативно-прагматический ситуативный аспект (ibid.: 117). Автор описывает базовые и периферийные концепты атрибутивности, субъектности, объектности, каузальности, кондициональности и прецизированнойности, располагая их в порядке убывающей частотности в научно-техническом тексте (ibid.: 120-161).

2.3. Взаимодействие категорий на уровне лингвокультуры: феномен прецедентности

Когнитивный потенциал личности реализуют прецедентные имена собственные, исследование которых проведено в диссертации Ю. А. Блиновой (БЛИНОВА 2007). Интерпретация этих имен требует обращения к универсальному и этноспецифическому культурному фонду.

«Метафорические и метонимические употребления прецедентных имен собственных, образные сравнения с этими именами формируют на основании культурного опыта категории, структурирующие мышление в виде концептов и оценочных стереотипов в рамках определенной лингвокультуры или глобально» (ibid.: 5).

Так, название автобиографического произведения И. В. Гете *Dichtung und Wahrheit* используется в газетном тексте в качестве заголовка статьи о технических проблемах уплотнителей. При этом происходит двойная актуализация значения омонимов существительного *Dichtung*, которое означает не только 'поэзия', но и 'уплотнение'. Соположение семантики этих омонимов создает языковую игру (ibid.: 11). Языковая игра — прием, требующий определенного уровня образования для ее понимания, — типичен для немецкой лингвокультуры. В цитируемой Ю. А. Блиновой статье когнитивный прием используется в прагматической функции создания проблемной ситуации с уплотнителями, которые на самом деле ('in Wahrheit') не являются плотными.

Когнитивная функция прецедентных имен реализуется также при их полной или частичной фразеологизации. Многие

названия художественных произведений, песен, фильмов используются журналистами метафорически, т. е. фактически фразеологизируются, имплицитно оценивая, как правило, негативную. Среди таких названий Ю. А. Блинова приводит такие как *Götterdämmerung* 'сумерки богов', *Good bye, Lenin* и др. (ibid.: 17). Таким образом, прецедентные имена и названия, интегрируя познавательные и оценочные категории, выполняют в газетном тексте когнитивно-прагматические функции. Оценочная функция реализуется и в художественных текстах (БЛИНОВА 2018).

2.4. Взаимодействие категорий в речевых актах

Исследование речевых актов связывается в монографии О. В. Адоевской (2009) с теорией поля. Семантика глаголов говорения и восприятия информации увязывается с направлением информационного потока от адресанта к адресату и формированием пространства непосредственной коммуникации. В свою очередь, в семантике глаголов учитывается словообразование: значение направительных приставок и отделяемых наречных компонентов. В немецкой лингвокультуре отделяемые компоненты имеют специфический характер, что придает взаимодействию категорий дополнительный лингвокультурный оттенок. Кроме того, здесь обнаруживается взаимосвязь семантико-словообразовательных и речеактовых категорий, что позволяет выделить особый тип функционально-прагматического поля, охватывающего пространство непосредственной коммуникации. Когнитивный аспект представляет формат знания о способах передачи и восприятия информации; при этом имеется в виду передача и восприятие не только звуковой, но и зрительной информации, т. е. взаимодействие разных семантических групп глаголов в специфических условиях коммуникации. Прагматический аспект включает пространственные характеристики речевого акта, а именно, взаимное расположение коммуникантов и ограничение пространства расстоянием от адресанта до адресата, которое обеспечивает достижимость информации.

Речеактовая проблематика развивается в монографии

А. В. Антоновой (2011) в системно-реципиентоцентрический подход, с помощью которого анализируются средства речевого манипулирования в политическом дискурсе. Подход, применяемый в монографии, можно расценивать как разновидность когнитивно-прагматического. Лингвокогнитивный, прагматически направленный анализ необходим для определения структуры манипулятивной интенции и мишеней манипуляции коллективным реципиентом в предвыборном дискурсе Великобритании.

2.5. Взаимодействие категорий в жанрах речи

Практически неограниченные возможности для исследования взаимодействия категорий представляет жанр речи. Могут взаимодействовать между собой и отдельные жанры. К переходному жанру относится, например, нарративное интервью (ЛАПШИНА 2008). Переходный характер этого типа интервью заключается в том, что в нем запрещены прямые вопросы и побуждения, что сближает его с жанром беседы. Чтобы достичь своей цели и «разговорить» респондента, интервьюер вынужден прибегать к скрытым побуждениям. А. Ю. Лапшина выявляет языковые средства, выполняющие в неявном виде функцию побуждения. Кроме известного в этой функции косвенного вопроса здесь используется, в частности, перефразирование высказывания респондента, что побуждает последнего высказаться подробнее. Тем самым интервьюер неявно управляет ходом беседы, осуществляя контроль тематического развертывания (*ibid.*: 9). К другим средствам неявного управления автор относит закрытые вопросы, метакоммуникативные комментарии и сигналы обратной связи (*ibid.*: 5). Таким образом, для осуществления прагматической функции управления используются когнитивные категории синтаксического перефразирования, прагмастилистики и метакоммуникации.

В жанре рекламы взаимодействие категорий охватывает вербальный и невербальный аспекты. Все возрастающая роль рекламы в жизни современного человека влечет за собой повышенный интерес к интерпретации рекламных текстов. В диссертации Ю. О. Веревкиной (2010) рекламный текст рассматривается как

поликодовый, интерпретация которого осуществляется в рамках герменевтического подхода. Герменевтика обеспечивает возможность анализа вербального и визуального коммуникативных кодов как единого целого. Совокупность визуально-образного, вербально-информативного и вербально-образного кодов создает мифологический образ торговой марки, ставя перед получателем рекламы когнитивную задачу расшифровки этого образа в плане его соответствия прагматическим целям рекламодателя.

К синтетическому жанру можно отнести так называемые креолизованные тексты (Кулинич и др. 2017). Сам термин «креолизованный текст» вызывает возражения, поскольку вербальный текст составляет только часть подразумеваемого семиотически осложненного негомогенного единства. Опуская терминологическую неоднозначность, следует признать, что в этом жанре прагматика реализуется в визуально-иллюстративном компоненте, а когнитивный компонент охватывает сферы юмора, как в карикатуре, комедийном сериале или лимерике, а также сферы рекламы, эпистолярного и песенного жанров.

2.6. Уровень регистровой связанности

Регистрово-связанный подход к анализу функционирования языковых единиц осуществлен в (Кострова 2004; 2012). Подход предполагает описание взаимодействия категорий разного уровня в условиях их функционирования в дистантном, контактном и переходном коммуникативных регистрах. Феномен регистровой связанности представляет теоретический фундамент принципа когнитивно-прагматического ситуирования, который, в свою очередь, служит основой когнитивно-прагматического моделирования синтаксических единиц (Кострова, Собчакова 2011: 79-95).

2.7. Дидактический уровень

Современный уровень преподавания грамматики немецкого языка как иностранного требует обращения к лингвокогнитивным понятиям, развивающим мышление обучаемых. В отечественной дидактической литературе по германистике представ-

лены фундаментальные абстрактные понятийные концепты, такие как «грамматическая категория» и «грамматическое значение». Сравнение с учебниками грамматики немецких авторов показывает, что такие концепты в них, как правило, отсутствуют (KOSTROVA 2017).

Сотрудничество с польскими германистами показало необходимость создания учебника грамматики немецкого языка для славян. Когнитивно-прагматический подход позволит объяснять грамматические закономерности изучаемого языка, исходя из различий концептуальных систем в славянских и германских культурах (KOSTROVA, ПРОКОР 2019).

3. Итоги и перспективы

Теоретическое осмысление исследований взаимодействия категорий приводит к заключению, что когнитивная прагматика пронизывает все семантически значимые уровни языковой системы и речевого функционирования. Феномен разноуровневого категориального взаимодействия представляет собой языково-речевую универсалию, существование которой особенно наглядно проявляется при использовании когнитивно-прагматического подхода. Экспликация этого подхода позволяет выявить методологический инвариант, лежащий в основе многих современных исследований, в том числе проводимых в лингвистической школе Самарского государственного социально-педагогического университета.

Перспективы исследований в этом направлении охватывают широкий спектр изучения этнокультурной специфики функционирования взаимодействующих философских, языковых, литературоведческих, ментально-психологических и культурологических категорий.

© Кострова О. А.

1.3. ФРЕЙМОВАЯ СЕМАНТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА ЗНАЧЕНИЯ В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

1. Постановка проблемы и методология исследования

Искусственный интеллект представляет собой систему, оперирующую знаниями о предметной области. Для формализации и представления знаний разрабатываются различные модели, выделяются различные типы знаний. Особую сложность представляют собой процедурные знания, касающиеся интенционального аспекта значения речевого акта.

Модели представления знаний рассматриваются в исследованиях по искусственному интеллекту в рамках прагматического направления. Это дает основания обратить внимание на достижения современной лингвистической прагматики, изучающей интенциональный аспект значения, опираясь на достижения многих смежных наук.

Одной из методологий, возникшей в рамках когнитивной лингвистики, выступает фреймовая семантика (J. Andor, T. A. van Dijk, C. J. Fillmore, J. A. Fodor, S. J. Gruber, G. Harras, Th. R. Hofmann, R. W. Langacker, M. Mynsky, R. C. Schank, B. Katz, В. А. Звегинцев и др.). Моделирование фреймов интенционального значения речевых актов подробно раскрывается в работах (НИКОНОВА 2006; 2007) и др.

Фрейм признается исследователями универсальной категорией, объединяющей разнообразные знания человека, его опыт и характеризующейся максимальной формализованностью и энциклопедичностью. В противоположность простому набору ассоциаций, фреймы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию и дают ключ к раскрытию механизмов концептуализации не только вербализованных понятий, но и референтной ситуации общения.

Такой подход к рассмотрению акта коммуникации стал возможным в современной когнитивной лингвистике благодаря тому, что

«знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику представления знания о мире и языке, нашло свое отражение в признании языковедами особого формата его единиц — классификационных фреймов, которые, в отличие, от ситуативных, или событийных, фреймов ориентированы не на внешний мир, а на систему языка» (БОЛДЫРЕВ 2009: 99).

Фрейм речевого акта представляется в данной связи как концепт в лингвокогнитивном аспекте. Его моделирование и семантическая детерминация направлены на выявление смысловых компонентов плана содержания интенционального аспекта значения речевого акта и их репрезентации в дискурсе.

Связь концептуальных смыслов фрейма речевого акта и компонентов его значения при актуализации в дискурсе четко прослеживается в следующем определении фрейма:

Фрейм, являясь принципом репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяет область когнитивного и языкового в процессе вербализации интенционального смысла, смыкаясь смысловыми узлами схемы с соответствующими компонентами значения семантической единицы или пропозициональной структуры языка, актуализирующей соотносимый с нею фрейм в сознании носителей языка (НИКОНОВА 2007).

Подобная «атомарная», схемная структура фрейма позволяет наглядно представить процесс вербализации любого языкового феномена, в том числе и речевого акта. Отметим при этом, что фрейм речевого акта включает совокупность всех концептуальных смыслов, формирующих смысловой каркас актуализируемого речевого акта и его вербального произведения. Объемная ментальная единица «подготавливается» таким образом к процессу материализации через линейную одномерную вербальную структуру. Выделение в концептуальном пространстве вербализуемого речевого акта смысловых компонентов можно сравнить с процессом выделения

минимальных концептуальных составляющих как «атомов» фрейма. Их совокупность образует фреймовую «атомарную решетку» — смысловой каркас вербализуемого концептуального содержания, который является набором задаваемых референтной ситуацией типовых признаков, т. е. того, что отличает в сознании носителя языка представление именно этой ситуации или конкретного денотата от другой/другого, и который закрепляется через соотношение с определенной единицей языкового тезауруса в сознании носителя языка как опыт концептуализации референтной ситуации.

Фрейм речевого акта выступает при этом в двух ипостасях: во-первых, как статичный фрейм, слоты которого соотносятся на парадигматическом уровне языка с компонентами семантической структуры номинатора типа речевого акта в конкретном языке, и, во-вторых, как динамичный фрейм, который разворачивается при его вербализации на синтагматическом уровне на основе инвариантной структуры речевого акта и который имеет свой вербальный коррелят в виде дискурса.

Данный факт отличает фрейм речевого акта от других типов языковых фреймов, так как в статичном представлении он соотносится с прагматическим значением номинатора типа речевого акта, а в динамичном представлении — с акторечевым значением речевого произведения.

Акторечевое значение понимается в связи с этим как иллокутивно-пропозициональная структура речевого произведения, объединяющая значение пропозиции и значение иллокутивной функции речевого акта (AUSTIN 1973; BACH 1975; BALLMER 1979; LEECH 1983; MEIBAUER 1999; OSSNER 1985; SEARLE 1969; 1971; 1975A; 1975B; 1979; 1982; SEARLE, VANDERVEKEN 1985). Пропозиция включает значения, имеющие денотативную и сигнификативную природу. Значение иллокутивной функции указывает на совершение перформативного действия определенного типа по отношению к заданной пропозиции. Семантический аспект ин-

тенционального аспекта речевого акта представлен компонентами лексического значения его номинатора — перформативного глагола в форме 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения активного залога несовершенного вида, репрезентирующего эквиакциональность речевого акта. Данное категориальное значение получает в речевом акте детерминацию не только через значение интенциональности, но и зависимой от него пропозитивности. Интенциональность речевого акта детерминирует его перформативность, в свою очередь, через эквиакциональность и интеракциональность акта коммуникации. Эквиакциональность, константными признаками которой как атрибута речевого действия следует признать автореферентность, эквипоральность и неверифицируемость речевого акта, получает номинацию через перформативный глагол, лексическое значение которого рассматривается при этом сквозь призму процесса языковой категоризации говорящим интенционального смысла, выражаемого в конкретном речевом акте. При этом выбор формы вербальной репрезентации интенционального смысла речевого акта предопределяется его интеракциональным аспектом и зависит от того фактора речевого контекста, который попадает в фокус внимания говорящего. Дальнейшую детерминацию интеракциональный аспект речевого акта получает, исходя из самого понятия речевого акта, через компоненты акторечевого значения «направленность речевого акта» и «отношение эмитента», реализующие модальный план пропозиции акта коммуникации.

Основываясь на опыте представления категориального плана коммуникативно-грамматических категорий в традиционной лингвистике, можно утверждать, что первый компонент реализуется в дискурсе посредством уточнения значения направленности речевого акта через подчиненные компоненты «направленность речевого акта на лицо» (который в последующем может конкретизироваться через более детальные компоненты значения «конкретное лицо», «обобщенное лицо», «совокупное лицо», а также

«неопределенно-личное», «безличное» значения и т. д.) и «направленность на ситуацию» (который также получает детерминацию от возможных социальных, психологических и прочих параметров, относящихся к говорящему).

Другой компонент интеракционального аспекта интенциональности речевого акта — «отношение эмитента» — получает конкретизацию через подчиненные компоненты значения «отношение к высказыванию», «отношение к реципиенту», «отношение к третьему лицу», «взаимоотношения с реципиентом», «взаимоотношения с третьим лицом» и т. д.

Детерминация компонента «взаимоотношения с реципиентом» предопределяет, в свою очередь, появление таких субкатегориальных компонентов акторечевого значения, как «стилевой регистр осуществления перформативного действия» и «оценка взаимоотношений с реципиентом», первый из которых напрямую влияет на выбор стиля и коммуникативной формы речевого акта в зависимости от таких уточняющих это значение компонентов внешней и внутренней структуры речевого акта, как социальный фактор, психологический фактор, этнокультурный фактор и т. п.

Выявление и описание многих компонентов акторечевого значения невозможно без учета параметров речевой ситуации и фоновых знаний участников коммуникации, зафиксированных во фрейме речевого акта. В плане содержательного объема фреймы речевых актов, выступающие в их семантико-прагматическом аспекте как совокупность языковых средств, активирующих в сознании носителя языка некий сценарий коммуникативного взаимодействия, рассматриваются некоторыми современными исследователями как лингвокультурные концепты, получающие вербальную репрезентацию посредством разноуровневых языковых единиц (ЕВТУШЕНКО 2006: 3), и отражающие этнокультурную специфику мировосприятия носителей языка. Они входят в концептуальную область, соотносимую с менталитетом нации как множеством ее когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов.

Говоря о представлении семантического пространства интенционального аспекта значения речевого акта посредством фреймового моделирования, обратим внимание не только на процессы «хранения» знаний о видах и типах речевых актов в языковом сознании носителей языка, но и на процессы языковой категоризации при осуществлении речевого акта, имеющие национально обусловленный характер и объясняющие выбор носителем языка конвенциональных языковых средств для выражения в речевом акте заданных конкретных прагматических значений. Они передаются, в свою очередь, совокупностью языковых значений других категориальных уровней — логических, морфологических, синтаксических, стилистических, фразеологических. Получается разветвленная сеть языковых значений, построенная на основе самых минимальных значений (морфологических) посредством их сцепления в единую (максимально возможную для выражения заданного прагматического смысла) форму, наделяемую в акте коммуникации иллокутивной силой, исходящей только от носителя языка как субъекта речевого действия. Степень реализации иллокутивной силы зависит при этом от соблюдения конвенциональных норм общения в плане языковых и прагматических компетенций говорящего, с одной стороны, и личностных характеристик говорящего, с другой.

2. Фреймовое моделирование семантического пространства интенционального аспекта значения речевого акта

Покажем основные принципы фреймового моделирования семантического пространства интенционального аспекта значения речевого акта на примере поздравления («Gratulieren») в современном немецком языке.

Выбор автора в пользу данного примера объясняется тем, что даже на этапе определения номинатора данного типа речевого акта, объективирующего в системе современного немецкого языка фрейм хранения знаний о референтной ситуации общения, имеются неоднозначные сведения. Их детальный анализ наглядно по-

кажет процесс моделирования инвариантной фреймовой структуры речевого акта в системе языка и специфику анализируемого лингвокультурного феномена.

Выявление номинатора вида (типа) речевого акта осуществляется на основе сплошной выборки из лексикографических источников глагольных лексем, служащих для обозначения данного речевого акта в системе языка.

В результате данной процедуры в отношении речевого акта поздравления в современном немецком языке удалось установить, что для обозначения речевого акта «поздравление» в современном немецком языке существует две глагольные лексемы. На роль номинатора речевого акта «поздравление» претендуют два перформатива — *gratulieren* и *beglückwünschen*. При этом простое сравнение данных словарных дефиниций не дает основания для разграничения анализируемых лексем и выделения среди них номинатора типа речевого акта «поздравление» в современном немецком языке.

В толковом словаре современного немецкого языка *Duden Universalwörterbuch* (DUW) по отношению к указанным лексемам приводятся следующие словарные статьи:

gratulieren — «jemandem zu einem besonderen Anlass seine Mitfreude ausdrücken» (выразить кому-либо свою радость по поводу особого случая);

beglückwünschen — «jemandem seine Anerkennung ausdrücken, jemandem Glück wünschen» (выразить кому-либо свое признание, пожелать кому-либо счастья) (DUW 1996: 122, 310).

В большинстве других лексикографических изданий значения лексем *gratulieren* и *beglückwünschen* представляются тождественными и взаимозаменяемыми, например: *gratulieren* — «seine Glückwünsche aussprechen, Glück wünschen, jemanden beglückwünschen»; *beglückwünschen* — «jemandem zu etwas gratulieren» (*gratulieren* = *beglückwünschen* — выразить свои пожелания счастья, пожелать счастья). Однако несмотря на то, что лексемы *gratulieren* и *beglückwünschen* пред-

ставляются, на первый взгляд, равнозначными, анализ практического материала показывает, что они по-разному выражают интенциональный аспект значения речевого акта.

Прежде всего, укажем на тот факт, что, выступая в поверхностной структуре речевого акта, перформатив *beglückwünschen* имеет коннотативные характеристики, демонстрирующие высокий стиль общения и заключающиеся, в частности, в указании на подчеркнутую вежливость высказывания и его сугубо официальный характер. В этой связи приведем пример употребления глагола *beglückwünschen* в речевой ситуации поздравления:

Der Deutsche Fachjournalisten-Verband zeichnete Rudolf Schulze, seit 20 Jahren Chefredakteur der VDI Nachrichten, mit dem Deutschen Fachjournalisten-Preis 2007 aus. Der Berliner Senator für Wissenschaft und Bildung, Jürgen Zöllner, würdigte Schulze in seiner Laudatio: „Sie haben sich um die Vermittlung von Wissen und Technik außerordentliche Verdienste erworben. Ich *beglückwünsche* Sie zu Ihrem Preis und wünsche, dass Sie mit Ihrem Team Ihr Engagement in gewohnt gekannter Manier fortsetzen“¹.

В данном примере глагол *beglückwünschen* находит эксплицитное выражение в поверхностной структуре высказывания и акцентирует, тем самым, внимание на высоком стиле общения. В частности, поздравление носит строго официальный характер, поскольку эмитентом выступает представитель правящих структур государства, а присуждаемая реципиенту премия профессиональных журналистов представляет большую ценность в журналистике.

В отличие от глагола *beglückwünschen*, экспликация перформатива *gratulieren* для выражения коммуникативной интенции поздравления в поверхностной структуре речевого акта, напротив, не приводит к появлению каких-либо коннотативных значений.

Чтобы выяснить соотношение понятийных сфер данных глагольных лексем, проведем компонентный анализ их значения:

¹ VDI Nachrichten, 12.10.2007.

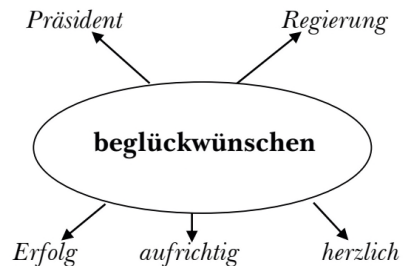
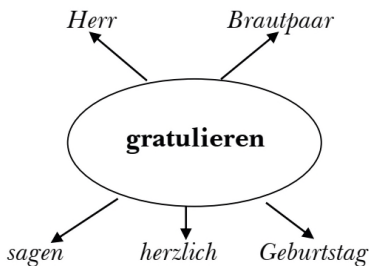
Gratulieren (поздравить)

1. Sprachliches Handeln
2. Beeinflussen der Gefühle
3. Ausdruck *der Mitfreude und des Glückwunsches*
4. Zu einem Anlass im Leben des Rezipienten

Beglückwünschen (поздравить)

1. Sprachliches Handeln
2. Beeinflussen der Gefühle
3. Ausdruck *des Glückwunsches*
4. Zu einem Anlass im Leben des Rezipienten
5. *Im hohen Stil*

В электронном словаре немецкого языка XX в. (DWDS) приводятся, например, следующие потенциальные языковые окружения, характерные для глаголов *gratulieren* и *beglückwünschen*:

Очевидно, что семантическая сфера перформатива *gratulieren* является более широкой в плане номинации коммуникативной ситуации поздравления в немецком языке, чем семантическая сфера перформатива *beglückwünschen*. Кроме того, как уже указывалось выше, глагол *beglückwünschen* имеет в своей семантической структуре коннотативный компонент значения «im hohen Stil», который свидетельствует о том, что данный перформатив не может выступать семантическим фокусом речевого акта в его глубинной структуре.

Проводя трансформационный анализ различных контекстов, реализующих иллокутивную функцию поздравления в немецком языке, приходим к выводу о том, что семантическим фокусом перформативности при совершении речевого акта анализируемого типа является перформатив *gratulieren* в его глубинной структуре (ГС), например:

а) Gratulation zum Neujahr!

ГС: Ich gratuliere Dir zum Neujahr.

б) Herzlichen Glückwunsch zum 30!

ГС: Ich gratuliere Dir zum 30.

в) Ich gratuliere Dir zum Geburtstag!

ГС: Ich gratuliere: Dir zum Geburtstag.

г) Ich beglückwünsche Sie zu dieser Entscheidung!

ГС: Ich gratuliere Ihnen zu dieser Entscheidung.

Несмотря на различия в вербальной реализации поверхностной структуры высказываний, данные речевые акты представляют собой тип речевого акта «Gratulieren», их форма выражения соотносится в глубинной структуре речевого акта с перформативом *gratulieren*. Свое эксплицитное выражение перформатив *gratulieren* находит только в примере в), где он выступает как в поверхностной, так и в глубинной структуре высказывания. В примере а) основной лексемой, выделяющей концепт «поздравление» в поверхностной структуре высказывания, является существительное *Gratulation*. В примере б) поздравление выражено словосочетанием «Herzlichen Glückwunsch», имеющим клишированный характер. В примере г) эксплицитное выражение находит глагол *beglückwünschen*, несущий дополнительные коннотативные характеристики, заключающиеся в данном случае в подчеркивании значимости решения, принятого реципиентом, и особой вежливости, демонстрируемой со стороны эмитента.

Из представленных речевых актов поздравлений в поверхностной структуре примеров б) и г) можно выделить компонент «пожелать счастья» («herzlichen Glückwunsch, ich beglückwünsche»), характерный для понятийного содержания глагола *beglückwünschen*. Однако в глубинной структуре данные речевые акты все-таки номинируются перформативным глаголом *gratulieren*, который, кроме компонента «выразить радость» («Mitfreude ausdrücken»), включает компонент «пожелать счастья» («Glück wünschen»).

Таким образом, основываясь на результатах компонентного и трансформационного анализа примеров, содержащих перформативы *gratulieren* и *beglückwünschen*, приходим к выводу, что статус номинатора речевого акта «поздравление» в немецком языке имеет перформатив *gratulieren*. Коннотативное назначение перформатива *beglückwünschen* свидетельствует о том, что данный глагол может выступать лишь в нарративном употреблении (например: *Er beglückwünscht den Mann zu seinem Erfolg*).

Коммуникативную ситуацию поздравления в рамках немецкой лингвокультуры, исходя из анализа компонентов семантической структуры перформативов *gratulieren* и *beglückwünschen*, можно описать следующим образом: эмитент вступает в речевой контакт с реципиентом с целью дать ему понять о своем желании выразить ему свою радость по случаю того или иного позитивного события в его жизни, показав соучастие, желая ему что-либо хорошее.

Анализ семантических ролей, заложенных в семантической сфере перформатива *gratulieren*, показывает, что основными концептуальными смыслами, формирующими понятийную сферу «Gratulieren», являются: эмитент (Ich), выражение радости/пожелания (*drücke Mitfreude/Glückwünsche aus*), реципиент (Dir/Ihnen), повод поздравления (*Zu dem Anlass*). При этом очевидно, что данные концептуальные смыслы могут находить различное языковое выражение в дискурсе.

В соответствии с составом компонентов значения номинатора речевого акта поздравления в немецком языке, а также семантических ролей, заложенных в его семантической структуре, и его валентных свойств мы можем вывести перформативную формулу речевого акта «Gratulieren», присутствующую в глубинной структуре любого речевого произведения акта поздравления на немецком языке: *Ich gratuliere Dir/Ihnen zu dem Anlass — Я поздравляю Тебя/Вас по поводу = Ich weiß, dass Du/Sie ein positives Ereignis in Deinem/Ihrem Leben hast/haben, ich will Dir/Ihnen meine Teilnahme zeigen und zu dem Anlass gratulieren, deshalb drücke ich hiermit meine Mitfreude und Glückwünsche aus / Я знаю о*

позитивном событии в Твоей/Вашей жизни, хочу показать Тебе/Вам свое участие и поздравить по этому поводу, выражая свою радость и пожелания счастья.

Данная перформативная формула позволяет идентифицировать речевой акт «Gratulieren» вне зависимости от того, является ли языковым коррелятом речевого акта отдельное высказывание или продолжительный по времени реализации текст/дискурс, однократно реализующий заданную коммуникативную интенцию. Для иллюстрации сказанного рассмотрим примеры актуализации речевого акта поздравления в немецкоязычном дискурсе:

а) „Frohe Weihnachten!“

б) „Frohes Fest und Gutes Neues Jahr wünscht Dir, liebe Stefanie, die ganze Familie Romi“ (из поздравительной открытки).

в) „Liebe Roswitha! Als du vor fünf Jahren deine Boutique eröffnetes, hätte ich nie geglaubt, dass du einmal eine so erfolgreiche Geschäftsfrau werden würdest. Wie freue ich mich heute für dich, dass ich mich damals irrte ... Viel Glück für die Zukunft und auch weiterhin einen „goldenen Riecher“ für gute Geschäfte wünscht dir in Freundschaft deine Bärbel“ (ZACKER 2004: 211).

Поздравление а) представлено отдельным высказыванием — прагматическим клише. Поздравление б) представлено в виде развернутого высказывания, в структуре которого появляется дополнительный микроречевой акт обращения (liebe Stefanie), подчиненный основной дискурсивной интенции поздравления.

Текст в) демонстрирует определенную последовательность микроречевых актов, совокупность которых реализует интенцию поздравления. В данном речевом акте выделяются микроречевые акты обращения (Liebe Roswitha!), сообщения (декодируемые как таковые в глубинной структуре высказываний Als du vor fünf Jahren deine Boutique eröffnetest, hätte ich nie geglaubt, dass du einmal eine so erfolgreiche Geschäftsfrau werden würdest. Wie freue ich mich heute für dich, dass ich mich damals irrte), пожелания (Viel Glück für die Zukunft und auch weiterhin einen „goldenen Riecher“ für gute Geschäfte wünscht dir in Freundschaft), автономинации

(deine Bärbel). Наличие в структуре текста представленных смысловых компонентов свидетельствует о совершении речевого акта «Gratulieren», который объективируется в глубинной структуре дискурса посредством перформатива *gratulieren*. Такое взаимодействие простых речевых актов в дискурсивном пространстве соответствует принятым социокультурным нормам этикета для осуществления речевых действий подобного типа.

Как показали данные примеры, речевой акт «Gratulieren», ограниченный рамками реализации акторечевого значения, может иметь различную продолжительность в дискурсе. При этом выявление иллокутивной функции «поздравлять» осуществляется за счет семантических компонентов перформатива-номинатора *gratulieren* в глубинной структуре вербального коррелята речевого акта.

Выявленная перформативная формула речевого акта «Gratulieren» демонстрирует константную совокупность концептуальных смыслов, необходимых для идентификации исследуемого речевого акта в языковом сознании носителей немецкого языка. Данная совокупность концептуальных смыслов представляет собой инвариантную фреймовую структуру речевого акта «Gratulieren», отражающую типовой сценарий речевого взаимодействия носителей немецкого языка в коммуникативной ситуации поздравления.

Вершинными слотами фрейма речевого акта «Gratulieren» обозначим концептуальные смыслы *Gratulieren/Mitfreude ausdrücken* и *Beglückwünschen / (Glück) wünschen*, причем концептуальное пространство слота *Beglückwünschen / (Glück) wünschen* является, как было выявлено выше, составляющей частью концептуального пространства слота *Gratulieren / Mitfreude ausdrücken*. Вершинные узлы, как показывают результаты анализа практического материала, всегда имеют эксплицитную или имплицитную вербальную реализацию либо в виде отдельного высказывания, либо в виде текста/дискурса, например:

а) Frohe Weihnachten und ein gutes Neues Jahr wünscht Familie Ellwanger (из поздравительной открытки).

В данном речевом акте поздравления, представленном отдельным высказыванием, эксплицитную вербализацию в дискурсе находит вершинный слот фрейма *Beglückwünschen / (Glück) wünschen* (Frohe Weihnachten und ein gutes Neues Jahr wünscht). Глубинная структура речевого акта выглядит как: Ich (Familie Ellwanger) gratuliere Ihnen zum Weihnachten und Neuem Jahr (und drücke hiermit meine Teilnahme und Glückwünsche aus).

Для сравнения приведем другие примеры речевого акта поздравления:

б) Liebe Ur-Omi Erna, wir wünschen Dir alles Gute zum Geburtstag und noch viele glückliche, frohe und gesunde Jahre mit uns. Deine Alexia und Maike sowie die Happy Family.²

В данном примере актуализации речевого акта «Gratulieren» также эксплицируется вершинный узел *Beglückwünschen / (Glück) wünschen* (wünschen alles Gute, viele glückliche, frohe und gesunde Jahre). Глубинная структура речевого акта представляется как Ich (Alexia, Maike, die Familie) gratuliere Dir (Ur-Omi Erna) zum Geburtstag (und drücke hiermit meine Teilnahme und Glückwünsche aus).

в) Liebe Erika, zum Fest der heiligen Kommunion gratulieren wir dir ganz herzlich. In deiner Vorbereitung hast du erfahren, dass du nun unseren Herrn in Form von Brot und Wein empfangen darfst und ihm so ein Stückchen näher rückst. Es ist ein großer Tag für einen gläubigen Menschen, und ich wünsche dir, dass du ihn mit deiner Familie und Freunden feiern wirst. Möge Gott dich auch weiterhin auf allen deinen Wegen begleiten und beschützen. Deine Tante Mathilde (ZACKER 2004: 153).

Представленный пример речевого акта «Gratulieren» репрезентирует эксплицитную вербализацию вершинных слотов Gra-

² *Mannheimer Morgen*, 06.04.2008.

tulieren / Mitfreude ausdrücken (gratulieren ganz herzlich) и Beglückwünschen / (Glück) wünschen (wünsche, dass du ihn mit deiner Familie und Freunden feiern wirst, möge Gott dich auch weiterhin auf allen deinen Wegen begleiten und beschützen). Глубинная структура речевого акта соответствует формуле: Ich (Tante Mathilde) gratuliere Dir (Erika) zum Fest der heiligen Kommunion (und drücke hiermit meine Teilnahme und Glückwünsche aus).

r) Du hast es geschafft! Jetzt haben wir tatsächlich eine Doktorin in der Familie. Ich freue mich für dich (СМС-поздравление).

Данный речевой акт представляет собой случай имплицитной вербализации вершинных узлов фрейма речевого акта «Gratulieren». В поверхностной структуре высказываний, совокупность которых составляет текст поздравления, мы не обнаруживаем эксплицитного выражения компонентов коммуникативной ситуации поздравления *Gratulieren / Mitfreude ausdrücken* и *Beglückwünschen / (Glück) wünschen*. Единственным концептуальным смыслом, отсылающим нас к речевому акту «Gratulieren», выступает компонент *Wozu? / zu dem Anlass* (повод для поздравления), выраженный высказыванием *Jetzt haben wir tatsächlich eine Doktorin in der Familie*. Будучи не выраженными в поверхностной структуре речевого акта, основные компоненты коммуникативной ситуации поздравления *Gratulieren / Mitfreude ausdrücken* и *Beglückwünschen / (Glück) wünschen* так же, как и смыслы, обозначающие эмитента и реципиента, выражены имплицитно в глубинной структуре речевого акта и заложены в перформативной формуле конкретного речевого акта: *Ich (Jana) gratuliere Dir (Helga) zum Abschluss Deines Medizinstudiums (und drücke hiermit meine Mitfreude und Glückwünsche aus)*.

Кроме вербальной реализации вершинных узлов в описанных примерах мы можем наблюдать также вербализацию концептуальных смыслов *Wer?/Ich (Familie Ellwanger; Alexia, Maike, die Familie; Tante Mathilde; Jana)*, *Wem?/Dir (Ur-Omi Erna; Erika; Helga)* и

Wozu?/zu dem Anlass (zum Weihnachten und Neuem Jahr; zum Geburtstag; zum Fest der heiligen Kommunion; zum Diplom der Doktorin der Medizin), составляющих *инвариантные терминальные слоты*.

Терминальные узлы фрейма не всегда реализуются в дискурсе, но всегда подразумеваются (например, в поздравлении а) отсутствует вербализация слота *Wem?*, т. е. не называется адресат, но он подразумевается и присутствует в глубинной структуре, то же самое действительно и для примера г), где информация об эмитенте и реципиенте не находит языкового выражения в поверхностной структуре высказывания, но может быть получена из телефонной книги, т. е. так или иначе присутствует в глубинной структуре речевого акта. Это позволяет подтвердить количественный и качественный состав слотов инвариантной структуры фрейма речевого акта «Gratulieren».

Представленная инвариантная структура фрейма речевого акта «Gratulieren», будучи вербализованной в конкретном контексте, позволяет речевому акту «Gratulieren» быть адекватно декодированным носителями языка, т. е. обладает свойством конвенциональности за счет однозначных средств выражения всех слотов фрейма.

При этом, будучи вербализованными в дискурсе, инвариантные узлы фрейма речевого акта «Gratulieren» могут детерминироваться дополнительными смыслами в зависимости от определенных лингвистических и экстралингвистических факторов вербализации речевого акта. В этом случае контекст указывает на вербализацию *вариативных терминальных слотов фрейма речевого акта* — слотов, которые либо эксплицируют индивидуальные когнитивные смыслы коммуникантов, либо не подлежат обязательной вербализации.

Очевидно, что план выражения речевого акта «Gratulieren» тесно связан с нормами речевого поведения, принятыми в конкретной лингвокультуре. Этнокультурная специфика речевого акта «Gratulieren» в немецком языке предопределяет и специфич-

ные формы выражения данного акта, которые могут быть представлены устными или письменными высказываниями/текстами. При этом основными параметрами, определяющими характер вербализации компонентов фрейма речевого акта «Gratulieren» в дискурсе, являются, на наш взгляд, вид, форма речевого акта, а также стиль речи, в рамках которого данный речевой акт осуществляется. Обозначив совокупность данных параметров как стиль коммуникации, мы можем говорить, что вершинные и инвариантные терминальные узлы фрейма речевого акта «Gratulieren» по-разному вербализуются в дискурсе в зависимости от *стиля коммуникации*.

При последующем раскрытии концептуального объема инвариантных и вариативных слотов следует учитывать, что вербальная репрезентация инвариантных терминальных узлов *Wer?* и *Wem?* зависит, прежде всего, от таких экстралингвистических факторов, как *статус взаимоотношений* между эмитентом и реципиентом и их характеристики как языковых личностей.

Репрезентация инвариантного терминального узла *Wozu?* имплицитно описывает время, поэтому вербализация вариативного узла *Wann?* является факультативной. Вербализация узла *Wo?* в дискурсе также факультативна, поскольку информация о месте совершения речевого акта имплицитно содержится в узле *Wer?* Слот *Wie?* («Каким образом?») представляет собой вариативный слот и предполагает реализацию в составе речевого акта поздравления новых концептуальных смыслов и значений, конкретизирующих инвариантные концептуальные смыслы фрейма. Кроме того, слот *Wie?* характеризует особенности языкового и стилистического исполнения текста поздравления. Таким образом, концепт *Wie?*, охватывая все концептуальные смыслы фрейма речевого акта «Gratulieren», является индикатором коммуникативного стиля и экстралингвистических факторов, влияющих на выбор говорящим средств вербализации речевого акта, и демонстрирует, тем самым, характер вербальной реализации инвариантного фрейма речевого акта «Gratulieren» в дискурсе.

Суммируя вышеизложенное, приходим к выводу, что инвариантная структура фрейма речевого акта «Gratulieren» как совокупность концептуальных смыслов Wer? — gratulieren — Wem? Wozu? Wann? Wie? есть фрейм речевого акта поздравления в немецком языке в статичном (сетевом) представлении. В динамичном (линейном) представлении инвариантная структура фрейма речевого акта «Gratulieren» есть совокупность микроречевых актов, разворачивающихся в дискурсе в определенной последовательности:

- *ansprechen* (микроречевой акт обращения);
- *gratulieren* (микроречевой акт поздравления);
- *beglückwünschen* (микроречевой акт пожелания (счастья));
- *sich nennen* (микроречевой акт автономии);
- *Ort und Datum angeben* (микроречевой акт наименования места и даты составления речевого акта поздравления).

Будучи наложена на реальную коммуникативную ситуацию, данная типовая структура текста поздравления позволяет соотнести компоненты текста со смысловыми компонентами фрейма речевого акта «Gratulieren» и, тем самым, идентифицировать тот или иной речевой акт как речевой акт «Gratulieren». Последовательность вербализации слотов в дискурсе не является константной, но отражает параметры лингвокультурного сценария речевого взаимодействия носителей немецкого языка в референтной коммуникативной ситуации поздравления.

Подтвердим данный вывод на основе анализа конкретных примеров.

Пример 1.

Sehr geehrter Herr Svimmers, Ihnen, Ihrer Frau und der kleinen Hauptperson Fiona gratulieren wir ganz herzlich zu diesem schönen Anlass. Wir wünschen Ihnen einen zauberhaften Tag und Ihrer Tochter ein beschützendes Leben in der christlichen Gemeinschaft. Ganz herzliche Glückwünsche von uns allen. Frank Schleiermann & Team (ZACKER 2004: 12).

Приведенный текст поздравления является вербальным коррелятом речевого акта «Gratulieren» в форме поздравительной открытки (письменный текст). Структура данного текста как макроречевого акта представляет собой совокупность следующих микроречевых актов, демонстрирующих вербализацию основных концептуальных смыслов ситуации поздравления в немецкоязычном дискурсе:

- ansprechen (Sehr geehrter Herr Svimmers);
- gratulieren (Ihnen, Ihrer Frau und der kleinen Hauptperson Fiona gratulieren wir ganz herzlich zu diesem schönen Anlass);
- beglückwünschen (Wir wünschen Ihnen einen zauberhaften Tag und Ihrer Tochter ein beschützendes Leben in der christlichen Gemeinschaft, Ganz herzliche Glückwünsche von uns allen);
- sich nennen (Frank Schleiermann & Team).

В представленном тексте поздравления эксплицируются микроречевые акты «Gratulieren» и «Beglückwünschen», что позволяет соотнести данные составляющие текста с вершинными узлами фрейма речевого акта «Gratulieren» — Gratulieren / Mitfreude ausdrücken и Beglückwünschen / (Glück) wünschen и идентифицировать данный речевой акт как речевой акт «Gratulieren». В глубинной структуре номинатором речевого акта выступает перформатив *gratulieren*. Перформативная формула данного речевого акта имеет вид: Ich (Frank Schleiermann & Team) gratuliere Ihnen (Herr Svimmers) zur Taufe von Tochter Fiona. В данном речевом акте вербализованы все слоты фрейма речевого акта «Gratulieren», что соответствует принципам официальной немецкоязычной коммуникации. Подобная структура речевого акта «Gratulieren», в которой эксплицируются все вершинные и терминальные узлы установленного фрейма речевого акта «Gratulieren», являет собой, как правило, нейтральный тип поздравления в сфере официальной коммуникации.

Следующий текст представляет собой поздравительное письмо, размещенное в сети Интернет по поводу присуждении премии года книжной лавке «Rote Zora».

Пример 2.

Gratuliere zu dieser bemerkenswerten Auszeichnung! Michel Grandmaire (Интернет-источник).

Интенция поздравления реализуется в данном речевом акте совокупностью микроречевых актов:

- gratulieren (Gratuliere zu dieser bemerkenswerten Auszeichnung!),
- sich nennen (Michel Grandmaire).

Экспликация только двух микроречевых актов не представляет трудностей для идентификации иллокутивного типа речевого акта, поскольку остальные микроречевые акты имплицитуются в контексте акта коммуникации, т. е. могут быть мысленно достроены на основании инвариантной фреймовой структуры речевого акта «Gratulieren». Как показал анализ практического материала, отсутствие экспликации некоторых микроречевых актов в тексте свидетельствует об упрощении вербальных структур в неофициальном немецкоязычном дискурсе. Благодаря экспликации микроречевого акта поздравления данный текст идентифицируется как речевой акт «Gratulieren». Перформативная формула речевого акта в его глубинной структуре выглядит следующим образом: Ich (Michel Grandmaire) gratuliere Dir (die Vertreter der Buchhandlung Rote Zora) zu der Auszeichnung.

Пример 3 представлен поздравительным письмом, размещенным в газете:

Lieber Ramon, Gratulation zum 18. Wir finden Dich toll und freuen uns mit Dir! Tina, Gregor und Luz Elena.³

В данном речевом акте реализуются следующие микроречевые акты:

- ansprechen (Lieber Ramon);
- gratulieren (Gratulation zum 18);
- mitteilen (Wir finden Dich toll und freuen uns mit Dir);

³ *Mannheimer Morgen*, 08.10.08.

- sich nennen (Tina, Gregor und Luz Elena).

В представленном примере осуществляется экспликация микроречевого акта поздравления, в частности, через семантический эквивалент перформативного глагола — существительное *Gratulation*. Использование данного семантического эквивалента, а также короткая форма предложения, выражающего поздравление, могут свидетельствовать о неофициальном характере текста поздравления. Эксплицитное выражение находит в примере также микроречевой акт сообщения (*Wir finden Dich toll*), который может быть интерпретирован в его глубинной структуре как речевой акт комплимента. Микроречевой акт пожелания в данном случае выражен имплицитно. Благодаря экспликации микроречевого акта поздравления данный речевой акт идентифицируется как речевой акт «*Gratulieren*», перформативная формула которого имеет вид: *Ich (Tina, Gregor und Luz Elena) gratuliere Dir (Ramon) zum 18. Lebensjahr*.

3. Выводы

Результаты анализа структуры речевого акта поздравления свидетельствуют о том, что установленная в ходе исследования инвариантная фреймовая структура данного речевого акта отражает типовые и индивидуальные случаи его вербализации в современном немецкоязычном дискурсе.

Результаты исследования могут быть использованы для построения семантических сетей для нужд искусственного интеллекта и изучения интенционального аспекта значения речевых актов других иллокутивных типов в немецком и других языках.

© Никонова Ж. В.

1.4. ОПИСАНИЕ СИНТАКСИСА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

1. Введение

В последние десятилетия сопоставительные исследования языков пользуются популярностью среди специалистов в области лингвистики, лингводидактики, перевода и межкультурной коммуникации. Помимо теоретических лингвистических трудов, появляются многочисленные работы практической направленности, использующие данные сопоставительной лингвистики для решения задач эффективного обучения иностранному языку и переводу и преодоления языковой интерференции. Литература по вопросу обширна, обзоры представлены, например, в (БОГОЯВЛЕНСКАЯ 2015; ГАК 1989; КОЗЛОВА 2017; КОНОПЕЛЬКО 2019; КОПРОВ 2010; GAST 2012; ZAVROCKI 1981); см. также выпуски журнала *Languages in Contrast* (с 1998 г., издательство «John Benjamins Publishing Company»), *Сопоставительная лингвистика* (с 2012 г., Уральский ГПУ), *Язык и национальное сознание*, *Сопоставительные исследования* (с 1998 и 2004 гг., Воронежский университет) и др.

Работа посвящена сопоставительному рассмотрению синтаксиса русского и английского языков в лингвометодических целях. В рамках функционально-когнитивной методики обучения грамматике иностранного языка, разрабатываемой авторами (см. в [РАХМАНКУЛОВА 2018; 2020]), предлагается подход к описанию синтаксиса этих языков, основанный на понимании моделей простого предложения как синтаксических знаков — репрезентантов пропозитивных концептов. Сопоставительное описание синтаксиса при этом подходе нацелено на выявление сходств и различий в способах пропозициональной концептуализации в русском и английском языках одного и того же фрагмента действительности и его репрезентации в структуре простого предложения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00361.

2. О понятиях языковой типологии, сравнительного и сопоставительного описания языков

Необходимо сначала сделать несколько замечаний об используемых здесь терминах. Изучение двух языков, выявление сходств и различий между ними можно назвать систематическим сравнением, или сопоставлением этих языков — в широком, общелогическом смысле. В лингвистической науке, однако, применительно к исследованию двух (или более) языков принято использовать несколько соотносимых терминов. Традиционно различают *сравнительное изучение языков* (в рамках сравнительного, или сравнительно-исторического, языкознания, т. е. исторической компаративистики) и *сопоставительное изучение языков*. Принято считать, что сравнительное языкознание занимается исследованием родственных языков, в том числе в диахроническом аспекте, тогда как сопоставительная лингвистика изучает языки в их современном состоянии, вне зависимости от степени их родства, как в сугубо лингвистическом, теоретическом ключе, так и в практических, лингводидактических и переводоведческих целях (ЛЭС 1990)¹.

В рамках сопоставительного исследования языков далее выделяют *контрастивные* и *конфронтативные исследования*. Под контрастивным исследованием, несмотря на семантику корня «контраст», по умолчанию понимают изучение «...двух, реже нескольких языков для выявления их *сходств* и различий (курсив наш — Авт.) на всех уровнях языковой структуры» (ЯРЦЕВА 1990: 239)

¹ Однако в практике лингвистических исследований не всегда прослеживается строгое разграничение терминов «сравнительный» и «сопоставительный», вероятно, в силу их двоякого значения — чисто терминологического (в рамках лингвистики) и общелогического. Так, известные труды В. Д. Аракина (АРАКИН 2010), В. Г. Гака (ГАК 1983), в которых сопоставляются два неродственных языка, названы *Сравнительная типология английского и русского языков* и *Сравнительная типология французского и русского языков* соответственно. См. также в (БУРАНОВ 1983; ГУРЕВИЧ 2003; КОЗЛОВА 2019; ЛУТФУЛЛИНА 2017; НЕЛЮБИН 2012). Ср.: (ПЕТРОВА 2011).

(ср. [WHORF 1967]). При этом, как отмечается в (ЗЕЛЕНЕЦКИЙ 2010), прилагательное «контрастивный» используется как специальный лингвистический термин со значением «относящийся к сопоставительному изучению разных языков» (КРЫСИН 1998: 353). Тем не менее, поскольку при практически ориентированном сопоставительном изучении языков, например, с целью разработки методики преподавания иностранного языка и преодоления языковой интерференции, внимание преимущественно уделяется межъязыковым различиям, обуславливающим отрицательный перенос навыка речи на родном языке в речь на иностранном языке, ряд исследователей подчеркивают необходимость учета не только различий, но и сходств между двумя языками и называют такой подход «конфронтативным» (АБРАМОВ 1999; ФЕФИЛОВ 1985; HELBIG 1976). Поскольку сравнение как логическая операция немислимо без наличия основания для сравнения — сходства двух объектов, на фоне которого и могут быть выявлены их различия, — представляется, что термин «конфронтативная лингвистика» можно считать несколько избыточным.

В некоторых работах отмечается целесообразность разграничения терминов «сопоставительная лингвистика» и «контрастивная лингвистика» и подчеркивается сугубо прикладной характер последней и ее ориентированность на межъязыковые различия (СТЕРНИН 2007; HELBIG 1976). Тем не менее для удобства изложения, поскольку контрастивная лингвистика, несомненно, является частью сопоставительной, термины «сопоставительное изучение языков» и «контрастивное изучение языков» могут далее использоваться как синонимичные.

В лингвистической литературе не менее употребительны термины «типологическое описание языков», «языковая типология» («лингвистическая типология»). Типологическое описание группы родственных языков обычно, вслед за В. Матезиусом, называют «лингвистической характерологией», а глобальное исследование мировых языков — «универсалологией». При этом в лингвистических энциклопедических словарях термин «языковая типология»

может трактоваться как «сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними» (ВИНОГРАДОВ 1990: 519). На основе подобного определения можно было бы сделать вывод о взаимозаменяемости терминов «сопоставление языков» и «языковая типология». Вместе с тем между сопоставительным и типологическим изучением и описанием языков имеется ряд различий.

По мнению В. Скалички, констатация сходств и различий между языками как таковая не является языковой типологией (СКАЛИЧКА 1963, 1989). Специфика типологии по отношению к сопоставительной лингвистике, как полагают многие современные исследователи, определяется целью и самим характером сопоставления языков, числом сопоставляемых языков и характером получаемых выводов (ДЕЖЕ 1989; ЗЕЛЕНЕЦКИЙ 2010; КАШКИН 2007; МАЛЫХ 2009б; МЫРКИН 1986; НЕРОЗНАК 1987; СТЕРНИН 2007; СУСОВ, ЮГАНОВ 1981; GAST 2012; KÖNIG 2012).

Типология рассматривает некий язык-объект в совокупности его единиц и связей между ними как манифестацию своего рода «мирового языка». Типологические особенности (существенные признаки) конкретного языка выявляются «на фоне» языка-эталоны или неких универсальных языковых концептов (*comparative concepts*) (HASPELMATH 2010). Это позволяет, с одной стороны, сопоставлять онтологически различные языки, например, естественные и искусственные, существующие и мертвые, наблюдаемые и реконструированные, а с другой — установить типологическую специфику даже одного языка-объекта. Объектом сопоставительной лингвистики являются как минимум два языка.

Сопоставительное исследование, как правило, имеет направление «от общего — к частному», от сходств — к различиям; типологическое изучение языков построено на принципе «от частного — к общему», от различий — к сходствам, определяющим языковой тип (МАЛЫХ 2009а).

Типология имеет скорее теоретическую направленность, в от-

личие от сопоставительной лингвистики, также имеющей теоретическую значимость, но ориентированной на практические — в типичном случае лингводидактические — цели, а также задачи перевода, обработки текста, лексикографии (см. в [ГАК 1983; Гудвичюс 1985; Ярцева 1981]). Как следствие, сопоставительное исследование имеет дело с определенным, ограниченным количеством конкретных языков, подлежащих сравнению, занимается детализированным сравнением этих языков и не ставит своей целью выработку универсальных принципов описания, применимых к любому языку, или получение выводов о закономерностях устройства человеческого языка в целом. Такое положение дел не исключает, однако, того факта, согласующегося с общефилософским положением о единстве научного познания и практической деятельности, что данные, полученные в результате сопоставления двух языков, способствуют более глубокому пониманию каждого из этих языков и могут стать основой для выводов о типологии языков, а сопоставительная лингвистика учитывает опыт типологии в объяснении языковых закономерностей.

Таким образом, к исследованию взаимоотношения русского и английского языков на синхронном срезе в лингводидактических целях применимы термины «сопоставительное изучение языков», «контрастивное изучение языков», и далее будет говориться о *сопоставительном (контрастивном) исследовании и описании синтаксиса* двух названных языков.

3. Принципы сопоставительного изучения синтаксиса

Сопоставительное изучение синтаксиса, предлагаемое в данной работе, с необходимостью учитывает общие принципы лингвистических сопоставительных (контрастивных) исследований, развиваемые в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Кратко сформулируем положения, которые представляются основополагающими для таких исследований.

3.1. Цель сопоставительного исследования

Цель сопоставительного исследования не заключается лишь в каталогизации сходств и различий сравниваемых языков (либо

их частных подсистем или отдельных аспектов), но видится в подготовке базы для применения знаний о выявленных сходствах и различиях в лингвистической типологии и в практической деятельности — лингводидактической и переводческой (АРАКИН 2010; ДЕЖЕ 1989; ЗЕЛЕНЕЦКИЙ 2004; КАШКИН 2007; КОПРОВ 2010; СТЕРНИН 2007; ЮСУПОВ 1987; ESSER 1980; FRIES 1945; GAST 2012; НАТИМ 1997; KÖNIG, & GAST 2009; LADO 1957; DI PIETRO 1978; NEMSER 1975; и др.), в лексикографии при создании контрастивных двуязычных словарей (СТЕРНИН 2007; ЧУБУР 2009; HARTMANN 1991)⁵, в разработке компьютерных программ — языковых тренажеров, использующих речевые корпуса (БЛОК 2015) и др. Цель контрастивного (не типологического) описания двух языков состоит в выявлении методически релевантных различий в семантике и функциях единиц одного языка в сравнении с их эквивалентами в другом языке, т. е. в установлении «потенциальных зон» интерференции одного языка, одной лингвокультуры в речи на другом. Прогнозирование трудностей усвоения языка, вызванных интерференцией, необходимо для того, чтобы наиболее эффективно отобрать материал и последовательность его изучения, разработать систему упражнений для устранения и предупреждения интерференции и т. п. Кроме того, как отмечает

⁵ Необходимо, однако, отметить, что не все лингвисты признают практическую значимость сопоставительных исследований для лингводидактики, поскольку, по их мнению, трудности в обучении иностранному языку связаны не с языковыми различиями как таковыми, а с психологическими и психолингвистическими механизмами (САЛИСТРА 1966; GAST 2012; HELBIG 1981). С этим нельзя не согласиться. Однако речь на иностранном языке представляет собой единство различных сторон (психологической, физиологической, деятельностной и языковой в том числе), и формированию последней может способствовать анализ иностранного языка через его сопоставление с родным. Непосредственной причиной языковой интерференции, безусловно, является психологический механизм переноса навыка, однако объективные предпосылки для проявления отрицательного результата такого переноса кроются в межязыковых различиях.

В. Г. Гак, рассмотрение двух языков в сопоставлении позволяет получить более глубокое представление о каждом из них, выявив те их особенности, которые остаются вне поля зрения при отдельном изучении данных языков (ГАК 1989).

3.2. Объект и предмет сопоставительного исследования

Объектом сопоставительного исследования, как правило, являются два языка — родной и иностранный. С учетом направления интерференции — от родного языка к иностранному — родной язык выступает в качестве исходного объекта («языка-эталона» в терминах типологии, или «исходного языка» в терминах переводоведения), в противопоставлении с которым описывается специфика единиц иностранного языка. Выявляются соответствия единице родного языка, имеющиеся в иностранном языке, т. е. возможные способы выражения в иностранном языке того содержания, которое закреплено за определенной единицей родного языка, либо исследуются различия в способах языковой репрезентации одной и той же логической категории или в способах концептуализации (структурирования) одной предметной ситуации (см. в [КАШКИН 2007; КОЗЛОВА 2019; КОПРОВ 2010; СТЕРНИН 2007; HEINE 1997; GODDARD 2004; WIERZBIСКА 1991]). При этом, разумеется, сравнению подлежат только те категории, которые имеются в обеих лингвокультурах, являются однопорядковыми (см. об этом в [ЯРЦЕВА 1981; HELBIG 1981]).

3.3. Единица сопоставления

Сопоставительные (контрастивные) исследования не ставят задачу описать целостную структуру одного языка в отличие от другой, поскольку в рамках одной работы это вряд ли возможно и необходимо: изучение различий в процессе обучения языку необходимо «дозировать» (см. о контрастивном исследовании как «микрولينгвистическом» исследовании в [ДЖЕЙМС 1989]). Обычно рассматривают единицы отдельного языкового уровня либо выражение определенного содержания на том или ином уровне языковой системы (или на разных уровнях). Соответственно выделяют сопоставительную фонологию (БЕРДНИКОВА

2003; ВЕЛИЧКОВА 1989); сопоставительную лексикологию (ГАК 1983; КОНЕЦКАЯ 1993; МАНАКИН 2004; СТЕРНИН, ЧУБУР 2006; ФЕФИЛОВ 1985 и др.), сопоставительную грамматику (ГАК 1983; КАШКИН 2007; КОНТРАСТИВНАЯ ГРАММАТИКА 1984; КОПРОВ 2010; ЯРЦЕВА 1981), сопоставительную стилистику (ГАРБОВСКИЙ 2009; ФЕДОРОВ 1971; ШВЕЙЦЕР 1991, 1994; BRINI 2000; VINAY, DARBELNET 1995). Труды О. Н. Селиверстовой посвящены контрастивной семантике (СЕЛИВЕРСТОВА 1990; 2004), см. также статьи в сборнике *Сопоставительный анализ грамматической и лексической семантики* (1982). Многочисленные сопоставительные исследования последних десятилетий связаны не столько с изучением фактов языковой системы, сколько с исследованием функционирования языка, специфики текста, дискурса и коммуникативного поведения, в том числе его паралингвистических аспектов: см. статьи журнала *Languages in Contrast* и сборника *Interlingual and Intercultural Communication* (Tübingen, 1986), работы (АБРАМОВА 1981; БЕКБАЛАЕВА 2012; ИСАЕВ 1992; КУЛИКОВА 2004; СТЕБЛЕЦОВА 2009; OLEKSY 1989; STERNIN, STERNINA 2003) и др.

Для современных контрастивных исследований очевидно, что независимо от избираемого уровня анализа сопоставлению подлежат единицы, достаточные для выражения определенного содержания (см. об этом в [КАШКИН 2007]). Поскольку цель прикладных сопоставительных исследований связана с эффективным обучением языку (переводу) как средству общения, выражения содержания, внимание исследователей обращено на единицы, более протяженные, чем отдельная словоформа: смыслы, передаваемые в речевом общении, могут перераспределяться относительно языка-эталона в границах более протяженных единиц — словосочетаний, целостных высказываний и текстов. Более того, в выражении содержания участвуют в совокупности средства разных языковых уровней, на что неоднократно указывали такие языковеды, как Б. Уорф, Ч. Филлмор, В. Г. Гак, С. Д. Кацнельсон и др. Поэтому исследования на уровне лексики неизбежно обращаются к вопросам грамматики, синтаксические исследования

рассматривают лексические способы выражения элементов синтаксических структур, и все в равной мере учитывают коммуникативные аспекты содержания речи, различные экстралингвистические условия, в которых реализуется речь.

3.4. Критерий и направление сопоставления

Немаловажным является вопрос о том, что именно сопоставляется при рассмотрении единицы — ее форма, значение или функционирование («дистрибуция» в терминологии Р. Ладо). В имеющихся работах избирается направление сопоставления либо от формы к содержанию, либо от содержания к форме. Итогом исследования является установление степени эквивалентности рассматриваемых явлений. Необходимо пояснить, что фактически в контрастивных исследованиях сопоставление направлено в этих случаях (1) от общей формы единиц двух языков к их различному содержанию (и функционированию), от специфической формы одного языка к ее содержанию и формальным средствам репрезентации этого содержания в другом языке либо (2) от некоего общего предметного или логического внеязыкового содержания к разным формам его объективации (на разных языковых уровнях) в двух сопоставляемых языках. Могут сравниваться также одинаковые содержательные категории двух языков в плане объема их значений. Примером работ, реализующих первый подход, являются фонологические сопоставительные исследования, семасиологические лексикологические и грамматические исследования (см. выше); к исследованиям второго типа — функциональным, ономасиологическим по своей сути — относятся, например, работы (КАШКИН 2007; СЕЛИВЕРСТОВА 1990; JOHANSSON 1998). В ряде трудов интегрируются несколько подходов (см., в частности, в [КОПРОВ 2010; 2016]). В литературе по вопросу сопоставительного изучения языков исследования «от содержания к форме» нередко трактуются как типологические, а описания «от формы к содержанию» как нетипологические, контрастивные в узком смысле слова, так как содержательные различия не являются определяющими для установления типа языка

(см., например, в [КОНЕЦКАЯ 1993]). Поскольку в языке реализуется диалектическое единство формы и содержания (функции), вопрос о предпочтительности того или иного подхода можно считать малосущественным. Вместе с тем, если перевод заключается в подборе средств выражения смысла, заложенного в оригинале, а обучение речи на иностранном языке есть обучение эффективному использованию средств выражения мысли (универсального предметного содержания) в иностранном языке, для сугубо практических контрастивных исследований большую важность может иметь направление исследования от содержания к форме. Лингводидактические и переводоведческие сопоставительные исследования нередко выполняются в функциональном ключе и имеют направление от общего содержания к различной форме языковых единиц или от семантики единиц родного языка к форме единиц иностранного языка (см. в [ЗАКИРЬЯНОВ 2015; КАШКИН 2007; КОПРОВ 2010; ПЕТРОВА 2011; РАХМАНКУЛОВА 2018] и др.). При этом учитываются особенности функционирования (дистрибуции) эквивалентных единиц в родном и иностранном языках, а сопоставление от формы к содержанию оказывается методически целесообразным применительно к отдельным единицам, а не подсистемам языка.

3.5. Теоретическая основа сопоставительного исследования

Сопоставительные исследования с необходимостью основываются на той или иной лингвистической теории, используя ее методологический и терминологический аппарат. Несомненно, подходы к самой сути контрастивного анализа во многом определяются тем лингвистическим направлением, в рамках которого выполнено сопоставительное исследование. Так, из известных зарубежных трудов в области контрастивной грамматики можно отметить исследования в русле трансформационно-порождающей грамматики с ее идеей о глубинных (содержательных) и поверхностных (формальных) структурах. Межъязыковые различия в этом случае трактуются как реализация глубинной структуры разными поверхностными структурами (KRZESZOWSKI 1976).

Эта идея (о трансляции одного содержания разными формами), преломившись в трансформационной грамматике, в падежной грамматике Ч. Филлмора (FILLMORE 1968) и др., находит отражение в ономаσιологических сопоставительных исследованиях (см. выше). Известны контрастивные исследования, основывающиеся на теории структурной (KÖNIG, GAST 2009) и функциональной (КАШКИН 2007; JOHANSSON 1998) лингвистики. Одно исследование может основываться на нескольких лингвистических моделях. Например, в работах В. Ю. Копрова (КОПРОВ 2010; 2016) синтаксис английского и русского языков сопоставляется как в системно-структурном, так и в функционально-семантическом аспектах. Проанализированы структурно-семантические типы предложений русского языка (как исходного языка для сопоставления), выявлены их соответствия в английском языке, проведено сопоставительное описание средств выражения инвариантных семантических структур в русских и английских предложениях. В описании предложений двух языков автор применяет идеи теории синтаксической семантики, ситуативного подхода к изучению синтаксиса: в указанных рамках предложение рассматривается как языковое средство, с помощью которого кодируется информация о ситуации действительности, отраженной в сознании говорящего. С позиций функционального синтаксиса в работе (КОПРОВ 2010) сопоставлены три основополагающие семантико-функциональные подсистемы в русском и английском языках: физическое воздействие субъекта на объект, локализация и посессивность. Описана специфика выбора формы английского языка для выражения соответствующего содержания (функции) — отношения вариантности, синонимии, дополнительности между конструкциями английского языка.

Теоретики контрастивного анализа отмечают, что некоторые лингвистические модели «более пригодны» для описания определенных признаков языков и лучше подходят для описания одних языков, чем других. Например, по мнению

К. Джеймса, трансформационная порождающая грамматика отражает взаимосвязи одних типов конструкций и неоднозначную интерпретацию других (ср. смысл высказывания *She is a beautiful dancer*); падежные грамматики располагают инструментами для объяснения семантической близости пар предложений типа *The key opens that door, That door opens with this key* и *Ключ открывает ту дверь, Та дверь открывается этим ключом*, а, например, аппликативная грамматика С. К. Шаумяна (ШАУМЯН 1974) лучше подходит для описания русского языка — языка флективного типа с развитой морфологией, — нежели для описания английского языка (ДЖЕЙМС 1989). К. Джеймс подчеркивает, что для получения неискаженной картины контрастивного анализа необходимо избрать модель, нейтральную по отношению к сопоставляемым языкам (*ibid.*).

3.6. Методы сопоставительного исследования

Основополагающими методами рассматриваемых исследований, разумеется, являются описание (параллельное изолированное изучение двух языков, предшествующее их сопоставлению) и собственно сопоставительный (контрастивный) анализ (ДЖЕЙМС 1989; СЕЛИВЕРСТОВА 1990; CHESTERMAN 1998; GAST 2012). При сопоставлении, однако, в центре внимания исследователя находится единица одного языка и возможные структурные, семантические, функциональные несоответствия этой единице в другом языке (но не две соотносимые единицы в каждом языке отдельно с их последующим сравнением) либо содержательная категория и различия в ее репрезентации в двух языках. В первом случае отправным пунктом сравнения и основой для сопоставления, языком-эталонном, является один из сопоставляемых языков; во втором случае основой для сопоставления является некое *tertium comparationis*, в качестве которого выступает внеязыковое понятие. См. о разграничении односторонней и двусторонней контрастивной лингвистики в (ШТЕРНЕМАНН 1989).

В процессе сопоставительного анализа языкового материала применяются традиционные лингвистические методы и приемы

контекстного, трансформационного, дистрибутивного анализа, компонентного (семного) анализа. О компонентном анализе применительно к современным исследованиям можно говорить в широком смысле как о методе выявления минимальных элементов языковых единиц разных уровней, позволяющем установить минимальные обязательные компоненты единицы (общее) и дополнительные элементы системы данного языка (специфическое). При необходимости привлекаются данные национальных корпусов, содержащих материал письменной и устной речи и отражающих современное состояние языка, и корпусов параллельных текстов (об этом подробно см. в [КАШКИН 2007; JOHANSSON 1998]). Исследование параллельных текстов позволяет выявить соответствия и, главное, повторяющиеся несоответствия в способах выражения двух языков и продемонстрировать важнейший тезис для обучения иноязычной речи и переводу: о расхождении в «членении» общего содержания формальными средствами разных языков, перераспределении передаваемого смысла между средствами разных уровней языка в речи на другом языке. Сопоставительные исследования учитывают также результаты работы с информантами — носителями сопоставляемых языков и результаты анализа ошибок в речи и коммуникативном поведении неносителей данного языка. Применяются формализованные методы межъязыкового сопоставления. См., например, о сопоставительно-параметрическом методе в (СТЕРНИНА 2014).

Исследование межъязыковых различий носит одновременно теоретико-дедуктивный и индуктивный характер.

3.7. Метаязык сопоставительного описания

В качестве языка описания, или метаязыка, в сопоставительных работах используется родной язык читателей, которым в основном адресована соответствующая работа. Родной язык служит также «языком-эталон», относительно которого рассматриваются явления другого языка, хотя эпизодически при рассмотрении явных межъязыковых расхождений в качестве языка-эталона выступает и неродной язык аудитории. В описании также

используется общелингвистическая терминология с некоторыми особенностями, соответствующими направлению в языкознании, в рамках которого выполнена работа. Так, например, при сопоставительном описании синтаксиса русского и английского языков в соответствии с общепринятой терминологией говорят об односоставных и двусоставных предложениях, определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных предложениях, о различиях в способах выражения предикативности и модальности, но, например, в работах, основывающихся на теориях функционального и семантического синтаксиса, употребляются термины «одноактантные» и «многоактантные предложения», «агентивные» и «неагентивные предложения», «инвариантная семантическая структура “предмет и его качественный признак”», «инвариантная семантическая структура “предмет-посессивность-объект”» и др. (КОПРОВ 2010; СЕЛИВЕРСТОВА 1990). Ср. также метаязык описания синтаксиса в американской структурной модели контрастивного анализа (FRIES 1945; LADO 1957), в трансформационной порождающей грамматике (CHOMSKY 1966), контрастивной порождающей грамматике (KRZESZOWSKI 1976); подробное описание и анализ см. в (ДЖЕЙМС 1989). Представляется, что для использования результатов контрастивного анализа в прикладных целях, в частности, в практике преподавания иностранного языка, описание должно быть интуитивно понятным и, как следствие, не должно быть перегружено специальной лингвистической терминологией, особенно терминологией, специфической для конкретного направления лингвистики.

4. Сопоставление синтаксиса английского и русского языков в лингвометодических целях: предлагаемый подход

Цель предлагаемого подхода к контрастивному исследованию синтаксиса простого предложения русского и английского языков заключается в создании такого описания, которое можно было бы эффективно использовать для преодоления синтаксической интерференции родного языка при обучении носителей рус-

ского языка английскому языку. С учетом направления интерференции русский язык рассматривается как исходный *объект*, на фоне которого описывается специфика синтаксической репрезентации предметного содержания — представления о ситуации действительности — в английском языке.

Описание выполнено в русле *когнитивной лингвистики*. Когнитивно-ориентированные синтаксические исследования нацелены на выявление коммуникативно-мыслительных структур, отражающих этнокультурные, этнопсихологические характеристики носителя языка и лежащих в основе синтаксиса высказывания, и механизмов, с помощью которых происходит формирование и сообщение мысли (КАЗАРИНА 2003; КУЗЬМИНА 2015; ПОПОВА 2011; ФУРС 2004; GOLDBERG 1995; и др.). В центре внимания данного сопоставительного описания (которое не является типологическим) находятся не сходства и различия в построении простого предложения в русском и в английском языках, т. е. не специфика двух языковых систем, «инвентаря» синтаксических моделей данных двух языков, а факты речи — различия в выборе языковых форм при «онлайн»-построении высказывания, специфика функционирования синтаксических моделей с связи с особенностями протекания когнитивных процессов и те этнокультурные, социокультурные факторы, которые обуславливают эту специфику. Эти различия выявляются при сравнении синтаксических моделей высказываний об одном и том же фрагменте мира — некотором типе ситуации — совокупности предметов и связывающего их отношения. В этом смысле предлагаемое описание можно считать *функциональным*: исследователя интересует не что есть в обоих языках или что отсутствует (присутствует) в языке, сравниваемом с эталоном, а *как* в сопоставляемых языках выражается один и тот же смысл.

Единицей, достаточной для выражения информации о предметном типе ситуации, выражающей целостную пропозицию в не «свернутом» виде, является простое предложение — синтаксиче-

ская модель, репрезентирующая типовую пропозицию (концептуализацию типовой внеязыковой ситуации), элементы которой соответствуют обязательным участникам данного типа ситуации. Предложение, реализующееся в речи в виде высказывания с конкретным лексическим наполнением, коммуникативной целью и прагматическим смыслом, в данном случае является *единицей сопоставления*.

Материал для сравнения включает единицы, обозначающие вполне конкретные и интуитивно понятные (в силу представленности в обыденном опыте) типовые события действительности: физическое воздействие субъекта на объект, расположение предмета в пространстве, перемещение субъекта в пространстве относительно ориентира и т. п. При отборе материала необходимо было соблюсти ряд условий. С одной стороны, выделенные ситуации не должны были быть слишком специфичными, чтобы описание репрезентаций одних и тех же типов ситуаций в сопоставляемых языках не было бы чрезмерно объемным. С другой стороны, с учетом лингводидактической цели контрастивного исследования должен был быть отобран достаточно обширный материал, отражающий многообразие типовых ситуаций, о которых необходимо сообщать в повседневной разговорной практике и высказывание о которых может вызвать трудности. Поэтому отбор материала также опирался на результаты анализа типичных ошибок в англоязычной речи носителей русского языка, изучающих английский язык. Например, сопоставлялись синтаксические модели высказываний о содержании устного или письменного источника, поскольку даже несмотря на длительный опыт владения английским языком многие студенты не имеют представления о различиях в репрезентации этого типа ситуации в русском и английском языках, испытывают при построении подобных высказываний интерферирующее воздействие родного языка и говорят **It is written on the sign* вместо *The sign says*; **It is written in my profile* вместо *It says on my profile*.

Были описаны как ядерные, так и периферийные способы

репрезентации выделенных типов отношений, входящие одновременно в число репрезентантов разных типов ситуаций. В качестве критерия включения / невключения той или иной модели в число моделей, отражающих в сознании говорящих тот или иной фрагмент действительности, применялись результаты простого семантического теста: чтобы считаться объективацией определенного фрагмента действительности, высказывание, построенное по некоторой модели, должно отвечать на тот же вопрос, что и высказывание, имеющее ядерную синтаксическую структуру, специализированную для отражения этого типа ситуаций действительности. Например, к высказываниям, характеризующим предмет, отнесены высказывания, отвечающие на идентифицирующий вопрос «Какой он?» Помимо ядерной синтаксической модели с составным именным сказуемым — прилагательным (*He is smart*), структурную основу высказываний о характеристиках предмета могут составить и модели с составным именным сказуемым — существительным (*He is intelligence itself*), с глагольным сказуемым и прямым дополнением (*He knows a lot of interesting things* и т. д.) и др. Одновременно с этим, высказываниями последних двух типов репрезентируются иные отношения: они сообщают о качестве предмета, о том, что он из себя представляет, о ментальной деятельности и т. п. Это означает, что их синтаксические модели являются периферийными способами репрезентации свойства субъекта. В своих периферийных «зонах» поля репрезентантов разных концептов пересекаются.

Таким образом, сопоставительное исследование имело *направление* от внеязыкового содержания к его пропозициональной концептуализации и к форме объективации пропозиции на уровне синтаксической модели предложения в русском языке; далее к форме соответствующей единицы (модели предложения в английском языке), к репрезентируемому этой формой концепту. Отбор англоязычных форм репрезентации содержания ориентировался на современную английскую речь, соответствующую нормам разговорного английского языка (*General English*). Внимание

уделялось грамматической корректности и аутентичности высказываний. Грамматическая правильность высказывания определялась посредством его соотнесения с грамматическими правилами языка и подтверждалась при опросе информантов-носителей английского языка (англичан и американцев) в личном общении и на языковых форумах в сети Интернет (таких как форум *WordReference.com*, система обмена знаниями *Quora.com* и др.). Кроме того, учитывался субъективный многолетний опыт владения английским языком, его преподавания и общения с его носителями. Аутентичность / неаутентичность высказывания подтверждалась опросом информантов и проверялась следующим образом. Выяснялось (посредством онлайн-поиска), представлены или не представлены (или окказионально представлены) высказывания подобной структуры (с идентичным или отличающимся лексическим наполнением, но обязательно сообщающие об одном типе ситуации и принадлежащие к одному типу дискурса) в англоязычных корпусах *Corpus of Contemporary American English* (<https://corpus.byu.edu/coca>), *British National Corpus* (<https://corpus.byu.edu/bnc>), онлайн-сервисе компании *Google* — *Google Books Ngram Viewer* (<https://books.google.com/ngrams>) и в текстах разных жанров, размещенных в англоязычном сегменте сети Интернет, в том числе в социальных сетях.

Далее эквиваленты русскоязычных высказываний рассматривались с точки зрения их пропозиционального содержания. Выявлялись факторы, обуславливающие различия в концептуализации мира (структурировании фрагмента мира), в том числе метафорической, в сопоставляемых языках. В случае вариативности структур, репрезентирующих одно и то же отношение в том или ином языке, объяснялись коммуникативные, социокультурные, прагматические факторы выбора структурной модели высказывания. Комментировались существенные различия в лексическом наполнении эквивалентных высказываний.

Для использования в практике обучения иностранному языку в качестве элемента учебных материалов, учебного пособия

сопоставительное описание репрезентаций внеязыковых ситуаций в синтаксисе предложений русского и английского языков было представлено в более сжатой форме, в виде таблиц. В качестве *метаязыка* описания материала использовался родной язык обучаемых. Пропозиции и синтаксические модели, структурирующие одни и те же фрагменты действительности в сопоставляемых языках, формулировались без использования специальной лингвистической терминологии, простыми словами обывденного языка, отражающими базовые понятия — о человеке, о неодушевленном предмете, о свойстве, о состоянии, о расположении или перемещении в пространстве и т. п. (КТО, ЧТО, КАКОЙ, ГДЕ, ЕСТЬ, ДВИГАЕТСЯ, КУДА и др.). С помощью этих наименований были сформулированы пропозициональные модели простых предложений русского и английского языков, соответствующие одному типу внеязыковой ситуации, например: КТО / ЧТО ЕСТЬ КАКОЙ(ОЕ), КТО / ЧТО ЕСТЬ ГДЕ, КТО ДВИГАЕТСЯ КУДА и т. п. См. Табл., где приводится фрагмент такого описания.

Таблица. Говорим о наличии / отсутствии чего-либо (в каком-либо месте) («Что есть (где-либо)?» / «Чего нет (где-либо)?»)

№	Модель русского языка	Модель английского языка
1.	<p>[ГДЕ] [ЕСТЬ] ЧТО</p> <p><i>В мире много интересного.</i></p> <p><i>Есть проблема.</i></p> <p><i>Пожар!</i></p> <p><i>В комнате никого не было.</i></p> <p><i>Работы сегодня не будет.</i></p> <p><i>За этими сделками стоят другие люди.</i></p> <p><i>За дверью кто-то стоит.</i></p> <p><i>На стене (висит) картина.</i></p> <p><i>На столе лежали книги.</i></p>	<p>ЕСТЬ ЧТО [ГДЕ] —</p> <p><i>There is... / There are...</i></p> <p><i>There are a lot of interesting things in the world.</i></p> <p><i>There is a problem.</i></p> <p><i>There's fire! / Fire!</i></p> <p><i>There was not anybody in the room (There was no one in the room).</i></p> <p><i>There is no work today.</i></p> <p><i>There are some other people behind these deals.</i></p> <p><i>There is someone outside the door.</i></p> <p><i>There is a painting on the wall.</i></p> <p><i>There were some books on the table.</i></p>

<p>В этом не было ничего странного.</p> <p>ГДЕ НЕТ ЧЕГО</p> <p>На столе нет книг.</p> <p>На полу ничего не лежит.</p> <p>Дома никого нет.</p>	<p><i>There was nothing strange about it.</i></p> <p>There is no... / There are no...</p> <p>There isn't any ... / There aren't any ...</p> <p><i>There are no books on the table. There aren't any books on the table.</i></p> <p><i>There is nothing on the floor.</i></p> <p><i>There's nobody home.</i></p>
---	--

Примечание. В высказывании на английском языке в настоящем времени связочный глагол «есть» (*am, is, are*) не может быть опущен. Различным русским глаголам, показывающим, что в том или ином месте имеется некий предмет, в английском высказывании соответствует глагол *be*: *На стене висит картина; За дверью кто-то стучит.* — *There's a picture on the wall; There's somebody behind the door.*

Перед элементом, обозначающим предмет, который характеризуется по его восприятию говорящим, ставится предлог *about*: **В** нем было что-то странное (он показался говорящему странным). — *There was something strange **about** him.*

Если цель говорящего заключается скорее в характеристике пространства (с точки зрения его наполненности чем-либо), чем в сообщении о наличии в этом пространстве определенных типов предметов (*В мире много интересных вещей* = «Мир таков, что он наполнен интересными вещами»), в английском высказывании нужно употребить другую структуру, в которой характеризуемый предмет будет отражен подлежащим (КТО / ЧТО): *В мире много интересного.* — *The world is full of interesting things; На завтраке было семеро гостей.* — *The luncheon party included 7 guests; На кровати было покрывало.* — *The bed had a blanket on it.*

<p>2а.</p> <p>НА КОМ [ЕСТЬ] (НАДЕТО) ЧТО, КТО [ЕСТЬ] ОДЕТ ВО ЧТО</p> <p>На ней было красное платье.</p> <p>Она была одета в красное платье.</p>	<p>1) КТО ИМЕЕТ ЧТО (НА СЕБЕ)</p> <p><i>She had a red dress on.</i></p> <p>2) КТО НОСИТ ЧТО</p> <p><i>She was wearing a red dress.</i></p> <p>3) КТО ЕСТЬ ОДЕТ ВО ЧТО</p> <p><i>She was dressed in a red gown.</i></p>
---	---

26.	<p>НА ЧЕМ [ЕСТЬ] (ЛЕЖИТ) ЧТО, ЧТО ЕСТЬ ПОКРЫТО ЧЕМ</p> <p><i>На кровати покрывало.</i></p> <p><i>Коридор был застелен линолеумом</i></p>	<p>1) ЕСТЬ ЧТО [ГДЕ] (<i>There is...</i>): <i>There is a cover on the bed.</i></p> <p>2) ЧТО ИМЕЕТ ЧТО (НА СЕБЕ) <i>The bed has a cover over it.</i></p> <p>3) Если предмет большой площади полностью покрыт чем-либо, высказывание может иметь структуру ЧТО ЕСТЬ ЧТО (КАКОЕ): <i>The corridor was all linoleum</i></p>
-----	---	---

Примечание. Очевидно, структуры 2 и 3 отражают намерения говорящего охарактеризовать предмет: какой он? (с точки зрения того, что на нем находится и т. п.).

2в.	<p>1) ГДЕ НАПИСАНО (= ГОВОРИТСЯ) О ЧЕМ</p> <p><i>В книге написано о...</i> <i>В письме говорилось ...</i> <i>На указателе написано:</i></p> <p>2) ГДЕ НАПИСАНО ЧТО</p> <p><i>На монете написаны какие-то слова.</i> <i>На полу было написано странное слово.</i></p>	<p>1) ЧТО ГОВОРИТ (РАССКАЗЫВАЕТ И Т. П.) О ЧЕМ</p> <p><i>The book tells about...</i> <i>The letter said...</i> <i>The sign says: ... Ср.: Пословица гласит, что...</i></p> <p>2) ЕСТЬ ЧТО ГДЕ; ЧТО ЕСТЬ НАПИСАНО ГДЕ</p> <p><i>There are some words on the coin.</i></p> <p><i>There was a strange word on the floor. A strange word was written on the floor.</i></p>
-----	--	--

Примечание. Если речь идет о предмете, который не является источником информации (письмом, знаком, сообщением и т. п.) и на поверхности которого что-то написано, используется модель **ЕСТЬ ЧТО ГДЕ** (*There is / are ...*): *На стене был написан какой-то лозунг. — There was a slogan on the wall.* Для фокусирования внимания на написанном объекте используется модель **ЧТО ЕСТЬ НАПИСАНО ГДЕ**, при этом существительное (ЧТО) сопровождается неопределенным артиклем: *A slogan was written on the wall.*

3.	<p>[ГДЕ] КОГО / ЧЕГО [ЕСТЬ] СКОЛЬКО</p>	<p>ЕСТЬ СКОЛЬКО КОГО / ЧЕГО [ГДЕ]:</p>
----	--	---

	<i>Нас было трое.</i>	There are / were 5 of ... <i>There were three of us.</i>
	<i>Нас только двое во всем здании.</i>	<i>There are only two of us in the building.</i>
	<i>Нас миллионы.</i>	<i>There are millions of us.</i>
4.	ВОТ ЧТО <i>(Вот) ваш паспорт.</i> <i>Вот твои очки.</i>	ВОТ ЕСТЬ ЧТО Here is ... <i>Here is your passport.</i> <i>Here are your glasses.</i>

5. Заключение

Итак, современные сопоставительные (контрастивные) исследования ориентированы на практические, в частности лингводидактические и переводческие, цели и рассматривают факты иностранного языка на фоне эквивалентных явлений родного языка обучаемых, устанавливая межъязыковые различия, обуславливающие языковую и культурную интерференцию. Независимо от лингвистической теории, на которой основывается исследование, от избранной единицы сопоставления и ее уровневой принадлежности, от преимущественного направления анализа (от формы к содержанию (функции) или от содержания к форме и функции) и установленных критериев для сравнения языков сопоставлению подвергаются не только собственно языковые единицы или не только различия в языковой репрезентации внеязыковых понятий, но и специфика речи, ее коммуникативно-прагматические аспекты, для чего применяется комплекс общенаучных и лингвистических методов.

В связи с проблемой преодоления интерференции родного языка в речи изучающих иностранный язык большую значимость приобретают функционально-ориентированные исследования, которые могут обобщить для практических целей сведения о том, как именно, с помощью каких языковых средств, в изучаемом языке выражается тот или иной смысл, достигаются определенные коммуникативно-прагматические эффекты.

В исследовании, описываемом в данной работе, рассматри-

вается синтаксический аспект высказываний на родном и иностранном (английском) языке. Предпринята попытка в простой и понятной форме с использованием нетерминологического метаязыка представить функциональное описание специфики построения англоязычного высказывания по сравнению с высказыванием на русском языке, с тем чтобы дать изучающим английский язык представление о том, как в отличие от русского языка строится англоязычное высказывание о том же самом фрагменте внеязыковой действительности, и как с опорой на это знание, соответствующие умения и навыки, преодолевать синтаксическую интерференцию русского языка. При этом синтаксическая модель высказывания рассматривается как знак типовой пропозиции, т. е. когнитивной схемы, структурирующей фрагмент действительности в виде определенного типа отношений между предметами, межъязыковые различия усматриваются в различиях пропозициональных схем структурирования одного фрагмента мира, а устранение интерференции видится в возможности формирования в сознании обучаемых пропозициональных когнитивных моделей описания определенного фрагмента действительности, свойственных носителю языка. Как представляется, помимо возможности преодолеть интерференцию, предлагаемый подход к описанию синтаксиса позволяет изучающим иностранный язык получить более глубокое понимание специфики восприятия мира, в том числе его метафорической концептуализации, и способов выражения знания о мире как в изучаемом иностранном языке, так и в родном.

© Рахманкулова С. Е.

© Кохан Н. А.

© Кузьмин Р. А.

1.5. СТАТУС КОНЦЕПТА *GENERATION* В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

1. Введение

Инаугурационные выступления, являющиеся важным источником информации о тенденциях развития государства, обусловленных теми целями и задачами, которые выдвигаются президентом в первом официальном публичном обращении к нации, представляют собой важный объект исследования для политиков, экономистов, социологов, историков, культурологов, филологов.

Лингвистические исследования инаугурационной речи как вида политического дискурса посвящены анализу ее функций, жанровой специфики и композиционных особенностей (ШЕЙГАЛ 2002; LIU 2012), лингво-прагматических стратегий ораторов (АКИНИНА 2019; RONMAWATI 2016; SAMEER 2017), разного рода диахронических трансформаций (ХРОМЕНКОВ 2016; GABETS, GENÉ 2016; IANCU, BALABAN 2013), национально-культурных особенностей (ЗУБАНОВА, ЗЫХОВСКАЯ, ШУБ 2019), сложностей, связанных с переводом (NUR HIDAYAT, NABABAN, DJATMIKA 2019), индивидуальностилитических предпочтений выступающих (GUNAWAN 2010; LODHI, MANSOOR, SHANZAD, ROBAV, ZAFAR 2018) и ряда других аспектов.

Особое внимание уделяется изучению представленной в инаугурационных речах системы концептов, отражающих как важнейшие для всей нации ценности, которые неизменно упоминаются в выступлениях президентов, так и те ценности, которые тот или иной оратор хочет выделить для сплочения народа с целью решения новых задач.

Поскольку инаугурационная речь является программой жизни страны и ее президента на последующие годы, в ней представлена иерархически сложная гетерогенная система концептов, отражающая картину мира нации и кодирующая ее знания относительно политических, экономических, социальных, идеологических, культурных, нравственных и религиозных ценностей.

2. Классификации системы концептов, представленных в инаугурационном дискурсе

Существуют различные подходы к классифицированию реализуемых в инаугурационном дискурсе концептов, основывающиеся на широком спектре критериев их выделения, группировки и признакововых описаний.

2.1. Критерий позиции в концептуальном поле дискурса

Жанровая специфика инаугурационной речи определяется в том числе и реализацией в ней особой системы концептов, располагающихся в центре (ядре) и на периферии.

Согласно Е. А. Моргун, *центральными концептами* инаугурационного дискурса, обеспечивающими ее статичность, является триада концептов «power — people — president»; *к периферийным* относятся «концепты, отражающие историческое прошлое этноса, его культуру, нравственно-этические идеалы, ценностные ориентиры, философию, идеологию и психологию народа в условиях перехода и легитимизации государственной власти» (МОРГУН 2010: 86). При этом автор подчеркивает, что именно расположенные на периферии системы концепты постоянно развиваются и актуализируют концепты, расположенные в центре системы (ibid.: 82).

О. И. Уланович, предлагающая когнитивно-концептуальный анализ американского инаугурационного дискурса, расширяет предлагаемую Е. А. Моргун классификацию концептов и рассматривает в качестве дискурсообразующего *ядра* концептуальное триединство «президент — власть — народ», *заядерных элементов* — оппозиционное двуединство «угроза — перспектива», *периферийных элементов* — триаду концептов «свобода — равенство — братство» и диаду «ценности и приоритеты» (УЛАНОВИЧ 2015: 37-38). Выводы автора базируются на реализации данных концептов разными президентами в разных исторических и политических контекстах, степени их количественной репрезентативности, конфигурации представленности в речи (симультанная встречаемость, параллелизм, оппозиция) (ibid.: 34).

Каждый концепт, имеющий определенный статус в общем концептуальном пространстве инаугурационного дискурса, будь то ядро, ядерная или периферийная зона, может быть описан также через систему соответствующих признаков (ядерных, ядерных, периферийных). Так, например, рассматривая дискурсивные особенности репрезентации концепта *the American dream* в инаугурационных выступлениях, Е. Р. Левенкова выделяет его ядерные признаки (*wealth* и *success*) и ряд периферийных признаков, при этом последние варьируют в зависимости от исторического этапа и манипулятивных стратегий, выбранных президентом при обращении к нации (ЛЕВЕНКОВА 2010).

2.2. Критерий соотносительности с аспектами исторических приоритетов нации

Поскольку основной задачей инаугурационной речи является сплочение граждан страны для решения широкого спектра новых задач, каждый из президентов стремится реализовать широкий круг концептов, затрагивающих как общие интересы народа, так и интересы каждого человека.

По мнению Е. А. Моргун, можно выделить следующие группы концептов: *витальные, социальные, политические, национально-культурные, моральные (этические), эстетические, религиозные, экономические и экологические* (МОРГУН 2010).

Исследование М. Г. Аслановой, посвященное изучению средств создания позитивного имиджа в тексте второго инаугурационного обращения Б. Обамы на основе приведенных выше групп концептов, позволило автору, с одной стороны, сделать выводы о том, что все они находят реализацию в речи президента и укрепляют его имидж лидера нации, а, с другой стороны, — уточнить список и специфику реализации концептов каждой группы (АСЛАНОВА 2015).

Отметим, что, как и в случае с первым критерием, каждый отдельно взятый концепт в конкретных реализациях может обнаруживать целый ряд функциональных признаков-атрибутов,

позволяющих относить их к той или иной группе концептов в соответствии с обсуждаемым критерием. Так, например, в (СИНЕОКОВА 2020) было показано, что репрезентанты концепта *family* в инаугурационных выступлениях американских президентов могут быть отнесены по крайней мере к трем группам концептов: витальным, социальным и политическим. Экспликаторами витальной группы признаков являются лексемы, представляющие ассоциативные зоны связи поколений и каждого человека как члена своей семьи; группа социальных признаков представлена лексическими единицами ассоциативных зон, связанных с наименованием страны как семьи и страны в семье народов мира; актуализаторами группы политических признаков являются лексические единицы, отсылающие к опыту создателей государства или выражающие призыв к политическому объединению граждан.

2.3. Критерий связи с функциональными особенностями инаугурационного дискурса

Ряд исследователей рассматривают систему реализуемых в инаугурационных выступлениях концептов с позиций особенностей функционирования данного жанра.

Так, Е. И. Шейгал (2002) выделяет четыре основные функции инаугурационного обращения: интегративную, инспиративную, декларативную, перформативную; каждая из них имеет специфические средства реализации и связана с определенным топосом. Поскольку, как указывает Г. Г. Хазагеров, несмотря на их разную природу, топос и концепт объединяет то, что через них может быть описано культурное пространство (ХАЗАГЕРОВ 2008), представляется возможным рассмотреть через описанные Е. И. Шейгал топосы (как способы развертывания текста) соответствующие концепты (как когнитивные категории). Интегративная функция, заключающаяся в утверждении единства между народом и президентом, связана с топосами *единства нации* и *взаимных обязательств*. Инспиративная функция, заключающаяся в воодушевлении нации и прославлении традиционных ценностей, связана, по мнению автора, с топосами *обновления*, *величия*

нации и топосом *возвышенных эмоций* (радость, благодарность, любовь). Декларативная функция, заключающаяся в провозглашении новым президентом принципов своего правления, реализуется через топосы *долга, работы* и топос *насуущных проблем дня*. Перформативная функция, связанная с демонстрацией президентом готовности и способности выступить в качестве лидера страны, реализуется в трех основных топосах: топосе *вступления в должность*, топосе *достойного лидера* и топосе *законопослушности*.

Жанровые особенности инаугурационного дискурса находят свое отражение также в его структурно-композиционных особенностях. Несмотря на некоторое варьирование в композиции выступлений, в целом они характеризуются обязательным наличием определенных смысловых отрезков, каждый из которых связан с доминирующим для данной части текста концептом и несет определенную функцию.

F. Liu выделяет восемь составляющих (moves) инаугурационной речи американских президентов: *salutation, announcing entering upon office, articulating sentiments on the occasion, making pledges, arousing patriotism in citizens, announcing political principles to guide the new administration, appealing to the audience, resorting to religious power* (LIU 2012: 2409-2411). Так, например, функцией той части или частей текста, которые связаны с апелляцией к патриотизму граждан, является

«to bear the audience with love for the country and confidence in the future, with which the new president successfully unites all the Americans as a whole. A good way is to review the American history» (LIU 2012: 2410),

и, соответственно, здесь реализуются концепты *patriotism, love for the country, confidence in the future, the American nation, past generations*.

Данная классификация композиционных элементов также успешно используется в (АСЛАНОВА 2015) для выявления рекуррентных концептов, реализуемых в инаугурационных речах американских президентов.

2.4. Диахронический критерий

Использование данного критерия предполагает классифицирование концептов как в соответствии с особенностями частоты их реализации в инаугурационных речах на протяжении института президентства, так и в соответствии с особенностями реализации и характера их лексических экспликаторов.

Первый подход предполагает количественный анализ репрезентативности тех или иных концептов (АСЛАНОВА 2015; УЛАНОВИЧ 2015; ХРОМЕНКОВ 2016; GAVETS, GENÉ 2016 и др.), позволяющий в итоге построить динамическую когнитивную модель концептосферы инаугурационного дискурса.

Второй подход связан с исследованием динамики изменений словарных компонентов языковых репрезентантов концептов. Так, Е. В. Пильгун предлагает следующую типологию: 1) общие, наиболее употребительные (*freedom, America, rights, nation* и т. д.); 2) новые, появляющиеся (*transition, renewal, challenge, leadership* и т. д.); 3) исчезающие (*duty, development*); 4) временные, возникающие в определенный момент истории (*safety, slavery, race* и т. д.) (Пильгун 2013: 94). Проведенное автором исследование демонстрирует, что для различных этапов развития американского общества характерны реализации определенных компонентов концептов.

В (СИНЕОКОВА 2020) на примере концепта *family* показано, что частота упоминания и содержательное наполнение признаков концепта в инаугурационных речах президентов США меняются в зависимости от социально-экономических и политических событий, а число средств его выражения увеличивается.

2.5. Критерии соотносительности с модусами времени

Как отмечают исследователи, одной из характеристик жанра инаугурационной речи является специфика ее временной отнесенности. Е. И. Шейгал говорит о «вневременности» речи, репрезентируемой в ней «вечном настоящем», что «возвышает участников церемонии над повседневностью» (ШЕЙГАЛ 2002).

В то же время репрезентируемые концепты могут быть связаны с фиксацией в инаугурационных выступлениях модусов времени — прошлого, настоящего и будущего.

Как показано в (ЗУБАНОВА, ЗЫХОВСКАЯ, ШУБ 2019: 150), к особенностям презентации образов времени в речах президентов США относятся «выраженный интерес к мифологизации образов прошлого, идея диалектики провиденциализма и рукотворного созидания прошлого, связь будущего с универсально-глобальной перспективой, метафоричность, образность, символичность и активное использование *past*-аллюзий, выполняющих функцию опорных смысловых конструкций, фоновая функция репрезентации настоящего». В качестве основных *past*-маркеров исследователи выделяют следующие: «история», «традиции», «память», «отцы-основатели», «предки», «предшественники», «наследие», «прошлое», «минувшее», «пример отцов (предков)», «корни», «вчера», «вечность», «забвение». Используемые *past*-маркеры характеризовали прошлое как фундирующее, значимое, созидательное, заслуживающее уважения. Настоящее идентифицируется через категории кризиса, вызовов, угроз, проблем и противоречий, а его позитивные репрезентации, как правило, предстают в идеально-метафорических категориях. В репрезентации образов будущего также наблюдается синтез конкретики (перечисление реальных планируемых нововведений) и патетики, адресованной к эмоциональной реакции аудитории (ibid.: 151).

A. Gabets и A. Gené исследуют присущую инаугурационным речам темпоральную рамку. Хотя сам жанр обращения предполагает важность текущего момента, президенты соотносят его с прошлым и будущим. Более того, отдельно взятый концепт (авторы рассматривают концепт *the American Nation*) в зависимости от языковых экспликаторов и условий реализации соотносится с прошлым, настоящим и будущим нации: «The American nation is shown as 'great' and 'exceptional' across time (past, present, future), in other words, forever» (GABETS, GENÉ 2016: 26).

О. И. Уланович, рассматривающая оппозиционное двуединство концептов «угроза — перспектива» (см. раздел 2.1.), отмечает его особую роль в организации темпорального пространства инаугурационного дискурса (УЛАНОВИЧ 2015: 36).

2.6. Критерий характера аксиологической оценки

Поскольку жанр инаугурационного дискурса предполагает описание стоящих перед нацией проблем и программы их преодоления, концепты могут быть классифицированы в соответствии с положительным или отрицательным знаком аксиологической оценки, обусловленным как коннотативным значением вербальных экспликаторов, так и контекстуальными условиями их реализации.

Так, в рассматриваемом выше исследовании О. И. Уланович само выделение оппозиционного единства «угроза — перспектива» указывает на разные знаки концептов оппозиции, отражающей закон тождества противоположностей (ibid.).

Изучая лексические репрезентанты концепта *the American Nation*, А. Gabets и А. Gené группируют их в соответствии с наличием положительного или отрицательного компонента значения для американской лингвокультуры. К первой группе авторы относят “hope”, “faith”, “peace”, “justice”, “equality”, “opportunity”, “rights”, “beliefs”, “loyalty”, “change”, “dream”, “dignity”, “challenge”, “renewal”, “democracy”, “union”, “responsibility”, “honesty”; ко второй — “dominion”, “poverty”, “suffering”, “disease”, “war”, “tyranny” и “grief”; многие из них становятся в выступлениях контекстуальными антонимами (GABETS, GENÉ 2016: 27).

Рассматривая конфликтосодержащие вербальные компоненты в инаугурационных речах президентов США в рамках бинарной оппозиции «вызов — ответ», П. Н. Хроменков приходит к выводу об использовании антитезы как закономерности инаугурационного дискурса: «обозначение угрозы, опасности, вражды почти всегда соседствует с констатацией собственного миролюбия, приверженности ценностям гражданского мира и братской любви» (ХРОМЕНКОВ 2016: 6).

В (ЗУБАНОВА, ЗЫХОВСКАЯ, ШУБ 2019) среди прочих факторов при анализе репрезентантов концептов учитывалась «тональность» их использования (позитивные, нейтральные, негативные коннотации).

Особая роль метафорического представления концепта для воздействия на эмоциональную сферу слушателей при создании положительных и отрицательных образов обсуждается в (ESCUADERO 2011).

Рассмотренные подходы к классифицированию концептов, реализуемых в инаугурационном дискурсе, свидетельствуют о существовании многоплановой гетерогенной системы, имеющей ядро и периферию, находящиеся в отношениях тождества / оппозиции и функционально связанные с данным видом дискурса и его композиционными особенностями элементы, имеющие смысловую и статистическую специфику реализации в диахронии. При этом каждый из элементов может быть описан на основе универсальных системообразующих признаков.

Ниже с учетом вышеперечисленных факторов будут проанализированы особенности функционирования концепта *generation* как значимой структурной единицы американской национальной концептосферы, в том числе специфика реализации ключевой для вербальной экспликации концепта лексемы *generation* и других лексических единиц, актуализирующих различные ассоциативные зоны концепта; также будет определен статус концепта *generation* в типологии концептов американского инаугурационного дискурса.

3. Особенности презентации концепта *generation*

Материалом для анализа смысловых актуализаторов концепта *generation*, а также количественной оценки динамики их реализации послужили 62 инаугурационные речи 45 президентов США, от Джорджа Вашингтона до Дональда Трампа.

3.1. Особенности реализации ядерной для вербальной экспликации концепта лексемы *generation*

В словаре *Merriam-Webster* (словарь английского языка в его американской версии) дается ряд определений номинирующей

концепт лексемы *generation*, рассматриваемых в качестве основных:

“1a: a body of living beings constituting a single step in the line of descent from an ancestor b: a group of individuals born and living contemporaneously // the younger *generation* c: a group of individuals having contemporaneously a status (such as that of students in a school) which each one holds only for a limited period <...> 2a: the action or process of producing offspring : PROCREATION <...> 3: the average span of time between the birth of parents and that of their offspring” (MERRIAM-WEBSTER 2020a).

Частотность реализации данной лексемы в инаугурационных речах американских президентов с 1789 по 2017 гг. неодинакова (см. Табл. 1).

Таблица 1. Частота реализации лексемы *generation* в инаугурационных речах (1789–2017 гг.)

Президент, год	Количество реализаций
Washington 1789	0
Washington 1793	0
Adams 1797	0
Jefferson 1801	1
Jefferson 1805	1
Madison 1809	0
Madison 1813	0
Monroe 1817	0
Monroe 1821	0
Adams 1825	6
Jackson 1829	0
Jackson 1833	0
Van Buren 1837	2
Harrison 1841	0
Tyler 1841	1
Polk 1845	1
Taylor 1849	0
Fillmore 1850	0
Pierce 1853	0
Buchanan 1857	1

1.5. Статус концепта 'Generation' в инаугурационных речах...

Президент, год	Количество реализаций
Lincoln 1861	0
Lincoln 1865	0
Johnson 1865	0
Grant 1869	0
Grant 1873	0
Hayes 1877	1
Garfield 1881	3
Arthur 1881	0
Cleveland 1885	0
Harrison 1889	0
Cleveland 1893	0
McKinley 1897	0
McKinley 1901	0
Roosevelt 1905	1
Taft 1909	1
Wilson 1913	1
Wilson 1917	0
Harding 1921	0
Coolidge 1925	3
Hoover 1929	0
Roosevelt 1933	1
Roosevelt 1937	1
Roosevelt 1941	1
Roosevelt 1945	0
Truman 1949	0
Eisenhower 1953	0
Eisenhower 1957	1
Kennedy 1961	4
Johnson 1965	5
Nixon 1969	2
Nixon 1973	3
Carter 1977	0
Reagan 1981	0
Reagan 1985	1

Президент, год	Количество реализаций
Bush G.H.W. 1989	4
Clinton 1993	4
Clinton 1997	1
Bush G.W. 2001	3
Bush G.W. 2005	4
Obama 2009	8
Obama 2013	7
Trump 2017	0

Как видно из таблицы, лексема *generation* используется в 29 выступлениях из 62. Впервые она появляется в обеих речах Джефферсона в 1801 и 1805 гг. и далее с определенными лакунами используется вплоть до нашего времени (исключением, начиная с речи Рейгана в 1985 г., является выступление Трампа в 2017 г.).

Для удобства анализа на рисунке ниже представлены статистические данные относительно случаев использования лексемы.

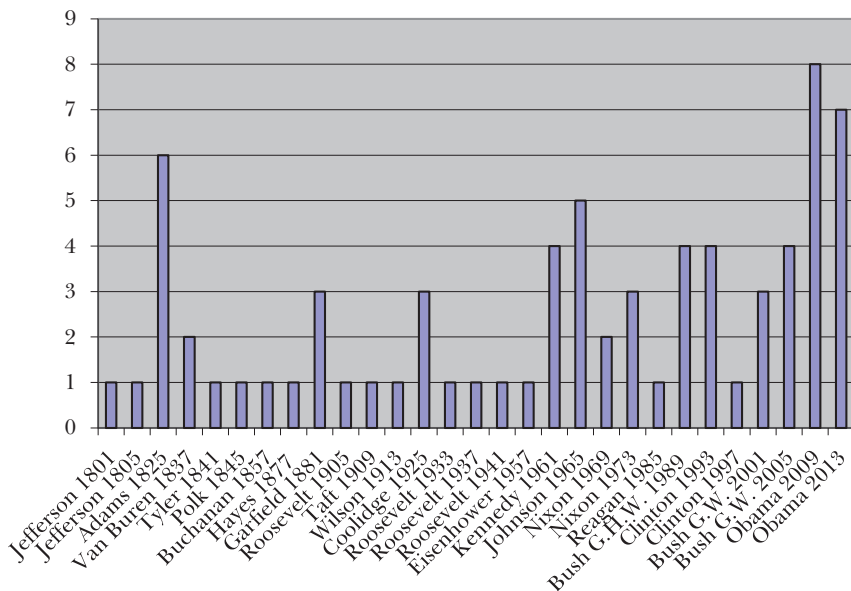

Рис. Статистика реализации лексемы *generation*

Вполне естественно, что в обоих своих выступлениях (1801 и 1805 гг.) Джефферсон, один из авторов «Декларации независимости» и отцов-основателей, говорит о роли великих перемен в стране для будущих поколений:

- (1) Let us, then, with courage and confidence pursue our own Federal and Republican principles, our attachment to union and representative government. Kindly separated by nature and a wide ocean from the exterminating havoc of one quarter of the globe; too high-minded to endure the degradations of the others; possessing a chosen country, with room enough for our descendants to the thousandth and thousandth **generation** <...>. (JEFFERSON 1801. IAP)

Достаточно заметный всплеск в количестве реализаций лексемы (6 раз, из которых 4 случая соотносятся с прошлым) наблюдается в речи Адамса (1825 г.). После подписания «Декларации независимости» в 1776 г. прошло почти 50 лет. Президент вспоминает заслуги ушедшего поколения основателей государства, то, что они сделали для будущих поколений американцев:

- (2) Standing at this point of time, looking back to that **generation** which has gone by and forward to **that** which is advancing, we may at once indulge in grateful exultation and in cheering hope. (ADAMS 1825. IAP)

В приведенном примере местоимение *that* является заместителем лексемы в оппозиции «ушедшее — будущее поколение» (при статистическом анализе в данном разделе не учитывалось).

Далее вплоть до выступления Рузвельта (1933 г.) президенты в основном используют лексему по 1 разу, при апелляции к будущим поколениям (*distant generations, future generations, generations yet unborn* и т. д.). Исключение составляют речи Гарфилда (1881 г.) и Кулиджа (1925 г.), при этом в обоих случаях зарегистрированы по 3 реализации, соотносимые как с прошлым, так и с будущим.

Рузвельт в довоенных речах 1933, 1937 и 1941 гг. соотносит используемую по 1 разу лексему с настоящим, будущими и ушедшими поколениями соответственно. При этом его высказывание в выступлении 1933 г. является единственным использо-

вания лексической единицы *generation* в контексте, несущем отрицательные для аудитории смыслы:

- (3) Practices of the unscrupulous money changers stand indicted in the court of public opinion, rejected by the hearts and minds of men. <...> They know only the rules of a **generation** of self-seekers. (ROOSEVELT 1933. IAP)

Эйзенхауэр (1957 г.) соотносит используемую 1 раз лексему с прошлым:

- (4) The American experiment has, for **generations**, fired the passion and the courage of millions elsewhere seeking freedom, equality, opportunity. (EISENHOWER 1957. IAP)

С Кеннеди (1961 г.), с одной стороны, начинается количественный всплеск в реализации лексемы, а с другой стороны, возникает новая тенденция: помимо контекстуального соотношения лексической единицы с тремя модусами времени может наблюдаться ее недискретность, или «невременность» (см. раздел 2.5.), т. е. апелляция ко всем поколениям нации. Обращаясь к современникам, Кеннеди сравнивает их с ушедшими и будущими поколениями:

- (5) I do not believe that any of us would exchange places with any other people or **any other generation**. (KENNEDY 1961. IAP)

Недискретные с точки зрения соотношенности лексемы с модусами времени реализации можно наблюдать в дальнейших выступлениях Джонсона, Буша-старшего, Клинтона, Буша-младшего:

- (6) For **every generation** there is a destiny. (JOHNSON 1965. IAP)
- (7) For not only leadership is passed **from generation to generation** but so is stewardship. (BUSH 1989. IAP)
- (8) **Each generation** of Americans must define what it means to be an American. (CLINTON 1993. IAP)
- (9) It is the American story, a story of flawed and fallible people united **across the generations** by grand and enduring ideals. (BUSH 2001. IAP)

Единственным президентом, в речи которого зарегистрирована реализация лексемы во всех трех временных модусах и в дискретном значении, является Джонсон. В инаугурационном выступлении Клинтона в 1997 г. статус лексемы в темпоральном плане неоднозначен. С одной стороны, президент обращается к определенной группе своей аудитории — молодому поколению; с другой стороны, он обращается к ним именно как к новому поколению:

(10) I challenge a **new generation** of young Americans to a season of service: to act on your idealism by helping troubled children, keeping company with those in need, reconnecting our torn communities. (CLINTON 1997. IAP)

В то же время в другом фрагменте данного выступления модус времени (будущее) идентифицируется в контексте однозначно:

(11) May those **generations whose faces we cannot yet see, whose names we may never know**, say of us here that we led our beloved land into a new century with the American dream alive for all her children, with the American promise of a more perfect Union a reality for all her people, with America's bright flame of freedom spreading throughout all the world. (CLINTON 1997. IAP)

В целом в 62 выступлениях американских президентов 29 % реализаций лексемы *generation* связаны с модусом прошедшего времени, 19 % — настоящего, 40 % — будущего и 12 % имеют недискретный характер.

Интересным представляется также изучение особенностей реализации лексемы с точки зрения представленности в ней темпоральной соотнесенности в инаугурационных речах президентов, избранных на второй или третий срок. Так, частота использования лексемы *generation* в речах Обамы 2009 и 2013 г. примерно одинакова: 8 и 7 реализаций соответственно. Однако, несмотря на примерно одинаковую частоту реализации лексемы, в 2009 г. Обама в 4 случаях из 8 отсылает слушателей к прошлым поколениям, в 2 случаях говорит о своих современниках и в 2 — о будущих поколениях. В 2013 г. лексема *generation* соотносится из 7 случаев только 1 раз с прошлым и по 3 раза — с настоящим

и будущим нации. Можно предположить, что, получив поддержку электората во второй раз, Обама в меньшей степени нуждается в обращении к историческим свершениям народа в прошлом и, меняя коммуникативную стратегию, апеллирует к настоящему и будущим поколениям.

Как видно из приведенных выше примеров, реализация лексемы может быть связана с самыми разнообразными аспектами исторических приоритетов нации и может использоваться для описания существующих или предполагаемых фактов из жизни прошлых, настоящего и будущих поколений. Кроме того, контекстное окружение может отражать практически все аспекты жизни поколений и соответственно актуализировать имплицитно заложенные витальные, социальные, политические, национально-культурные, моральные (этические), эстетические, религиозные, экономические и экологические признаки номинируемого концепта.

3.2. Особенности реализации периферийных лексем-вербализаторов концепта

Ассоциативное поле концепта *generation* и его вербализаторов выделялось путем анализа словарных дефиниций и синонимических рядов (MERRIAM-WEBSTER 2020b), а также контекстуальных особенностей его экспликации.

В качестве одного из периферийных вербализаторов ниже рассматриваются лексема *family* и соотносимые с ней по значению лексемы *ancestors*, *forefathers*, *(grand)parents*, *father(-s)*, *mother(-s)*, *child(-ren, -hood)*, частота реализаций которых приведена в Табл. 2.

Таблица 2. Частота реализации периферийных лексем-вербализаторов группы *family* (1789-2017 гг.)

President	family	ancestors	forefathers	(grand)parents	father(-s)	mother(-s)	child(-ren)(-hood)
Washington 1789				1			
Jefferson 1805	1	1			2		1
Madison 1813	1						
Monroe 1817	1						

1.5. Статус концепта 'Generation' в инаугурационных речах...

President	family	ancestors	forefathers	(grand) parents	father (-s)	mother (-s)	child (-ren) (-hood)
Monroe 1821					1		1
Adams 1825			1				
Van Buren 1837			1		1		1
Harrison 1841	2	2		1	1		
Tyler 1841							3
Polk 1845	3		1		1		1
Taylor 1849					1		
Fillmore 1850					1		
Pierce 1853					6		2
Buchanan 1857	2				3		3
Garfield 1881	2				3		4
Arthur 1881					1		
Cleveland 1885	1				1		
Harrison 1889					1		
Cleveland 1893					1		
McKinley 1897			1		1		
McKinley 1901	1				1		
Roosevelt 1905			1		1		3
Taft 1909		1					1
Wilson 1913							3
Wilson 1917	1						
Harding 1921					2	1	1
Hoover 1929							1
Roosevelt 1933	1	1	1				
Roosevelt 1937	2		1				1
Roosevelt 1945							1
Truman 1949	1						
Eisenhower 1953	1				2		
Eisenhower 1957	1						
Johnson 1965	2						4
Nixon 1969						1	1
Nixon 1973				1			1
Carter 1977						1	
Reagan 1981	1				2		5
Reagan 1985	2				1		
Bush G.H.W. 1989				1	3	2	5
Clinton 1993	3						4
Clinton 1997	3			2			9
Bush G.W. 2001	1				1	1	5

President	family	ancestors	forefathers	(grand) parents	father (-s)	mother (-s)	child (-ren) (-hood)
Bush G.W. 2005	1				1		
Obama 2009	1	1		1	4		4
Obama 2013	1			1	1	1	4
Trump 2017	3					1	3
Итого: 184	39	6	7	8	44	8	72

Данные лексемы находят свою реализацию в 47 инаугурационных выступлениях американских президентов из 62, т. е. являются достаточно частотными. При этом не рассматривались случаи, когда президент обращается в начале речи со словами благодарности к своей семье, или когда лексема используется в словосочетаниях типа *mother country*.

Как видно из таблицы, лексема *family* относится к группе частотных. Она зарегистрирована в речи Джефферсона уже в 1805 г. Вплоть до 1933 г. лексема преимущественно используется для наименования нации и государства как единой семьи (*family of nations, our political family, one great family, our great political family, family of free and independent States*). Исключениями являются реализации лексемы в речах Гаррисона (1841 г.), Бьюкенена (1857 г.) и Кливленда (1885 г.), где она номинирует социальную группу, основанную на браке (например, у Бьюкенена *domestic security around the family altar*). Полк (1845 г.) также использует ее при упоминании человечества в целом (*the whole human family*).

Начиная с инаугурационной речи Рузвельта в 1933 г., наблюдается обратная тенденция использования лексемы для номинации именно важнейшей социальной группы людей — семьи, определяющей базовые ценности каждого американца и нации в целом. Обращаясь к народу, Рейган говорит:

- (12) They're individuals and **families** whose taxes support the government and whose voluntary gifts support church, charity, culture, art, and education. Their patriotism is quiet, but deep. Their values sustain our national life. (REAGAN 1981. IAP)

С другой стороны, Клинтон противопоставляет интересы отдельного человека и семьи интересам общин и всей страны, делая акцент на последних:

- (13) Let us all take more responsibility not only for ourselves and our **families** but for our communities and our country. (CLINTON 1997. IAP)

Исключениями в проявлении данной тенденции является апелляция Трумэна (1949 г.) к человечеству (*human family*) и упоминание Джонсоном (1965 г.) в том числе и своей семьи в обещании сделать все возможное для процветания страны.

Реализация данной лексемы связана с контекстом, относящимся к настоящему или будущему.

Лексемы *ancestors* и *forefathers*, отсылающие к великому прошлому страны, являются наименее частотными. Как видно из Табл. 2, они периодически используются до 1937 г. и далее, после большого перерыва, данная лексема *ancestors* зарегистрирована в речи Обамы в 2009 г.:

- (14) I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our **ancestors**. (ОВАМА 2009. IAP)

Реализуемая при апелляции к прошлому лексема (*grand*)*parents* также не является частотной. Впервые она реализуется в речи Вашингтона (1789 г.), далее встречается в речи Гаррисона (1841 г.) и обнаруживает тенденцию к более или менее регулярному использованию, начиная с выступления Никсона (1973 г.).

Лексема *father(s)*, стоящая в ряду наиболее частотных и реализуемая в инаугурационных обращениях с 1805 г. до наших дней, используется при обращении к богу (15), отцам-основателям страны (16), при апелляции к памяти всех предыдущих поколений американцев (17) и собственно предшествующего поколения (18):

- (15) **Heavenly Father**, we bow our heads and thank You for Your love. (BUSH 1989. IAP)

- (16) Standing in this presence, mindful of the solemnity of this occasion, feeling the emotions which no one may know until he senses the great weight of responsibility for himself, I must utter my belief in the divine inspiration of the **founding fathers**. (HARDING 1921. IAP)
- (17) At such a time in history, we who are free must proclaim anew our faith. This faith is the abiding creed of our **fathers**. (EISENHOWER 1953. IAP)
- (18) But when our **fathers** were young, Mr. Speaker, our differences ended at the water's edge. (BUSH 1989. IAP)

Особым случаем является упоминание Обамой своего отца:

- (19) And so to all other peoples and governments who are watching today, from the grandest capitals to the small village where **my father** was born. (ОВАМА 2009. IAP)

В преобладающем большинстве случаев лексема *father(s)* реализуется в контекстах, связанных с темпоральным модусом «прошлое».

Лексема *mother(s)* не является частотной. В отличие от рассматриваемых выше лексем, она впервые появляется лишь в 1921 г. в речи Гардинга и далее, после значительного временного интервала, с 1969 г. в речах Никсона и других президентов США (см. Табл. 2). Другой отличительной особенностью ее реализации является то, что она функционирует в контекстах, апеллирующих к прошлому нации, лишь в 2 случаях из 8, например:

- (20) And we don't wish to turn back time, but when our **mothers** were young, Mr. Majority Leader, the Congress, and the Executive were capable of working together to produce a budget on which this nation could live. (BUSH 1989. IAP)

Использование данной лексемы может быть связано с модусами «настоящее» (21) и «будущее» (22):

- (21) But for too many of our citizens, a different reality exists: **Mothers** and children trapped in poverty in our inner cities <...>. (TRUMP 2017. IAP)
- (22) We want an America of homes, illumined with hope and happiness, where **mothers**, freed from the necessity for long hours of toil beyond

their own doors, may preside as befits the hearthstone of American citizenship. (HARDING 1921. IAP)

Подобно Обаме, упоминавшему в выступлении своего отца, Картер говорит о своей матери:

- (23) Here before me is the Bible used in the inauguration of our first President, in 1789, and I have just taken the oath of office on the Bible **my mother** gave me just a few years ago. (CARTER 1977. IAP)

Лексема *child* и ее производные *children, schoolchildren, childhood, grandchildren* являются наиболее частотными и, начиная с выступления Джефферсона в 1805 г., используются вплоть до выступления Трампа в 2017 г.; наибольшее количество реализаций — девять — зарегистрировано в речи Картера в 1977 г.

Указанные лексемы могут контекстуально соотноситься с прошлым, настоящим и будущим. Тот или иной модус времени при их реализации связан с характером аксиологической оценки описываемой президентом ситуации. Так, при апелляции к прошлому в преобладающем большинстве случаев речь идет о негативно оцениваемых фактах. Заметим также, что отсылка к прошлому осуществляется с помощью глаголов в Present Perfect, а не в Past Simple:

- (24) <...> has already sounded the alarm in the appalling figures which mark how dangerously high the tide of illiteracy has risen among our voters and their **children**. (GARFIELD 1881. IAP)
- (25) We have been proud of our industrial achievements, but we have not hitherto stopped thoughtfully enough to count the human cost, the cost of lives snuffed out, of energies overtaxed and broken, the fearful physical and spiritual cost to the men and women and **children** upon whom the dead weight and burden of it all has fallen pitilessly the years through. (WILSON 1913. IAP)
- (26) For decades we have piled deficit upon deficit, mortgaging our future and our **children's** future for the temporary convenience of the present. (REAGAN 1981. IAP)

В контекстах, соотносимых с будущим, в основном дается

описание целей и задач, необходимых для обеспечения счастливой жизни детей — настоящего и будущих поколений, при этом описание будущих преобразований характеризуется положительной аксиологической оценкой:

- (27) <...> and for the territory thus ceded by each tribe some reasonable equivalent should be granted, to be vested in permanent funds for the support of civil government over them and for the education of their **children**, for their instruction in the arts of husbandry, and to provide sustenance for them until they could provide it for themselves. (MONROE 1821. IAP)
- (28) The observance of these rules is enjoined upon us by that feeling of reverence and affection which finds a place in the heart of every patriot for the preservation of union and the blessings of union — for the good of **our children and our children's children** through countless generations. (TYLER 1841. IAP)

Обращение к настоящему может быть связано как с отрицательной (29), так и с положительной (30) оценкой ситуации, в которой живут и воспитываются дети:

- (29) There are the **children** who have nothing, no love and no normalcy. (BUSH 1989. IAP)
- (30) And whether a **child** is born in the urban sprawl of Detroit or the wind-swept plains of Nebraska, they look up at the same night sky, they fill their heart with the same dreams, and they are infused with the breath of life by the same almighty Creator. (TRUMP 2017. IAP)

3.3. Статус концепта **generation** в типологии концептов американского инаугурационного дискурса

Рассмотренные особенности вербализации концепта *generation* в американском инаугурационном дискурсе позволяют определить его типологический статус на основе описанных в разделе 2 критериев.

В соответствии с критерием *позиции в концептуальном поле дискурса* концепт *generation* можно отнести к периферийным концептам, отражающим культурные, нравственные, ценностные приоритеты нации, ее психологию и традиции. Так, в США по сей день

чают память отцов-основателей страны, тех людей, которые заложили принципы новой политической системы государства и внесли вклад в оформление его независимости. В то же время данный концепт связан с центральным ядерным концептом *people* в триаде *power — people — president* и является одним из его актуализаторов.

Что касается критерия *соотнесения с историческими приоритетами нации*, концепт *generation* в разных его реализациях можно отнести скорее к типу моральных (этических), связанных с категориями уважения, справедливости, чести, совести, добра, сострадания, помощи нуждающимся и т. п. Несмотря на то, что Е. А. Моргун рассматривает близкий по семантическому составу к концепту *generation* концепт *tradition* как эстетический (см. раздел 2.2.), представляется, что концепт *generation* в большей степени отражает национальный менталитет, нравственность, ценности и нормы поведения, хотя, безусловно, на морально-этические нормы народа оказывают влияние и национально обусловленные эстетические взгляды, представления, идеалы.

Как и другие концепты инаугурационных речей, в зависимости от условий контекстуальной реализации концепт *generation* может обнаруживать черты целого ряда функциональных признаков-атрибутов, позволяющих отнести его экспликативы к группам витальных, социальных, политических, национально-культурных, этических и т. д.

Концепт *generation* может участвовать в реализации всех четырех основных функций инаугурационного обращения: интегративной, инспиративной, декларативной, перформативной.

Интегративная функция, проявляющаяся в постулировании традиции единства многих поколений американцев и их готовности к решению новых задач во имя благополучия настоящего и будущих поколений, в значительной степени сопряжена с реализацией данного концепта. Использование концепта связано с реализацией инспиративной функции, предполагающей апелляцию президента к традиционным ценностям, к героической ис-

тории страны и ее народа. Декларативная функция при провозглашении новым президентом принципов и программ управления страной, связанная с концептами *долг, работа, проблемы насущного дня*, также предполагает апелляцию к роли поколений американцев в жизни страны. Наконец, перформативная функция, отсылающая к концептам *достойного лидера, законопослушности*, тоже может быть реализована на основе тех или иных компонентов данного концепта, связанных с обещаниями президента хранить верность принципам, заложенным отцами-основателями и неукоснительно соблюдаемым поколениями американцев.

Соответственно те или иные реализации данного концепта могут быть обнаружены во всех композиционных частях инаугурационной речи, хотя доминирующим концепт *generation* становится в том смысловом отрезке выступления, который связан с апелляцией к патриотизму граждан.

Способы экспликации и частотность реализации концепта *generation* подвержены *диахроническим* изменениям и зависят от социально-политической ситуации в стране.

В плане *соотнесенности с модусами времени* концепт *generation* как никакой другой «предназначен» для фиксации в инаугурационных речах темпоральной соотнесенности фактов и событий с прошлым, настоящим и будущим. В то же время в ряде случаев использование данного концепта свидетельствует о «вневременности» жанра инаугурационной речи.

В соответствии с *критерием характера аксиологической оценки* в зависимости от контекстуальных условий реализации речевых экспликаторов концепта могут проявляться как положительная, так и отрицательная оценка событий жизни того или иного поколения. Положительные оценки служат фундаментом утверждения значимости фундаментальных ценностей нации, отрицательные выступают в функции номинирования проблем или угроз для процветания государства и выдвижения перспектив их преодоления.

4. Заключение

Концепт *generation*, являющийся одним из базовых концептов американской лингвокультуры, находит регулярное выражение в инаугурационных выступлениях на протяжении всей истории института американского президентства.

Многослойность данного концепта подтверждается его вхождением в многомерную типологию концептов, отражающую позицию в концептуальном поле исследуемого дискурса и роли в выполнении его ведущих функций, связь с историческими приоритетами нации, смысловые и статистические изменения в диахронии, соотношенность с модусами времени и характером аксиологической оценки.

Особый статус концепта *generation* в инаугурационных речах американских президентов обусловлен особенностями реализации средств его вербализации, связанными с экстралингвистическими и собственно лингвистическими условиями их функционирования.

Представляется целесообразным расширение области изучения экспликаторов концепта *generation* и включение в круг исследуемых языковых единиц прецедентных феноменов (таких как упоминание отцов-основателей государства, исторических событий и документов; использование смежных по значению лексем *descendants, nation, people, age, son, daughter, old, young / youth, past, present, future, ideal, values, tradition, the American story, history, mission, idea* и др.; использование морфологических (префиксов со значением «возобновление, возрождение») и грамматических (видо-временных форм глагола и отглагольных форм) средств передачи содержания концепта).

© Синеокова Т. Н.

1.6. ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА В БРИТАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

1. Постановка проблемы

Современная лингвистика характеризуется возрастающим интересом к изучению языка как антропоориентированного социокультурного феномена. Лингвистику интересует человек, его роль в организации и использовании языка как средства общения, инструмента получения, хранения и передачи знаний. Неотъемлемой частью антропоцентрической парадигмы науки о языке становится гендерная лингвистика — направление, изучающее взаимодействие языка и гендера. Гендер определяется как параметр социальной идентичности, конструируемый индивидом и обществом в соответствии с принятыми в данной культуре нормами и традициями. В центре внимания гендерной лингвистики находится отражение гендера в языке и его конструирование в коммуникативном взаимодействии индивидов. В настоящем исследовании автор рассматривает язык и гендер в масс-медийном дискурсе исходя из той роли, которую средства массовой информации играют в создании массовой культуры и конструировании социальной действительности. Масс-медиа отличаются возможностью не только отражать культурные ценности и ориентиры, но и способностью воспроизводить социальные изменения. Анализ медиатекста осуществляется в русле дискурсивных исследований, где текст трактуется как продукт дискурса. Медиатексты используются в качестве эмпирического материала для выявления гендерных стереотипов, базирующихся на принятых в социуме представлениях о маскулинности и феминности, присущих конкретному социуму в конкретный исторический период. С точки зрения когнитивного подхода медиатексты рассматриваются не только как отдельные произведения речи, но и как результат совместной деятельности людей и организаций, распространяющих информацию (Тырыгина 2010). При подобном подходе центральными становятся вопросы интерпретационных

свойств медиатекстов, их роль в формировании медийной и гендерной картин мира, а также культурные факторы, влияющие на создание и восприятие медиатекстов.

Одной из основных функций средств масс-медиа является информирование массовой аудитории о событиях, происходящих в стране и за рубежом. В условиях современного общества формирование информационной картины мира почти полностью зависит от средств массовой информации. Концепция информационной картины мира тесно связана с языковой картиной мира, которая определяется как «мировоззрение, идеология, система ценностей в языке» (ВАНДЫШЕВА 2007: 34). В любом языке содержатся сведения о системе ценностей народа и этнокультурной специфике его представлений о мироустройстве. Особую роль здесь играет лексико-семантический слой, в котором выражаются смысловые и ценностные параметры картины мира того или иного народа. В языковой картине мира константно присутствуют гендерные доминанты сознания, оказывающее большое влияние на способы разделения реальности. Гендерная картина мира включает «все многообразие репрезентаций гендерных отношений и представлений» (ibid.: 33). Гендерные отношения отражены в языке в виде культурно и социально обусловленных стереотипов, влияя на поведение человека и на процессы его языковой социализации. Гендерная языковая картина мира — вербализованная форма гендерной картины мира, совокупность знаний и представлений об окружающей действительности, способ миропонимания, основой которых становится функционирование гендерных стереотипов, зафиксированных в вербальной (языковой) форме. Процесс гендерной стереотипизации акцентируется в языке, связан с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей данного пола определенного типа поведения (КОНОПЛЕВА 2002: 66).

Медийный дискурс и его регистрирующий результат, медиатексты, сегодня становятся одной из самых распространенных

форм бытования языка, потому важно учесть, что язык как фактор культуры, отражающий, сохраняющий и накапливающий культурозначимую информацию, оказывает на нее значительное влияние. Культурологический подход к толкованию понятия медиатекст позволяет определить его как «вербально-знаковую символизацию культуры» (ДОБРОСКЛОНСКАЯ 2005), через которую возможно понять парадигму мировоззрения и социокультурные стереотипы. Культуроспецифичность медиатекста охватывает способы выражения национально-культурных особенностей восприятия картины мира. В текстах массовой информации культуроспецифичность проявляется на медийном (в организации информационного пространства) и на языковом уровнях (лингвистические способы оформления смыслов). Здесь необходимо уточнить, что в данной работе медийная картина мира понимается как особое изображение, интерпретация реальности посредством медиа. Иными словами, она представляет собой результат коллективной познавательной деятельности продуцентов медиа, транслируемый в массы по каналам коммуникации.

Как и гендерная, медийная картина мира культуроспецифична, поскольку отображает национально-культурную специфику мировосприятия и систему ценностей определенного народа. Через медиатекст, текст массовой информации, как универсальную вербальную форму отображения и накопления культурного опыта можно объяснить национально-культурные стереотипы, особенности восприятия картины мира мужчинами и женщинами и диахронические изменения в развитии определенного языкового сознания. Медиа и их языковой коррелят, медийный дискурс, являясь одним из наиболее значимых агентов социализации, выполняют наряду с другими функциями и социализирующую функцию. Личный опыт каждого отдельного человека довольно ограничен, значительную часть представлений об окружающей реальности он получает от СМИ, которые служат главным источником представлений о мире, как адекватных, так и искаженных (что может, в свою очередь, стать темой другого исследования).

Рассмотрение вопросов интегрирования гендерной картины мира в медийную картину мира, регистрирования фактов устойчивости гендерных стереотипов, с одной стороны, и признаков с сторону их изменения, — с другой, определяет *цель* данного исследования. В качестве *исследовательского материала* использовался корпус медиатекстов, составленный на базе двух британских периодических изданий *The Guardian* и *The Telegraph*. Оба издания покрывают так называемый «качественный» сегмент печатно-электронных медиа, корпус охватывает временной диапазон с апреля 2018 по май 2018 г. Целевая аудитория *The Guardian* — образованная, технически продвинутая (64% аудитории практически не обращается к печатной версии газеты), аудитория бумажной версии представляется более консервативной, это люди с высшим образованием, которым интересна международная политика, экономика, искусство, классическая музыка и литература. *The Telegraph* — другое старейшее издание с правоцентристской, консервативной ориентацией, имеет большую читательскую аудиторию и занимает лидирующие позиции в спектре национальных периодических изданий благодаря проверенному качеству предлагаемого контента.

2. Методы исследования

Для разработки методики исследования презентации гендерных стереотипов в медийном дискурсе автор исходил из следующего понимания феномена стереотипа. Каждый этнос имеет свои собственные представления о мире. Носители языка воспринимают и воспроизводят его в процессе коммуникации в форме установленных норм и ценностей. В каждом обществе появляются устойчивые представления — стереотипы. Познание различных языковых и культурных явлений реализуется с помощью процесса категоризации объектов. В подобных категориях социально-культурная действительность подвергается схематизации, что позволяет людям взаимодействовать с реальностью на более упрощенном уровне. В связи со сложностью современного мира процесс категоризации необходим как для отдельного индивида, так и для всего народа. В ходе процессов

познания и категоризации формируются стереотипы. В 1922 г. американский психолог Уолтер Липпман в своей книге *Общественное мнение* впервые делает попытку научно осмыслить понятие «стереотип». Он определяет его как

«принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте» (Ослон 2006: 125-141).

В системе общественной мысли ученый видит это понятие как

«упорядоченные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» (Липпман 2004: 107).

Феномен гендерного стереотипа, находящийся в фокусе внимания данного исследования, рассматривается как «частный случай стереотипа, относящийся к знаниям о лицах разного пола, приписывании им определенных признаков» (Кирилина 1999). Стереотип — это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка, которая выражается в национальном языке и речи конкретного человека.

Для исследования механизма встраивания гендерных стереотипов в информационную картину мира, был применен метод соотнесения слов-номинаций, содержащих половые (биологические) и гендерные (социальные) указатели, с контекстами, которые сопровождают гендерно-маркированные слова. Первый этап предполагает выявление гендерно-маркированных номинаций; второй — установление сопровождающего контекста; третий этап — анализ контекста с точки зрения присутствия/отсутствия, в них стереотипных представлений о мужественности и женственности и связанных с ними моделей поведения индивидов, а также соответствия или отклонения от них стереотипных представлений. Иными словами, в лингвистических терминах, выявляется, с какой семантической областью соотносится контекст.

В работе также нашел применение метод анализа дискурсивного поведения носителей гендера, который требует совокупного учета как языковых, так и неязыковых факторов. Использование данного метода было нацелено на выявление гендерно-маркированных предпочтений в системных элементах как дотекстового, так и текстового уровней в процессе создания речевого произведения.

3. Описание и обсуждение результатов исследования

3.1. Соотнесение гендерно-маркированных номинаций и их контекстов

Основа системы гендерных стереотипов в средствах массовой информации стоит на бинарной оппозиции мужественность — женственность. Термины мужественность (маскулинность) и женственность (феминность) гендерных стереотипов представляют собой «концептуальные метафоры, передающие внутренне противоречивое и одновременно динамичное соотношение мужского и женского» (ГОРОДНИКОВА 1999). Маскулинность приравнивают к культурному, активному, творческому началу, в то время как феминность — к природному, пассивному и репродуктивному. В соответствии с этим пониманием мужские и женские социальные роли распределяются и освещаются в средствах массовой информации. Далее будет показано, какие семантические поля ассоциируются с мужским или женским гендерным стереотипом.

3.1.1. Семантические поля, ассоциированные с мужским гендерным стереотипом

И. А. Стернин полагает, что

«воспитание мужчин направлено, прежде всего, на выработку определенных мужских качеств: сила, терпимость, умение скрывать свои чувства, быть спокойным, не плакать, умение добиваться своего, активно конкурируя с другими, умение быть знатоком внешнего мира» (СТЕРНИН 2000: 55-67).

Под мужским гендерным стереотипом понимается стереотип, соответствующий понятию «мужской», с опорой на традиционные мужские доминанты. Под термином «доминанта» понимается ценностный ориентир, являющийся главенствующим в жизни и

деятельности индивида.

К мужским доминантам традиционно относятся властность и авторитет; профессиональная активность и интеллектуальные способности; храбрость и способность к самопожертвованию; материальное обеспечение семьи и забота о ней; заинтересованность в политике, науке, спорте. Традиционно мужскими качествами считаются сила духа, твердость в принятии решений, стремление к власти и непрекословному авторитету. Стабильную устойчивость показывают стереотипы «властный мужчина» (1) и «мужской авторитет» (2), что особенно отражается газетными новостными текстами в представлении политических и общественных деятелей посредством лексических единиц со значением *power, strength* 'сила', *authority* 'власть, авторитет':

Critics of Trump often worry about **the power of his words, his ability to push public opinion and political practice** in his direction.¹

"It is now obvious to everyone that Putin pursues an independent foreign policy and stands up for the national interests that the citizens of our country share. **This strengthens his capabilities, this strengthens his weight, this strengthens his authority in the world.**"²

"I note that Prime Minister Putin, without a doubt, is currently **the most authoritative politician in our country,**" Medvedev said in an interview with the country's three state-run television stations.³

Never has David Cameron's political authority been greater. He has just won an outright majority on his own terms, confounding a throng of critics and every opinion pollster in the land.⁴

¹ Robin, C. If Trump is an authoritarian...? *The Guardian*. 20.01.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

² Roth, A. Vladimir Putin secures record win in Russian presidential election. *The Guardian*. 19.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³ Elder, M. Dmitry Medvedev: 'Putin is more popular than I am'. *The Guardian*. 30.09.2011. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁴ Nelson, F. Finally, nothing is holding David Cameron back. So what will he do? *The Telegraph*. 09.05.2015. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

Британское общество отличается наличием мужчин, обладающих профессиональной деловитостью, предприимчивостью, стремлением к работе в коллективе, включенностью в общественную жизнь, нацеленностью на результат, успешность, а также высокими интеллектуальными способностями. Стереотип «мужчина-профессионал» (3) в масс-медийных текстах занимает прочную позицию:

“Laid back, but **a consummate professional**, Matt was **utterly selfless and always strived to achieve excellence.**”⁵

I was approached in the 1990s by the local authority and invited to help maintain school swimming pools. When that ended, **I set up my own company and spend around 25 hours a month doing the same maintenance work.**⁶

Without the structure and camaraderie of employment, he seemed to go grey overnight. He lived into his eighties, but was never the same.⁷

It is no surprise then that Bild billed Heynckes, who has won 19 of 22 league matches this season, as **the Vater des Erfolgs (the father of success)** and Kicker described him as Der Baumeister, **the master architect**, a man who, to use its analogy, “made a stuttering Ferrari slick again”.⁸

Her father was **a successful businessman** in an American Nicaraguan joint enterprise.⁹

Данный стереотип реализуется через лексические единицы со значением *success* ‘успех’ и *professionalism* ‘профессионализм’.

⁵ Diver, T. ‘Daring and fearless’ soldier killed in Syria named as Sergeant Matt Tonroe. *The Telegraph*. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁶ Tims, A. ‘I don’t buy clothes — my best suit is 30 years old’. *The Guardian*. 24.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁷ O’Neill, A. Why retirement can be bad for your old age. *The Telegraph*. 08.05.2017. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁸ Fisher, B. Jupp Heynckes’s return makes Bayern into slick champions once again. *The Guardian*. 08.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁹ Brittain, V. Daughter of the Nicaragua revolution — archive, 1984. *The Guardian*. 20.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

Большинство лексических единиц, положительно характеризующих мужчин, входят в семантические области «профессионализм» и «интеллект».

С древнейших времен мужчины становились защитниками не только своей семьи, но и воинами, готовыми вставать на защиту Родины, своего народа, мужественно сражаясь и не боясь погибнуть в бою. Стереотипами, которые также обладают наибольшей устойчивостью, являются «храбрый мужчина» (4), «мужчина-защитник» (5), «мужчина-герой» (6). В настоящее время из-за непрекращающихся войн на Ближнем Востоке подобные качества мужчин также акцентируются в средствах массовой информации и выражаются лексическими единицами со значением *bravery*, *courage* 'смелость', *sacrifice* 'жертвенность', *heroism* 'героизм':

Instead of running away he **threw himself on top of the attached grenade, risking his life and shielding his comrades from death or serious injury**. For that act of **remarkable bravery and quick thinking**, the 24-year-old part-timer has been awarded the George Cross, the Ministry of Defence announced today.¹⁰

Speaking today at a naval building in St Katherine's Dock in London, Croucher was praised by Air Chief Marshal Sir Jock Stirrup, chief of the defence staff, for **his "courage and self-sacrifice well beyond the call of duty"**.¹¹

"We will never forget **his heroism, his bravery, his sacrifice**," Collomb tweeted.¹²

Macron said Beltrame "**died serving the country to which he had already given so much**. In giving his life to bring to an end the murderous actions of a jihadist terrorist, **he has fallen a hero**." Macron added.¹³

¹⁰ Norton-Taylor, R. Courage and self-sacrifice well beyond the call of duty. *The Guardian*. 23.07.2008. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

¹¹ Ibid.

¹² Willsher, K. 'He has fallen a hero': French gendarme who replaced hostages dies. *The Guardian*. 24.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

¹³ Ibid.

“Sergeant Tonroe **served his country with great distinction** and it is clear from the tributes made by his colleagues that he was not only **exceptionally dedicated and courageous** but also a gifted and intelligent instructor who was respected by everyone he served with.¹⁴

“Sergeant Tonroe **fought to protect British values, our freedoms and to keep us back at home safe. His sacrifice, unflinching commitment and bravery** will never be forgotten”.¹⁵

В британском капиталистическом социуме финансовая надежность и способность материально обеспечивать семью входят на передний план. Исходя из этого, видится правомерным утверждать, что к устойчивым маскулинным стереотипам относятся стереотипы «мужчина-глава семьи» (7) и «мужчина-добытчик» (8), выраженные в большинстве своем существительным *breadwinner* ‘добытчик’:

“Matt was **very much a family man**, making every effort to see him beloved mum around numerous overseas deployments”.¹⁶

My greatest concern is for young people who face a bleaker future with student debt and housing costs, and **a third of my net income — £8,000 a year — goes to support my two eldest grandchildren through university**.¹⁷

The study, carried out between the 9th and 11th June, asked dads to select what they felt that their main role was. **Seventy four per cent picked “breadwinner”**, 53 per cent picked “father”, 52 per cent opted for “husband” and 18 per cent went for “gardener”.¹⁸

¹⁴ Diver, T. ‘Daring and fearless’ soldier killed in Syria named as Sergeant Matt Tonroe. *The Telegraph*. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Tims, A. ‘I don’t buy clothes — my best suit is 30 years old’. *The Guardian*. 24.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

¹⁸ Jardine, C. Modern father’s primary role is breadwinner. *The Telegraph*. 16.06.2010. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

Стереотипными также являются утверждения об увлечениях (9) мужчин. Традиционно в круг мужских интересов входят политика, наука и спорт (в британской культуре особая роль отводится футболу):

I am signed up to the Green party and grow my own fruit and veg, and have cut electricity bills to about £800 a year.¹⁹

I soon progressed to a full marathon. As I crossed the finishing line in Barcelona, I decided to find out how much faster I could go if I trained properly.²⁰

After briefly considering stopping altogether, and feeling “lost”, **Thompson turned his passion for running into a positive** – for his own mental health, and to raise awareness. **Then came running for the joy of running.**²¹

Не все стереотипы маскулинности носят положительный оттенок. К стереотипам с негативной коннотацией, наиболее часто встречающимся в газетных текстах, относятся стереотипы «пьющий мужчина» (10) и «жестокий мужчина» (11):

Serial drink driver Michael Shankland had tried to lose a police patrol by driving under the influence at 70mph in a 30mph zone — just months **after getting his licence back following a previous drink-driving incident.**²²

Floyd Mayweather Snr has vowed Ricky Hatton has no chance in a

¹⁹ Tims, A. ‘I don’t buy clothes — my best suit is 30 years old’. *The Guardian*. 24.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

²⁰ Vassos, A. Confessions of an accidental ultra runner. *The Telegraph*. 22.03.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

²¹ Morrissy-Swan, T. Not as easy as riding a bike: why one fleet-footed Briton is about to run the Tour de France. *The Telegraph*. 05.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

²² Harley, N. Drink-driver in 70mph police chase avoids jail by telling judge he is a ‘breadwinner’. *The Telegraph*. 20.04.2017. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

potential future matchup between the Mancunian and Floyd Mayweather Jnr if he continues **to binge drink** between fights.²³

Jailing him on Monday, Judge David Aubrey QC described it as a “cowardly act of revenge”, adding: “In my judgment **the killing was an act of unspeakable savagery**”.²⁴

On that day, Darren Sykes, to whom she was married for 16 years, **committed the most atrocious of crimes**. Sykes had used five canisters of petrol, bought two days earlier, to turn the three-bedroom house into a blazing inferno.²⁵

В семантической зоне «социальное поведение» присутствуют наряду с положительно коннотированными и отрицательно коннотированные лексические единицы, причем лексемы *crime* 'преступление', *killling* 'убийство' и другие, характеризующие мужчин, существенно преобладают по частотности.

3.1.2. Семантические поля, ассоциированные с женским гендерным стереотипом

Считается, что женские социальные роли и качества личности в высшей степени подвергаются процессу стереотипизации. Под женским гендерным стереотипом понимается стереотип, соответствующий понятию «женский», с опорой на традиционные женские доминанты. К женским доминантам относятся влечение к семье и воспитанию детей; хозяйственность; стремление к обучению; заинтересованность в моде.

Женские гендерные стереотипы касаются распределения со-

²³ Davies, G. Ricky Hatton must cut the booze or risk losing potential Floyd Mayweather Jnr rematch. *The Telegraph*. 21.11.2008. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

²⁴ Dixon, H. Scorned man jailed for 'cold-blooded execution' of ex-girlfriend's lesbian lover. *The Telegraph*. 09.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

²⁵ Rawlins, M. 'He saw our children as possessions': my husband killed our sons. *The Guardian*. 07.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

циальных ролей. Традиционными обязанностями женщины, заложенными в ней природой, считаются забота о членах семьи, создание атмосферы любви и хранение домашнего очага. По мнению Н. И. Ажгихиной, устойчивость данного стереотипа связана с особенностями патриархальной культуры, стремлением общества видеть женщину именно в подобной роли и укоренением представлений о «естественном предназначении» женщины (АЖГИХИНА 2001). Стереотипы «женщина-мать» (1), «женщина-жена» (2) и «женщина-домохозяйка» (3) с точки зрения диахронии обладают наибольшей устойчивостью и в британской лингвокультуре постоянно подчеркиваются средствами массовой информации при описании женщин посредством лексем *mother*, *mum* 'мать', 'мама' и *wife* 'жена':

Franco, 38, was shot dead on Wednesday, only 18 months after her election to the city council. She was **a black single mother** from the favelas in a field dominated by privileged white men.²⁶

“What haunts me the most is that, **as their mum, I wasn’t there for my sons when they needed me the most,**” says Claire, 45, who works as a teaching assistant in Penistone, South Yorkshire.²⁷

Magda Enriquez graduated from boarding school at 15, already determined “**to be a good woman equals be a good wife.**” In fact she is **a loving mother of her own five children, who has also adopted an extra child.**²⁸

In medical terms I classified as a ‘geriatric’ mother, but I don’t care about my age and **love being a mum.**²⁹

²⁶ Viner, K. The Guardian view on the murder of Brazilian politicians: Marielle Franco’s legacy. *The Guardian*. 16.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

²⁷ Rawlins, M. ‘He saw our children as possessions’: my husband killed our sons. *The Guardian*. 07.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

²⁸ Brittain, V. Daughter of the Nicaragua revolution — archive, 1984. *The Guardian*. 20.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

²⁹ Dattu, M. ‘I know how Rachel Weisz feels — I was pregnant at 48, too’. *The Telegraph*. 04.05.2018 Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

The speaker is Joan Castleman, **the charming, enigmatically discreet and supportive wife** of world-famous author Joe Castleman.³⁰

Говоря о профессиональной деятельности женщин, наиболее распространенными остаются занятия в сфере обслуживания (4) (образование, здравоохранение, торговля, социально-бытовая сфера). Кроме того, женщины тяготеют к получению знаний (5):

“What haunts me the most is that, as their mum, I wasn’t there for my sons when they needed me the most,” says Claire, 45, **who works as a teaching assistant** in Penistone, South Yorkshire.³¹

Magda **studied journalism and economics** and married an American professor.³²

Авторы медийных текстов при представлении женщин акцентируют внимание на их внешнем виде (6), манере одеваться, а также на увлечении модой (7) и страстью к покупкам (8). Семантическая группа «внешность» включает большинство лексических единиц, положительно характеризующих женщин:

With her purple fingernails, gold chains and dashing scarlet shirt she looks every inch the confident, successful executive.³³

When the model Sophia Hadjipanteli accidentally **tinted her blond eyebrows black**, she decided to show off her non-normative body hair, rather than reach for the wax strips.³⁴

³⁰ Bradshaw, P. The Wife review — Glenn Close is unreadably brilliant as author's spouse plunged in late-life crisis. *The Guardian*. 12.09.2017. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³¹ Rawlins, M. ‘He saw our children as possessions’: my husband killed our sons. *The Guardian*. 07.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³² Brittain, V. Daughter of the Nicaragua revolution — archive, 1984. *The Guardian*. 20.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³³ Ibid.

³⁴ Khaira-Hanks, P. Can a model’s monobrow help women embrace body hair? *The Guardian*. 09.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

She comes **out dressed as a modern-day Cleopatra**, revealing herself at the end of that catwalk behind scores of dancers. She flits between going hard and **expressing sweet graciousness** towards the audience during her addresses.³⁵

We left Jack Wills, my wife going first, **she so invincible when she sets her mind to shopping**. Then she started for a women's shoe store across the street. "Aren't you exhausted?" I asked.³⁶

Согласно исследованию, И. Броверман (BROVERMAN et al. 1972: 59-78), проведенному в англоязычной среде, было установлено, что женщина чаще описывается в связи с ее зависимостью от мужчины (отец — дочь, муж — жена). Исходя из этого, к числу частотных женских характеристик была отнесена зависимость от мужчины (9), что подтверждается и выборкой исследования:

Her father was a successful businessman in an American Nicaraguan joint enterprise.³⁷

Lisa Evans abused the match official in an expletive-laden tweet after he penalised **her husband** for handball in the World Cup play-off defeat by Switzerland.³⁸

По мнению В. З. Санникова, «женщинам приписывается, прежде всего, многословность, эмоциональность, склонность к преувеличению» [29], поэтому одними из самых распространенных стереотипов феминности являются «женщина эмоциональна» (10) и «женщина болтлива» (11):

Corry Evans has issued an unreserved apology for **his wife's racist rant**

³⁵ Barlow, E. Beyoncé at Coachella review — greatest star of her generation writes herself into history. *The Guardian*. 15.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³⁶ Soto, G. When shopping in London, do it like Rod Stewart. *The Guardian*. 28.09.2013. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³⁷ Brittain, V. Daughter of the Nicaragua revolution — archive, 1984. *The Guardian*. 20.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

³⁸ Hunter, A. Corry Evans apologises for wife's racist rant at Romanian referee. *The Guardian*. 10.11.2017. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

at Ovidiu Hategan after the Romanian referee gave a controversial penalty against the Northern Ireland international.³⁹

“I would like to sincerely apologise to anyone I offended for the language contained in my tweet, I understand it was completely unacceptable, **I should never have let my emotions take over**. I would never condone racism in any way”.⁴⁰

“I spoke of how knife crime seemed so remote, so underworld, until it touches those you love. I called for action, the way you do. To no effect. **My daughter recovered her equilibrium much faster than I did**”.⁴¹

3.2. Коммуникативное поведение и гендер

Все гендерные стереотипы зафиксированы в языке, однако частота употребления их в речи различна. Из-за прочности когнитивной составляющей гендерных стереотипов они создаются в любой сфере общественной жизни человека, в том числе и средствах массовой информации, играя важную роль в коррекции социального поведения. При этом механизм стереотипизации направлен на упорядочение и отбор наиболее существенных фрагментов информации. С помощью стереотипов накапливаемая информация представляется не просто как сумма полезных знаний, но как определенным образом организованный опыт, который благодаря своей структурированности может быть передан следующим поколениям (МАСЛОВА 2004: 126). Разделение людей на мужчин и женщин, а также межличностная функция языка не могли не найти своего отражения в дискурсе и системных элементах языка. Рассмотрим далее, как гендерные отличия проявляются на разных уровнях системы языка. Медийный текст представляет собой наглядную иллюстрацию типичного мужского коммуникативного поведения, подчиненного определенным целям.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Woods, J. I'm on the frontline of this knife-crime epidemic... *The Telegraph*. 06.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

3.2.1. Коммуникативное поведение мужчин

Исследователи выделяют такие черты речи мужчин, как настойчивость, требовательность, авторитарность, стремление захватить инициативу в разговоре, агрессивность (ECKERT, MCCONNELL-GINET 2003; TANNEN 1989). Изучение коммуникативных стратегий мужчин показывает, что воспитание и процесс адаптации в обществе обуславливает использование ими различных стилей речи. Значительное влияние на выбор коммуникативных стратегий мужчин оказывает характер их социального функционирования. Мужчины в большей степени, чем женщины, вовлечены в общественные отношения (СИНЕЛЬНИКОВА 2001: 15).

Характерными свойствами мужского речевого поведения являются уравновешенность, эмоциональная сдержанность, нежелание показывать чувства, склонность казаться непроницаемым, стремление к независимости. По мнению Д. Таннен, коммуникативное поведение представителей мужского пола нацелено на достижение и сохранение авторитета и социального статуса (TANNEN 1989).

Так как мужчины выполняют отличные от женщин социальные роли, им предписываются определенные коммуникативные модели. Мужское речевое поведение отличается большей динамичностью и менее выраженной ориентированностью на собеседника. Лингвистический анализ письменного языка мужчин показал, что в написанных ими медиатекстах (leader) преобладают:

1) имена числительные:

“The Conservatives emerged bruised and battered from that particular contest, **with a winning margin of only two per cent** in the popular vote”.⁴²

“According to a paper presented at the Economic History Society this week that is the lesson of the collapse that most closely parallels that of **2008/09 — the panic of 1866**”.⁴³

⁴² Harris, T. Labour is very confident about winning London. *The Telegraph*. 01.05.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁴³ Lynn, M. We're still living with the crisis of 2008. *The Telegraph*. 13.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

“These are two of the UK’s “big four” supermarkets and they have around **27pc market share combined, with about 2,000 stores in total**”.⁴⁴

2) специальная терминология:

“One is that they will be the first **electoral test of the parties** since last year’s extraordinary result in **the snap general election**.”⁴⁵

“**The equity markets** are up, despite this year’s wobbles, and **company profits** are robust. A decade on from **the global financial crash**, it is looking like we are starting to emerge on the other side”.⁴⁶

3) на грамматическом уровне — глаголы в активном залоге:

“The European Union’s answer to public concern over misuse of private data, **comes** fully into force”.⁴⁷

“Boasting numerous fast-growing emerging markets and spanning five continents, the 53-member Commonwealth **will play** a major role in the future of the world economy”.⁴⁸

4) повелительное наклонение:

“The very term brings forth a yawn, so **do bear with**”.⁴⁹

“**Calm down** Remainers: the local election results won’t change

⁴⁴ Yeomans, J. An Asda-Sainsbury's merger will have a mountain to climb — but don't bet against it. *The Telegraph*. 28.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁴⁵ Harris, T. Labour is very confident about winning London. *The Telegraph*. 01.05.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁴⁶ Lynn, M. We're still living with the crisis of 2008. *The Telegraph*. 13.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁴⁷ Warner, J. We risk surrendering the future to China with our heavy-handed approach to data protection. *The Telegraph*. 24.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁴⁸ Halligan, L. Why the Commonwealth is the key to a trade boom. *The Telegraph*. 21.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁴⁹ Warner, J. We risk surrendering the future to China with our heavy-handed approach to data protection. *The Telegraph*. 24.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

Brexit”.⁵⁰

5) модальные глаголы:

“The Lords’ conduct over Brexit shows it to be more of a danger to democracy than at any time since 1911. It **should** be abolished”.⁵¹

“And as the world changes, leaders **have to** be able to rely on, partner with, and hand decision-making rights to others in the organisation”.⁵²

6) предложения со сложной структурой, с инфинитивными и причастными осложняющими конструкциями:

“Yet the deal makes a lot of sense — especially if we assume it is Walmart, the US giant that owns Asda, **effectively waving a white flag on the UK market**, and **deciding it would prefer to throw in its lot with another operator**”.⁵³

“Hardly **anyone is going to be fully up to speed** from day one. The new law requires **companies to ensure** compliance not just for themselves, but in all their suppliers too — “contractual uplift”, **to use** the legalese. Uni-lever alone has around **120,000 suppliers to whip** into line”.⁵⁴

“**Boasting numerous fast-growing emerging markets and spanning five continents**, the 53-member Commonwealth will play a major role in the future of the world economy”.⁵⁵

⁵⁰ Crook, D. Letters: The EU customs union is the only protection against American bullying. *The Telegraph*. 04.05.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁵¹ Ibid.

⁵² Bootle, R. Why all companies must brace for change. *The Telegraph*. 14.12.2016. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁵³ Yeomans, J. An Asda-Sainsbury's merger will have a mountain to climb — but don't bet against it. *The Telegraph*. 28.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁵⁴ Warner, J. We risk surrendering the future to China with our heavy-handed approach to data protection. *The Telegraph*. 24.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁵⁵ Halligan, L. Why the Commonwealth is the key to a trade boom. *The Telegraph*. 21.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

Приведенные примеры показывают, что дискурсу мужчин свойственна реалистичная оценка действительности, лаконичность порождаемого высказывания, конкретизация, точность в выражении мысли, достоверность и важность содержания передаваемой информации.

3.2.2. Коммуникативное поведение женщин

В газетных текстах авторы-женщины чаще концентрируются на отношениях между людьми, им важнее поделиться новостями и переживаниями, получить помощь или оказать поддержку. В литературе отмечается, что в целом специфичными чертами женского коммуникативного поведения являются эмоциональность, несдержанность, сентиментальность (ТОКАРЕВА 2005: 11). Фиксируются подчиненность женщины мужчине и вторичность в коммуникации.

Женское речевое поведение отличается вниманием к подтексту:

«Замечено, что женщины — тонкие коммуниканты, они более фатичны, то есть изобретательны и мобильны в применении контактоустанавливающих средств, легче переключаются, проще входят в мир интересов другого человека» (СИНЕЛЬНИКОВА 2011: 15).

Естественной для женщин также является потребность в обсуждении частных тем. Выбор стратегий речевого поведения женщин обусловлен воздействием на них ролей, предписанных им обществом. Принимая во внимание описанный выше факт, что самыми распространенными женскими социальными ролями являются жена, воспитательница детей и домохозяйка, в сферах общения женщины часто ограничиваются семьей и личными взаимоотношениями. В масс-медийном дискурсе наиболее распространенными жанрами у женщин-авторов становятся тематическая статья (feature) и светская хроника (gossip), ориентированные в основном на женскую читательскую аудиторию.

Женские тактики коммуникативного поведения характеризуются обращенностью к внутреннему миру собеседника, доверительностью, вниманием к деталям. «Для большинства женщин язык общения — это в первую очередь язык взаимопонимания»

(TANNEN 2007). Австралийскими учеными замечено, что женская многословность имеет научное обоснование: «женская склонность поболтать объясняется особенностями женской анатомии: у женщин область мозга, контролирующая речь, имеет на 20% больший размер, чем у мужчин» (ШЕЙНОВ 2011: 73). Однако, исходя из основных характеристик медиатекста (достоверность представления событий и авторитетность комментария), гендерный стереотип «женщина болтлива» касательно речевого поведения женщин-авторов медийных текстов утрачивает актуальность. Данный стереотип неразрывно связан со стереотипом «женщина эмоциональна».

При рассмотрении письменного языка женщин выявлено, что газетным текстам, авторами которых являются женщины, свойственна бóльшая, по сравнению с мужчинами, степень эмоциональности. «Стремление в первую очередь обозначить эмоциональный план — свойство женской натуры» (СИНЕЛЬНИКОВА 2011: 15).

В ходе изучения частоты употребления лексических и грамматических единиц было установлено, что эмоциональность женщин проявляется в преобладании в их речи:

1) прилагательных:

“I know that there is no woman who does not make an **enormous, exasperating effort to get to the end of the day**”.⁵⁶

“**Poor or affluent, ignorant or educated, beautiful or ugly, famous or unknown, married or single, working or unemployed, with children or without, rebellious or obedient**, we are all deeply marked by...”.⁵⁷

“Describing women as “wives” and “mothers” is often used as **lazy, misogynistic shorthand** to diminish their other achievements”.⁵⁸

2) глаголов в пассивном залоге:

⁵⁶ Ferrante, E. ‘Even today, after a century of feminism, we can’t fully be ourselves’. *The Guardian*. 17.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ramaswamy, C. ‘Unlike Hillary Clinton...’ *The Guardian*. 23.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

“The consequence is that not only **is** female power **suffocated** but also, for the sake of peace and quiet, we suffocate ourselves”.⁵⁹

“...we **are** all deeply **marked** by a way of being in the world that, even when we claim it as ours, **is poisoned** at the root by millennia of male domination”.⁶⁰

“My local branch meeting of loose and pantless family-wreckers in the broad coven of Big Feminism **were obliged** to address an interesting addendum to our agenda yesterday”.⁶¹

3) СЛОВ-ИНТЕНСИФИКАТОРОВ:

“**Everything, really everything**, has been codified in terms of male needs — even our underwear, sexual practices, maternity”.⁶²

“She meant that she had trained herself not to be **too beautiful, too intelligent, too considerate, too independent, too generous, too nice**”.⁶³

“**I was super sad about it**. When I read that, going through all the implications of the operation, **I just broke down**. And **I was so shocked**, because it’s not something I would’ve thought of, and they don’t tell you that stuff at the hospital”.⁶⁴

4) МЕЖДОМЕТИЙ:

⁵⁹ Ferrante, E. ‘Even today, after a century of feminism, we can’t fully be ourselves’. *The Guardian*. 17.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Badham, V. Beware, fellow feminist witches, conservative columnists are on to us! *The Guardian*. 30.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁶² Ferrante, E. ‘Even today, after a century of feminism, we can’t fully be ourselves’. *The Guardian*. 17.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Iqbal, N. Pumarosa’s Isabel Munoz-Newsome: ‘I didn’t get a smear test because I was embarrassed. Stupid’. *The Guardian*. 10.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

“**Hmm**, sounds unlikely – but at this point, surely, we’ll try anything”.⁶⁵

“**Ah**. As they say: there’s no place like a private central patch”.⁶⁶

5) вопросительных и восклицательных предложений:

“Is it possible, people say to me at times, that you don’t know even one bitch? I know some, of course”.⁶⁷

“My first question is: who leaked these pages from the modern feminist playbook?”⁶⁸

“We maintain relationships with (gasp!) families, (eek!) friends and social networks from church groups to sporting clubs, and (ye gods, preserve us!) engage with the agency of the workplace”.⁶⁹

“The fact my reaction was not to dismiss it at once but to think “Great! It’s furnished!” — of course it is”.⁷⁰

6) сослагательного наклонения:

“If she wants young people to start families younger, I’d also suggest Shanahan grab a placard and start marching for an end to insecure work, and agitate for pay parity and higher minimum wages”.⁷¹

“When we are prepared to give up doors and windows, if the price is

⁶⁵ Hunt, E. Don’t worry, we millennials don’t need living rooms anyway. *The Guardian*. 01.05.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ferrante, E. ‘Even today, after a century of feminism, we can’t fully be ourselves’. *The Guardian*. 17.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁶⁸ Badham, V. Beware, fellow feminist witches, conservative columnists are on to us! *The Guardian*. 30.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Hunt, E. Don’t worry, we millennials don’t need living rooms anyway. *The Guardian*. 01.05.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁷¹ Badham, V. Beware, fellow feminist witches, conservative columnists are on to us! *The Guardian*. 30.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

right, is it any wonder that we are content to live without a living room”.⁷²

В речи женщин, таким образом, в большей степени наблюдается использование эмотивной лексики, предпочтение некатегоричной формы выражения. Женское восприятие зависит, скорее, от формы сообщения, от символичности информации, нежели от его содержания.

В результате сопоставления письменной речи авторов газетных текстов мужского и женского полов, было установлено, что в количественном отношении тексты, написанные женщинами, оказались длиннее, чем те, что написаны мужчинами. В качественном выражении различия обнаружены и на лексическом и на грамматическом уровнях: в письменной речи мужчин преобладают числительные, специальные термины, глаголы в активном залоге, повелительном наклонении со значением модальности, в то время как у женщин — такие части речи, как прилагательные, глаголы в пассивном залоге и сослагательном наклонении, слова-интенсификаторы, междометия. С точки зрения синтаксиса, предложения, написанные мужчинами, оказались сложнее по структуре в аспекте клаузуального подчинения, чем те, что написаны женщинами. Авторы-женщины в большей степени используют восклицательные и вопросительные по коммуникативной цели предложения.

Следует, однако, сделать следующее замечание. Действительно, для анализа использовались медиатексты, написанные мужчинами и женщинами. Но в силу того, что медиатексты, привлеченные к анализу, принадлежали разным жанровым категориям, говорить об исключительно гендерной составляющей в чистом виде не вполне правомерно: нельзя не учитывать требование соблюдения жанровых и адресатных ожиданий (ТЫРЫГИНА 2010). Тем не менее, сделанное пояснение вовсе не исключает влияние гендерного фактора.

⁷² Hunt, E. Don't worry, we millennials don't need living rooms anyway. *The Guardian*. 01.05.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

3.3. Тенденция к смешению гендерных стереотипов

В последние десятилетия процесс глобализации мировой экономики, тесное развитие межкультурных отношений и межнациональных контактов в значительной степени оказывают влияние на гендерное самоопределение мужчин и женщин. В современном обществе появляется большое количество мужчин, которые находят себя в традиционно «женских» занятиях, и женщин, которые успешны в типичных «мужских» сферах деятельности — политике, бизнесе и т. п. Женщины уже не рассматриваются только как хранительницы домашнего очага, а заботу о семье и детях все чаще берут на себя мужчины.

Подобное «смешение» социальных ролей влияет на устойчивость традиционных гендерных стереотипов. Как и все социальные стереотипы, гендерные стереотипы претерпевают изменения по мере того, как изменяются прочие социальные представления и нормы (РЯБОВА 2003: 120-138). Как отмечает Е. П. Ильин, гендерные стереотипы зачастую препятствуют формированию истинного представления о мужественности и женственности и вводят людей в заблуждение. Качества, которые в обществе присущи мужчине, временами в большей степени обнаруживаются у женщин, и наоборот (ИЛЬИН 2010: 73).

Анализ британских медиатекстов позволяет сделать вывод о существовании «смешанных» гендерных стереотипов. Под смешанным гендерным стереотипом понимается стереотип, соответствующий понятиям «мужской» и в то же время «женский», с опорой как на мужские, так и на женские доминанты.

3.3.1. Изменения в структуре семантических полей, ассоциированных с мужским гендерным стереотипом

В ряде **мужских стереотипов** наблюдается изменчивость, связанная с активно насаждаемой товаропроизводителями тенденцией к созданию более «нежного» мужского образа. В современном обществе появились мужчины, пользующиеся парфюмерией и косметикой, следящие за модой, собственным внешним видом и не приверженные традиционным мужским ценностям:

There's no doubt that **Harry has started looking sharper** since La Markle came on the scene. **His shirts have got crisper, his suits better-fitting, his car coats more luxurious.**⁷³

Seatbelt fastened, I realised **my favourite sweater** was missing. I had, presumably, idly dropped it around the departure gates. But I'd never know. The flight took off. **My grey Sunspel sweatshirt with its cute hound dog print was gone, for ever. I loved that sweater;** but I loved the time before I lost it more. That was irreplaceable.⁷⁴

When I see **a shoe**, I deconstruct it in my head. It comes from spending childhood summers around my grandad's denim factory in Bury, watching the machinists turn fabric into clothes.⁷⁵

There's a few things we men are rather precious about. Our partners, our kids, maybe the motorbike we purchased on a whim during a mid-life crisis moment. **And definitely, certainly, our hair** — only we don't think about it until we start losing it. At that point, it becomes the most important thing on the list.⁷⁶

Британские журналисты подчеркивают, что число мужчин, отдающих предпочтение заботе о детях в ущерб карьере, с каждым годом стремительно растет (PEACOCK, MARSDEN 2013):

The only problem is ... I'm a man. I am **the main carer for my kids** and have been since 2011. **It's my wife who fulfills the traditional role of breadwinner while I do the majority of the childcare and run the household** (by my own admission, with varying degrees of success).⁷⁷

⁷³ Needham, A. Fit for a king: a Prince Harry style makeover. *The Guardian*. 07.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁷⁴ Crummy, C. Queer Eye's Tan France and others on the clothes they've loved and lost. *The Guardian*. 07.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Jones, R. How to go bald gracefully — just like Prince William. *The Telegraph*. 19.01.2017. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁷⁷ Adams, J. The 'Mental Load' is real — but feminists are wrong if they think only women feel it. *The Telegraph*. 07.06.2017. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

Andy does most of the cooking and a lot of the housework. It's not an easy transition for any man, but he's happy and everything's tidy when I get home.⁷⁸

3.3.2. *Изменения в структуре семантических полей, ассоциированных с женским гендерным стереотипом*

Как показывают многие исследования (РОЩИН 1996; ВОРОНИНА 1998; ГАСПАРЯН 1999) в конце XX в. гендерная асимметрия усилилась, и права женщин оказались ущемлены. Однако в настоящее время в СМИ наблюдается тенденция к созданию современного женского стереотипа, демонстрирующего сильную и уверенную в себе женщину, способную защитить собственные интересы:

Her stature may have taken a hit after the recent German elections, in which she won a fourth term as chancellor with diminished authority, but **Angela Merkel remains the most powerful woman in the world**, according to Forbes.⁷⁹

Long before being elected to Rio's city council in 2016, Marielle was widely known as **a tireless and fearless advocate for the rights** of Afro-Brazilians, LGBT people, women and low-income communities.⁸⁰

The fact that **her words are still influential** is a reminder of **the political authority she wielded**.⁸¹

Tonight, **Beyoncé plays political as fiercely as she plays feminist**.⁸²

⁷⁸ Ferguson, D. A man should be the breadwinner, right? *The Guardian*. 12.12.2015. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁷⁹ Topping, A. Angela Merkel clings to top spot in Forbes 100 most powerful women list. *The Guardian*. 01.11.2017. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁸⁰ Viner, K. Marielle Franco's murderers must be brought to justice. *The Guardian*. 22.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁸¹ Hague, W. The crisis-hit West needs cool leadership. *The Telegraph*. 13.02.2016. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

⁸² Barlow, E. Beyoncé at Coachella review — greatest star of her generation writes herself into history. *The Guardian*. 15.04.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

Как показывает анализ материала, новые женские социальные роли и черты несколько не противоречат общепринятым устоям и культурно-национальным традициям. Женщины, занятые собственной карьерой и вовлеченные в общественную деятельность, в то же время уделяют достаточное внимание семье.

Современные женщины обеспокоены неравным по сравнению с мужчинами положением в обществе. Стереотипное представление «мужчины получают более высокую зарплату» многократно акцентируется в британских газетах в статьях на тему «gender gap»:

Today **the jobs and industries may have changed**, but **the ideas we need to challenge gender discrimination at work haven't**.⁸³

Nonetheless, the data published so far is powerful. Few if any women will be surprised that **male colleagues outearn them per hour**.⁸⁴

Equal Pay Day in the US always falls in early April. The fourth month symbolises **how far into the new year women must work to earn what men earned in the previous 12 months**.⁸⁵

Возрождение женского самосознания и стремление отличаться от мужчин свидетельствуют о том, что гендерная стереотипизация заменяет стереотипизацию идеологическую.

Проведенный в исследовании анализ медиатекстов показывает, что изменения в гендерных стереотипах мужественности затронули в большинстве своем такие семантические поля, как «внешний вид» и «отцовство», а в гендерных стереотипах феминности — семантическую зону «профессионализм». Лексические

⁸³ Wayne, N. Why are women still concentrated in the lower-paid jobs? *The Guardian*. 23.07.2008. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁸⁴ Viner, K. The Guardian view on the gender pay gap: enough excuses; time for action. *The Guardian*. 20.03.2018. Retrieved from <http://www.guardian.co.uk>.

⁸⁵ Kennedy, S. Tamara Mellon on being paid less than her male colleagues at Jimmy Choo. *The Telegraph*. 10.04.2018. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk>.

единицы, которые ранее характеризовали женщин, теперь выступают характеристиками мужчин, и наоборот.

Как показывают приведенные выше примеры, средства массовой информации вырабатывают и закрепляют в сознании читательской аудитории новые представления о мужчинах и женщинах. В целом, отмечается тенденция к «стиранию граней» между мужскими и женскими гендерными стереотипами, а также объясняется ее социальная обусловленность.

4. Заключение

Выполненное исследование указывает на сосуществование в настоящее время двух тенденций представления гендерного стереотипа в медийном дискурсе. С одной стороны, современный медийный дискурс отражает постоянство гендерных стереотипов, которым свойственны: 1) разделимость, т. е. в гендерном стереотипе представляется мировоззрение автора, чьи идеи должны быть не только понятны, но и близки читателю); 2) оценочность, т. е. гендерный стереотип выступает ключевым компонентом смысла информации); 3) схематичность, т. е. гендерный стереотип упрощает процесс взаимодействия читателя и автора; 4) устойчивость, т. е. модели поведения мужчин и женщин складываются в СМИ годами. Анализ семантических полей, ассоциированных с гендерно-маркированными номинациями, позволяет говорить о том, что медийные тексты поддерживают и закрепляют гендерные стереотипы, связанные с маскулинностью / феминностью, распределением семейных и профессиональных ролей мужчин и женщин, а также спецификой содержания их труда.

Вместе с тем, как показывает собранный фактический материал, наблюдается и противоположная тенденция, обнаруживающая себя в рассогласовании гендерно-маркированных номинаций и ожидаемых, предсказуемых семантических полей. Наблюдаемая амбивалентность гендерного стереотипа, обусловленная, прежде всего, социокультурными факторами, указывает на его угасание, свидетельствует, по-видимому, о его эволюционировании. Эти изменения регистрируются медиатекстами, которые,

как никакие другие, с высокой степенью оперативности отзываются на динамические процессы, импульсы или колебания, происходящие в социуме. Дальнейшее изучение гендерного стереотипа как динамической субстанции представляется перспективным и целесообразным.

© Тырыгина В. А.

Раздел II
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

2.1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

1. Введение

В настоящее время особую актуальность приобрели вопросы, связанные с социолингвистическим изучением современной языковой ситуации этнических групп, функционирующих в иноязычном окружении.

Интерес к изучению языковых ситуаций связан с тем, что без подобных исследований трудно установить закономерности и тенденции развития сложных процессов языковой жизни современного общества, в котором языки всегда взаимосвязаны в рамках сложной коммуникативной системы, дополняя и компенсируя друг друга, обеспечивая в своей функциональной дистрибуции все коммуникативные и экспрессивные потребности общества (подробно см. в [КАМБОЛОВ 2002: 81-83]).

Понятие «языковая ситуация» активно используется в языкознании с 1960-х годов XX в. и тесным образом связана с его социальным аспектом (НИКОЛЬСКИЙ 1976; ЕДЛИЧКА 1988; АЛПАТОВ 2000). По мнению В. А. Аврорина языковая ситуация является конкретным типом взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития. Она должна иметь три обязательных составляющих: 1) социальные условия функционирования языка; 2) сфера и среда употребления языка; 3) форма существования языка (АВРОРИН 1975: 120).

Следует отметить, что ученый одинаково применяет термин «языковая ситуация» для одноязычных и для неодноязычных ситуаций. Языковая ситуация одноязычного народа им определяется как функционирование всех наличных форм существования языка «во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа» (АВРОРИН 1975: 120). Однако гораздо чаще приходится иметь дело с

функционированием в пределах административно-политического региона (в пределах страны) не одного, а двух или большего числа языков, т. е. наблюдать ситуацию двуязычия или многоязычия.

Это обстоятельство учтено в социолингвистическом определении Л. Б. Никольского, который отмечал, что в одноязычном обществе языковая ситуация определяется как система функционально распределенных форм существования языка, которые соотносятся с континуумом языковой коммуникации. В многоязычном обществе языковая ситуация определяется как аналогичная система, где вместо форм существования единственного языка функциональному распределению подвергаются разные языки, имеющие функциональные «ранги», средства межнационального, регионального, местного общения, средства общения элиты или широких народных масс (НИКОЛЬСКИЙ 1976: 62).

А. Д. Швейцер несколько дополняет данное определение, акцентируя внимание на том, что языковая ситуация — это не только совокупность социально и функционально распределенных языковых систем и подсистем, но и их иерархия. Ученый предложил включить в определение и указание на субъективный аспект языковой ситуации, т. е. ссылку на языковые установки членов общности, на их отношение к языковым образованиям, функционирующим на данной территории, так как

«языковая ситуация изменяется вследствие изменения социально-экономических и политических позиций, занимаемых языковыми или этнолингвистическими общностями, а также под воздействием мер, принимаемых государством с целью функционального перераспределения языков и форм их существования» (ШВЕЙЦЕР 1978: 110).

В свою очередь, Ч. Фергюсон рассматривает понятие «языковая ситуация» с позиций экстралингвистического контекста, считая, что данный термин относится к общей конфигурации использования языка в определенное время и в определенном месте и включает такие данные как количество и качество исполь-

зуемых в этом ареале языков, количество говорящих на них людей, обстоятельства установки и мнения в отношении этих языков со стороны членов данного коллектива (FERGUSON 1959).

Таким образом, одни ученые понимают под языковой ситуацией сложный динамический процесс коммуникации в пределах определенной общности, при которой особое значение приобретают, с одной стороны, общественные условия коммуникации и ее культурные традиции в том или ином национальном языке, а с другой стороны, — свойства национальных языков и форм их существования, характерные для данной языковой ситуации (см., например, в [КРАУС 1985: 24]). Другие исследователи вкладывают в понятие языковой ситуации характеристику социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования (БЕЛИКОВ, КРЫСИН 2001).

2. Материал и методы исследования

В качестве материала исследования в данной работе анализируются немецкие островные диалекты Кировской области, которые представляют собой уникальную форму языка, и которые функционируют в рамках внутри- и межъязыкового взаимодействия. Необходимо отметить, что на территории Кировской области представители немецкого национального меньшинства не образуют замкнутой общности, объединенной в хозяйственном, культурном и языковом плане. Российские немцы образуют здесь небольшую по численности этническую группу, составляющую, по статистическим данным, 1408 человек, проживающих среди многонационального населения. Исконные характеристики у данного населения сохраняются, причем на процесс сохранения традиционного и появление нового в культуре этой группы повлиял вынужденный характер переселения — депортация. Исконная специфика уклада жизни еще продолжает сохраняться в какой-то мере в привычках, традициях, повседневности, но особенно отчетливо она проявляется в последнее время в сфере духовной культуры и самосознания. Не образуя более или менее единой общно-

сти, члены которой находятся друг с другом в постоянном контакте (в том числе и языковом), немецкие поселенцы Кировской области являются носителями верхненемецких и нижненемецких идиолектов. Однако, необходимо отметить, что немецкие поселенцы владеют русским языком во всех его разновидностях (пишут, читают, говорят) и используют его в различных ситуациях повседневной жизни, что позволяет наблюдать «вытеснение» немецкого языка русским языком в изучаемом регионе.

При исследовании языковой ситуации и речевого поведения российских немцев Кировской области нами использовались следующие методы: полевые методы при сборе лингвистического материала; метод слухового анализа речи в условиях естественной коммуникации и речи, записанной на магнитные и цифровые носители; метод сплошной фиксации диалектологического материала с последующим транскрибированием текстов; метод социолингвистического анкетирования и интервьюирования анкетиртуемых; метод социально-дифференцированного анализа исследуемого языкового материала, включающий наблюдения над функционированием языков российских немцев в различных ситуациях общения. Привлечение данных методов к анализу материала позволяет рассмотреть обнаруженные явления в комплексе с большой степенью объективности и достоверности.

3. Результаты исследования

3.1. Характеристика языковой ситуации в Кировской области

Описание языковых ситуаций и их типологии является одной из актуальных задач социолингвистики, решение которой имеет большое практическое значение, так как оно дает возможность раскрыть основы и характер языковой политики государства, оценить перспективность того или иного курса в отношении языка, прогнозировать тенденции языковой жизни социума. Для создания типологии языковых ситуаций первостепенное значение имеет выделение соответствующих параметров. Наиболее дифференцированную и четкую схему анализа языковых ситуаций предлагает В. А. Виноградов, который считает, что каждую

языковую ситуацию необходимо характеризовать по количественным, качественным и оценочным параметрам. Следует отметить, что, рассматривая типологию языковых ситуаций, ученый оперирует термином «идиом», который используется при описании языковой ситуации для обозначения различных языковых образований (литературного языка, диалекта, говора, варианта литературного языка и т. п.).

К количественным признакам языковой ситуации, согласно схеме В. А. Виноградова, относятся: 1) *число идиомов* в данной языковой ситуации, которые являются ее компонентами: монокомпонентные, включающие один идиом и поликомпонентные языковые ситуации, включающие несколько идиомов; 2) *число говорящих* на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала, т. е. демографическая мощность идиомов; 3) *число коммуникативных сфер*, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер, или коммуникативная мощность идиомов; 4) *число функционально доминирующих* идиомов — однополюсные и многополюсные языковые ситуации (подробно см. в [ВИНОГРАДОВ 1990: 616-617]).

Качественные характеристики языковой ситуации передают, по мнению В. А. Виноградова, такие их признаки как: 1) *лингвистический характер* входящих идиомов: одноязычные и многоязычные языковые ситуации; 2) структурно-генетические *отношения* между идиомами: языковые ситуации с гомогенными и гетерогенными компонентами; 3) функциональная *равнозначность* — *неравнозначность* идиомов: гармоничные языковые ситуации с идиомами, обладающими равным статусом и дисгармоничные с идиомами, обладающими разным статусом; 4) характер *доминирующего* в государственном масштабе идиома (металекта): эндогlossные языковые ситуации с металектом — одним из местных языков, экзогlossные, металектом которых является один из «импортированных языков».

В. А. Виноградов выделяет также оценочные признаки язы-

ковой ситуации, которые касаются внешней и внутренней характеристики идиомов, т. е. оценки языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д. Совокупность таких оценок определяет степень так называемой «языковой лояльности» данного языкового коллектива, т. е. степень его приверженности к родному языку. В связи с возможным наличием в языковой ситуации диглоссии различаются диглоссные и недиглоссные языковые ситуации, например, диглоссная языковая ситуация — в странах Магриба, недиглоссные — в бывших советских республиках, где функционально сосуществовали национальный и русский языки (*ibid.*).

Необходимо отметить, что классификация языковых ситуаций, предложенная В. А. Виноградовым, дает возможность объективно изучить сложившуюся языковую ситуацию на территории Кировской области, которая определяется как совокупность языков, существующая в данное время в данном территориально-административном социуме и сложившаяся под воздействием социальных условий коммуникации и культурных традиций социума.

С позиций типологии языковых ситуаций, предложенной А. В. Виноградовым (*ibid.*), языковую ситуацию в Вятском регионе можно охарактеризовать как многокомпонентную, так как мы сталкиваемся с сосуществованием и взаимодействием двух идиомов: русского и немецкого языков (под немецким языком в данном случае подразумеваются немецкие диалекты). Следует признать, что преобладание русского языка по демографической и коммуникативной мощности над языком этнических немцев позволяет отнести языковую ситуацию этнических немцев в Кировской области к неравновесным и однополюсным. В контакте с диалектом русский язык занимает господствующее положение. Это официальный, государственный язык, язык местного населения, язык местной культуры, науки и школы, поэтому сферы пользования родным языком этнических немцев ограничены.

На основе качественных признаков языковая ситуация российских немцев Кировской области определяется как многоязычная гетерогенная и гетероморфная: немецкий и русский языки являются неродственными и типологически несхожими языками. В результате различных коммуникативных статусов идиом русский язык выступает в качестве официального, государственного языка, что говорит о дисгармоничной экзогlossной языковой ситуации в отношении к немецкому языку. Следует заметить, что русский язык занимает в общении российских немцев доминирующее положение, диалект как язык меньшинства обречен на отступление перед мощным давлением иноязычного окружения. В условиях сложной экзогlossной несбалансированной языковой ситуации происходят изменения в языке российских немцев в силу развития диалектных систем под прямым и косвенным воздействием общенационального русского языка и других говоров.

3.2. Речевое поведение немцев Кировской области: социолингвистический аспект

3.2.1. Языковая компетенция как определяющий фактор речевого поведения российских немцев Кировской области

Сложившаяся языковая ситуация в Кировской области отражается на языковой компетенции немцев. Эти два фактора могут рассматриваться как определяющие признаки речевого поведения российских немцев Кировской области. По нашим наблюдениям, от поколения к поколению владение языком, который этнические немцы считают родным, ухудшается.

Основываясь на данных социолингвистической анкеты, рассмотрим языковую компетенцию немцев Кировской области по степени владения родным немецким языком или немецкими диалектами и по сферам употребления немецкого языка или немецких диалектов (самооценка).

Российские немцы рассматриваемого региона были условно разделены на три возрастные группы (подробнее см. в [СМИРНЦ-

кая, Баротов 1997; Москалюк 2000; Байкова 2008; 2011)), каждая из которых определяется своим типом языкового поведения.

В данном случае необходимо уточнить, что в качестве критерия выделения возрастных групп российских немцев Кировской области были выбраны основные моменты их истории, а именно: 1) период до 1941 г. — время развития немецкой этнической группы в условиях более или менее либеральной национальной политики в Советском Союзе; 2) период с 1941 по 1956 гг. — начало Великой Отечественной войны и массовая насильственная депортация немцев в северные и восточные регионы страны; 3) период с 1955 г. — отмена спецкомендатур, частичная реабилитация немцев, возможность массовых миграций в новые районы постоянного проживания.

Основным критерием для выделения данных групп является также языковая компетенция: знание родных диалектов, литературного немецкого языка, умение говорить, читать и писать на языке своей этнической группы. Исходя из типов языкового поведения были выделены следующие группы: 1) группа старшего поколения (российские немцы, родившиеся до 1933 г.), сохранившая немецкие диалекты и использующая их в повседневной жизни; 2) группа среднего поколения (российские немцы, родившиеся с 1934 по 1956 г.), которая характеризуется ограничением применения немецких диалектов; 3) группа младшего поколения (российские немцы, родившиеся, начиная с 1957 г.), которая не знает родные немецкие диалекты и не использует их на семейно-бытовом уровне.

Для более детального и объективного исследования языковой компетенции обследуемых российских немцев Кировской области нами выделяются в каждой возрастной группе две подгруппы: первая возрастная подгруппа и вторая возрастная подгруппа.

В результате проведенных исследований в опросе приняли участие 71 представитель немецкого этнического меньшинства Кировской области, из них 31 респондент старшего поколения: 21

представитель первой подгруппы и 10 представителей второй подгруппы старшей возрастной группы; 20 респондентов среднего поколения: 10 респондентов первой подгруппы и 10 респондентов второй подгруппы средней возрастной группы; 20 респондентов — представителей младшего поколения российских немцев: 10 респондентов первой возрастной подгруппы и 10 респондентов второй возрастной подгруппы младшей возрастной группы.

Как показало проведенное анкетирование, все представители старшего поколения этнических немцев понимают немецкоязычную речь. Что касается средней и младшей возрастных групп, лишь 10 респондентов средней возрастной группы и 2 респондента младшей возрастной группы понимают немецкие диалекты.

Исходя из полученных данных, свободно выражают мысли на немецком языке 21 респондент старшей возрастной группы первой подгруппы и 5 респондентов второй подгруппы. 10 респондентов средней возрастной группы могут ограниченно выражать свои мысли на немецком языке. И лишь 2 респондента младшей возрастной группы могут выражать мысли на немецком языке. Однако это уже выученный немецкий язык.

В повседневной жизни используют свои диалекты 21 респондент старшего поколения первой возрастной подгруппы и 5 респондентов старшего поколения второй возрастной подгруппы. Среди респондентов средней возрастной группы только 5 российских немцев обращаются к немецкому языку при общении в семье и, как отмечают сами информанты, очень редко. В младшей возрастной группе никто не использует немецкий язык на семейно-бытовом уровне.

Немецкий язык также используется в сфере религиозного общения. В старшей возрастной группе первой подгруппы в религиозной сфере немецкий язык используют 18 респондентов, а во второй подгруппе — 3 респондента. Среднее и младшее поколение является нерелигиозным, поэтому не понимает религиозный немецкий язык.

По анкетным данным, 21 респондент первой подгруппы и 5

респондентов второй подгруппы старшей возрастной группы читают литературу на немецком языке. Это, в основном, религиозная, художественная и учебная литература. Представители средней и младшей возрастных групп ответили, что не читают немецкоязычную литературу, так как в этом нет необходимости.

Переписку на немецком языке со своими родственниками, проживающими в Германии, ведут 15 респондентов первой возрастной подгруппы и 4 респондента второй возрастной подгруппы старшего поколения. Представители среднего и младшего поколения отметили, что не ведут переписку на немецком языке.

Итак, из 71 респондента (100%) немецкий язык понимают 43 респондента (60,5%); могут свободно выразить мысли 38 респондентов (53,5%); использует немецкий язык в сфере семейно-бытового общения 31 респондент (43,6%), в религиозной сфере — 21 респондент (29,5%), читают литературу на немецком языке 26 респондентов (36,6%); ведут переписку только 19 респондентов (26,7%).

Наибольшая языковая компетенция характерна для представителей первой подгруппы и второй подгруппы старшей возрастной группы. Что касается респондентов второй подгруппы старшей возрастной группы, то следует признать, что языковая компетенция ее представителей несколько выше языковой компетенции респондентов первой подгруппы средней возрастной группы. Низкая языковая компетенция является показателем второй подгруппы средней возрастной группы и двух подгрупп младшей возрастной группы. Это результат воздействия различных факторов, способствующих достаточно высокой степени языковой ассимиляции немцев в пользу русского языка. Скорость утраты исторически родного языка обусловлена характером поселения российских немцев в Кировской области, отсутствием возможности применения своих коммуникативных навыков на практике, отсутствием печатных изданий и телевидения на немецком языке, смешанным характером браков, слабой ролью институтов, поддерживающих на должном уровне языковую компетенцию российских немцев в отношении изначально родного языка.

Таким образом, утрата исторически родного языка российскими немцами от поколения к поколению происходит в силу разных причин. Следует выделить политические и экономические факторы, повлекшие депортацию и дисперсное расселение российских немцев, а также отсутствие возможности основания автономной республики с национальными институтами, способными предоставить возможность изучения и сохранения языка и традиций этнических немцев.

3.2.2. Характер немецко-русского билингвизма немецкого этнического сообщества Кировской области

При определении характера немецко-русского билингвизма у российских немцев Кировской области можно обратиться к специальным исследованиям, проведенным Р. Бони, В. Киришнером, В. Манькиным, С. В. Смирницкой по отдельным регионам проживания немцев в пределах бывшего Советского Союза. Рассматривая билингвизм применительно к немцам бывшего Советского Союза в исторической перспективе, В. Киришнер предлагает различать три стадии: индивидуальное, коллективное и массовое двуязычие. Выделенные стадии прочно связаны с основными периодами истории российских немцев, которые были описаны выше. Существуют различные уточнения границ этих периодов, соотношения активного и пассивного билингвизма (см., например, в [СМИРНЦКАЯ, БАРОТОВ 1997; БАЙКОВА 2011; BONI 1990]).

Согласно нашим исследованиям, мы выделяем пять последовательных стадий перехода от немецкого языка к русскому языку: 1) активное немецкое мооязычие; 2) активно-пассивное немецко-русское двуязычие; 3) активное немецко-русское двуязычие; 4) пассивно-активное немецко-русское двуязычие; 5) активное русское мооязычие.

В результате анализа анкетных данных было установлено, что каждая возрастная группа этнических немцев может характеризоваться определенной стадией билингвизма.

Так, бóльшая часть представителей старшей возрастной

группы (31 респондент) уже прошла две первые стадии билингвизма: активное немецкое моноязычие, активно-пассивное немецко-русское двуязычие. В настоящее время для представителей данной группы характерно активное немецко-русское двуязычие, что означает активное владение немецким диалектом и русским языком.

Для средней возрастной группы (20 респондентов) типичны две стадии билингвизма: стадия пассивно-активного немецко-русского двуязычия и стадия активного русского моноязычия. На стадии пассивно-активного немецко-русского двуязычия находятся информанты, которые усвоили немецкий диалект с рождения в семье, однако из-за ограничения сфер применения немецкого языка утратили возможность его применения и в настоящее время только понимают немецкий диалект, умеют писать и читать на уровне школьной программы. Что касается знаний русского языка, то представители данной возрастной группы немцев свободно владеют русским языком и применяют его во всех сферах общения.

Младшая возрастная группа (20 респондентов) находится на стадии активного русского моноязычия. Абсолютное большинство российских немцев этой возрастной группы не знает немецкого языка и не использует его в общении. Представители младшей возрастной группы изучали или изучают немецкий язык в школе, в университете, на курсах немецкого языка. В данном случае можно говорить о русско-немецком билингвизме, который следует охарактеризовать как индивидуальный, неконтактный, искусственный, вспомогательный тип двуязычия, а это означает, что немецкий язык выполняет функцию иностранного языка и является уже неродным, вторым языком.

Немецко-русское двуязычие одностороннее: немцы Кировской области выучили русский язык, однако русские жители данных поселений не владеют немецким языком, поскольку различны функции языковых систем, область их распространения, а также число говорящих на данных языках. По объему сфер деятельности язык меньшинства является монофункциональным

языковым образованием, функционально второй кодовой системой, а контактирующий русский язык, выполняющий максимальную социальную нагрузку в общественной жизни российских немцев, является универсальным образованием, функционально первым языком.

Исследуемый билингвизм характеризуется как массовый, так как русским языком владеют все немцы Кировской области. Немецко-русский билингвизм можно считать естественным, потому что российские немцы, оказавшись в силу исторических причин на территории Кировской области, находились в постоянных контактах с русским языком, осваивали русский язык естественным путем, в процессе трудовой деятельности.

Немецко-русское двуязычие российских немцев рассматриваемого региона является субординативным: для него характерно порождение смешанных высказываний, т. е. российские немцы могут использовать в зависимости от конкретной языковой ситуации попеременно либо свой диалект, либо русский язык.

Следует отметить, что становление основных стадий билингвизма, распределение сфер употребления немецкого и русского языков среди этнических немцев Кировской области и выбор языка в качестве родного определяется различными экстралингвистическими факторами, а именно социально-демографическими, в частности, возрастом, образованием, гендерной принадлежностью информантов, семейными обстоятельствами.

3.2.3. Социально-демографические факторы и речевое поведение российских немцев Кировской области

Наиболее значимыми факторами социально-демографического характера, оказывающими влияние на речевое поведение билингва, являются возраст и образование. Как показывает лингвистический материал, собранный в Кировской области, объем функций немецкого языка у представителей старшего, среднего и младшего поколений различается.

Как видим, возраст коррелирует с различными стадиями би-

лингвизма. Каждая возрастная группа российских немцев Кировской области имеет свои характеристики, которые сформированы различными историческими эпохами. Использование языковых систем данными возрастными группами необходимо рассматривать в контексте важнейших исторических событий определенного времени, которые сыграли значительную роль в речевом поведении этнических немцев и должны быть учтены при языковой характеристике представителей разных возрастных групп. Поэтому можно говорить о языковом поведении определенного поколения. Подобной точки зрения придерживаются П. Хилькес, В. А. Маныкин, Л. И. Москалюк (HILKES 1989; МАНЫКИН 1992; МОСКАЛЮК 2000).

Как уже отмечалось выше, представители старшего поколения, родившиеся до 1933 г. (первая возрастная подгруппа – 1.а) и родившиеся до 1956 г. (вторая возрастная подгруппа – 1.б), обнаруживают достаточно прочные знания родного языка-диалекта, поэтому при сборе диалектного материала мы сознательно ориентировались на лиц пожилого возраста, ожидая от них наиболее высокого уровня языковой компетенции. В результате анализа полученных анкетных данных выявлено, что российские немцы первой подгруппы выросли в более или менее гомогенной (немецкой) этнической среде и имели возможность обучаться в национальной школе, где преподавание всех предметов велось на немецком языке. Представители первой возрастной подгруппы старшей возрастной группы происходят из украинских (17) и волжских (4) колоний. Все названные места компактного проживания немцев имели до начала Второй мировой войны статус национальных районов (кроме Республики немцев Поволжья (АССР НП), которая сохраняла свой статус до августа 1941 г.), что означало использование немецкого языка практически во всех сферах повседневной жизни, включая национальные школы с преподаванием всех предметов на родном немецком языке (подробнее см. в [БАЙКОВА 2008]). Все представители старшего поколения отметили, что посещали немецкую школу. Количество

лет, проведенных в школе, колеблется от 1 до 8 в зависимости от возраста информанта: чем моложе опрашиваемый, тем меньше он обучался в национальной школе. Некоторые представители первой подгруппы старшей возрастной группы посещали также украинские школы (5 человек — 16%).

Необходимо отметить широкое развитие немецкоязычной прессы в 1920-1930-е гг. как в Поволжье, так и в причерноморских областях проживания немцев, а также массовые общедоступные издания художественной литературы на немецком языке, наличие, помимо общеобразовательных начальных и средних национальных школ, национальных техникумов и вузов. Все это обеспечивало функционирование немецкого языка во всех сферах хозяйственной и общественной жизни немецких поселений, а также во всех разновидностях, свойственных языку (от местного диалекта до литературного языка). Поколение немцев, выросшее в условиях подобных национальных «общин», идентифицировало себя с немецкой нацией, сохраняя национальные традиции, быт и культуру исторической родины. Письменный немецкий язык изучали в немецкой начальной школе и свободно могли позже его использовать лишь самые старшие представители первой возрастной подгруппы. Способность писать латинским шрифтом у лиц, обучавшихся в начальной школе с преподаванием на немецком языке, после окончания школы утратилась, а вот навыки чтения сохранились, хотя и в очень скромных рамках, до настоящего времени. Результаты опроса показали, что 36,6% информантов регулярно читают на немецком языке Библию, духовную литературу. Для этой части информантов литературный немецкий язык является языком их детства, школьных лет, языком, на котором им читали родители, языком — идентификатором их национальной культуры.

Ко второй возрастной подгруппе относятся респонденты, родившиеся в период с 1934 по 1956 г. Это наиболее драматичный для российских немцев период, включающий годы репрессий, совпавших с началом Второй мировой войны и приведших в 1941 г. к

массовой депортации немцев из европейской части бывшего СССР на Север и Восток. 1955 год был отмечен частичной реабилитацией немецкого населения, отменой спецкомендатур, под надзором которых немцы жили в местах депортации, и началом воссоединения семей, разобренных в годы репрессий, после снятия запрета на перемещения по территории бывшего СССР (СМИРНИЦКАЯ, БАРОТОВ 1997: 25-26). Только самые старшие из этого поколения родились в старых довоенных колониях на Волге, Украине или на юге России. Семь респондентов второй возрастной группы назвали своей родиной Украину и три респондента — Поволжье. Что касается образования, то немцы этой группы учились в общеобразовательных русских школах с преподаванием немецкого как иностранного или неродного, что подтвердили 10 респондентов данной группы. Самые молодые представители рассматриваемой подгруппы имели возможность закончить лишь 1–2 класса немецкой школы и посещали учебные заведения в родных селах, а позже — в местах депортации — русские школы с преподаванием немецкого как иностранного (7 человек — 22,5%).

Следует заметить, что представители второй подгруппы старшей возрастной группы, чье детство пришлось на годы войны, не овладели письменным немецким языком вообще, так как характерный для них уровень образования — это начальная школа с преподаванием на русском языке. Это значит, что писать по-немецки они могли только кириллицей, читали только по-русски или вообще не умели читать. Все представители этого поколения смогли окончить среднюю школу, изучив немецкий язык в качестве иностранного языка.

В данной подгруппе обнаруживается своего рода «пропасть» между положением родного немецкого языка в семье и школе. Все опрошенные этой возрастной подгруппы подтвердили, что они усвоили один из немецких диалектов с детства в кругу родных. В школе же немецкий изучался ими только как иностранный.

В старшей возрастной группе наблюдаются большие различия в диалектной компетенции среди говорящих. Это связано, с

тем, где и в каких условиях выучен немецкий язык, а также с возможностью использования диалекта во внутрисемейной сфере общения. Все представители первой подгруппы владеют сравнительно хорошим лексическим запасом, фонологической и грамматической системой диалекта и адекватно их применяют, чего нельзя сказать о представителях второй подгруппы. В речи информантов второй подгруппы наблюдаются нарушения правил грамматики, довольно скупой словарный запас. Однако следует отметить, что представители старшего поколения (первой и второй подгрупп) все чаще испытывают недостаток активного словарного запаса и, как следствие, переключаются на русский язык. Основным отличительным признаком речевого поведения всех представителей старшего поколения является то, что немецкий язык ими используется в форме одного из диалектов.

Что касается респондентов средней (2.а — первая возрастная подгруппа, 2.б — вторая возрастная подгруппа) и младшей (3.а — первая возрастная подгруппа, 3.б — вторая возрастная подгруппа) возрастных групп, родившихся начиная с 1956 г., то они, хотя и понимают немецкую речь, в большинстве случаев отказываются говорить на немецком языке, так как, по словам респондентов, не могут подобрать нужное слово или не могут воспроизвести его. Представители средней возрастной группы практически не знают немецкого языка, так как в этом нет необходимости; большинство из них изучает язык, потому что собирается уехать в Германию, и лишь немногие знают и изучают язык для того, чтобы общаться с представителями старшего поколения. Представители младшего поколения могут говорить только по-русски, в том числе и дома, так как у них уже русский монологизм. Немецкий язык для них — это язык их родителей, бабушек и дедушек, предмет в школе, но, как показывают наблюдения, редко — родной язык. В данном случае немецкий язык играет второстепенную роль, так как у российских немцев нет нужды использовать его в речи. Таким образом, происходит вытеснение немецкого языка и всех его диалектных проявлений, и это наблюдается

не только во внесемейной, но и во внутрисемейной сфере общения. Как показывают результаты анкетирования, русский язык стал необходимой формой общения, с помощью которой достигается взаимопонимание. В беседах на темы о современной жизни, технике или политике респонденты используют русский язык, особенно если углубляются в тему. Это приводит к тому, что преобладание немецкого диалекта среди языковых форм общения, которое было характерно для старшего поколения, исчезает. «Языковой водораздел» между поколениями пролегает на стыке старшей и средней возрастной группы.

Таким образом, можно выделить два условия, в наибольшей степени содействующих высокому уровню языковой компетенции: усвоение родного языка в семье с рождения и дальнейшее обучение в школе на родном языке. Эти условия определяют активное владение немецким языком лицами старшего поколения. Среднее поколение, хотя и имело в большинстве своем возможность осваивать немецкий язык в семье, уже не могло продолжить его изучение как родного в процессе школьного обучения. Младшее поколение практически вовсе лишено возможности изучать немецкий язык — ни в семье, ни в школе условий для этого нет. В семье на нем не говорят, а в школе ему на смену приходит английский.

Еще одним значимым фактором социально-демографического характера является брак или семейные обстоятельства, так как характер брака часто определяет речевое поведение в семье. Для старшей возрастной группы, носителей немецких диалектов, характерны «чистые» в этническом отношении браки. Среди 31 (100%) опрошенных респондентов встретились один немецко-татарский (3,2%), пять немецко-украинских (16,1%), четыре немецко-русских (12,9%) браков, все прочие были этнически однородными (67,8%).

Встречаются следующие семейные ситуации: 1) оба супруга владеют немецким диалектом или владеют диалектами, мало отличающимися друг от друга (17 семей — 80,9%); 2) оба супруга владеют немецким диалектом, но у каждого свой диалект, сильно

отличающийся от другого, так что говорящие понимают друг друга с трудом (4 семьи — 19,1%); 3) один из супругов владеет немецким диалектом, другой супруг — русскоязычный, татарскоязычный или украинскоязычный, немецким диалектом не владеет (10 семей — 32%). Представители старшего поколения российских немцев в ситуации, когда оба супруга владеют немецким диалектом, стараются говорить на диалекте во внутрисемейной сфере, однако при общении с детьми, чтобы достичь взаимопонимания, используют русский язык. Во второй и третьей ситуациях, как правило, внутрисемейным средством коммуникации становится русский язык.

Следует отметить, что число смешанных браков в средней и младшей возрастных группах по сравнению с анкетными данными старшего поколения возросли. Если в «чистых» в этническом отношении браках российские немцы имеют возможность сохранить язык, традиции и обычаи своих предков, то в смешанных браках нередко немецкий язык и все, что с ним связано, находится «под запретом». Русские мужья или жены из-за незнания немецкого языка не приветствуют семейное общение на немецком языке. Поэтому респонденты лишены возможности сохранять и поддерживать знания немецкого языка, традиции и обычаи своей этнической культуры. Рост смешанных браков способствует утрате немцами средней и младшей возрастных групп немецкого языка и вытеснению его из семейно-бытовой сферы. Исходя из анкетирования и бесед с респондентами, можно сделать вывод, что смешанные браки отрицательно сказываются на сохранении традиций и норм немецкого языка. Российские немцы в смешанном браке не имеют возможности использовать немецкий язык на внутрисемейном уровне, общение на немецком может протекать только с немецкоговорящими друзьями, родственниками или соседями.

Наряду с социолингвистическими исследованиями в данной работе приводятся некоторые гендерные наблюдения, так как,

во-первых, они дополняют факторы социально-демографического характера, влияющие на речевое поведение российских немцев Кировской области, во-вторых, соотносятся с общими гендерными исследованиями, проведенными отечественными исследователями (более подробно см. в [КИРИЛИНА 1999; КОРОЧКОВА 2004; ГРИЦЕНКО 2005; СИНЕОКОВА 2006]).

Вслед за А. В. Кирилиной понятие гендер используется в данной работе как «элемент современной научной модели человека, отражающий социокультурные аспекты пола, фиксируемые языком» (КИРИЛИНА 1999: 28).

Большое значение гендерный фактор имеет для старшего поколения. Нужно отметить, что мужчины и женщины старшего поколения билингвальны; этому способствовала большая социальная активность этого поколения — работа в «трудармии». В то же время эта возрастная группа сохранила свои родные диалекты, которыми они пользуются в повседневной жизни.

В данной статье рассматривается влияние гендера на языковую компетентность старшего поколения российских немцев Кировской области на примере проанализированных рассказов одиннадцати респондентов, российских немцев первой подгруппы старшей возрастной группы (6 женщин и 5 мужчин в возрасте от 70 до 95 лет) на тему «Депортация немцев Поволжья, Украины в Кировскую область».

Для определения различий в речевом поведении мужчин и женщин применялись методы прямого наблюдения, запись речи на цифровой носитель, а также методы содержательного, функционального и статистического анализа речи мужчин и женщин.

При исследовании речи немцев рассматриваемого региона было выявлено, что женщины гораздо лучше владеют родным немецким языком. В данном случае представительницы женского пола являются носительницами диалекта как языка своих предков, культуры и традиций, языка внутрисемейного общения. Что касается респондентов мужского пола, то, как показывает исследование, в настоящее время лишь немногие из них говорят на

диалекте. Причина низкой языковой компетенции у мужчин — это более слабая коммуникативная активность. Женщины, как правило, легко идут на контакт, вступают в беседу и, как отмечают многие ученые (КИРИЛИНА 1999; КИТАЙГОРОДСКАЯ 1993; ПОТАПОВ 1997; СТЕРНИН 2002), для женщин важно само общение. Мужчины гораздо серьезнее, чем женщины, относятся к речевому партнеру, к теме коммуникации. Женщины способны быстро приспосабливаться к различным условиям коммуникации и свободно общаться, в то время как мужчины более скованны в выборе языкового варианта и скептически по отношению к партнерам, участвующим в коммуникативном акте (более подробно см. в [ВАЙКОВА 2008]).

Сравнивая монологи информантов ГОДж и ЮТАм, необходимо заметить, что ГОДж подробно и эмоционально рассказывает о работе в трудармии, охотно цитирует своих родителей:

ę:ʃ t vo:r viər nkəlxosdə` vo:r iç tsvəi ja:r onzəksmō: on dən hā:mzə` ons hiərhe:r jəbroxt, vo:r iç nkəlxos, axt ja:r. daməls vo:rs bəsə`, viə jęts. frəilijə`. Viər vo:rjijjk, ničego ne boləlo, a` jętsz ęnviəroltjə` vort. fī:lləit hā:mn voltjə` arbəit. no`, ds vo:r... olə` khō:t niçn volt arbəit. vėlçhā: mjə`ʃ iktn kəlxos, vėlç zenn voltjə` gan. invēntrzēn viər ouxn voltjə`vėāsa` fon kəlxos hā:m viər bāimouxjə`zē:ç. Jęts iç ʃonn volt bəsə`. Jętsz ęnnumaf i:n. friərvo:rzə`... Viər hā:mn içjə`vost, viə mus mən zē:ça` dsholts. no`, oləs viədjə`lēānt. içha: (b) voobue niçjə`vost, viə mus mən holts zē:ça`. mainə` tā:tə` vo:rmsəbjfrf iktnomsk, i:rmā: vo:rkolək, onhā:m viər imr gə`fra:x: “non, tā:tə` i:də`, viə ha: du` ən bəum g(ə)zē:ç, dsę:r iç niçts rukgə`fal”.

ЮТАм излагает свои мысли сдержанно, не обращаясь к чьим-либо репликам:

*içkā: męr ol(ə)ʃ fərstələ`. ęs kā:m frla:s «Выселение немцев Поволжья». Указ вышел о выселении. Ну, там было написано... в связи с тем, что обна-
ружены мьщи touzē, touzē, ʃfionə`, diversantə`...
əntouzėnoinhundrəionfertsəçvırzēn ən krasnojarsk gəkā:m. on
əntouzėnoinhundrtsvəionfertsəçvırzēn ən kirof hęrkā:m. hiər vurdə` vır
bəvaxt, dort vo:rdə` kəmendatur, vır mus gę:n onzēç əpmėlda`.*

По наблюдениям многих исследователей (ЗЕМСКАЯ, КИТАЙ-

ГОРОДСКАЯ, РОЗАНОВА 1993: 90-136), женщины в ходе высказывания часто переключаются на какую-либо не связанную с ситуацией тему: так, РЭГж, рассказывая о трудармии и судьбе своих близких, вспоминает, как семья жила до войны на Украине:

vervourda` frf ik ənsujevka əntsveonfertsəkjo:r... ver hā:mn volljə` arbəit. ver-musze:çə` ds holts. də` mudr ha:t krā:k bənə`...mənə`mama`, mən papa` vo:rgoudə` mē:f ə`... verlef gōs goud... tə ɛsə`, do`ha:t verols... no` gē: ver ofn bazap, frkofə` botə` ənɛər.

Быстрый переход от одной темы к другой не характерен для мужчин: доказательством этому служит монолог ЮТАм, где он повествует о событиях военных лет, не отвлекаясь на другие темы.

Следует отметить, что в высказываниях на тему «Депортация немцев Поволжья и Украины в Кировскую область» у информантов женского пола доминирует местоимение *wir/мы*. Они рассказывают не только о себе, но и о родных, близких, друзьях. Например, ЮЗКж в своем рассказе повествует о близких ей людях, о девушке, маме и лишь затем о себе, о том, как работала в трудармии:

zo: vo:rdə` za:xə`. no`, dən ɛ:f t ən ventr hā:m viə ən bislə` gəlt gəhab, kontə` viəziç ənkoufə` on ɛn tswaetə` ventr hā:m viə zɛə` ghungərt. maen krosfa:tr ɛs kf tourba`. ən krosfa:trss aen pru:dr, vi` iç zaxtə`, ɛr ɛs kf tourba`. diə mama vor ox krank gəvordə`. əninfrīə` hat mɛç əndə` tpydapmija gənomə`, vor iç zɛçtsə`ja:roll. vom, kā:m hirhə` of dn завод, vom, kā:m hierher auf den завод, vom, dr завод, da` vor jənə`tsaet военный завод.

В рассказе РМКж также доминирует форма первого лица множественного числа:

undj` tsve` grouəsə` jījys, zj` va:rfon ɛlfundrɛtsə`, dij` zoltə` fa:ra` mətɔmfə:tə`. undā: hā:mzə` mɛç, hā:mzə` unsglasa`. o:br əndrɛndrɛsəçkā:mzə`, hā:mzə` iŋgnoma` un əinj tɛk. un ɛahatzɛsə` bsmɛartsmō:nəndj`mюфьма. undā: kā:(m) ɛanmɛartstso` houzə`. un ɛahatglɛ:bt, biç ɛanju:nj` iŋsgf touba, zɛrvj` olɛnjəbli:bə`. onsha` mē: osnkəlx-osrosɛf mīšə`. undənhā:mzə` uns, viə` kō:tarbəitnkəlxosjənoma`. nu` tuthā:mvj` də` frōūf aftgrou. ozə` fa:tə` hatfuftsə` kīndə`. undj` frōūf aft, dshatgholfa`. nomom, ətom, dr ɛlstbruədr, ozə` fa:tə` va:rkoznet̩sun ɛahatdj` kīndrolə` glɛr(n)tkoznet̩som, dr ɛlstbru:dr, ɛakō:tarbəit̩s on.

В монологах мужчин преобладает форма первого лица единственного числа. Например, ГФФм в своем рассказе информирует только о себе, о своей работе в военные годы:

ič ha:b g(ə)arbəit. hiər vo:r ənzimovkə'. vj:rtsə' kə' lometr. də' ha:b ič də' bo:dn gva:fa', on ha:b holts g(ə)ha:k. on, nu' ds vo:r dī' obšecžitə', vo:r do:rdī' lait. də' ha:b ič g(ə)arbəit. də' dā: iš tata' krojŋk gvort. Non, hā:m zə' tič ndī' poselok gnoma'.

Если рассказ женщин состоит из впечатлений от увиденного, многочисленных деталей (примером этому может служить приведенный монолог ГОДж), то мужчины строят свой рассказ на основе фактов, без эмоциональных оценок (см. монолог ЮТАм). Речь мужчин более информативна, они часто обращаются к датам, названиям указов, законов. Так, в монологе ЮТАм мы сталкиваемся с названием указа «Выселение немцев Поволжья» и ссылками на даты. В речи женщин в сравнении с речью мужчин употребляется больше собственных имен (названий поселков, фамилий и т. п.). Например, из монолога МИБж мы узнаем, что поселок Черниговский, в котором жили депортированные немцы, был построен в 1920-х гг. Здесь же находились заключенные из других областей бывшего СССР, например, из Горьковской области:

МИБж: diəzə' zədləŋvurtkbout ɛnonfəntzvontsəxə' ja:r.ē:də' tzvontsəxə' ja:r. ē:də' tzvontsəxə' ja:r. hiərvoorməinprudər... hatə' ɛnə' fro: fonhiə', də' vorosodessa' hiərks iktvorda'. ondiə' hatoləs. undə' onrə' vorausgorkofgəbiət, ausarzamas.

Характерной чертой женской речи являются повторы:

РМКж: ɛkbenbežə' ofdaitf lənt... vɛnmenə' krosmutrjəborə' ɛsnaratof, mənə' krosmutr, ničmenə' mutr, menə' krosmutr, dā: hā:mzə' os... nik ənkf outolsdaitf ə'. vjrvornolsf vartsmjrdaitf ə'... hā:mzə' osjənən.

КАХж: vəndrkrič, конечно, vəndrkričničhat ənkfaŋə', vɛr ɛk əndə' дума, əntmosko'.

КМАж: no', vo:ričhiər, no' vo:ričhiərndī' баня' g(ə)arbəit, ha:bičndī' баня' kf iřfiərdī' lait... ɛastvo:rfi:llait, o' to' vo:rfi:l, to' vo:rtso' hais, oləs...

*asvo:rfi:llait. ondənzenolə` vəkjə`fa:ra` . on demdom vo:rdrdrouəsə` , hā:mdj`
khīndrvəkjə`fa:ra` , ol(ə)s, ol(ə)s,dj` больницы` , ol(ə)svekɡmax. onvo` zə`
vəniçəv. zə` beņiç əndə` баня ofgə`voksə` , ha:bg(ə)arbəit, g(ə)arbəit. fəndr
баня beņiçufdj` пенсия` (gə)kama` . Vot, involtha:biçniçg(ə)arbəit,
vəilmīçhatə` zə` niçgnoma` , içhə:rf ləçt, vəliçbəkartziçtç.*

Речь каждой гендерной группы характеризуется своими лингвистическими и экстралингвистическими особенностями. Среди лингвистических характеристик речевого поведения мужчин и женщин рассматриваемого региона можно выделить, прежде всего, различия в грамматическом строе: речь мужчин включает преобладание формы 1-го лица ед. ч., преобладание имен существительных, глаголов. Для женской речи характерны следующие грамматические особенности: 1) преобладание формы 1-го лица мн. ч.; 2) большое количество собственных имен (названий поселков, фамилий и т. п.); 3) преобладание имен прилагательных, местоимений; 4) большое количество повторов.

К экстралингвистическим особенностям относятся психологические различия в речи, характерные для той или иной гендерной группы, стиль общения, а также цель, которую преследуют мужчины и женщины, вступая в общение. Как показывает сопоставительный анализ речевого поведения немцев-билингвов, важной чертой мужского речевого поведения является последовательное изложение событий, фактов и явлений, ссылка на законы и документы и, по возможности, обращение к высказываниям известных людей. Для мужчин не характерно эмоциональное повествование, оценка лиц, событий и явлений, рассказы о родных и близких, а также обращение к репликам родных, близких, они сконцентрированы на себе и говорят, как правило, исключительно о том, что связано с ними. Для женского речевого поведения типичным является эмоциональное сообщение о фактах и явлениях с собственной оценкой лиц и событий. Женщины часто включают в разговор описание личных переживаний, собственного опыта. Для них характерно обсуждение типичных женских занятий, таких, как приготовление пищи, воспитание

детей, разговоры о родственниках, кроме того, женщины часто в своих рассказах цитируют родных и близких.

Однако мы не делаем никаких экстраполяций и не утверждаем, что подобные различия нельзя считать постоянными характеристиками речи всех женщин или всех мужчин; данные характеристики отражают только особенности мужской и женской речи всех российских немцев Кировской области. Большую роль в речевом поведении играют социальный контекст, а также психологические и физиологические особенности мужчин и женщин. Восприятие, способ мышления и речь тесно связаны между собой и различаются у мужчин и женщин. Как следствие, одни и те же ситуации описываются ими по-разному, так как при этом расставляются разные акценты. Учет всех этих факторов помогает сделать объяснение гендерных различий в речевом поведении более объективным.

4. Заключение

В условиях сложившейся сложной языковой ситуации российским немцам Кировской области (старшей возрастной группы) свойственно активное немецко-русское двуязычие, которое можно охарактеризовать как массовое, одностороннее, естественное, субординативное.

Немецко-русское двуязычие старшей возрастной группы российских немцев носит смешанный характер: немцы-билингвы используют в зависимости от конкретной языковой ситуации попеременно либо свои диалекты (говоры), либо русский язык. Вариативность в речи (в смысле перехода с диалекта на русский язык и обратно) встречается настолько часто, что ее следует считать типичным признаком, характерным для российских немцев рассматриваемого региона.

Для представителей средней и младшей возрастных групп специфическими типами двуязычия являются пассивно-активное немецко-русское двуязычие и активное русское моноязычие. Низкая языковая компетенция и как результат — высокая сте-

пень языковой ассимиляции немцев в пользу русского языка, обусловлена следующими экстралингвистическими факторами: во-первых, в Кировской области нет немецких поселений как таковых, а речь может идти лишь о немцах — жителях деревень и поселков вышеназванной области, поэтому они не могут составить конкуренцию русским, и остаются на уровне одного из национальных меньшинств; во-вторых, исследуемый район отличается этнической пестротой, где использование русского языка в качестве основного коммуникативного средства просто необходимо; в-третьих, немаловажно и то, что в районе отсутствуют государственные и общественные институты, способствующие повышению языковой компетенции у этнических немцев (школы с преподаванием немецкого языка как родного, теле- и радиовещание на немецком языке).

Таким образом, следует констатировать тот факт, что возможность изучения немецкого языка в семье и школе, как необходимое условие языковой компетенции высокого уровня, а также возможность полного его применения во всех сферах повседневной жизни зависят в значительной степени от социально-политических условий, в которых оказывается та или иная этническая общность.

Что касается российских немцев бывшего Советского Союза, то у старшего поколения этой этнической группы были обе возможности, осуществление которых обеспечивалось существованием немецкой административной самостоятельности — Республики Немцев Поволжья и национальных районов в пределах европейской части СССР. Для последующих же поколений этнических немцев возможности изучения и применения немецкого языка резко ограничены, или же практически сведены к нулю.

© Байкова О. В.

© Бухаров В. М.

Раздел III
СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

3.1. АНТРОПОТОПОНИМИЧЕСКИЕ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Введение

Институциональность научно-технического дискурса определяет основные его характеристики, в частности, нацеленность на передачу логической информации и направление реципиента на логическое мышление. Тексты данного вида дискурса пронизывает антропонимическая лексика, что выступает гарантом достоверности излагаемого материала. Помимо этого, при обращении к трудам других ученых автор нового текста отмечает их заслуги в исследуемой области или подвергает сомнению сделанные ими выводы. К целям автора научно-технического текста относятся передача новой информации и формирование условий ее правильной трактовки реципиентом, а также убеждение последнего в правильности предлагаемого подхода к рассмотрению указанной проблемы. Помимо антропонимов, в текстах научно-технического дискурса присутствует большое число эпонимов, топонимов, терминов и терминологических словосочетаний, которые могут быть объединены в следующие группы: антропотопонимические и терминологические структуры. Указанные структурные типы не только подтверждают достоверность излагаемого материала, но и выполняют ряд других функций, среди которых выделяется рекогнитивная, направленная на распознавание и уточнение похожих научных явлений. Рассмотрим, как данная функция проявляется в каждой из упомянутых структур.

1. Антропотопонимические структуры

Среди антропотопонимических структур выделяются три типа в зависимости от онима в их составе: структуры с антропонимом, эпонимом и топонимом.

1.1. Антропонимы

Как известно, антропонимика (от греч. *anthropos* 'человек' и *опута* 'имя') представляет собой «раздел ономастики, изучающий

антропонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования» (ПОДОЛЬСКАЯ 1978: 66). Исследованием антропонимов занимались О. А. Леонович (ЛЕОНОВИЧ 2002), Т. В. Мясковская, В. В. Семина (МЯСКОВСКАЯ, СЕМИНА 2014), Н. В. Подольская (ПОДОЛЬСКАЯ 1990), А. В. Суперанская (СУПЕРАНСКАЯ 1973), D. Crystal (CRYSTAL 2003) и др.

Среди существующих классификаций антропонимов, особое внимание стоит обратить на классификацию, предложенную Т. В. Мясковской и В. В. Семиной. Ими были выделены следующие группы: личное имя (имя при рождении), отчество (патроним — именование по отцу, деду и т. д.), фамилия (родовое или семейное имя), прозвище, псевдонимы (индивидуальные и групповые), криптоним (скрываемое), антропонимы литературных произведений (литературная антропонимика), антропонимы-производные этнонимов (названия наций, народов, народностей) (МЯСКОВСКАЯ, СЕМИНА 2014: 52). Важно отметить, что в научно-техническом дискурсе представлены не все упомянутые типы антропонимов, поскольку данный вид дискурса характеризуется строгостью, четкостью и официальностью изложения, что не предполагает использование прозвищ, псевдонимов, антропонимов-производных этнонимов и криптонимов.

Для работы с научно-техническим дискурсом мы предлагаем следующую классификацию на основе упомянутой выше: «личное имя» (*Alice, Bob, Eve* [TOWNSEND 1998: 347]¹), «фамилия» (*Waxler and*

¹ Здесь и далее материал для исследования был отобран из следующих источников: Akhtar, Naureen; Polyakov, Alexey O.; Aqeel Aisha; Gordiichuk, Pavlo; Blake, Graeme R.; Baas, Jacob; Amenitsch, Heinz; Herrmann, Andreas; Rudolf, Petra, & Palstra, Thomas T. M. (2014) Self-Assembly of Ferromagnetic Organic-Inorganic Perovskite-Like Films. *Small*, 23, 4912—4919; Arayachukiat, S.; Seemork, J.; Pan-In, P.; Amornwachirabodee, K.; Sangphech, N.; Sansureerungsikul, T.; Sathornsantikun, K.; Vilaivan, C.; Shiqyou, K.; Pienpinijtham, P.; Vilaivan, T.; Palaga, T.; Banlunara, W.; Hamada, T., & Wanichwecharungruang S. (2015) Bringing Macromolecules into Cells and Evading Endosomes by Oxidized Carbon Nanoparticles. *Nano*

Letters, 15, 3370—3376; Ballato, J.; Hawkins, J.; Foy, P.; Yangzan-Koknoz, B.; McMillen, C.; Burka, L.; Morris, S.; Sloten, R., & Rice, R. (2000) Advancements in Semiconductor Core Optical Fiber. *Optical Fiber Technology*, 16, 399—408; Baney, Douglas M., Gallion, Philippe, & Tucker, Rodney S. (2000) Theory and Measurement Techniques for the Noise Figure of Optical Amplifiers. *Optical fiber technology*, 6, 122—154; Beaufiles, J.-M. (2000) How do Submarine Networks Web the World? *Optical fiber technology*, 6, 15—32; Bononi, Alberto, & Vannucci, Armando. (2002) Is there Life beyond the Principle States of Polarization? *Optical fiber technology*, 2002, 8, 257—294; Castrillon, M. A., Morero, D. A., Agazzi, O. E. & Hueda, M. R. (2015) On the Performance of Joint Iterative Detection and Decoding in Coherent Optical Channels with Laser Frequency Fluctuations. *Optical fiber technology*, 24, 5—14; Dobrev, Dobri, & Jordanova, Lidia. (2006) Noise and Distorsions Limitations in the Design of HFC CATV Systems. *Optical Fiber Technology*, 12, 196—204; Feng, Xinhuan; Liu, Yange; Yuan, Shuzhong; Kai, Guiyun; Zhang, Weigang, & Dong, Xiaoyi. (2004) Switchable and tunable dual-wavelength erbium-doped fiber laser based on the fiber Bragg grating. *Optical fiber technology*, 10, 275—282; Gafsi, Rachid, & El-Sherif, Mahmoud A. (2000) Analysis of induced-birefringence effects on fiber Bragg gratings. *Optical fiber technology*, 6, 299—323; Gibertson, Adam M.; Francescato, Yan; Roschuk, Tyler; Shautsova, Viktoryia; Chen, Yiguo; Sidiropoulos, Themistoklis P. H.; Hong, Minghui; Giannini, Vincenzo; Maier, Stefan A.; Cohen, Lesley F., & Oulton, Rupert F. (2015) Plasmon-induced optical anisotropy in hybrid graphene-metal nanoparticle systems. *Nano Letters*, 15, 3458—3464; Heurlin, M.; Anttu, N.; Camus, C.; Samuelson, L., & Borgstrom, M. T. (2015) Characterization of nanowire dimensions and growth dynamics by optical reflectance. *Nano Letters*, 15, 3597—3602; Lancashire. (2020, August 20). In *Perevod71.ru*. Retrieved from <http://www.perevod71.ru/proishozhdenie-nazvanij-grafstv-anglii-chast-2>; Li, Y.; Qian, L.; Lu, D.; Fan, D., & Wen, S. (2009) Coherent and incoherent combining of fiber array with hexagonal ring distribution. *Optical fiber technology*, 15, 226—232; Mitschke, Fedor. (2009) *Fiber Optics. Physics and Technology*. Berlin: Springer; Murtaza, G., & Senior, J. M. Analytical approach for optical crosstalk in LED-Sources WDM Systems. *Optical Fiber Technology*, 3, 247—251; Nakazawa, Masataka; Tamura, Kohichi; Kubota, Hirokazu, & Yoshida, Eiji. (1998) Coherence degradation in the process of supercontinuum generation in an optical fiber. *Optical fiber technology*, 4, 215—223;

Cleek [GAFSI et al. 2000: 301]), «инициалы и фамилия» (*S. P. Ojha* [SINGH et al. 2000: 291]), «имя и числительное» (*Napoleon I* [MITSCHE 2009: 4]), «имя и фамилия» (*Keith Blow* [TOWNSEND 1998: 268]), «имя + среднее имя и фамилия» (*Jesper Bevensee Jensen* [OSADCHIY et al. 2011: 144]) и «должность (ученая степень) + имя (инициалы) + фамилия» (*Dr. Michael Bohm* [MITSCHE 2009: 244]).

Несмотря на разнообразие структурных типов антропонимов рекогнитивная функция реализуется только двумя антропонимическими структурами «инициалы и фамилия» и «должность (ученая степень) + имя (инициалы) + фамилия». Они позволяют не допустить путаницы на случай существования ученых-однофамильцев. Имеющиеся инициалы гарантируют соблюдение авторского права. Они используются при первом упоминании исследователя. Далее по тексту следует только фамилия.

- (1) *The authors wish to thank Dr. Rich Davis (Northrop Grumman) and Profs. B. Jalali (UCLA), D. Powers (Elmira), R. Shori (UCLA), O. Stafsuud (UCLA), A. Rao (Clemson), M. Daw (Clemson), J. Kolis (Clemson), and J. Luo (Clemson) for timely and thoughtful comments* (BALLATO et al. 2000: 407).

Помимо антропонимических структур, в данном примере после них в скобках употребляются топонимы, территориально детерминирующие научную организацию, которую представляют исследователи. Использование топонимов в данном случае направлено на передачу комплементарной информации.

- (2) *B. PRASAD was born in Varanasi, U.P., India on January 30, 1943* (SINGH et al. 2000: 298).

Osadchiy, Alexey V.; Guerrero, Neil; Jensen, Jesper B., & Monroy, Idelfonso T. (2011) Coherent spectral amplitude coded label detection for DQPSK payload signals in packet-switched metropolitan area networks. *Optical fiber technology*, 17, 141—144; Singh, Vivek; Prasad, B., & Ojha, S. P. (2000) Weak guidance modal analysis and dispersion curves of an infrared lightguide having a core cross section with a new type of asymmetric loop boundary. *Optical fiber technology*, 6, 290—298; Townsend, Paul D. (1998) Quantum Cryptography on optical fiber networks. *Optical fiber technology*, 4, 345—370.

Антропоним в данном примере не является отсылкой на ранее созданную работу, в нем представлена информация о самом авторе статьи.

1.2. Эпонимы

Наряду с антропонимией в научно-техническом дискурсе распространена эпонимия, т. е. название вещей и явлений в честь реальных или мифических персонажей, широко применяемое в актах вторичной номинации: при наименовании географических объектов, названия наград, кинокомпаний, промышленных концернов (ВАРНАВСКАЯ 2009: 9). В исследуемом типе дискурса эпонимы служат для обозначения изобретений, приборов, функций и др., а также позволяют отказаться от объемных описательных терминов. В эпониме присутствует имя ученого, в честь которого явление было названо, т. е. структурно эпоним выглядит так: «антропоним + имя нарицательное». Наиболее простым и понятным представляется следующее определение эпонимов, предложенное Д. Минковой и Р. Стоквелл: «These are new words based on names (*epi-* ‘upon’ *onym* ‘name’)» (MINKOVA, STOCKWELL 2009: 19). Такие новые слова получили широкое распространение в сфере медицины, физики и биологии, так как открытие в большинстве случаев носит имя совершившего его ученого, реже оно соотносится с местом проведения исследования.

Вопросы эпонимии стали объектом исследования таких ученых как Е. В. Варнавская (ВАРНАВСКАЯ 2009), В. А. Иконникова (ИКОННИКОВА 2005), А. В. Суперанская (СУПЕРАНСКАЯ 1973), Д. Минкова, Р. Стоквелл (MINKOVA, STOCKWELL 2009) и др.

В. А. Иконникова предложила следующую классификацию эпонимов: простые эпонимы; составные атрибутивные конструкции; эпонимы, образованные суффиксальным способом; эпонимы, образованные с помощью притяжательного падежа; эпонимы, образованные путем сокращения слов и словослияния (ИКОННИКОВА 2005). Данная классификация была несколько изменена, исходя из особенностей научно-технического дискурса.

Так, в последнем отсутствуют эпонимы, образованные путем сокращения слов и словослияния, но присутствуют эпонимы, обозначающие единицы измерения, и эпонимы-аббревиатуры.

Под простыми эпонимами (N) понимаются имена собственные, перешедшие в категорию имен нарицательных: *X-ray* 'рентгеновские лучи' (MITSCHE 2009: 68).

Модель «составная атрибутивная конструкция» *Anthr.* + N представлена антропонимом в функции определения имени нарицательного: *the Shannon capacity* 'емкость Шеннона' (CASTRILLON et al. 2015: 14), *the Jones Matrix* 'формализм Джонса' (BONONI et al. 2002: 258). В таких структурных эпонимических типах может использоваться больше одного антропонима (*Anthr.* + *Anthr.* + N): *Fabry-Perot resonator* 'резонатор Фабри-Перо' (NAKAZAWA et al. 1998: 216), *Gordon-Haus jitter* 'дрожание Гордона-Хауса' (NAKAZAWA et al. 1998: 218).

Возникновение подобных наименований объясняется тем, что одна и та же научная проблема выступает объектом исследования в работах разных ученых одновременно. Этот структурный тип не получил широкого распространения, так как несмотря на существование параллельных разработок успех обычно приписывается только одному человеку. Появление такой структуры соотносится с экстралингвистическим фактором научной этики, культуры научной деятельности. Другими словами, эпонимы в научно-техническом дискурсе функционируют не только по структурным законам языка, но и по законам, находящимся за его пределами, которые напрямую соотносятся с авторским правом.

Встречается структура, состоящая из антропонима в притяжательном падеже и существительного в общем падеже *Anthr.'s* + N: *the Young's modulus* 'модуль Юнга' (GAFSI et al. 2000: 305), *Malus' law* 'закон Малюса' (GIBERTSON et al. 2015: 3462).

Кроме того, существуют эпонимы, образованные суффиксальным способом *Anthr. suf.* + N: *the Gaussian beam* 'Гауссов пучок' (LI et al. 2009: 227), *a Poissonian source* 'процесс Пуассона' (TOWNSEND 1998: 367). Эпонимы образованы при помощи суффикса *-ian*.

Эпонимы-единицы измерения включают те случаи, когда данные единицы были названы в честь ученых, исследовавших то или иное явление: *kilowatts* ‘киловатт’ (LI et al. 2009: 226) — по имени шотландско-ирландского изобретателя-механика Джеймса Уатта (Ватта), *Pa (Pascal)* ‘Паскаль’ (MITSCHE 2009: 98) — в честь Блеза Паскаля, французского математика, механика, физика, литератора и философа.

Эпонимы-аббревиатуры используются в сочетании с полным вариантом написания. Сначала автор предлагает полную версию, далее следует аббревиатура: *simulated Brillouin backscatters (SBS)* ‘рассеяние Манделъштама — Бриллюэна’ (BANEY et al. 2000: 126), *a Sagnac fiber loop (SFL)* ‘петля Саньяка’ (FENG et al. 2004: 276). Благодаря такой структуре осуществляется компрессия информации.

Что касается рекогнитивной функции эпонимов, то в научно-техническом дискурсе она проявляется тогда, когда один ученый имеет ряд достижений, названных в его честь. В таком случае имя нарицательное в составе эпонима обеспечивает однозначность. Возможна и обратная ситуация, в которой отличается антропонимический компонент, в то время как имя нарицательное одинаково.

- (3) *If one uses **the Gaussian approximation** for the fiber mode, the effective area simply becomes $A_{eff} = \pi w^2$* (MITSCHE 2009: 154).

Данный эпоним представляет сферу математики и в русской версии имеет два варианта — «гауссовская аппроксимация» или «гауссовское приближение». Явление носит имя немецкого математика, механика, физика, астронома и геодезиста Иоганна Карла Фридриха Гаусса (Gauss Carl Friedrich). Помимо гауссовской аппроксимации, Гаусс также открыл ряд функций, названных в его честь.

- (4) *To determine the peak positions more precisely, the diffraction pattern was fitted with a linear combination of **Gaussian and Lorentzian line shapes** with a 75–25% ratio* (AKHтар et al. 2014: 4916).

Эпонимические структуры *Anthr. suf.* + *N.* Данные эпонимы

маркируют формы спектральной линии и имеют общий компонент N при наличии различных антропонимов. В примере описываются Лоренцева форма спектральной линии (по имени нидерландского физика-теоретика Гендрика Лоренца) (Hendrik Lorentz) и Гауссова (в честь немецкого математика, механика и физика Гаусса).

1.3. Топонимы

Топонимика (от греч. *topos* 'место', 'страна' и *онима* 'имя') представляет собой дисциплину, сформировавшуюся на стыке языкознания, истории и географии, и которая является разделом языкознания, «изучающим собственные имена» (СУПЕРАНСКАЯ 1984: 3). Вопросами топонимики занимались отечественные лингвисты А. В. Суперанская (СУПЕРАНСКАЯ 1984), Л. В. Успенский (УСПЕНСКИЙ 1973) и др., а также зарубежные ученые Р. Коутс (COATES 1988), М. Геллинг (GELLING 1986), К. Смит (SMITH 1980) и др.

Топонимы — это имена собственные названия географических объектов, задача которых состоит в фиксации географических названий, их номинации и дифференциации. Возникновение и развитие топонимов объясняется лингвистическими закономерностями (СУПЕРАНСКАЯ 1967: 35). Все топонимы существуют в тесной взаимосвязи, образуя топонимическую систему.

Лингвистами было предложено множество классификаций топонимов, но для анализа научно-технического дискурса оптимальными представляются только две из них: по морфологической структуре (ЛЕОНОВИЧ 2002) и по типу обозначаемых географических объектов (СУПЕРАНСКАЯ 1984).

Исходя из морфологической структуры О. А. Леонович (2002: 66) выделяет:

- 1) простые топонимы (одна основа): *China* (LI et al. 2009: 232);
- 2) производные топонимы (основа + суффикс): *Thuringian and Bavarian Forest* (MITSCHKE 2009: 87);
- 3) сложные топонимы (две основы): *Manchester* (MURTAZA et al. 1997: 247);
- 4) составные топонимы (два и более слова): *the Ipswich area*

(TOWNSEND 1998: 363).

Наибольшее распространение в научно-техническом дискурсе получили простые топонимы, так как в текстах этого вида дискурса преобладают названия городов и стран, которые соотносят исследование или исследователя с конкретной территорией. Составные топонимы представлены официальными наименованиями государств.

А. В. Суперанская предлагает следующую классификацию, исходя из типа обозначаемого географического объекта: гидронимы (*the Atlantic and Pacific Oceans* [BEAUFILS 2000: 17]), оронимы (*the Erzgebirge* [MITSCHE 2009: 87]), ойконимы (*Sofia* [DOBREV et al. 2006: 196]), урбанонимы (названия внутригородских объектов: *Seesener Strasse* [HEURLIN 2015: 3597]), макротопонимы (названия крупных географических объектов: страны, города и др.: *Argentina* [CASTRILLON et al. 2015: 14]; *North America* [BEAUFILS 2000: 15-16]), микротопонимы (небольшие незаселенные объекты: *the German Spessart* [MITSCHE 2009: 87]) (СУПЕРАНСКАЯ 1984). В научно-техническом дискурсе преобладают макротопонимы, обозначающие страны.

Таким образом, топонимы позволяют соотнести научные изобретения с конкретной местностью. Топонимы выступают источником информации об организациях и научных институтах, занимающихся определенными проблемами. В случае возникновения спорных вопросов реципиент может напрямую обратиться в интересующее ему научное заведение.

В научно-техническом дискурсе топонимы часто функционируют не изолированно, а в линейной последовательности, как, к примеру, при указании почтового адреса: номер строения, улица, город, страна. Отдельные элементы линейки могут быть опущены.

- (5) *When graphite powder (99.9999% purity from Alfa Aesar, Johnson Matthey Company, Lancashire, U.K., or 98.5% purity from Thai Carbon and Graphite Co., Ltd., Bangkok, Thailand) were vigorously oxidized under sonication, carbon materials of different sizes and shapes, for example, tubes, sheets, spheres, and irregular-shaped particulates, could be observed by scanning electron microscope (SEM)* (ARAYACHUKIAT et al. 2015: 3370).

Lancashire и *Bangkok* — ойконимы, в то время как *U.K.* и *Thailand* — макротопонимы. *U.K.* — составной топоним (*the United Kingdom*), остальные топонимы — сложные. Так, *Lancashire* произошел от названия города *Lancaster*, которое в свою очередь состоит из названия реки *Lune* и древнеанглийского *caester* — крепость. (*Lancashire*). В примере упомянуты два крупных географических объекта (Соединенное королевство и Таиланд), а ранее — два более мелких (Ланкашир и Бангкок). Таким образом, здесь дается уточнение в границах какого именно государства расположен город.

- (6) *Dr. Vaidyanathan Kripesh carried out his doctoral degree at Max Planck Institute for Metallforschung, Stuttgart, Germany, in area of microelectronics (PRIYADARSHI et al. 2006: 183).*

Пример 6 содержит дополнительную информацию об авторе статьи, в нем отмечается, в каком высшем учебном заведении он получил докторскую степень. Помимо использования макротопонима, обозначающего страну, в тексте также употреблен ойконим (город), который дает конкретизацию месторасположения института (КОНЬКОВА 2018: 126).

2. Терминологические структуры

В научно-техническом дискурсе широко представлена терминологика, изучением которой занимаются и лингвисты, и терминоведы, среди которых К. Я. Авербух (АВЕРБУХ 2005), И. А. Анашкина (АНАШКИНА 1995), Б. Н. Головин (ГОЛОВИН 1970; 1987), Р. Ю. Кобрин (КОБРИН 1987), С. В. Гринев-Гриневиц (ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ 2008), В. П. Даниленко (ДАНИЛЕНКО 1977); В. М. Лейчик (ЛЕЙЧИК 2007) и др. До середины 70-х гг. XX в. в науке существовала проблема определения понятия «термин». Так, Б. Н. Головин (ГОЛОВИН 1970) приводит семь определений понятия «термин», а В. П. Даниленко (ДАНИЛЕНКО 1977) — девятнадцать. Но спорный вопрос был решен, благодаря трактовке, предложенной С. В. Гриневым-Гриневицем. Под терминами он понимает «слова или словосочетания, связанные с понятием, принадлежащим какой-либо области знания или деятельности» (ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ 2008: 24).

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин предлагают разделение на термины-слова и терминологические словосочетания (термины-словосочетания) (ГОЛОВИН, КОБРИН 1987).

Терминологическое словосочетание представляет собой широкое понятия, в связи с чем существует множество его определений, делающих акцент на ту или иную его особенность. Наиболее полным видится такое определение: «терминологическое словосочетание — это раздельнооформленное, семантически целостное сочетание, образованное путем соединения двух, трех и более компонентов, связанное с конкретным понятием науки и техники» (КУДРЯВЦЕВА 2010: 5). Терминологическое словосочетание одновременно передает и составное, и единое понятие в некой области исследования. Терминологические словосочетания можно охарактеризовать как свернутые определения, благодаря использованию которых удастся избежать громоздких описательных конструкций.

С. В. Гринев-Гриневиц, основываясь на количественном составе, подразделяет все терминологические словосочетания на двухсловные, трехсловные и многословные (четыре и более слов) (ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ 2008: 62). Кроме того, терминологические словосочетания можно анализировать по характеру связи между его компонентами, обращаясь к их частеречной структуре.

Рекогнитивная функция терминологического словосочетания реализуется тогда, когда в текстовом фрагменте представлено два и более словосочетаний, имеющих одинаковый общий смысловой компонент, выраженный именем существительным, и ряд других компонентов в функции определения, которые и позволяют провести черту различия между значениями, выраженными данными терминологическими словосочетаниями (КОНЬКОВА 2018: 96).

- (7) *Fiber Bragg gratings (FBG) have been used in several devices and systems such as the wavelength division multiplexer (WDM), dense wavelength division multiplexer (DWDM), optical filter, laser, and optical add/drop multiplexer (OADM)* (GAFSI et al. 2000: 299).

В примере упомянуты три устройства, обозначаемые одним общим термином «мультиплексор», причем назначение каждого

устройства индивидуально. Так, первое представляет собой мультиплексор с разделением по длине волны (в английском — трехсловное терминологическое словосочетание), второе — мультиплексор с разделением длины волны и уплотнением (в английском — многословное терминологическое словосочетание, состоящее из четырех компонентов), а третье — мультиплексор оптического ввода и вывода (аналогично второму терминологическому словосочетанию) (КОНЬКОВА 2018: 96). Помимо рекогнитивной функции терминологические словосочетания, встречающиеся в примере 7, выполняют функцию компрессии информации.

(8) *Eq. (7) shows that the total **electric field**, which is a vector and dependent on the amplitude and phase of each emitter **radiation field*** (LI et al. 2009: 228).

В примере 8 используются два двухсловных терминологических словосочетания («электростатическое поле» и «излучающее поле») со следующим характером связи между компонентами: *Adj + N*. Компонент *field* ‘поле’ является общим для данных терминологических словосочетаний, а их различие осуществляется благодаря первому компоненту.

Заключение

По результатам исследования рекогнитивной функции антропотопонимических и терминологических структур в англоязычном научно-техническом дискурсе сделаны следующие выводы:

1. Каждая из рассмотренных структур выполняет рекогнитивную функцию.

2. Наиболее часто рекогнитивная функция реализуется терминологическими словосочетаниями и эпонимами. Наименее употребительны в этой функции антропонимы (см. Диаграмму).

3. Такое статистическое распределение обусловлено тем фактом, что первоначально появляется простое понятие (термин), которое усложняется и дополняется в связи с появлением новых знаний и данных. В результате такой термин преобразуется в терминологическое словосочетание. Число таких терминологических словосочетаний зависит от степени исследования некоторой области. Другими словами, чем детальнее изучена проблема, тем

больше многокомпонентных лексических единиц (с единым базовым элементом) присутствует в языке данной научной области.

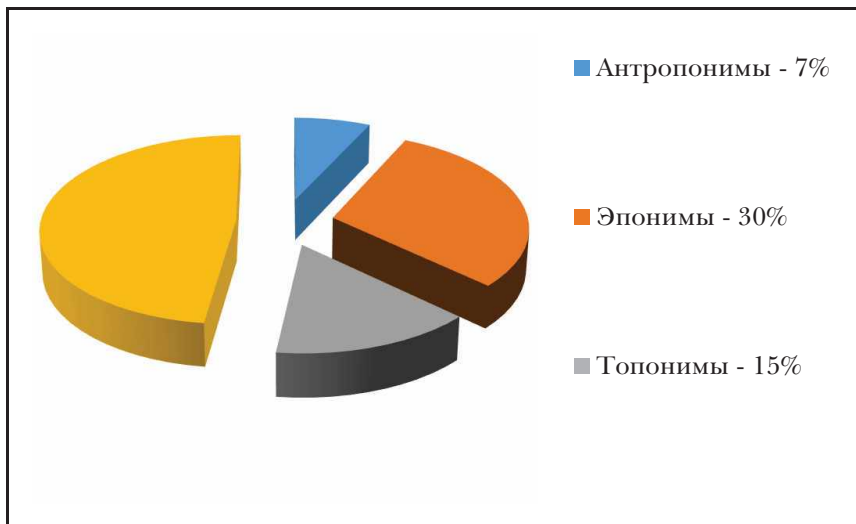

Диаграмма. Частотность реализации рекогнитивной функции в научно-техническом дискурсе

4. Топонимы реализуют рекогнитивную функцию не так часто, что связано с особенностями построения научно-технического текста. Так, упомянутая выше цепочка топонимов (почтовый адрес) используется только при представлении полной информации об авторе в начале или в конце статьи, в то время как внутритекстовые топонимы обычно используются единично (только ойконим или гидроним и т. д.).

© Анашкина И. А.

© Конькова И. И.

3.2. STRESS: ТЕРМИН АНГЛИЙСКОЙ ФОНЕТИКИ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. Введение

Слово *stress* в специализированном (фонетическом) толковании встречается в составе словарного фонда английского языка уже в ранненовоанглийский период и в лексикографических источниках общего и специального типа обычно трактуется как выделение части высказывания различными фонетическими средствами, к примеру, усилением голоса, повышением тона в сочетании с увеличением длительности, интенсивности, громкости (см., например, в [MATTHEWS 2005: 355]). В этом своем значении *stress* синонимичен одному из основных значений термина *accent*.

Интерес в слову *stress* поначалу как к слову общего языка, а затем как к термину обусловлен тем, что в настоящее время ощущается недостаток исследований, целью которых выступает не только этимология лингвистических терминов, но и историко-лингвистическое их описание, позволяющее проследить историю развития терминологической семантики с опорой на текстовые и лексикографические источники. Если в отношении терминологии русской лингвистики, пусть не всегда системно и последовательно, но хотя бы отчасти, эта проблема решается путем описания истории возникновения отдельных терминов, то в отношении терминов английской и немецкой лингвистики русскоязычный читатель до сих пор ощущает нехватку информации. Представленное здесь небольшое по объему исследование, посвященное одному из терминов английской фонетики, призвано некоторым образом заполнить эту информационную лагуну. Исследование является составной частью реализуемого в настоящее время проекта по созданию историко-этимологического словаря европейской лингвистики. В сокращенном виде его результаты планируются положить в основу словарной статьи STRESS.

2. Цель и методы исследования

Статья имеет целью систематизировать этимологическую информацию о слове *stress* и описать историю развития семантики одноименного термина, начиная со времени появления первых английских грамматик и лексиконов. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сопоставительного, дефиниционного, этимологического и семантического анализа.

3. Характеристика материала исследования

В поисках необходимого материала было обследовано около 400 источников на английском языке. К их числу относятся как текстовые, так и лексикографические, включая одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари, номенклаторы, справочники и грамматики. Время создания обследованных текстовых источников охватывает период с середины XVI в., когда вышел в свет педагогический трактат Ричарда Мулькастера *The Educational Writings of Richard Mulcaster*, по 1898 г., когда было опубликовано исследование Джорджа Тэмсона *Word-stress in English*. Список лексикографических источников, изученных автором, открывает словарь Джона Хиггинса *HVLOETS Dictionarie*, изданный в 1572 г., и заканчивает восьмое издание *Chambers Dictionary of Etymology* под редакцией Роберта Барнхарта, опубликованное в 2008 г. Не во всех изученных нами источниках встречается искомое слово. Учитывая узкие рамки статьи, мы ограничимся только теми источниками, которые позволяют решить поставленные задачи.

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1. Этимологический анализ слова *stress* и производных

По данным большинства авторитетных этимологических словарей английского языка, современное существительное *stress* восходит к среднеанглийскому слову *stres*, *stresse*, временем появления которого в словарном фонде английского языка составители словарей считают 1303 год, а источником возникновения — форму *stressen*. Форма *stressen*, в свою очередь, восходит к ст.-франц. *estrecier*,

estressier. Источником возникновения старофранцузского слова выступает вульгарная латынь, в которой, по всей видимости, существовали формы **strectiāre* < **strictiāre* < **strictia*, восходящие к латинскому причастию прошедшего времени *strictus*, образованному от глагола *stringo*, -*ĕre* (WEEKLEY 1921: col. 1428; SKEAT 1989: 607-608; WIDEL 1993: 2260; PARTRIDGE 1978: 672; ШАМБЕРС 2008: 1075). Эрнест Клейн, с опорой на ряд ранних лексикографических источников, полагает, что *stress* этимологически восходит к ср.-англ. *stresse*, образованному путем афезы от *distresse* (KLEIN 1971: 721). То же обнаруживаем у Томаса Кингтона-Олифанта, который считал временем появления слова 1580 год, а источником заимствования — французский язык. Весьма примечателен в этом отношении сделанный им комментарий:

«Our language is richer than the French, since we have both *trail* and *train*; the latter is seen in Norfolk in 1440. The *destresse* of Robert of Gloucester here becomes *stresse*, p. 89, and this form appears in Norfolk 140 years later (KINGTON-OLIPHANT 1878: 576).

Аналогичной точки зрения придерживается Фрэнсис Стратман (STRATMANN 1891: 584). По мнению Фридриха Клюге и Фредерика Лутца, ср.-англ. *distresse* (или *destresse*) восходит, в свою очередь, к ст.-франц. *destrece* или *destresse* (KLUGE 1898: 61, 202).

От существительного *stress* путем конверсии образуется глагольная форма (*to*) *stress*, дефинируемая как «ударять, произносить с ударением, ставить под ударение, выделять с помощью ударения» и в этом значении синонимичная глаголам (*to*) *accent*, (*to*) *accentuate*. По данным этимологических словарей, эта форма в ее метаязыковом употреблении регистрируется в XIX в. (ODEE 1966: 875; CODEE 1996: 466). Составители *Chambers Dictionary of Etymology* (2008: 1075) указывают точную дату — 1859 г. Клейн полагает, что глагол *stress* в зависимости от значения этимологически восходит напрямую к сущ. *stress* или образован путем афезы от глагола *distress* (KLEIN 1971: 721). Аналогичной точки зрения двумя веками ранее придерживался Якоб Серениус (SERENIUS 1757).

4.2. Семантический анализ с опорой на текстовые источники

Впервые термин *stress* в упомянутом выше значении дважды встречается в 1712 г. в *The English Grammar* у Майкла Меттера:

«This in general muſt be minded, to lay the Emphafis no where but upon the Emphatick and more Significant word; as a greater f t r e f s of the voice ought to affect the word, with which the Agreement is made, than that, which Agrees with it; e.g. the Subſtantive than the Adjective; as *the Lord is my ſtrong rock and my caſtle*; *Rock* and *caſtle* bear the emphafis» (МАЙТТАЙРЕ 1712: 201).

Второй случай словоупотребления, встречающийся у него же:

«...Or to avoid the inconvenience of running too many words upon the f t r e f s of one continued breath; as *neither can-they-prove-the-things*, &c. *to-have-always-a-conſcience void-of-offence*, &c.» (ibid.: 204).

Очевидно, что Меттер связывает ударение с эмфазой, которая предполагает выделение релевантной в смысловом отношении части высказывания, в том числе и интонационно-просодическими средствами. Учитывая, что оба выделенных слова в составе приведенной Меттером фразы «*the Lord is my ſtrong **rock** and my **caſtle***» являются односложными, т. е. фактически равны одному ударному слогу, можно сделать вывод, что Меттер имеет в виду именно эмфатическое ударение на этих словах, реализуемое в речи за счет повышения тона и усиления голоса.

Позднее, в *A Grammar of the English Tongue*, авторство которой не установлено (известно о ней лишь то, что печаталась эта грамматика в Лондоне по заказу Джона Брайтленда), также регистрируется искомый термин:

«*Accent* (´) being plac'd over any Vowel in a Word, notes that the tone, or f t r e f s of the Vowel in pronouncing, is upon that Syllable» (A GRAMMAR 1714: 128).

Автор, как видим, ставит знак равенства между понятиями, выраженными терминами *tone* и *stress*. Если принять во внимание, что в то время под многозначным термином *tone*, среди прочего, понимался звук определенной высоты, производимый повышением

или понижением голоса или же собственно изменение высоты тона (голоса)¹, то можно сделать вывод о том, что термин *stress* употребляется здесь в интересующем нас значении.

Приблизительно в то же время термин *stress* обнаруживается в *The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue* у Элизабет Элстоб, которая, подобно Меттеру, употребляет этот термин как синоним эмфазы, используемой с целью смыслового выделения части высказывания:

«The Superlative in аге, аге, еге, иге, оге, иге, уге; as, ииһегге, righteous, ииһеггеге, more righteous, ииһеггеаге, -еге, -уге, most righteous; and when a greater S t r e f s or Emphafis is put upon the Signification, it is ufual to take a final a in both the degrees...» (ELSTOV 1715: 19).

Приведенные выше примеры словоупотребления относятся к первой половине XVIII в., когда, по данным составителей английских этимологических словарей, слово *stress* еще не обзавелось значением, которое позволило бы отнести его к разряду фонетической терминологии (см. об этом ниже). Таким образом, появляются основания уточнить хронологическую информацию, приводимую в упомянутых лексикографических источниках.

Прочие случаи употребления термина *stress* укладываются в хронологические рамки, очерченные этимологическими словарями. Так, в диссертации Генри Галли, посвященной исследованию древнегреческой акцентуации, читаем:

«For no fuch Elevation can fublift, and be made fenfible for pronouncing, whatever may be done otherwife in finging, without fome f t r e s s or paufe, which is always able to make a fhort Syllable long» (GALLY 1754: 68).

Ниже приводятся примеры употребления термина *stress*, которые в специальных комментариях не нуждаются, поскольку практически во всех обследованных нами источниках, начиная со

¹ Ср. у Натана Бейли о содержании понятия «tone»: «...the found of the voice, high or low, mean, deep, or fhriII», «...a certain degree of elevation or depreffion of the voice, as high or low, mean deep or fhriII» (BAILEY 1736).

второй половины XVIII в. вплоть до конца XIX в., термин *stress* употребляется как синоним к термину *accent*. Так, обнаруживаем в *A Guide to the English Tongue* у Томаса Дайча:

«Accent (´) being placed over a Vowel, notes, that the Tone, or S t r e f s of the Voice in pronouncing, is upon that Syllable» (DYCHE 1764: 106);

в *Accentus Redivivi* у Уильяма Праймэтта:

«For every accent, if it is any thing, muft give fome f t r e f s to the fyllable, upon which it is placed. And every f t r e f s, that is laid upon a fyllable, muft neceffarily give fome extent to it» (PRIMATT 1764: 72);

в *Of the Origin and Progress of Language* у Джеймса Бернетта:

«Interested. — But this being impoffible by the nature of things, we are obliged to lay fome f t r e f s upon the laft fyllable, *ted*» (BURNETT 1787: IV, 117);

в *Rudiments of the English Tongue* у Листера Меткафа:

«Our Grammar[a]ns have agreed to confider the S t r e f s of the Voice as the Accent in Englifh and therefore the Accent and long Quantity coincide in our Language» (METCALFE 1777: 16), у него же: «Accent (´) placed over a Vowel to fhew the Tone or S t r e f s of the Voice in pronouncing the Syllable» (ibid.: 19);

в *A Rhetorical Grammar* у Джона Уокера:

«Here the person spoken of is fuppofed to be understood, and there is no neceffity of laying even accentual s t r e s s on the word *he*...» (WALKER 1801: 125), у него же: «The Secondary accent is that s t r e s s we may occasionally place upon another fyllable, befides that which has the principal accent...» (ibid.: 8);

в *English Grammar* у Линдли Мюррея:

«Accent is the laying of a peculiar s t r e s s of the voice, on a certain letter or fyllable in a word, that it may be better heard than the reft, or diftinguifhed from them» (MURRAY 1805: 224);

в *The American Spelling Book* у Ноя Вебстера:

«Accent is a forcible *s t r e s s* or impulse of voice on a letter or syllable, distinguishing it from others in the same word» (WEBSTER 1809: 11);

в *A New and Improved Grammar of the English Tongue* у Уильяма Хэзлита:

«Accent is the laying of a peculiar *s t r e s s* of the voice on a certain letter or syllable in a word, that it may be better heard than the rest, or distinguished from them» (HAZLITT 1810: 143);

в предисловии к *The Bungay Edition of Barclay's Dictionary*:

«And it is further evident, that <...> the sense of it [the very *same word*] is to be determined only by the different accent or *s t r e s s* of the voice that is put upon it» (BARCLAY 1813: XXV);

в *Philosophic Etymology, or Rational Grammar* у Джеймса Гилкреста:

«The reason why the consonant was ever doubled in such instances as *abettor, beginner, &c.* is obvious enough: it was intended to indicate the accent or *s t r e s s* laid on that syllable, but such indication is *wholly unnecessary*; for the accent was sufficiently understood to be on that syllable before the consonant was doubled» (GILCHRIST 1816: 259);

в *A Grammar of the German Language* у Джорджа Недена:

«Besides the sound of the single letters, another branch of knowledge is required, for the purpose of a right pronunciation, namely the Accent. By this is understood that *s t r e s s*, which marks a particular syllable, in speaking, and distinguishes it from those, with which it is connected» (NOEHDEN 1816: 66-67);

в *The Union Grammar* у Дэниэла Джодона:

«Accent is the laying of a peculiar *s t r e s s* of the voice on a certain *syllable* in a word, so as to make it better heard than the rest. *Allure'*, *accus' tom*» (JAUDON 1819: 173);

в *English Grammar* у Джона Комли:

«Accent is the laying of a particular *s t r e s s* of the voice, on a certain letter or syllable in a word, that it may be better heard than the rest, or distinguished from them: as *table, delight*» (COMLY 1823: 168);

в *A New Spanish Grammar* у Мариано Куби:

«The accent in prosody <...> refers not to that orthographical mark, but to the *stress*, by which a certain letter of every word is distinguished from the rest» (CUBI Y SOLER 1826: 404);

в *An English Grammar* у Д'Арси А. Френча:

«Accent is the peculiar *stress* which we lay upon some particular syllable of a word, whereby that syllable is distinguished from the rest, as, *grammar*, *gram-má-ri-an*» (FRENCH 1831: 146);

в *The Productive Grammar* у Розуэлла Смита:

«Accent is the laying of a peculiar *stress* of the voice, on a certain letter or syllable in a word, that it may be better heard than the rest, or distinguished from them» (SMITH 1831: 196);

в *English Grammar in Familiar Lectures* у Сэмюэла Киркхэма:

«Accent is the laying of a peculiar *stress* of the voice on a particular letter or syllable in a word, that it may be better heard than the rest, or distinguished from them...» (KIRKHAM 1833: 208);

в *An Improved Grammar of the English Language* у Вебстера:

«*Accent* is a particular *stress* of voice with which a certain syllable of a word is uttered, and by which it is distinguished from the others» (WEBSTER 1833: 155);

в *English Grammar* у Уильяма Кларка:

«When we give to a *letter* or *syllable* a greater *stress* of the voice, it is called *accent*...» (CLARK 1835: 87);

в *The Philosophy of Language* у Уильяма Крампа:

«*Accent*, as regards the English Language, means a certain *stress* of the voice upon upon a particular letter of a syllable, which distinguishes the syllable from others of which the word may be composed, and also the letter from the rest» (CRAMP 1838: 210);

в *Principles of English Grammar* у Элайджи Бернса:

«*Accent* is a particular *stress* of voice by which a certain syllable of a word is distinguished from others» (BURNS 1859: 211);

в *English Lessons for English People* у Эдвина Эббота:

«Accent means a loud *stress* of the voice» (АВБОТТ 1871: 152);

в *A Comparative Grammar of the Anglo-Saxon Language* у Фрэнсиса Марча:

«It [accent] is found oftenest over a long vowel; sometimes over a vowel of peculiar sound, not long; seldom, except over syllables having *stress* of voice. Sometimes it seems to mark nothing but *stress*» (МАРЧ 1871: 5),

у него же:

«*Stress*. In Anglo-Saxon these depend on the accented syllables, which are determined by the *stress* they would, if the passage were prose, receive to distinguish them from other syllables of the same word, or from other words in the sentence» (ibid.: 222);

в *Historical Outlines of English Accidence* у Ричарда Морриса:

«Accent is the *stress* of the voice upon a *syllable* of a word» (MORRIS 1876: 74);

в *An Old English Grammar* у Эдуарда Зиверса:

«All the OE. diphthongs, *ea*, *eo*, *io*, *ie*, etc., whether short or long, are falling diphthongs, i.e. the *stress* is to be laid upon the former of the two sounds» (SIEVERS 1887: 13);

в *Synopsis of Old English Phonology* у Энтони Мэйхью:

«By ablaut or vowel gradation we mean such differences of quantity, quality and *stress* in the vowel or sonant element of a stem or suffix syllable as originated in primitive Indogermanic differences» (МАУ-НЕУ 1891: 179);

в *Word-stress in English* у Тэмсона:

«In Mod. E. the *stress* has been shifted, and we pronounce *mankind*» (ТАМСОН 1898: 19).

4.3. Опыт лексикографического описания термина *stress*

Этимология и история фонетического термина *stress* заслуживает внимания исследователей, как минимум, по той причине, что

терминологический, т. е. узкоспециальный, компонент в семантической структуре этого слова выделился относительно поздно по сравнению с большей частью других значений, оставаясь, тем не менее, тесно связанным с общей семантикой слова. В семантической структуре слова *stress* составители словарей фиксировали несколько значений, в числе которых следующие²:

1440 — «Physical strain or pressure exerted upon a material object; the strain of a load or weight» (употребляется редко и только в книжной речи);

1513 — «The overpowering pressure of some adverse force or influence» (в основном о погодных условиях);

1637 — «A condition of things compelling or characterized by strained effort»;

1655 — «Force or pressure exercised on a person for the purpose of compulsion or extortion» (устар.);

1690 — «Strained exertion, strong effort» (употребляется редко);

1704 — «Hardship, straits, adversity, affliction» (устар.);

1756 — «Exceptional insistence on something; emphasis» (употребляется в основном в словосочетании *to lay stress upon smth.*);

1765 — «Testing strain or pressure on a support or basis; weight resting upon an argument or piece of evidence; amount of risk ventured on some assurance; degree of reliance» (устар.);

1784 — «Argumentative force» (устар.);

1791 — «Weightiest part, essential point (of a business or argument, question)» (устар.);

1843 — «Strain upon a bodily organ or a mental power» (OUED 1937: IX, 2040).

В качестве последнего (специализированного) значения составители *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles* приводят следующее:

² Значения приводятся здесь в хронологическом порядке с учетом времени их возникновения, а не так, как они представлены в *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles* (1937).

«Relative loudness or force of vocal utterance; a greater degree of vocal force characterizing one part of a word as compared with the rest. Also, superior loudness of voice as a means of emphasizing one or more of the words in a sentence» (ibid.).

По их мнению, это значение в семантической структуре слова *stress*, вошедшего в терминологическую систему языкознания, возникло в 1749 г. Аналогичную дату указывает *Chambers Dictionary of Etymology* (2008: 1075), отмечая, что слово *stress* в фонетическом значении употреблялось для обозначения большей или меньшей силы голоса при произнесении отдельных слогов или слов. Обследованные нами в дополнение к указанным двум источникам этимологические словари *Oxford Dictionary of English Etymology* и *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology* регистрируют это значение как появившееся в XVIII в. и использовавшееся применительно к высказыванию (ODEE 1966: 875; CODEE 1996: 466).

Обследование лексикографических источников, опубликованных в период со второй половины XVI в. по настоящее время, дает основание для уточнения времени появления слова *stress* в английской фонетической терминосистеме. Впервые искомое слово встретилось в 1573 г. в словаре *An Alvearie, or, Triple Dictionarie, in Englishe, Latin, and French* у Джона Барретта: «(845) a *Strefffe*. Vide *Strayne* and *Gage*. (818)» и, как видим, не сопровождается пояснениями за исключением отсылки к лексемам *strayne* и *gage*. Если лексема *gage* не дает исследователю ничего в аспекте установления факта функционирования слова в нужном значении в этот период, то в толковании лексемы *strayne* у Барретта мы находим следующее: «*Strayning* of the voyce, and temperate speaking. Contentio vel intentio vocis; & submissio vel remissio vocis. contraria. Cic.» (BARRETT 1573). Как видим, Барретт определяет *strefffe* как повышение (напряжение) или понижение (ослабление) голосового тона в процессе речи, привлекая в качестве переводных латинских эквивалентов термины, использовавшиеся Цицероном. Сходная формулировка обнаруживается в двух изданиях *Thesaurus Linguae Romanae et Britannicae* у Томаса Купера:

«Intentio vocis, cui remissio vocis opponitur. Plin. Straying of the voice; lowde speaking» (COOPER 1578; 1584). В отличие от Барретта, Купер в словник своего тезауруса лексему *stresse* не включает, ограничиваясь при переводе латинского выражения *intentio vocis* уже знакомой нам формулировкой: «Straying of the voice».

Наблюдения за лексикографическим материалом показывают, что в качестве самостоятельной леммы термин *stress* регистрируется примерно во второй половине XIX в. В издании этимологического словаря английского языка 1888 г. у Джозефа Ворчестера находим: «St r e s s, n. <...>; *emphasis*; *accent*» (WORCESTER 1888: 518). Однако это не означает, что лексема *stress* до 1888 г. в словарях не встречается. В ряде источников она используется в составе толкований лексем *accent*, *accentuation*, *emphasis*, которые так или иначе связаны с ударением. Так, к примеру, в *The New World of Words* у Эдварда Филлипса читаем: «**Emphafis** <...> a Weight or S t r e f s laid upon a Word in the speaking of it» (PHILLIPS 1706). Эта же формулировка дословно встречается у Джона Керси, что объяснимо, поскольку Керси принимал участие в составлении дополнений к словарю Филлипса: «**Emphafis**, a Weight or S t r e f s laid upon a Word in the speaking of it» (KERSEY 1708). Позднее слово *stress* в словарной статье «Accentuation» употребляет Бейли: «ACCENTUÁTION, a pronouncing or marking a word, so as to lay a S t r e f s of the Voice upon the right Vowel or Syllable» (BAILEY 1736). Перечисление этих источников с указанием соответствующего словоупотребления дают основание полагать, что первое упоминание лексемы *stress* в словарях следует отнести не 1749 г., и даже не к 1712 г., когда она обнаруживается в *The English Grammar* у Меттера, а к 1573 г.

После 1749 г., который составители *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles* считают временем первого употребления слова *stress* в фонетическом значении, мы обнаруживаем искомое слово в составе определения слова *emphasis* у Сэмюэла Джонсона: «ÉMPHASIS. n. f. A remarkable f t r e f s laid upon a word or sentence...» (JOHNSON 1755, I), у Джеймса Бьюкенена, который

употребляет слово *stress* в качестве синонима к слову *emphasis*: «The *emphasis* or *stress* of the voice laid on a certain syllable in a word, and is placed over the vowel in that syllable» (BUCHANAN 1757), в составе определения слова *accent* у Роберта Салливана: «**Accent** is a peculiar tone in speaking or pronouncing *stress* or force given to a particular syllable in a word» (SULLIVAN 1847: 65), у Ворчестера: «This mark [the dot or period underneath] is employed rather to indicate a slight *stress* of voice, than to note any particular quality of sound» (WORCESTER 1850: x), у него же: «If the syllables <...> are uttered with a proper *stress* of voice...» (ibid.), у Эндрю Файндлейтера с указанием не только первого, но и второго значения слова (графический знак, обозначающий ударение на письме): «**Accent**, <...> *n.* <...> *stress* on a syllable or word; a mark used to direct this *stress*...» (FINDLATER 1886: 3), у Ворчестера: «*Accent*, *n.* <...> — a *stress* of voice on a certain syllable (WORCESTER 1888: 45), у Джеймса Стормонта:

«**accent**, *n.*, <...> the *stress* or force of voice put upon a syllable or word; the mark indicating the same; *accent*, *v.* <...> or *accentuate*, *v.* <...> to pronounce a word or syllable with a particular *stress* or force of voice...» (STORMONTH 1904: 6).

В дальнейшем лексема *stress* в лемматизированном виде встречается уже весьма часто как в лексикографических, так и текстовых источниках, поскольку становится полноценным элементом английской фонетической терминосистемы.

4.4. Семантический анализ словосочетаний, содержащих термин *stress*

Словосочетания, содержащие термин *stress* в качестве определяемого слова, появляются уже в начале XIX в. Так, к примеру, Уокер в *Elements of Elocution* использует составной термин *subordinate stress*, понимая под ним второстепенное ударение в слове, выступающее в подчиненной функции по отношению к главному ударению, которое он обозначает термином *principal accent*:

«...but the verse would be so harsh with this accent, that it is presumed a good reader would, for the sake of sound, lay the principal accent on

the first syllable, and a subordinate stress on the third» (WALKER 1810: 273).

Постановка этого ударения обусловлена здесь метрикой стиха.

В 1839 г. Оливер Пирс в *The Grammar of the English Language* употребляет составной термин *full stress* как синоним главного ударения в слове: «Give each syllable of a word its own sound; yet do not give a full stress or accent to all» (PEIRCE 1839: 24). Очевидно, что *full stress* противоплагается в данном контексте второстепенному ударению.

В 1887 г. в переводной версии *An Old English Grammar* Эдуарда Зиверса, отредактированной и подготовленной к печати Альбертом Куком, встречается терминосочетание *primary stress*, в котором ударение рассматривается в морфонологическом аспекте:

«Under this head belong the second members of compound words, when the composition has ceased to be distinctly recognized, together with certain proclitics and enclitics, which lose their primary stress in connected discourse. This slurring, or loss of primary stress, has frequently modified or transformed the stem vowels of such words» (SIEVERS 1887: 16-17).

Относить это терминологическое словосочетание на счет Зиверса представляется проблематичным, поскольку ни в оригинальном издании своей *Angelsächsische Grammatik*, опубликованном в 1882 г., ни в издании 1886 г. Зиверс не использует однозначно эквивалентные терминологические словосочетания на немецком языке. То, что в переводном издании грамматики Кук называет *primary stress*, Зиверс именуется терминами *stärkerer Ton* и *stärkerer Accent* применительно к энклитикам и проклитикам, которые в связной речи со временем утрачивают первичные ударения, жертвуя ими в пользу корневой части сложного слова, в состав которого они входят³. По

³ Ср. у Зиверса: «Hierher fallen insbesondere die Stammsilben der schlussglieder von compositis, sofern diese wörter nicht mehr deutlich als zusammengesetzt empfunden werden; ferner gewisse pro- und enklitische wörtchen, die im zusammenhange der rede ebenfalls eines stärkeren Tones

этой причине следует, видимо, считать Кука автором составного термина *primary stress*, использованного в описываемом контексте.

В значении «основное (главное) ударение» термин обнаруживается и в *Englische Metrik in historischer und systematischer Entwicklung* Оскара Л. Триггса в английском переводе Джорджа МакЛина. У МакЛина переводной термин *primary stress* эквивалентен немецким терминам *Hochton* и *Hauptaccent*, которые использует Триггс:

«In the following chapters, *p r i m a r y s t r e s s* is denoted by the acute accent (´), secondary stress by the grave accent (`), the metrical pause by a period (•), long syllable by the macron (¯), a short syllable by the breve (˘)...» (MACLEAN 1893: lxv).

Позднее искомое терминологическое сочетание *primary stress* встречается в *A first Book in Old English* у Кука: «A metrical foot is a portion of a line containing one *p r i m a r y s t r e s s*» (COOK 1900: 108).

В 1887 г. Кук в упомянутом выше переводе *Angelsächsische Grammatik* Зиверса использует терминологическое словосочетание *secondary stress* как переводной эквивалент немецкому *Nebenton* (т. е. вторичное или второстепенное ударение), встречающемуся в оригинальном тексте Зиверса:

«In particular, there is a tendency to convert the **o, u**, of a final syllable into **e**, whenever the word is increased by a syllable taking the *s e c o n d a r y s t r e s s*, and containing either of the vowels **a, o, or u**» (SIEVERS 1887: 68).

В этом же значении мы находим его у Триггса в переводе МакЛина:

«In the following chapters, primary stress is denoted by the acute accent (´), *s e c o n d a r y s t r e s s* by the grave accent (`), the metrical pause by a period (•), long syllable by the macron (¯), a short syllable by the breve (˘)...» (MACLEAN 1893: lxv),

а также в *Word-stress in English* у Тэмсона: «In Mod. E. it [the particle

(здесь и далее выделено нами — *Авт.*) *entbehren*. Dieser Mangel am *stärkerem accent* hat öfter umgestaltend auf den vocalismus auch der stammsilben solcher wörter eingewirkt» (SIEVERS 1886: 15).

mis-] is unaccented, or has a weaker secondary stress» (TAMSON 1898: 20) и в *A first Book in Old English* у Кука: «A syllable which receives neither primary nor secondary stress is called unstressed» (COOK 1900: 109).

В 1898 г. в *Word-stress in English* у Тэмсона в части, посвященной исследованию стихотворчества Чосера, встречается термин *chief stress*, который используется автором в значении «главное (основное) ударение»:

«Chaucer accents such words according to the requirements of the metre, with secondary stress on the final accented syllable, and chief stress two syllables further back» (TAMSON 1898: 118).

В той же работе Тэмсон использует еще целый ряд составных терминов, в числе которых *hovering stress*, т. е. плавающее или колеблющееся ударение, как эквивалент немецкому *schwebende Betonung*⁴ («When we find in Browning (Edition in 17 vols. *Sordello* p. 147) *Of uncouth treasure from their sunless sleeps, uncouth* must be read with “hovering stress”...») (ibid.: 20), *level-stress*⁵ («In Mod. E. *un-* is unaccented, or has a weak secondary accent, according to Sweet (*New Engl. Gram.* § 919) *level stress*») (ibid.), *radical stress* в значении «корневое ударение» («*cóueite* (L.), from OF. *coveitier*, has preserved the radical stress of the original Latin...») (ibid.: 130), weak stress («In Mod. E. we accentuate *únto*, or with equally weak stress on the two parts») (ibid.: 23). Тэмсон, как представляется,

⁴ В *Brockhaus Konversations-Lexikon* приводится следующее определение этого термина: «*Schwebende Betonung* nennt man in der mittelhochdeutschen Verslehre eine fast nur am Anfang des Verses stattfindende, einen Widerspruch zwischen metrischem und sprachlichem Ton verwickelnde Betonungsweise, die es unter Umständen ermöglicht, daß die höchstbetonte Silbe des Wortes metrisch auf die Lenkung (den Auftakt), die folgende minderbetonte auf die Hebung fällt» (BKL 1894: II, 902).

⁵ Этот же термин находим позднее у Есперсена: «The diphthong used as a substitute may roughly be written [iu]; at first it was probably pronounced as a *level-stress* diphthong (schwebender diphthong), in which neither element preponderated» (JESPERSEN 1907: 49).

едва ли является автором этой группы терминов, характеризующих ударение с морфонологической точки зрения. Несомненно, дальнейшие изыскания в этом направлении позволят с высокой долей вероятности выявить и более ранние случаи интересующего нас словоупотребления.

В 1900 г. в *A first Book in Old English* у Кука обнаруживается составной термин *rhetorical stress*:

«It must be borne in mind, however, that the *s t r e s s* is sometimes *r h e t o r i c a l*, that is, depends not so much upon the intrinsic weight of the word as upon that which belongs to it in virtue of its relation to other words in the same sentence» (COOK 1900: 112).

5. Выводы

1. По данным этимологических словарей, временем появления в словарном фонде английского языка слова *stress* в общем значении («тяготы, трудности, внешнее понуждение к чему-л., напряжение») является 1303 год.

2. Семантическая структура слова *stress* формировалась на протяжении более чем пятисот лет и характеризовалась постоянным увеличением количества значений, объединенных общей семой, зафиксированной в первоначальной семантике слова.

3. Специализированное значение слова *stress* («ударение»), позволяющее отнести его к разряду фонетических терминов и включить в состав английской фонетической терминологии, сформировалось, по данным лексикографических источников, в 1749 г.

4. Анализ обследованных нами ранних лексикографических источников, начиная с конца XVI в., позволяет уточнить время возникновения фонетического значения слова *stress* и с опорой на данные словаря *An Alvearie, or, Triple Dictionarie, in Englishe, Latin, and French* Джона Барретта считать этим временем 1573 год.

5. Анализ текстовых источников также не подтверждает данные, приводимые в этимологических словарях английского языка, относительно времени возникновения фонетического значения в семантической структуре слова *stress*, поскольку слово в

упомянутом значении встречается уже в 1712 г. в *The English Grammar* у Майкла Меттера.

6. Терминологические словосочетания, содержащие термин *stress* в качестве определяемого слова, появляются в текстовых источниках уже в 1810 г. Появление составных терминов свидетельствует об усложнении терминологической системы, обслуживающей метаязыковые потребности фонетики как отдела языкознания, как минимум, на рубеже XVIII-XIX вв.

© Иванов А. В.

© Иванова Р. А.

3.3. НЕМЕЦКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: МЕЖДУ КЛАССИКОЙ И ЦИФРОЙ

1. Лексикография сегодня

1.1. Предмет, задачи, проблемы современной лексикографии

В XXI в. найти перевод или уточнить значение нужного слова, как для исследователя, так и для обывателя, не представляет проблемы: словари давно перестали быть редкими и дефицитными (если кто-то еще помнит это слово) изданиями. Стоит только заглянуть на соответствующую страницу Великого и Ужасного Интернета, открыть поисковик с запросом и (о, чудо!) искомый результат появляется как по мановению волшебной палочки. Лексикография переживает сегодня второе рождение, становясь очень популярной исследовательской областью языкознания с высоким коммерческим потенциалом, как принято сегодня говорить. Цифровые технологии в сотни раз облегчают сбор и обработку эмпирического материала, формируют растущую систему обработки языковых явлений и подтвержденной статистики.

Открытость цифрового мира, скорость распространения информации, динамика общественных процессов сыграли в сегодняшней «активизации» лексикографии немаловажную роль.

Чем занимается лексикография в наши дни? Отличаются ли современные словари и словари по иностранным языкам (немецкому языку, в частности) от своих предшественников? Существование и развитие национальных корпусных изданий (*Национальный корпус русского языка* — НКРЯ, *Цифровой словарь немецкого языка* — DWDS и др.) свидетельствуют о изменениях, произошедших в словарном деле за последние десятилетия. К наиболее интересным и перспективным разработкам среди словарей относятся, например, публикации результатов исследований Института немецкого языка г. Мангейма (IDS Mannheim).

Информация о словарном составе современного немецкого языка разнится, и количество слов варьирует между 300000 и

500000 лексем, хотя остается неясным, в какой степени учитываются дериваты и композиты, а также технические, региональные языки, специальные языковые элементы. Открытыми остаются также вопросы о том, добавляются ли к подсчету количества устаревшие слова и регистрируются ли неологизмы, и если да, то в каком количестве?

Целью данного исследования является сопоставительный анализ известных и доступных словарей немецкого языка для выявления основных принципов их формирования, а также полноты представляемой пользователям языковой информации.

Как связаны между собой работа по созданию словаря и лексикография? Франц Хаусманн, ссылаясь на более раннюю работу Эрнста Виганда, называет лексикографию в узком смысле «деятельностью по созданию словаря». В более широком смысле лексикография означает «общую научную работу со словарями». Последнюю он называет «словарным исследованием», используя этот общий термин, с одной стороны, для металексикографии как теоретического исследования словаря, а с другой стороны, — для лексикографии как практического исследования словаря. Металексикография может подразделяться на следующие области исследования: использование словаря, история лексикографии, теория словаря и теория лексикографии (HAUSMANN 1985: 368). Отсюда *лексикография* — научная практика проектирования, разработки, редактирования, публикации, переработки словарей. Лексикография является предметом исследования металексикографии или исследования словарей (MLS 2000: 410).

Лексикография — это процесс, метод и результат производства словарей. Принципы лексикографии, необходимые для документирования словаря языка, диалекта или предметной области, развиваются, с одной стороны, на основе лексикологии, которая обеспечивает теоретические основы и материалы для лексикографического кодирования, с другой стороны, на основе ограничений, таких как распространение, простота использования и т. д. (BUSSMANN 2002: 406).

Исследование словаря (или *металексикография*) состоит из совокупности научных усилий, направленных на теоретические, методологические и исторические исследования; оно отвечает на документальные и культурно-педагогические вопросы, которые могут возникнуть. Среди прочего можно упомянуть следующие металексикографические проблемы: планирование и разработка новых словарей; утрата первоисточника (например, при комментировании переизданий старых словарей); критическая переоценка и обзор эффективности словарей; определение потребностей пользователей; определение функций словарей в истории языка, культуры и науки; развитие истории и теории лексикографии; ведение библиографической документации словарей и других металексикографических работ (WIEGAND 1984: 10). Более точную группировку этих вопросов Э. Виганд приводит в более поздней работе (WIEGAND 1989: 262).

В справочниках — особенно в одноязычных немецких словарях — практически не встречается определение термина «словарь», а также трудно определить, что отличает его от понятия «лексикон». Исторически закреплена синонимичная связь между двумя обозначениями. Подробно данная тема была разработана К. Хьортом (HJORT 1967: 353-367). Современные определения данных терминов из классического общего одноязычного онлайн-словаря *Duden Universalwörterbuch* (DUW): *словарь* — справочник, в котором слова языка перечислены и объяснены в соответствии с определенными критериями (например, моноязычный, двуязычный, этимологический и т. д.); *лексикон* — 1) алфавитно-упорядоченный справочник ключевых слов из различных областей знаний или конкретной предметной области; а также 2) (*устаревшее*) словарь.

1.2. Структура и содержание современных немецких словарей

Словари могут отличаться по многим признакам. Трудность в том, что каждый словарь имеет более одного принципа построения. Типология словарей «никогда не бывает полной и строго

дистинктивной, среди прочего также потому, что постоянно возникают новые словарные типы» (KÜHN 1989: 112). Прежде чем перейти к теоретическим классификациям словарей, хотелось бы отметить, что отдельные параметры (такой, к примеру, как категория числа) являются значимыми для всех типов словарей.

В качестве классификации по отдельным параметрам можно привести некоторые общие категории словарей. Так, сегодня различают словари:

1) одноязычные или *моноязычные* — по количеству представленных языков (например, *Duden Universalwörterbuch* (DUW) — и *двухязычные* или *многоязычные* (их еще называют словарями перевода, например, немецко-русский и русско-немецкий словарь PONS);

2) в зависимости от степени охвата лексики: словари общей лексики (*DUW*, *LGWb*, *Wahrig*, и т. д.) — и специальные словари (словари конкретных авторов, словари иностранных слов т. д.).

Общая научно-обоснованная типология словарей в немецкой лингвистической теории была создана Петером Кюном в 1978 г. В основе его классификации лежал каталог критериев по доминирующей функции. Классификация словарей по П. Кюну в соответствии с функциями кодирования: (1) специфика характеристик кодирования относится к сфере охвата информационной области (Большой словарь немецкого DUDEN в 6 томах; в 8 томах; в 10 томах; в 12 томах); (2) основным критерием является лингвистическая структура описательных элементов, где можно выделить: фонетические / фонематические аспекты — тип: словарь произношения — *Aussprachewörterbuch* (DUDEN 1962); графические / графемные аспекты — тип: орфографические словари (DUDEN 2000); морфологические аспекты — словарь рифм, словарь архаизмов, неологизмов и т. д.

Более мелкое подразделение продолжается далее по семантическим аспектам. Так, выделяется словарь семантического значения, в котором рассматривается значение слова, используемого в качестве леммы. Примерами служат все словари, где слова

представлены в алфавитном порядке. В противопоставление таким словарям существуют словари, разработанные в соответствии с ономаσιологическим принципом. В этом случае, наоборот, задается значение и приводятся соответствующие ему слова, например, 'род', которые составляют лексические парадигмы или лексические поля (MLS 2000: 492). В ономаσιологических словарях слова упорядочены по функциональным группам. Все словари синонимов также основаны на ономаσιологическом принципе. Выделяются также словари омонимов, фразеологизмов, аббревиатур, иностранных слов, диалектов, профессионализмов, этимологические словари и т. д.

Словари, в которых зафиксированы только новые слова, называются словарями неологизмов. В сравнении с количеством таких словарей, созданных на материале английского или французского языков, немецких — немного. Многие исследователи придерживаются мнения, что подобные специализированные словари неологизмов не нужны, значения новых слов интуитивно понятны современникам (TEUBERT 1998: 129). Однако существует множество новых немецких слов (как узкоспециальных, так и общеупотребительных), о значении которых сложно догадаться. Например, значение слова *Elchtest* — не исследование лосей, а «тест, имитирующий резкое движение рулевого управления автомобиля во избежание внезапно появившегося на проезжей части препятствия (например, лося в странах северной Европы)» (DUDEN). Для подобных случаев, когда слово на основе сходства с другим может быть воспринято совершенно неправильно, определенно нужны словари неологизмов.

Современная лексикографическая практика все больше основывается на корпусах. В Институте немецкого языка Мангейма (IDS) был разработан так называемый исторический текстовый корпус — *historischer Textkorpus*, который постоянно дополняется другими языковыми корпусами IDS.

В словарях обычно указывается количество перечисленных лексем, например, на титульном листе и в предисловии словаря

Duden (2017) сказано, что словарь содержит около 145000 слов и выражений. За этой информацией скрываются ответы, как минимум, на следующие вопросы: насколько объемным является словарный состав языка, из которого был сделан выбор лексем?; что можно считать леммой или ключевым словом?; соответствуют ли действительности лексемы, указанные в словаре издателем? Воздержимся пока от комментариев в вопросах и рассмотрим данные словарей в качестве эмпирического материала.

Табличный обзор числа лексем одноязычных словарей немецкого литературного языка с 1947 г., упорядоченный по размеру, предлагает Э. Виганд. Он выделяет однотомники:

- с небольшим количеством лексем: до 35 000 (WAHRIG-DTV 1989),
 - со средним: 35 000 — 70 000 (SPRACH-BROCKHAUS 1984),
 - с большим: 70 000 — 100 000 (WAHRIG DEUTSCHES WÖRTERBUCH 1986),
 - с очень большим: более 100 000 (DUW 1989),
- а также шеститомник: *Duden* — Большой словарь немецкого языка (1976-1981) без обозначения количества лексем (ВИГАНД 1990: 2100-2245).

Между тем, словарь *Duden* появился уже в 8 томах (1993-1995), в 10 томах (1999), и 12 томах (2005-2017).

При рассмотрении общей структуры словарей или макро-структуры в качестве обязательных разделов выделяются такие, как краткая аннотация или *введение*, в которое входят, как правило, «предисловие», «предварительные лексикографические замечания», «пояснения о концепции словаря», данные о «компоновке и структуре словарной статьи», иногда на форзаце книги, как в DUW-2017 (DUW 2000: 13), представляющие собой советы для пользователя или рекомендации по использованию. Введение также может содержать дополнительные таблицы, список сокращений, краткую грамматику и т. д. Они могут быть расположены также в конце словаря, как самостоятельный раздел или в виде *приложения*.

Под *содержанием*, помимо основного значения этого слова, в случае со словарем часто понимается список слов, он же *словник* (*Wörterverzeichnis*), где каждое отдельное слово является *лексемой* (ПЕШКОВСКИЙ 1925: 399). Лексема — это не начальная форма слова, она соответствует словарной статье, а словарная статья, в свою очередь, описывает лексему; начальная форма лексемы *лемма* называет лексему. Построение словаря в алфавитном порядке считается классическим, хотя лексемы могут располагаться в двух порядках — алфавитном (семасиологическом) или неалфавитном (ономасиологическом).

Основной частью словаря на уровне микроструктуры являются сами *словарные статьи*. Статья в словаре содержит не только лемму / ключевое слово, но также «информацию о лексеме [...], а в случае двуязычного или многоязычного варианта, словари также содержат эквиваленты» (MLS 2000: 796). Содержание и структура словарных статей новых словарей, с опорой на систему словарных помет Б. Шедера (SCHAEDELER 1987), может содержать следующие компоненты: (1) лемма; (2) орфография (включая разделение по слогам); (3) информация о фонетике (произношение, акцент); (4) данные об орфографических вариантах (включая короткие формы, сокращения); (5) грамматическая информация; (6) диасистемная информация или специальные маркировки; (7) семантическая информация. Последний тип информации (о смысловом значении слова), согласно Б. Шедеру, обычно находится в центре внимания пользователей, и в одноязычных словарях является значением слова (*Bedeutungserklärung* или *Bedeutungserläuterung*), а в двуязычных — эквивалентом (*Äquivalent*).

Информация о значении может принимать следующие формы: объяснение значения в виде *лексикографического парафраза*; *парадигматическая информация*: синонимия, антонимия, гипонимия или гиперонимия; *синтагматическая информация* (коллокации, примеры, фразеология и идиоматика); *этимологическая информация*; *иллюстрации* (*ibid.*: 103).

Таким образом, словарная статья предоставляет собой необходимую (в зависимости от целей пользователя) информацию о различных формах и деталях использования в языке конкретной лексемы.

Одной из основных проблем современных словарей является следующая: «что можно считать леммой?», так как она — «каждая лексическая единица [...]: дериват, композит, словоформы, аффиксы, аффиксоиды [...] части лексем, аббревиатуры, имена собственные», а также иностранные слова, технические термины (HAUSMANN 1985: 372).

Лемматизация — процедура приведения словоформы к лемме (MLS 2000: 403). Этот процесс происходит определенным образом, который может отличаться от языка к языку: например, в немецком языке существительные представлены с родом, а в английском — без такового, в русском языке имена прилагательные представлены в единственном числе мужском роде и т. п.

Для рассмотрения примеров решения наиболее общих проблем современной лексикографии следует перейти к анализу конкретных современных немецких одноязычных словарей, их структуры и отражения конкретных характеристик слов. Далее проводится анализ современных актуальных немецких источников, таких как словари портала OWID (*Элексико* и *Словарь неологизмов*), Большой словарь немецкого языка DUDEN, а также словарь неологизмов немецкого языка У. Квастхофа.

2. Представление информации в современных немецких словарях

2.1. Портал OWID: «Элексико»

OWID — Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch — портал словарей для лексикографических исследований на основе корпуса Института немецкого языка г. Мангейма. Проект в области компьютерной лексикографии, объединяющий разработанные IDS научные лексикографические ресурсы немецкого языка, доступные в цифровой форме и связанные общей концепцией визуализации, навигации и доступности. Сюда относятся

общий поиск в списке скомпилированных ключевых слов, а также кросс-словарь и поиск в лексикографическом контенте.

В настоящее время OWID содержит девять цифровых словарей: *ellexiko* («Элексико»), *Feste Wortverbindungen* («Словарь устойчивых словосочетаний»), *Sprichwörterbuch* («Словарь пословиц и поговорок»), *Kommunikationsverben* («Словарь коммуникативных глаголов»), *Kleines Wörterbuch der Verlaufsformen des Deutschen* («Малый словарь исторических форм немецкого языка»), *Deutsches Fremdwörterbuch* («Словарь иностранных слов немецкого языка»), *Neologismenwörterbuch* («Словарь неологизмов»), *Schulddiskurs* («Словарь дискурса “вины”», 1945-1955), *Protestdiskurs* («Словарь дискурса “протеста”», 1967-1968), *Schlüsselwörter* («Словарь ключевых слов», 1989-1990).

В рамках OWID также доступен корпус IDS, позволяющий быстро и легко находить аутентичные тексты, содержащие то или иное ключевое слово. Corpus Search — услуга, предоставляемая OWID, чтобы дополнить информацию, содержащуюся в словарях OWID, и связать собственные ресурсы IDS. OWID постоянно расширяется.

Ellexiko («Элексико») — это онлайн-информационная система («словарь современного немецкого языка»), которая документирует актуальный словарный состав языка в так называемых модулях, и приводит комментарии с научной точки зрения. Основное внимание в *Ellexiko* уделяется модулю «Lexikon», описывающему частотность употребления, значение и применение ключевого слова. Кроме того, в словаре содержится информация о правописании, даны аутентичные примеры из Мангеймского корпуса и т. д., которые для большинства ключевых слов представлены автоматически.

Ellexiko имеет очень обширный список ключевых слов, отраженный в более чем 300000 записей. Из них 1867 лемм обработаны в *Ellexiko* с редакцией. Буква «А» с полным лексикографическим описанием, по Б. Шедеру, например, включает 171 элемент от «aasen» до «Autorin».

Каждая статья включает два основных раздела. Многие слова

можно прослушать. Раскрыв подразделы, мы получаем детальную информацию. Так, в подразделе «Herkunft» содержатся подробные данные об этимологии слова, истории форм и о словарном родстве, с дальнейшими ссылками для подробного изучения тех или иных данных. Подраздел «Wortbildung» также включает огромный пласт информации для исследования. Важно отметить наличие данных о частотности употребления. Дополнительно имеется подраздел с информацией о взаимосвязи значений выбранного слова, обзор спектра значений, объяснение значений, коллокация, приводятся конструкции, связанные по смыслу, особенности употребления и грамматики. В подразделе «Bedeutungserläuterung» также представлены корпусные данные, с указанием названия источника и статьи, даты и страницы публикации.

Помимо лексем, представленных в алфавитном порядке, в данной системе можно работать со словарными статьями, разделенными по специальным областям (*Stichwörter in Sachgruppen*): *Alltag und Freizeit*; *Bildung und Erziehung*; *Gesundheit und Sozialwesen*; *Kultur und Kunst*; *Militär*; *Multimedia* и др., а также смысловым и тематическим группам (*Wortgruppenartikel*): *Fußball spielen*; *Jahreswechsel*; *Arten von Bildern*; *Kindheit — Jugend — Alter* и др.

Таким образом, словарь *Elexiko* в системе OWID представляет собой очень информативный ресурс и на его базе можно проводить обширные научные исследования, подкрепленные статистикой и корпусными данными. Онлайн-словарь с полным функционалом представлен в открытом доступе в Интернете, имеет удобный и понятный интерфейс, логичную структуру, прост в использовании, что делает его одним из наиболее популярных ресурсов среди исследователей.

2.2. Портал OWID: словарь неологизмов

Первый большой словарь неологизмов, созданный Институтом немецкого языка города Мангейма в 2004 г., *Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre* содержал более 700 ключевых слов, распространенных в немецком языке в 90-е гг. XX века. Большин-

ство неологизмов взято из электронного корпуса IDS, включающего более 2-х миллиардов газетных текстов. Неологизмы, изданные в виде печатного словаря, также доступны в онлайн-словаре *owid.de* с июля 2014 г. Это долгосрочное исследование неологизмов обусловило дальнейшее пополнение словаря, и в настоящее время осуществлена публикация неологизмов, связанных с пандемией коронавируса 2019 г.

Словарь также регулярно выходит в печать: последнее издание *Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001—2010* вышло в 2015 г. в двух томах (STEFFENS, AL-WADI 2015). Словарь включает более 570 ключевых слов, расположенных в алфавитном порядке.

В декабре 2014 г. появилась переведенная на русский язык печатная версия словаря *Немецко-русский словарь неологизмов. Новая лексика в немецком языке 1991—2010* в двух томах в переводе Ольги Никитиной. Этот словарь восполняет пробел в немецко-русском лексикографическом ландшафте последних лет. В нем представлена новая немецкая лексика, большей частью отсутствующая в других немецко-русских словарях. Словарь содержит около 2000 новых слов (например, *Kletterwald*, *scrollen*), новых устойчивых сочетаний (например, *etw. in die Tonne treten*, *der Drops ist gelutscht*) и новых значений уже известных слов (например, *halbrund*, *Stolperstein*), из которых примерно 1350 имеют полное лексикографическое описание. Многочисленные взаимосвязи между заголовочными словами дают представление о системности новой лексики и тем самым способствуют усвоению лексического материала.

Критериями выбора неологизмов в данном словаре являются новизна лексических единиц (с 1990 г. по настоящее время) и их общеупотребительность в немецкой языковой среде, частотность употребления выявляется по данным Мангеймского корпуса немецкого языка.

Источниками словаря были электронные корпуса *Archiv der geschriebenen Sprache* («Архива письменного языка»), где сохранены газетные тексты преимущественно 90-х гг. XX в. и нулевых годов

XXI в. Источники представлены наиболее крупными и разносторонними по содержанию СМИ Германии (например, *Berliner Zeitung*, *Frankfurter Allgemeine*, *Mannheimer Morgen*, *Die Tageszeitung*, *Die Zeit*), Австрии (например, *Salzburger Nachrichten*) и Швейцарии (например, *Zürcher Tagesanzeiger*).

В электронном словаре неологизмов OWID содержится 1882 словарных статьи с полным лексикографическим описанием. Из них 1022 — неологизмы 1990-х гг., 688 — начала 2000-х и 172 — 2010-х гг. В словаре всего 114 слов на букву «А».

В словарных статьях содержатся данные об орфографии, произношении, семантике, грамматике, синтагматических и парадигматических отношениях, прагматике, происхождении, специфике использования слова и способе словообразования, а также текстовые примеры. Кроме того, дается информация о типе неологизма, его появлении, размещении в словарях, а также в энциклопедических ссылках. Основой данных являются, по сути, электронные текстовые корпуса IDS. Для большого количества лексем приведены графики частотности употребления слова в немецких СМИ на миллион слов по годам.

Словарь неологизмов IDS представляет замкнутый диапазон диахронно обозначенных «новых» лексических единиц. Этот словарь также доступен в онлайн-формате, удобен в использовании, включает полноценное лексикографическое описание лексем с дальнейшими ссылками на подробное энциклопедическое изучение подразделов, охватывает актуальный словарный состав, регулярно пополняется и базируется на корпусных данных, что позволяет исследователю работать с аутентичными примерами и проводить весомые практически подтвержденные исследования.

На основании представленного в данных словарях материала в ходе исследования были выявлены специальные предметные области лексики немецкого языка, в которых образуются большее количество неологизмов. Так, самое большое количество новых слов (особенно сокращений и заимствований или интернационализмов) появляется в области «Компьютерные и Интернет-

технологии» (порядка 14% от общего количества неологизмов, 238 статей), что совершенно неудивительно. Далее следует раздел «Общество» (около 8%, 142 статьи), на третьем месте расположились области «Спорт» (7,5%) и «Политика» (около 7%).

2.3. Большой словарь немецкого языка *Duden*

Классический словарь бумажной версии *Duden* более 130 лет является авторитетным изданием, большим толковым словарем немецкого языка и правописания. Он выступает стандартным справочником на немецком языке и гарантирует высочайшую лексикографическую компетенцию. Словарь отражает не только широкий спектр понятий современного немецкого языка, но прежде всего обеспечивает безопасность во всех языковых вопросах.

Кроме того, существует многофункциональный интернет-портал www.duden.de и телефонная языковая консультация (*Duden-Sprachberatung*). *Duden online* фиксирует актуальный словарный состав немецкого языка. Он содержит заимствования и иностранные слова, разговорные выражения и территориальные понятия, а также слова профессиональных и специализированных языков и областей, например, экономики или спорта. Кроме того, в нем перечислены различные имена, личные или географические названия, а также употребительные сокращения. Кроме того, *Duden online* предлагает пользователям всю важную информацию о написании, грамматике и значении слова, показывает синонимы и предоставляет информацию о частоте, происхождении и произношении. Во многих случаях рисунки иллюстрируют значения слова или дают звуковые примеры произношения. Компьютерное концептуальное пространство показывает контекст, в котором обычно употребляется слово.

Словарь регулярно редактируется и пополняется, в основном, актуальными неологизмами, которые становятся общеупотребительными и постепенно входят в основной лексический состав.

В качестве основы для сбора и редактирования словаря редакционный отдел *Duden* в основном использует *Dudenkorpus* —

цифровую полнотекстовую коллекцию, в которой уже содержится более трех миллиардов форм слов из разных типов текстов (таких как романы, научно-популярные статьи и сборники, газеты, журналы и т. д.), корпус постоянно расширяется. Редакцией *Duden* учитываются также поисковые запросы в Интернете, и даже пользовательские запросы, в основном те, которые проходят через телефонную языковую консультацию. Более того, редакция *Duden* предоставляет множество источников для получения надежной, актуальной и ориентированной на пользователя информации о немецком языке.

Интересный раздел словаря «Язык в цифрах» предлагает различную статистику — инфографику, например, о 10 самых длинных словах немецкого языка, самой часто встречающейся букве, слове года и т. п.

Здесь же *Duden* приводит данные об актуальном словарном составе немецкого языка и статистику по частям речи, где 74,5% слов, представленных в словаре — существительные, 13,6% — прилагательные, 10% — глаголы, 1,2% — наречия и 0,7% — прочие части речи.

Таким образом, *Duden online* и печатные версии словаря включают колоссальный объем информации о немецком языке, и представляют собой самый большой регулярно пополняемый одноязычный словарь и справочник современного немецкого языка. Словарь считается классическим источником информации в том числе во многих исследованиях. Однако в сравнении со словарем OWiD включает меньше информации по каждому конкретному слову. Он актуален в большей степени для изучающих язык, в нем представлена интересная статистика и факты.

2.4. Словарь неологизмов немецкого языка У. Квастхофа

Первые немецкие словари неологизмов в современном понимании появились лишь после Второй мировой войны. В публикации Гертруды Харласс и Ганса Фатера *Zum aktuellen deutschen Wortschatz* впервые была предпринята попытка собрать, классифи-

цировать и описать новые слова. Альфред Хербертс создал словарь *Neue Wörter. Neologismen in der deutschen Sprache seit 1945* в двух томах, который был издан 1977 и 1982 (LEMNITZER 2007: 100).

Словарь немецких неологизмов У. Квастхофа *Deutsches Neologismenwörterbuch. Neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache* (2007) — еще один крупный словарь, включающий 2284 неологизма, появившихся во временном промежутке с 2000 по 2006 г. Основой для словаря послужили данные проекта *Deutscher Wortschatz* (<http://wortschatz.uni-leipzig.de>) департамента автоматической обработки языка Института информатики Лейпцигского университета (QUASTHOFF 2007: 9). Данный проект работает уже 20 лет (доступен для 50 языков) и базируется на Лейпцигском корпусе немецкого языка, содержащем 26 млн. предложений из газетных текстов и интернета. Каждому ключевому слову в словаре дается значение, а также указывается информация, из какой области слово и понятие берут свое начало. Особенностью словаря являются диаграммы частотности употребления каждого слова в период с 1995 по 2006 г. По данным диаграмм можно с легкостью проследить является ли слово абсолютно новым, и когда и как менялась его частотность.

Критерии выбора слов в данном словаре сформулированы автором следующим образом: 1) наибольшая частотность употребления должна приходиться на период с 2000 г. и позже; 2) число обращений в год должно превышать минимальное (само минимальное число не названо). Иначе говоря, неологизмы, приведенные в данном словаре, должны часто использоваться говорящими в настоящее время (регионализмы не включены) (*ibid.*: 9-10).

Чтобы слово было признано неологизмом, оно должно употребляться в языке с большой частотностью, что чаще встречается в языке медиа. Слово может быть совершенно новым (*Mautdebakel, Pfandgegner und Elterngeld*), а может быть давно известным в кругах специалистов, но постепенно входить в повседневный язык (*Businessplan, Defizitgrenze, Radioquote und ultrafein*) (*ibid.*: 6).

Структура словаря неологизмов У. Квастхофа выглядит следующим образом: в нем имеются два типа записей (полные статьи и статьи со ссылками). Информация о лексеме состоит из нескольких частей, которые могут быть специфическими для некоторых слов. Полноценная словарная статья содержит следующую информацию: ключевое слово в качестве заголовка; предметная область; альтернативные варианты написания (если есть); краткое определение; диаграмма частотности; пояснительная информация, содержащая причины частотного употребления слова в конкретный временной отрезок; аутентичный пример употребления (2-3 предложения-примера для иллюстрации употребления слова в СМИ с указанием источника и даты). Пример такой статьи — лексема *ABC-Waffen*.

Статья со ссылкой вместо пояснительной информации может содержать ссылку на «связанное» ключевое слово или тематическую группу. Такие тематические группы созданы, чтобы избежать ненужных повторений и сконцентрироваться на более подробном центральном описании. Такие тематические «рамки» располагаются сразу под ключевым словом и также классифицированы в алфавитном порядке.

Диаграмма частотности представляет собой гистограмму, отражающую частоту употребления ключевого слова в период с 1995 по 2006 г. Разница в размере отдельных столбцов иллюстрирует ежегодные изменения. Кроме того, справа от диаграммы приводятся две цифры, значение которых поясним на примере лексемы *Abfangrakete* (QUASTHOFF 2007: 57): «maximum 2000» означает, что наибольшее количество употреблений этого слова приходится на 2000 г., а аббревиатура «Ges.-Zahl» описывает общую частотность слова в рассматриваемом временном промежутке. Для большего удобства при сопоставлении информации по каждому году внутри диаграммы отражена годовая частотность появления слова в корпусе на 10 миллионов предложений.

Для многих неологизмов существует несколько вариантов

написания, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, исследуемый период подпадает под последнюю орфографическую реформу, предусматривающую более демократичное понимание языковой нормы, и, следовательно, варианты написания слова. Кроме того, прослеживается тенденция первоначального написания композитов-неологизмов через дефис с постепенным внедрением их слитного написания. Например, существование четырех вариантов написания одного слова: *Anti-Terror-Kampf*, *AntiterrorKampf*, *Anti-Terrorkampf und Antiterrorkampf*. Каждый дополнительный вариант написания встречается в корпусе минимум 20 раз. Аналогичным образом предъявляются слова, которые пишутся с большой или с маленькой буквы (*WLAN*, *Wlan*, *Wlan*). Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке; всего в словнике 2284 слова, из которых 191 слово на букву «А».

Согласно данным словаря неологизмов Квастхофа, большое количество неологизмов в немецком языке образуется в следующих предметных областях: политика, экономика, компьютер — техника — Интернет, деньги, общество и т. д. На основании количественного анализа были выделены 10 наиболее продуктивных специальных областей. При этом 24% общего количества неологизмов словаря принадлежат к области «политика», 22% — к области «экономика», 11% — к сфере «компьютер, Интернет, технологии».

Данные словаря подтверждают уже сделанные ранее в исследовании выводы о принадлежности неологизмов к различным частям речи с преобладанием имен существительных. Так, в словаре неологизмов У. Квастхофа 98,3% неологизмов являются существительными.

3. Заключение

Рассмотрев и проанализировав современные словари немецкого языка и словари неологизмов, необходимо отметить, что для всех словарей представление данных микроструктуры (словарной статьи) по Б. Шедеру является общей особенностью, уникаль-

ными же являются следующие характеристики: количество информации; ссылки для подробного изучения любого аспекта; деление слов на временные разделы; регулярное обновление и пополнение словаря; наличие энциклопедических данных; прямой выход на корпус; популярность, наличие диаграмм частотности употребления слова и некоторые другие (см. Табл.).

Таблица. Уникальные и универсальные характеристики современных немецких словарей

Словарь	Elexiko IDS OWID	Словарь неологиз- мов IDS OWID	Большой словарь Duden	Словарь немецких неологиз- мов У. Кваст- хофа
Характеристика				
Лемма	+	+	+	+
Орфографическая информация	+	+	+	+
Фонетическая информация	+	+	+	—
Грамматическая информация	+	+	+	—
Диасистемная информация (пометы)	+	+	+	+
Семантическая информация	+	+	+	+
Данные о происхождении слова	+	+	+	—
Словообразовательная модель	+	+	—	—
Продукты словообразования	+	+	+	—
Спецификация значения, примеры	+	+	+	—

Аутентичные примеры из корпусов	+	+	—	+
Частотность употребления	+	+	+	+
Предметная область	+	+	+	+
Уникальность	<ul style="list-style-type: none"> • количество информации (более 300 000 слов); • ссылки для подробного изучения любого аспекта 	<ul style="list-style-type: none"> • разделение слов на временные разделы; • регулярное обновление; • энциклопедические данные; • прямой выход на корпус 	<ul style="list-style-type: none"> • регулярное обновление; • популярность; • онлайн и печатная версии 	<ul style="list-style-type: none"> • диаграммы частотности употребления; • обоснование частотности употребления в конкретный временной период

Согласно немецким словарным материалам, самое большое количество новых слов (особенно сокращений, заимствований и интернационализмов) возникает в следующих областях: компьютерные и Интернет-технологии, общество, спорт и политика. Всего в данных областях образуется около 60% всех новых слов, что отражает влияние аксиологического фактора на современное общество в век развития новых технологий и Интернета.

Таким образом, сочетание классической системы словарных параметров и дополнительные возможности цифровых технологий (использование внешних и перекрестных ссылок, переходов на сторонние источники, графические дополнения, автоматизация разметки и др.) увеличивают объем словарной информации, а также скорость создания словарей, что повышает их актуаль-

ность. Информация, отражаемая в словарях и языковых корпусах, становится многоканальной и разнонаправленной даже в рамках одного издания. Возможности сочетания текстовой, звуковой и графической информации не только повышают конкурентоспособность цифровых изданий, но и оставляют место для совершенствования традиционных форм.

© Иванова Т. К.

© Григорьева Л. И.

3.4. СЛОВАРИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (на материале английской писательской лексикографии)

1. Введение

1.1. Лексикография культурного наследия

Любой словарь — это прежде всего лингвистическая компетенция нации. Толковые словари национальных языков, основанные на принципе нормативности, подобно лучшему словарю английского языка *Oxford English Dictionary*, составленному на исторических принципах (<https://en.oxforddictionaries.com/english>), выполняют важную роль кодификатора нормы английского словоупотребления. Авторитетные толковые словари включают общеупотребительную, культурно-маркированную лексику, бережно сохраняют языковые и культурные традиции своего народа. Словарь — это надежное средство познания мира, рожденного человеческим сознанием, память народа, его культура и культурные явления жизни социума (CONSIDINE 2019). Эти словари по праву можно называть *словарями культурного наследия* (*heritage dictionaries*).

О лексикографии культурного наследия и современных исследованиях в данной области впервые шла речь на международном семинаре «Heritage Lexicography as Supporting Tool for ICOMOS (International Council on Monuments and Sites)» во Флоренции в культурном Фонде имени Ромуальдо Дель Бианко (КАРРОВА 2014: 41-44). Здесь рассматривался широкий спектр проблем и принципов построения различных типов толковых словарей английского языка: *Oxford English Dictionary*, *Cambridge English Dictionary*, *Collins English Dictionary*. Основанные на электронных корпусах (*British National Corpus*, *Bank of English* и т. п.), объединяющие до 1,5 миллиардов слов, эти справочники содержат богатый аутентичный языковой материал и всесторонне отображают изменения, происходящие в современном английском языке в его живом функционировании.

Однако не менее важными источниками и хранителями

культурного наследия являются такие группы лексикографических трудов как словари для *специальных целей*, объединяющие культурологические, фразеологические, страноведческие, этимологические и другие типы справочников, которые описывают историю языка, культуру и языковые традиции страны. Важную роль в сохранении и исследовании культурного фонда нации, выполняют лингвистические и энциклопедические словари, относящиеся к английской *писательской лексикографии*, имеющей многовековую историю и обладающую значительным разнообразием справочников, представленных в привычном печатном, а также электронном и онлайн-форматах.

Представители Ивановской лексикографической школы давно и плодотворно исследуют этапы становления, развития и современного состояния англоязычных словарей культурного наследия (ИВАНОВСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА 2011). Вопросам отражения культуры в словарях английского языка посвящена докторская диссертация О. А. Ужовой на тему: «Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование» (УЖОВА 2011). Защищены кандидатские диссертации по различным типам словарей английских поэтов и прозаиков (МЕЛЕНТЬЕВА 2014; КРУПИНА 2018 и др.). Опубликована монография, в которой впервые рассматриваются общие и частные вопросы лексикографии культурного наследия на материале словарей языка писателей, цитат и пословиц английского языка (АЛХАСТОВА, КАРПОВА 2020).

1.2. Словари языка писателей в истории английской лексикографии

На протяжении многих веков писательская или авторская лексикография (*author lexicography*) выполняла важную роль в формировании английской национальной лексикографии как сокровищницы национального культурного наследия (CONSIDINE, IAMARTINO 2007). Она служила в качестве ценного авторитетного источника цитатного и языкового материала для многих толковых словарей английского национального языка. Словари языка

английских писателей составляют большую самостоятельную группу словарей, включающую более трехсот справочников различных жанров и размеров, начиная от прикнижных глоссариев трудных и непонятных слов из сочинений английских художников слова, Библии и *Беовульфа*, заканчивая онлайн-справочниками ко всему творчеству и к отдельным произведениям выдающихся писателей и поэтов Великобритании разных исторических периодов: Дж. Чосера, Дж. Донна, У. Шекспира Дж. Остен, Дж. Голсуорси, Дж. Драйдена, Ч. Диккенса, Т. Гарди и многих других мастеров слова (КАРОВА 2011).

В новом тысячелетии английская авторская лексикография постоянно пополняется новыми типами печатных, электронных и онлайн-овых лингвистических и энциклопедических справочников к сочинениям английских писателей и поэтов. Эти справочники регистрируют и обрабатывают различные слои авторской лексики: термины, уничижительную лексику, имена собственные и т. д.

1.3. Словари к английскому переводу Библии

В едином культурном пространстве, несомненно, важное место принадлежит Библии, которая в течение многих веков была и остается значительным фактором, влияющим на мировоззрение народов, исповедующих христианскую религию. В национально-культурной традиции Англии изучению и знанию Библии всегда придавалось важное значение. Неоценимую роль сыграла Библия в формировании лексического, фразеологического и культурного фонда английского языка, значительно обогатившегося за счет цитат, пословиц, крылатых выражений и различных слов из текстов Священного писания. Вот почему на протяжении столетий предпринимались неоднократные попытки перевести библейские книги на английский язык.

Первым переводом Библии на английский язык стал перевод, сделанный У. Тиндейлом в XVI в., за которым последовали первые двуязычные глоссарии трудных слов латинского проис-

хождения, заложившие основу для других типов словарей к библейским текстам. Впоследствии лексикографы обратились к составлению многочисленных конкордансов, включающих цитаты из книг Священного писания, которые позже (в XVII-XIX вв.) нередко использовались лексикографами в качестве исходного материала как для толковых словарей английского языка, так и для словарей языка английских писателей.

Интересно отметить, что первые библейские справочники были дифференциальными по словнику, регистрировали и описывали, главным образом, отдельные слоги лексикона (например, значимые и трудные слова из Священного писания), антропонимы и топонимы, т. е. по сути своей служили первыми ономастическими и географическими пособиями к Ветхому и Новому Завету. Таким образом, словари к Библии открыли первое самостоятельное направление в английской лексикографии — *лексикографию культурного наследия*. Более того, словари к английскому переводу Библии одновременно заложили основу и для создания справочников к отдельным произведениям мастеров художественного слова.

Принципы составления библейских словарей подробно изучались во многих работах зарубежных и отечественных исследователей. История появления, развития и формирования библейской лексикографии наиболее подробно описаны в кандидатской диссертации представителя Ивановской лексикографической школы Н. Е. Ивановой «Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов» (ИВАНОВА 2007: 22-60).

Авторы первых библейских глоссариев не претендовали на исчерпывающее описание словарного состава английского или латинского языков, фиксируя в словниках, прежде всего, религиозную терминологию и общеупотребительные слова. Новый этап развития словарного дела в Англии связан с началом Ренессанса, когда в Европе и Великобритании наблюдался бурный расцвет культуры и усилился интерес к изучению языков и литературы.

В связи с этим возникла острая необходимость в создании новых компетентных справочников с более подробной лексикографической обработкой слов, включая различного рода пометы (грамматические, этимологические, региональные и т. п.), дефиниции, вербальные и даже графические иллюстрации (литографии, рисунки, репродукции картин с библейскими сюжетами).

Весьма заметным событием в англоязычной авторской лексикографии стал выход в свет в 1737 г. конкорданса А. Крудена *Cruden's Complete Concordance to the Old and New Testaments* (<http://onlinebooks.library.upenn.edu>). Будучи самым полным из всех распространенных в период с XVIII до начала XX в. изданий такого рода, конкорданс имел высокий авторитет, вплоть до настоящего времени многократно переиздавался и сейчас объединяет более ста изданий. Интересно отметить, что, по мнению английского общества *Bible Concordance Society*, конкорданс А. Крудена является наиболее достоверным и самым полным изданием, фиксирующим все без исключения цитаты к текстам Священного писания и признан настоящей кладезью библейской мудрости.

Однако, выполнив свою миссию в формировании и развитии английской писательской лексикографии, к XXI в. словари к Библии утратили свое первоначальное значение для теоретической лексикографии, приобретя более широкого пользователя в силу своей энциклопедической и религиозной направленности. Современные словари Библии содержат богатую экстралингвистическую информацию, поскольку описывают не только наименования разнообразных реалий, принадлежащих к сфере духовной или материальной культуры библейских народов, но и сами реалии. Подобные толково-энциклопедические справочники, несомненно, и в дальнейшем будут способствовать гуманитарному развитию читателей и повышению их лингвистической и культурной компетенции.

1.4. Словари в древнеанглийской поэме «Беовульф»

Традицию составления словарей к отдельным произведениям продолжили глоссарии и конкордансы к английскому эпосу X в. —

поэме *Беовульф*. Интересно отметить, что время обращения к созданию словарей к тексту поэмы пришло лишь в XIX в., поскольку рукопись *Беовульфа* несколько веков подряд считалась утраченной. Ее случайно обнаружили на чердаке одного из английских замков. С этого времени текст поэмы подвергся всестороннему анализу со стороны историков языка, археологов, литературоведов, культурологов, поскольку эпос является своеобразным символом культуры и идентичности англосаксов, в котором отражены исторические и культурные истоки английского общества.

К этому времени английская писательская лексикография прошла путь от словарей *предписывающего* типа (дифференциальных справочников, регистрирующих лишь трудные и непонятные слова из текста-источника) до *регистрирующих* справочников (включающих все без исключения слова). Так, авторы лексикографических источников к древнеанглийскому тексту поэмы повторили и учли многие тенденции, связанные с составлением словарей к Библии.

Лексикографы XIX в. начали работу с составления сначала двуязычных глоссариев различного типа, которые регистрировали древнеанглийские слова с их переводом на современный английский язык. Позднее, к началу XX в., появились конкордансы, фиксирующие все слова из поэмы со всеми контекстами их употребления. Несмотря на большую хронологическую удаленность от современного читателя многие лексикографы создали в данный период многочисленные прикнижные глоссарии, конкордансы, энциклопедии и комментарии к тексту поэмы.

Составители *лингвистических* словарей к *Беовульфу* обобщили ценные изыскания ученых в области древнеанглийского языка: имен собственных, наименований различных слоев культурно-маркированной лексики, которые передают реалии древнеанглийского социума и отражают его языковые и культурные особенности. Однако особую роль в лексикографии *Беовульфа* сыграли *энциклопедические* справочники к поэме, из которых современные пользователи могут почерпнуть бесценные сведения об

укладе древнеанглийского общества, величии оружия, военных походах, героических песнях и пиршествах. Не случайно информация о заглавных словах во многих энциклопедиях и даже лингвистических словарях носит, главным образом, энциклопедический характер.

С течением времени словари к *Беовульф* не утратили своего значения для английской исторической лексикографии. Они внесли огромный вклад в лексикографическое описание древнеанглийского периода. Появление в новом тысячелетии новых справочных интернет ресурсов и электронных глоссариев не только обогатило лексикографические исследования текста *Беовульфа*, но и предоставило новые возможности, включая богатые графические иллюстрации древнеанглийских артефактов.

К настоящему моменту создана солидная база цифровых изображений, включающая более двух тысяч утерянных ранее вариантов текстов поэмы, отреставрированных с помощью более ранних записей. Среди таких проектов нового поколения наиболее авторитетными и востребованными пользователями, являются электронный словарь *Electronic Beowulf 3.0* (KIERNAN 2011) и интернет глоссарий *Old English Glossary for Beowulf* (<http://www.heorot.dk/glossary>). Следует отметить, что наиболее подробное описание принципов построения и лексикографической разработки словарного материала в контексте поэмы появилось в кандидатской диссертации Е. А. Крупиной «Словари к древнеанглийской поэме *Беовульф*», становление и современное состояние», которую она защитила в Нижегородском государственном лингвистическом университете (КРУПИНА 2018).

2. Словари языка Чосера

Английская писательская лексикография ведет свое начало с глоссариев ко всему творчеству Чосера, великого английского художника слова, перу которого принадлежат первые выдающиеся произведения английской литературы. Интерес к изучению его произведений возник в XVI в., и язык Чосера долгое время считался в Англии образцом для подражания среди представителей

образованной части общества. Именно тогда в английской лексикографии зародилась *теория литературного авторитета*, когда язык сначала Чосера, а затем Шекспира стал эталоном английского словоупотребления (КАРРОВА 2011: 10-11).

Ранние глоссарии к сочинениям Чосера были двуязычными: латино-английскими, а затем появились дифференциальные по словнику одноязычные (англо-английские) глоссарии и конкордансы. Если первые включали толкования непонятных и трудных слов, многие из которых имели латинское происхождение, то конкордансы фиксировали избранные цитаты из сочинений Чосера по усмотрению автора справочника и соответственно его предпочтениям. С течением времени лексикографы постоянно обращались к созданию различных типов не только лингвистических, но и энциклопедических справочников, которые вплоть до настоящего времени регулярно пополняются новыми конкордансами, глоссариями, путеводителями, ономастиконами и энциклопедиями к отдельным произведениям и всему творчеству писателя, объектом описания которых являются отдельные слои лексики (имена собственные, трудные слова, термины, аббревиатуры и т. п.).

Постепенно обогащается лексикографическая разработка входных единиц словарей Чосера. В словарные статьи новых справочников вносятся новые информационные категории: производительная, стилистическая, этимологическая, хронологическая, статистическая, региональная и другие пометы; расширяется дефиниция за счет более развернутых (описательных) толкований; приводятся типичные вербальные иллюстративные примеры, которые нередко авторы справочников заимствуют из авторитетных конкордансов ко всему творчеству Чосера; вводятся другие маркеры, раскрывающие языковую и культурную картину Чосера.

Более того, несмотря на значительную хронологическую удаленность Чосера от современного читателя, справочники языка и стиля писателя выделились в самостоятельное направление — *чосеровскую лексикографию*, формирование и современное

состояние которой всесторонне изучено в кандидатской диссертации О. М. Мелентьевой «Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии» (МЕЛЕНТЬЕВА 2014). Составление новых словарей и справочных онлайн-ресурсов в чосеровской лексикографии продолжается. В XXI в. создан выдающийся справочный ресурс *eChaucer in the 21 c. Concordance* (<http://www.umm.maine.edu>), в котором оцифрованы и обобщены вербальные примеры из всех существующих конкордансов ко всему творчеству и отдельным произведениям Чосера.

3. Шекспировская лексикография

3.1. Ранние словари Шекспира

Пройдя многовековой путь развития, чосеровская лексикография заложила основу для формирования и развития другой, не менее значимой области авторской лексикографии — шекспировским словарям. История их появления относится к XVIII в., когда лексикографы создали первые дифференциальные по словнику и лексикографической обработке входных единиц конкордансы и глоссарии к сочинениям великого драматурга. Их авторы, подобно первым чосеровским справочникам, включали в словники, главным образом, трудные и интересные с их точки зрения слова из произведений Шекспира (*obscure, hard, remarkable words*). Однако со временем, основное внимание лексикографов сосредоточилось на объяснении значений тех слов, которые Шекспир ввел в английский язык.

Следует отметить, что среди большого количества справочников различных типов особую ценность для исследователя творчества Шекспира представляют первые *толковые* словари выдающегося драматурга. Среди них *Shakespeare Lexicon* А. Шмидта, впервые опубликованный в 1886 г., и *Shakespeare Glossary* Ч. Онъонза, который вышел в свет в 1911 г. Об авторитетности этих трудов свидетельствуют их многократные переиздания, а также тот факт, что сегодня они доступны пользователям в цифровом формате: *Alexander Schmidt, Shakespeare Lexicon and Quotation Dictionary. Internet version of printed Schmidt's Dictionary* (<http://www.perseus.tufts.edu/>) и

C. T. Onions, *A Shakespeare Glossary* (<http://www.perseus.tufts.edu/>). Словарь А. Шмидта описывает язык эпохи Шекспира и представляет собой *исторический* тип писательского словаря. В свою очередь, Ч. Онъонз особое внимание уделяет раскрытию индивидуально-авторских особенностей шекспировского словоупотребления, тем самым формируя *стилистический* тип толкового словаря языка писателя.

Поскольку вопрос об индивидуальном словоупотреблении является наиболее важным в стилистике художественной речи, именно своеобразие семантики слова представляется главным отличием эстетического использования языка от всех других форм литературного выражения языковой системы писателя на фоне систем других художников слова. Вот почему проблемы отражения эстетического значения слова встают прежде всего перед лексикографами, описывающими индивидуально-авторскую языковую и художественную картину мира писателя. Так, Ч. Онъонз впервые в английской авторской лексикографии ввел в микроструктуру справочника свою систему помет, которые стали маркерами специфического употребления слова, его художественной функции. К таким пометам относятся стилистические и экспрессивные: *figuratively, literally, in a transferred meaning*, а также хронологические маркеры: *obsolete, archaic, first in Shakespeare, unique Shakespeare use, pre-Elizabethan, post-Elizabethan*. Таким образом, создав богатый репертуар добавочной семантико-функциональной характеристики входных единиц, Ч. Онъонз решил весьма сложную задачу отражения, детализации и конкретизации лексико-семантических особенностей языка Шекспира. При этом основным объектом своего исследования лексикограф считает созданные драматургом слова, которые вошли в английский язык и функционируют вплоть до настоящего времени: *critical, courtship, generous, gloomy, hurry, majestic, lonely* и т. п.

К концу XX в. шекспировская лексикография пополнилась новыми глоссариями, индексами, конкордансами и другими типами словарей, составленными с помощью новых технологий и включавшими инновационные информационные категории

(КАРПОВА 2012: 48-53). Среди них отметим все типы частот (абсолютную, абсолютную накопленную, относительную и другие), которые помогли шекспироведам получить полную картину распределения шекспировского словоупотребления в его комедиях, трагедиях, драмах и сонетах. Самым авторитетным и полным по словнику современным конкордансом признан многотомный конкорданс М. Спевака *A Complete and Systematic Concordance to the Works of Shakespeare*, первый том которого появился в 1968 г. (SPEVACK 1968), а последний (девятый) том опубликован в XXI в.

3.2. Специальные словари языка Шекспира

Следует отметить, что интерес к творчеству Шекспира никогда не угасал, а к XXI в. шекспировская лексикография накопила в своем репертуаре более ста справочников для общих и специальных целей. Среди них встречаются словари, которые со временем выделились в самостоятельные группы *специальных* словарей: производительные словари, глоссарии эротической лексики, пословиц, цитат, клятвенных речений, игры слов, имен собственных, комментарии, энциклопедии и путеводители по пьесам и сонетам Шекспира и другие лингвистические и энциклопедические труды.

В XXI в. в английской лексикографии в целом и в писательской в частности наблюдается устойчивая тенденция отдавать приоритет запросам конкретных целевых групп пользователей (КАРПОВА 2019: 8-14). Так, новые словари Шекспира предназначаются исследователям его языка и стиля, переводчикам, студентам, театральным режиссерам, актерам, широкому кругу пользователей во всех странах мира.

Многие словари к сочинениям Шекспира создаются любителями и почитателями его таланта, а не профессиональными лексикографами. Появляются волонтерские проекты, главным образом, *терминологических* словарей Шекспира, который давно считается профессионалом во многих областях знания: экономике, политике, юриспруденции, этике, медицине, морском деле и т. д. Авторы этих словарей включают в корпуса своих справочников термины из различных областей знания, которые встречаются в

пьесах Шекспира (KARPOVA 2018: 9-16). Среди них выделяются:

— словари общественно-политической лексики елизаветинской эпохи из сочинений драматурга, например, *Class and Society in Shakespeare: A Dictionary* (INNES 2007);

— словари кулинарных терминов, например, *Shakespeare and the Language of Food: A Dictionary* (FITZPATRICK 2011);

— словари медицинских терминов, например, *Shakespeare's Medical Language: A Dictionary* (IYENGAR 2014);

— словари музыкальных терминов, например, *Music in Shakespeare: A Dictionary* (WILSON, CALORE 2014);

— словари политических и экономических терминов, например, *Shakespeare's Political and Economic Language* (THOMAS 2015), а также справочники терминов других предметных областей из пьес драматурга.

В оригинальном труде *Shakespeare and Visual Culture. A Dictionary* (SABATIER 2016) составители обращают особое внимание пользователей на факт присутствия в сочинениях Шекспира значительного количества разнообразных предметов искусства, которые, по их мнению, вдохновляли драматурга на создание новых шедевров и играли важную роль в его творчестве. В словник вошли термины, относящиеся к сфере изобразительного искусства: *art, colours, vision, portrait, picture* и т. п. Более того, специфика данной предметной области привела лексикографов к мысли о введении в словарь большого количества графических иллюстраций, которые представлены в словарных статьях и в приложении к справочнику. В ближайшем будущем планируется сделать онлайн-версию не только этого словаря, но и других терминологических справочников из серии «Arden Shakespeare Dictionaries», согласно новым тенденциям, сложившимся в современной английской лексикографии, где многие словари оцифрованы и имеют Интернет-версии.

Автор опубликованного в 2017 г. словаря *Shakespeare and National Identity. A Dictionary* (IVIC 2017) зарегистрировал и обработал терминологическую и общеупотребительную лексику, которая относится к описанию современной Шекспиру Англии. Это слова,

в первую очередь, связанные с политическим устройством королевства: *kingdom, country, nation, realm, state, land*.

Другой словарь известного шекспировского лексикографа С. Кларк *Shakespeare and Domestic Life*, опубликованный в 2018 г. (CLARK 2018), фиксирует бытовую (*domestic*) лексику шекспировской эпохи. Сюда относятся слова, обозначающие семейный быт и семейные отношения, домашнюю и кухонную утварь, предметы декора, мебель, одежду, еду, здания, и тому подобная лексика, которая несет значимую нагрузку в шекспировских пьесах. Правильный выбор предметов домашнего обихода важен, прежде всего, для воссоздания аутентичной атмосферы при постановке пьес в различных театрах мира, — вот почему подобные словари так важны. Создание новых терминологических справочников будет способствовать успешному развитию театральных и экранных постановок произведений Шекспира, поскольку извечные проблемы дружбы, любви, других человеческих ценностей будут жить, пока жив человек (GILLESPIE 2016).

Все терминологические словари серии «Arden Shakespeare Dictionaries» отличают, в первую очередь, аналогичные принципы построения. Их мегаструктура включает предисловие, алфавитный словник, регистрирующий общеупотребительную, общенаучную и узкоспециальную лексику из сочинений Шекспира и различного рода приложения, где представлены энциклопедические и библиографические сведения, раскрывающие картину жизни английского общества Елизаветинской эпохи.

4. Толково-энциклопедические словари языка английских писателей

4.1. Писательские ономастиконы, путеводители, энциклопедии

Солидную группу словарей в английской авторской лексикографии представляют *толково-энциклопедические словари* писателей, к которым относятся писательские энциклопедии, путеводители и комментарии, ономастиконы к творчеству английских писателей. В этих словарях отражено культурное наследие Англии, собрана

уникальная информация о писателях, их современниках, изданиях произведений, экранизациях и театральных постановках.

Такие справочники всегда богато иллюстрированы фотографиями, репродукциями картин, схемами, другими визуальными иллюстрациями и содержат разнообразную экстралингвистическую информацию, позволяющую всесторонне отобразить культурную атмосферу Англии любого исторического периода. Нередко эти словари включают глоссарии трудных и иностранных слов, индексы имен героев произведений и географических названий, другие лингвистические и энциклопедические сведения, что и позволяет называть их толково-энциклопедическими.

Эти словари начинались в английской писательской лексикографии с составления *словарей героев произведений и географических названий* (*dictionaries of characters and place names*). В настоящее время большинство справочников такого рода представлено как в печатном, так и онлайн-форматах (КАРПОВА 2015: 92-104). Среди них отметим наиболее востребованные современными читателями энциклопедии и ономастиконы к сочинениям Ч. Диккенса, Дж. Остин, Р. Бернса, Дж. Р. Р. Толкиена, У. Шекспира и других писателей и поэтов разных времен: *Dickens's Dictionary of London. An Unconventional Handbook* (<http://www.victorianlondon.org/>), *Shakespeare: Actors and Audiences* (BANKS, 2018), *Jane Austim's World. The Dictionary to Sensibility* (<http://janeaustensworld.wordpress.com/>), *The Burns Encyclopedia online* (<http://www.robertburns.org/>), *The Encyclopedia of Arda: An Interactive Guide to the Works of J. R. R. Tolkien* (<http://www.glyphweb.com/>), *The Shakespeare Book: Big Ideas Simply Explained* (WELLS 2015) и т. д.

Многообразие типов словарей, регистрирующих имена собственные, их история, классификация и характерные черты мега-, макро- и микроструктуры подробно исследовались в кандидатских диссертациях аспирантов Ивановской лексикографической школы «Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей» (ГОРБУНОВ 2011) и «Лексикографическая разработка топонимов в словарях английского языка» (ЭЛЬЖЕРОКОВА 2018). В

этих диссертациях детально проанализированы различные типы антропонимов (имена реальных, вымышленных, мифических, библейских героев из сочинений английских писателей, имена современников и родственников писателя, названия театров, литературных произведений, обществ, словарей) и топонимов (макро- и микропонимов), которые раскрывают национальные и индивидуально-авторские особенности творчества Т. Гарди, А. Кристи, Дж. Мильтона, Дж. Голсуорси и др.

Необходимо отметить, что в последнее время по аналогии с писательскими ономастиконами создаются новые оригинальные проекты волонтерских пользовательских словарей, которые относятся к словарям культурного наследия. Например, словарь *Florence in the Works of World Famous People*, построенный по принципу словарей героев произведений английских писателей, когда центром словаря является антропоним (гений места), т. е. имена известных писателей, музыкантов, архитекторов, художников, дирижеров, посетивших Флоренцию, начиная с XIV в. и вплоть до нашего времени (КАРПОВА 2020: 29-34).

4.2. Словари цитат и пословиц из произведений английских писателей

Англоязычные словари цитат появились как следствие существования большого количества конкордансов к произведениям многих художников слова различных исторических периодов. Основная информационная категория в словарной статье конкорданса — это *цитата*, поэтому авторы словарей цитат нередко заимствовали библейские и писательские цитаты из авторитетных конкордансов, выбирая наиболее интересные и значимые с их точки зрения. Словари цитат имеют давнюю историю формирования и развития и, безусловно, относятся к словарям культурного наследия, которые всегда выступали как хранители культурного кода английской нации, отражая мудрость и жизненный опыт многих поколений.

Словари цитат включают *общие* и *специальные* справочники.

К первым относятся словари различных жанров, регистрирующие цитаты из разных областей знания. Лексикографические памятники этого типа объединяют политические, юмористические, спортивные, философские, писательские и другие цитаты. Лучшим из этого ряда лексикографических трудов признан *Oxford Dictionary of Quotations*, составленный известным британским лексикографом Э. Ноулз. Словарь имеет *алфавитный словник*, неоднократно переиздавался, постоянно дополняется новыми современными цитатами (KNOWLES 2010).

Другой, не менее популярный словарь цитат *Oxford Dictionary of Quotations by Subject*, имеет *тематическую* макроструктуру, что значительно ускоряет информационный поиск и получение необходимой справки. Для удобства читателя все цитаты расположены по категориям: *friendship, time, love, universe* и т. д. (RADCLIFFE 2010), давая возможность читателю выбрать цитату для любого конкретного случая (публичного выступления, научного доклада и т. д.).

Наряду с общими словарями цитат в английской авторской лексикографии представлена группа *специальных* словарей цитат к произведениям отдельных писателей, например, *A Doctor's Shakespeare: A Collection of Medical Quotations from Shakespeare* (FOSTER 2011). Они насчитывают более пятидесяти справочников к произведениям восьмидесяти художников слова, главным образом, Шекспира. Среди шекспировских словарей такого рода наиболее авторитетным признан *The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations* (ARMSTRONG 2010), который неоднократно переиздавался и дополнялся. Однако, по данным недавно созданной программы окулографии (*eye tracking*), которая отслеживает число обращений пользователей к конкретным словарям, самым популярным у пользователей стал сайт с цитатами из шекспировских произведений *Shakespeare's Most Memorable Quotes* (<https://www.stylist.co.uk/>).

К словарям культурного наследия можно отнести и *словари пословиц*, появившиеся еще в XVI в., которые также можно классифицировать на *общие* и *специальные*. К общим относятся справоч-

ники, в которых отражается пословичная картина мира. Здесь зафиксированы пословицы различных народов, включая англичан и американцев, например, *A Dictionary of Anglo-American Proverbs and Proverbial Phrases found in Literary Sources of the Nineteenth and Twentieth Centuries* (BRYAN, MIEDER 2005), широко востребованный в Великобритании и за рубежом *Oxford Dictionary of Proverbs* (www.oxford-reference.com), а также информативный справочный ресурс *English Proverbs Explained* (www.phrases.org.uk).

В английской авторской лексикографии, богатой различными типами лексикографических произведений, представлено несколько словарей авторских пословиц из сочинений выдающихся писателей: Шекспира *Shakespeare's Proverbial Language* (DENT 1981), Ч. Диккенса *The Proverbial Charles Dickens: An Index to Proverbs in the Works of Charles Dickens* (BRYAN 1997) и Б. Шоу *The Proverbial Bernard Shaw: An Index to Proverbs in the Works of George Bernard Shaw* (BRYAN, MIEDER 1994). Их особая ценность состоит, в первую очередь, в том, что они регистрируют пословицы, созданные самими мастерами художественного слова (АЛХАСТОВА, КАРПОВА 2020: 109-111).

Следует отметить, что сегодня пословицы, как ключ к пониманию менталитета определенных представителей английской культуры, приобрели особо важное значение в среде не только профессиональных лексикографов, но и стали объектом создания волонтерских словарных проектов, многие из которых предлагаются в онлайн-формате и становятся все более популярными у широкого круга пользователей, владеющих английским языком. Об этом неоднократно писал известный исследователь пословиц В. Мидер, который составил бесценный указатель существующих словарей на материале пословиц многих языков мира *International Bibliography of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang and Wellerisms* (MIEDER 2011). Необходимо подчеркнуть, что проблемы классификации, функций и лексикографической обработки англоязычных пословиц в различных типах словарей подробно рассмотрены в кандидатской диссертации З. Р. Алхастовой «Словари английских пословиц в парадигме

английской национальной лексикографии» (АЛХАСТОВА 2020).

5. Словари языка философов, политических и общественных деятелей

Англоязычная авторская лексикография наряду со словарями языка писателей, включает большую группу справочников к произведениям известных *философов* (BROWN 2005), *политиков* и *общественных деятелей*. Эти словари возникли как попытка увековечить изречения, высказанные в речах выдающихся мыслителей. Различного рода справочники появились, в отличие от английских писательских словарей, довольно поздно, главным образом, в XX в. Среди них выделяется ряд лексикографических произведений к устным выступлениям и письменным произведениям британских премьер-министров разных исторических периодов: Т. Блэра *The Blair Necessities: The Tony Blair Book of Quotations* (DALE 1998), М. Тэтчер *The Margaret Thatcher Book of Quotations* (DALE, TUCKER 2012) и т. п. В отдельную группу выделились многочисленные и разнообразные по принципам построения словари цитат и пословиц из наследия У. Черчилля, прославившегося мудрыми и оригинальными изречениями, например: *The Proverbial Winston S. Churchill: An Index to Proverbs in the Works of Sir Winston Churchill* (MIEDER 1995), *Churchill by Himself* (LANGWORTH 2013), *The Very Best of Winston Churchill: Quotes from a British Legend* (PAIGE 2014) и многие другие справочники.

Однако несмотря на сравнительно недолгую историю их богатое жанровое разнообразие и оригинальные принципы построения вполне заслуживают изучения. Эти вопросы подробно рассмотрены в диссертационном исследовании В. Г. Перцевой «Англоязычные словари языка политиков и философов (на материале словарей цитат и пословиц)» (ПЕРЦЕВА 2018).

Подобные справочники дали импульс к созданию новых словарей к устным выступлениям не только английских, но и зарубежных политических деятелей, в том числе американского президента Д. Трампа, язык которого изобилует многочисленными авторскими неологизмами, например, *President's Trump Favorite*

Words (<https://www.dictionary.com/>). Не остается без внимания и нынешний премьер-министр Великобритании Б. Джонсон. Популярный в СМИ политик удостоился собственного словаря, который постоянно пополняется, поскольку является открытым ресурсом, куда пользователи присылают свои наблюдения за его выступлениями и примерами высказываний: *Boris Johnson's top 50 quotes* (<https://www.telegraph.co.uk/>).

Следует отметить, что составление словарей языка политиков является весьма перспективным, поскольку они популярны у наших современников, стремящихся к изучению лучших образцов ораторского искусства и постижению опыта успешной коммуникации. Более того, словари языка политиков имеют важное значение с точки зрения идеологии и нередко являются инструментами выражения определенных политических воззрений. Эти и многие другие проблемы политического дискурса (политическая метафора, идеологические и оценочные компоненты общественно-политической лексики и т. п.) исследованы в диссертации С. А. Маник «Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние» (МАНИК 2019).

6. Цифровое будущее английских словарей культурного наследия

В последнее время в мире остро стоит вопрос о цифровом настоящем и будущем экономики, медицины, филологии и других отраслей знания. Так называемая *диджитализация* общества вызывает вопросы и дискуссии, в том числе и в области лексикографии, где в последнее время большая часть словарей либо переводится в цифру (GRANGER, RAQUOT 2012: 12-14), либо представляется в электронной и онлайн-форме, либо предлагается на других носителях, включая мобильные телефоны (КОЗЕМ, КУНН 2019: 5-7).

Не обошли эти тенденции и лексикографию культурного наследия, а также ее внутшительную часть — англоязычную авторскую лексикографию. Среди таких новинок особого внимания заслуживают сайты и справочные ресурсы, посвященные книгам жанра *фэнтези*, например, *An Encyclopedia of Tolkien: The History and*

Mythology That Inspired Tolkien's World (DAY 2019), *A Dictionary of Tolkien* (DAY 2019), *Harry Potter Fan Zone Dictionary* (www.harrypotterfanzone.com/), имеющие печатную и онлайн-версию. Лексикографические портреты подобных справочников в свете новых тенденций в английской лексикографии детально описаны в диссертации Н. С. Уткиной «Современная картина английской авторской лексикографии (на материале справочников тематики фэнтези)» (УТКИНА 2012), а также в монографии «Английская авторская лексикография: от Шекспира к Гарри Поттеру» (КАРПОВА, УТКИНА, 2013).

Отдавая должное многовековой истории печатных словарей языка писателей, авторы новых справочников предлагают современному читателю Интернет-гlossарии, конкордансы, энциклопедии, путеводители и другие типы справочных ресурсов к произведениям английских поэтов и прозаиков с учетом предпочтений пользователей, например: *Dickens Glossary* (<http://charlesdickenspage.com/glossary.html>), *A Basic Chaucer Glossary* (<http://pages.towson.edu/>), *A Milton Dictionary* (<http://www.questia.com/>) и т. п.

Следует отметить, что читатели сегодня отдают приоритет толково-энциклопедическим словарям, отражающим культурный фон эпохи, когда жил и творил писатель. Достаточно назвать такие справочные ресурсы, как *Shakespeare Studies. A guide for scholars interested in the study of Shakespeare's life and works* (<https://guides.nyu.edu/>), *Open Source Shakespeare/Concordance* (<http://www.opensourceshakespeare.org/>) *Gulliver's Travels by J. Swift* (<http://www.jaffebros.com/>). Их особая ценность состоит прежде всего в том, что в одном ресурсе современный пользователь может найти интересующую его лингвистическую информацию о языке и стиле писателя, прослушать или просмотреть любой материал о творчестве художника слова, найти подробное описание особенностей культурной картины мира художника слова и современного ему общества.

7. Заключение

В XXI в. возрастает роль словаря в формировании идентичности нации. В связи с этим у современного читателя заметно усиливается интерес к словарям культурного наследия, которые

представляют собой сокровищницу и инструмент сохранения английского языка и культурного кода Великобритании. По этой причине существенно возросло значение лингвистических словарей языка писателей исторического и стилистического типа, а также культурно-ориентированных толково-энциклопедических справочников (путеводителей, ономастиконов, энциклопедий), всесторонне раскрывающих индивидуально-авторские особенности языка, стиля писателя, его внутренний мир, и одновременно подробно освещающих культурную картину Великобритании определенной исторической эпохи.

Наряду с чосеровской и шекспировской лексикографией в английской писательской лексикографии формируются новые самостоятельные направления. Это словари Ч. Диккенса, Дж. Мильтона и других мастеров слова, которые оказали существенное влияние на формирование и развитие как английского языка, так и других языков Великобритании: ирландского и шотландского (Дж. Джойс, Б. Шоу, В. Скотт). Сегодня эта работа ведется главным образом в Интернете с использованием новых информационных технологий и с учетом богатых традиций, исторически сложившихся в английской авторской лексикографии. Авторские словари нередко создаются международными коллективами и постоянно пополняются новыми типами онлайн-справочников с оригинальными мультимедийными характеристиками, которые отражают современные тенденции в мировой лексикографии.

Необходимо отметить, что сегодня предпочтение у пользователей, безусловно, имеют Интернет-энциклопедии и другие писательские толково-энциклопедические авторские онлайн-словари, поскольку они предлагают уникальные мультимедийные данные, которые технически невозможно представить в печатных словарях, т. е. видео-, аудио- и иной визуальный контент. Эти новые технические возможности толково-энциклопедических трудов, всесторонне раскрывающих историю, культуру, литературу и язык эпохи, современной писателю, привлекают все большее количество целевых групп пользователей: студентов, переводчиков,

специалистов, режиссеров, актеров и исследователей, придавая авторской лексикографии ярко выраженный междисциплинарный характер. Составители авторских энциклопедий и ономастиконов по-новому описывают культурные ценности английской нации, позволяя глубоко изучить не только язык, но и всю атмосферу жизни и творчества выдающихся писателей Англии.

Словари языка английских писателей создали основу для появления справочников новых типов и форматов: словарей языка философов, цитат и пословиц, жанра *фэнтэзи* (звездных войн, компьютерных игр и т. п.). Эти справочные ресурсы создаются как профессионалами, так и самими пользователями. Формируются волонтерские междисциплинарные проекты новых авторских словарей различных типов, причем их аудитория во всем мире постоянно увеличивается. Вот почему в связи со значительным ростом количества и разнообразия типов и жанров словарей (более трехсот пятидесяти справочников) в английской авторской лексикографии назрел вопрос о создании *путеводителя для пользователей* (*International Users' Guide*), который необходим как надежный ориентир при выборе словаря для конкретных пользовательских и исследовательских целей.

Цифровая революция, активное внедрение электронных проектов («Словник» и «Фреймнет») являются новым перспективным направлением в семантическом моделировании, дефинитивной стилистике, Интернет- и корпусной лексикографии. Создаются инновационные оригинальные интерфейсы для оптимизации информационного поиска. Использование компьютерных сетей и электронных баз данных в современной лексикографии, включая авторскую, предлагают новые возможности их презентации, позволяя привлечь к процессу составления словарей самих пользователей, что способствует развитию *волонтерской лексикографии*, когда разные типы словарей создают сами читатели.

© Карпова О. М.

3.5. ТИПЫ КЛИШИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Построение типологий — самостоятельная задача структурной лингвистики, объединяющая последнюю с комплексом дисциплин естественнонаучного цикла. Сквозной характер типологии можно интерпретировать как доказательство структурного детерминизма языковой материи независимо от типа и разновидности языка. Собственно, выделение типов и сопряженные процедуры анализа возможны лишь благодаря структурной неоднородности языковой системы как коллективного явления и функциональных репертуаров индивидуального (идиолектного) образца. Р. Докинз связывает структурное многообразие с глубиной рекурсией — количеством ветвлений n -го порядка, которому позволяет «вырасти», прежде чем процесс будет остановлен, и прибегает к методам математического моделирования для определения возможных типов явлений в диапазоне от точки до магистральной ветви эволюции (ДОКИНЗ 2019: 97, 105). Действительно, углубление ризомы языка — без остатка структурное явление с сугубо центробежным вектором, имеющим в лингвистике ряд характерных обозначений: детализация, специализация, гипонимия и т. п.

Анализ системных структур, представляющих, с точки зрения квантитативной лингвистики, определенное количество шагов рекурсии от так называемого «ядра» системы с базовым набором типичных фонеморфосинтаксических признаков (DEBUS 1980: 188), неизбежно попадает на определенной стадии в зависимость от ономаσιологической макроструктуры, т. е. предметно-понятийных областей, «расчерчивающих» систему языка на отрезки — темы, удобные для запоминания и ситуативного оперирования (речевой комбинаторики). Однако семантическая «сетка» полевых структур системы, мысля логически, не может ограничивать типологическую разверстку языковой ризомы в

силу упомянутого структурного детерминизма языковой материи, а, значит, ее структурное ветвление (ризоморфизм) можно считать еще одной языковой универсалией, позволяющей выделять классы явлений на любом участке языковой системы.

Ономасиологический — зачастую единственный и малоэффективный подход к описанию структур, не поддающихся грамматической реконструкции. Несмотря на свою строгую системную направленность, такой подход лишает исследователя холистического понимания типологического расслоения словарных множеств и неоправданно лимитирует саму типологию семантически. Структурное описание языковых систем определенно должно преодолеть их предметно-тематическую фрагментацию, какой бы заманчивой и очевидной она не представлялась в межъязыковой плоскости.

Как ни странно, поиски адекватного подхода к выделению нереконструируемых элементов языковых систем приводят исследователя в функциональный цех, где еще в середине ушедшего столетия стали появляться типологии словарных сегментов в аспекте их функционально-стилистической дифференциации (ср.: ВИНОГРАДОВ 1947; RIESEL 1959). Весомый вклад в развитие идей такой типологии внесла теория клише Г. Л. Пермякова (1970), хотя и она оказалась не полностью свободной от семантических конгломератов: паремии отличаются от фразеологизмов, в первую очередь, тем, что задают тему (ПЕРМЯКОВ 1970: 8). Тем не менее, именно Г. Л. Пермякову удалось теоретически объединить фразеологию и паремиологию, которые впоследствии оформились в трудах лексикологов в «нереконструируемый фонд языка» (КАЦЮБА 2013: 54; КОБЕНКО 2016: 178–179). Предпосылки к этому уже можно было наблюдать, к примеру, в «Русско-немецком словаре крылатых слов» Ю. Н. Афонькина (1985). Обосновываемая Д. О. Добровольским семантическая делимость (автономия) идиом через заложенную в их структуре метафору представляется не столько основанием для типологии, сколько одним из симптомов функционирования клише в «живой» речи (ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2013: 478).

Несмотря на успехи системно-структурного языкознания и его

«обновленной» постструктуралистской формации в понимании природы нереконструируемых словарных множеств, ряд вопросов как общетеоретического содержания (роль грамматики в образовании фразео-паремиологических единиц), так и сугубо частного филологического характера (типы клише в составе конкретного языка) остается открытым. Тем самым задача данной статьи — предложить типологию клишированных единиц в системе современного немецкого литературного языка с наиболее полным охватом бытующих в нем симптоматических структурных типов.

2. Зарубежный и отечественный опыт

В отечественном языкознании термин «клише» (фр. *cliché* ‘подражание’) означает буквально «штамп, речевой шаблон» (ЛЭС 1990: 229, 588). В немецком языке единица *Klischee*, передаваемая на письме в том числе на галльский манер *Cliché*, снабжена коннотацией «*unschöpferische Nachbildung, abgegriffene Redewendung*» (ВРОСКНАУС 2001) и закреплена за разговорно-обиходным стилем, ввиду чего термином не является, ср.: *sie erfüllt alle Klischees*. В русском языке галлицизм «клише» обладает нейтральной экспрессивно-семантической окраской, благодаря которой получил статус гиперонима для всех типов идиоматизированных единиц. Это произошло в частности потому, что грецизм «фраза» (*Satzteil*) обнаруживает существенные аппликативные ограничения и не может использоваться для обозначения всех структурных типов пословичного (паремиологического) фонда. Тем не менее, в ряде работ гиперонимом для всех типов клише по-прежнему выступает термин «фразеологизм» (ср.: [БАРАНОВ, ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2009: 67]).

Примечательно, что отечественные системные типологии фразеологизмов А. А. Шахматова и В. В. Виноградова развивались параллельно с функциональной классификацией фразеологических единиц в немецком секторе германского языкознания. Если отличительной особенностью типологий классиков отечественной лингвистики выступает строгий структурный детерминизм (ВИНОГРАДОВ 1977: 141), — во многом как рефлексия более ранних трудов структуралистов Ш. Балли (1921) и А. Сешé (1926),

— то немецкий аналог обнаруживает выраженный диахронический уклон (ср.: JESKO 2007: 1092), восходящий к традиции лейпцигского младограмматизма.

Клише здесь обычно разделяются на четыре группы явлений по степени идиоматизированности: чем старше клише (*Idiomatizitätsgrad* → *hoch*), тем выше вероятность невыводимости его синхронного значения из элементов структуры и, следовательно, тем менее понятным оно будет для современников. Наиболее идиоматизированными (группа I) являются идиомы (*Idiome*) с отсутствующим дословным значением; неизвестно, имел ли место такой ритуал в прошлом (*j-m einen Floh ins Ohr setzen* — дословно: посадить блоху в ухо), однако сегодня идиома используется в значении «заинтриговать кого-то, подкинуть сумасбродную идею»; явления групп II и III обозначаются фразеологизмами (*Phraseologismen*) и отличаются лишь наличием связи с ритуалом: *j-m einen Korb geben* ‘вручить лукошко’ (дословно: отшить жениха) и *j-m die Pistole auf die Brust setzen* ‘приставить нож к горлу’ (дословно: вынудить принять какое-либо неудобное решение); наименее идиоматизированными являются клише группы IV, обозначаемые «оборотами речи» (*Redensarten*); данные явления находятся в самом начале пути потери дословности плана содержания и используются пока исключительно ритуализированно (см. Рис. 1).

Gruppe I	Gruppe II	Gruppe III	Gruppe IV
<i>j-m einen Floh ins Ohr setzen</i>	<i>j-m einen Korb geben</i>	<i>j-m die Pistole auf die Brust setzen</i>	<i>Herzlichen Glückwunsch!</i>
Keine wörtliche Bedeutung.	Eine wörtliche und nichtwörtliche Bedeutung, zwischen denen synchron in der Gegenwartssprache kein Zusammenhang besteht.	Eine wörtliche und nichtwörtliche Bedeutung, zwischen denen synchron in der Gegenwartssprache ein Zusammenhang besteht.	Nur eine wörtliche Bedeutung aber auch eine pragmatische Funktion.
Idiom	Phraseologismus	Phraseologismus	Redensart
I d i o m a t i z i t ä t s g r a d			
h o c h	←————→		n i e d r i g

Рис. 1. Группы фразеологизмов по степени идиоматизированности

Как отмечалось выше, выделение одних лишь фразеологических единиц в нереконструируемом фонде языка не способствует охвату всех бытующих в нем типов клише, что весьма скоро ставит перед лингвистами вопрос об укрупнении классификации в сторону паремиологических единиц. И в этот раз решение тоже было опосредовано имплементацией структурного подхода. Так, Г. Л. Пермяков предложил структурную типологию клише в иерархии от элемента предложения (*Satzelement*) до сверхфразового единства / побасенки (*transphrastische Einheit*) (ПЕРМЯКОВ 1970: 51). Центральное место в типологии занимает предложение как удобный формат для хранения и преимущественно устной передачи житейской мудрости из поколения в поколение. Он удобен еще и тем, что в него помещается ряд клише, которые ранее имели промежуточный статус между фразеологией и паремиологией: афоризмы, цитаты, крылатые слова и т. п. Такое решение вопроса построения типологии уже дважды за одно столетие обнажило функциональную подоплеку структурирования языковой системы и поставило ее в зависимость от коммуникативных и репликативных возможностей элементов ее множеств. И хотя Ю. Н. Афонькин по-прежнему относит крылатые изречения к фразеологическому фонду, их самостоятельность уже не ставится под сомнение:

«Крылатые слова образуют в каждом языке важную составную часть его фразеологического фонда [...]. В некоторых случаях они могут даже выступать как прямое обозначение той или иной ситуации [...]. Такие популярные цитаты становятся единицами языка, не порывая, однако, тех нитей, которые связывают их с породившим их контекстом» (АФОНЬКИН 1985: 5–6).

На Рис. 2 показано структурное отличие фразеологизмов на примере оборота *Hals über Kopf* 'очертя голову, стремглав' от паремиологических единиц, а также различия последних между собой. Главное отличие поговорки (присловья) от пословицы заключается в наличии одного или максимум двух свободных актантов в структуре предложения, которые должны быть доукомплектрованы в речи. Пословица, напротив, носит характер цитаты

(что роднит ее с афоризмами, крылатыми словами, слоганами, шлагзацами и пр.) и воспроизводится в речи, как магнитофонная запись с минимальной вариантностью компонентов. Свободных актантов у пословицы нет, а структура может выходить за рамки простого предложения, ср.: *jedem Heiligen seine Kerze* 'всем сестрам по серьгам', *wie der Herr, so's Gescherr* 'каков поп, таков и приход'. Следует подчеркнуть, что в германистике поговорки (*offene Sätze*) относятся к фразеологическим оборотам (*phraseologische Wendungen*), а пословицы (*geschlossene Sätze*) — к паремиям (*Proverben, Sprichwörter*), ср.: [+1] *wissen, wo Barthel den Most holt* 'знать все ходы и выходы' (*Wendung*); [0] *für alte Schuld nimm Bohnenstroh* 'с паршивой овцы хоть шерсти клок' (*Spruchwort*). Побасенки, или сверхфразовые единства, замыкают типологию и образуют явления промежуточного характера между паремиями и жанрами, лишней раз подтверждая старую лингвистическую истину, что стилистика начинается там, где заканчивается фразеология. Наиболее ярко данное наблюдение проявляется у типа клише, известного как гендиадис (см. далее): если последний относится к фразеопармиологическому фонду (*Hab und Gut, mit Mann und Maus*), то структурное увеличение лексической длины за счет добавления большего числа компонентов (гендиатрис, гендиатетракис, гендиапентакис и т. п.) делает фигуру более «стилистической» и менее фразеологической (КОБЕНКО 2019: 101).

Konstruktion	Klischeetyp	Beispiel
Satzelement	<i>Phraseologismus</i> (фразеологизм)	Er stürzte <i>Hals über Kopf</i> auf den Flur.
offener Satz	P a r a d i a d i s	<i>sprichwörtliche Redensart</i> (поговорка) Sie <i>geht mit den Hühnern schlafen</i> .
geschlossener Satz		<i>Proverb (Sprichwort)</i> (пословица) <i>Viele Köche verderben den Brei</i> .
Satzkette	<i>transphrastische Einheit</i> (сверхфразовое единство, побасенка)	<i>Man fragte einen Weisen, welche von beiden Eigenschaften besser sei, die Freigebigkeit oder die Tapferkeit? Er antwortete: Wer die Freigebigkeit besitzt, kann der Tapferkeit entbehren.</i>

Рис. 2. Структурные типы клише по Г. Л. Пермякову (1970)

3. Роль и место клишированной лексики в системе литературного языка

Клише — это отлитые в наиболее удачной форме, «застывшие» способы речевой комбинаторики, реализующие две базовые стилистические функции: выразительную и номинативную. Так как передавать клише проще, чем заново комбинировать, а человеческий мозг, будучи весьма энергозатратным органом, постоянно стремится к экономии усилий (САВЕЛЬЕВ 2014: 11), клише не реконструируются всякий раз в потоке речи, а воспроизводятся машинально в их полной лексической длине. Безусловно, в ткани «живой» речи устойчивые конструкции могут подвергаться определенным изменениям, связанным с вариантностью компонентов и особенностями речевого репертуара того или иного носителя или конкретной коммуникативной ситуации. Однако в задачи любой языковой системы входят скорейшее устранение вариантности посредством сужения диапазона неустойчивых промежуточных форм и за счет этого — упразднение неопределенности, что, собственно, характерно для всех сегментов системы языка, а не только для идиоматизированных единиц. Поэтому любые квазитеоретические попытки релятивизации их устойчивости должны пониматься как проявления идеалистического софизма.

Очевидно, наличие клишированной лексики является атрибутом любого живого языка, носители которого — зачастую неосознанно — отсортировывают готовые образцы речи в отдельный фонд, своего рода языковую «сокровищницу» (*sprachliche Schatzkammer*). В широком смысле, образование запаса устойчивых единиц есть следствие действующего искусственного отбора: отбираются наиболее выразительные, яркие и ходовые примеры комбинаторики, достойные дальнейшей репликации в языковой среде и речи потомков. Отсюда проистекает необходимость в заучивании и фиксации накопленной «кладези» языковой мудрости как предпосылка создания письменности, фактически означающая для языка переход на новую ступень эволюции — литературность.

Обретая письменность, язык получает не только значительное преимущество перед консервативными языковыми формами (диалектами) в плане фиксации и сохранения фонда клишированных средств, но и в значительной степени расширяет источниковую базу его пополнения. Будучи своего рода долгожителем на полотне лингвистической истории, литературные языки обладают куда большими ресурсами для преумножения языкового опыта предков и расширения палитры типов клишированных единиц и литературных жанров. Так, в составе современного немецкого литературного языка наряду с многочисленными афоризмами, цитатами известных личностей, крылатыми фразами и прочими разновидностями паремий сегодня значатся:

— эрративы, известные также как пародированные паремии (*parodierte Parömien*: *Honig klebt am längsten* по аналогии с *ehrllich währt am längsten* ‘на неправде далеко не уедешь’);

— антипословицы (*Antispruchwörter*: *Morgenstund’ ist ungesund*);

— интернациональные мемы (*internationale Meme*: *man kann nicht einfach...* ‘нельзя просто взять и...’ — так называемый «мем Боромира»);

— интернациональные паремии (*internationale Lehnwendungen / Lehnübersetzungen*: *im selben / gleichen / in einem Boot sitzen* ‘сидеть в одной лодке’);

— пословичные топонимы (*sprichwörtliche Toponyme*: *das liegt ja mitten in der Pampa!* ‘это же у черта на куличках!’; *hier ist nicht Kostnix!* ‘здесь вам не богадельня!’);

— пустоговорки (*Ausrufe*: *potz Blitz!* ‘ба!’);

— экспрессивные обороты (*emotionale Ausdrücke*: *mein lieber Herr Gesangsverein!* ‘вот это да!’) и мн. др.

Существование же «кладовой» анекдотов, притч, веселых историй и других жанров побасенок без литературной фиксации определенно невозможно. Таким образом, укрупнение репертуара клишированных единиц напрямую зависит от формы языка (письменная, бесписьменная, младописьменная) и его коммуника-

тивной мощности (количества говорящих). Зависимость рецептурного объема словарного состава от экстралингвистических факторов обоснована в ряде теоретических работ (ср.: [KLEIN 2013]) и в дополнительных доказательствах сегодня не нуждается.

Сложно согласиться с хомскианскими традициями отнесения клишированной лексики к грамматике (ср.: БАРАНОВ, ДОБРОВОЛЬСКИЙ 2009), в основе которых лежит постулат об отсутствии верхней границы грамматических предложений. Действительно, рекурсия распространяется на любые типы синтаксических конструкций — свободно реконструируемые в речи или же воспроизводимые целиком. Однако характер появления таких типов и их функции заслуживают отдельного рассмотрения по следующим соображениям.

Во-первых, грамматика является сводом правил пользования реконструируемым составом, т. е. неидиоматизированными, дискретными единицами языка: *rennen, rannte, rennte, Renner* (в том числе о товаре), *Rennerei, Rennstrecke*. Для нереконструируемого состава, к которому и относится клишированная лексика, правила реконструкции зачастую неприменимы или же применимы с существенными ограничениями по причине невыводимости значения общего из суммы значений компонентов, ср.: *sich (Dat.) etwas zu Herzen nehmen*. Во-вторых, практически в любом языке существуют клише, которые сконструированы вопреки грамматическим правилам или же ввиду высокой степени идиоматизированности вступают в конфликт с синхронными нормами грамматики, ср.: *nun gib mal Butter bei die Fische!* ‘не юли, колись!’; *иду на Вы!* (изречение князя Святослава, где «Вы» — старая форма винительного падежа). В-третьих, если бы нереконструируемый состав относился к грамматике, существовали бы правила построения фразео-паремиологических единиц, а таковые совершенно отсутствуют. Отрезки фразеологизмов, в которых по-прежнему действуют синхронные правила грамматики, как и сами фразеологизмы, подлежат не покомпонентной реконструкции (хотя и могут передаваться в речи вариативно) в соответствии с этими

правилами, а воспроизводству целиком, в силу чего выделение «грамматических» типов фразеологизмов даже в структуре более «прозрачных» устойчивых глагольно-именных форм (*Funktionsverbgefüge*) методологически не оправдано вследствие неизбежной идиоматизации всего словосочетания и последующей нивелировки грамматических признаков, ср. нулевую позицию артикля в следующих клише: *in Erfahrung bringen*, *Verzicht üben*, *Stil haben*. Собственно, веским аргументом здесь может выступать приведенная выше типология градуальной идиоматизированности фразеологизмов, в которой грамматическая составляющая не выступает даже дифференциальным основанием.

Итак, нереконструируемый фонд является частью словарного состава и относится к лексико-семантическому уровню литературного языка. Процессы включения в речь (*Einbettung in die Rede*) его элементов, возможно, регулируются схожими комбинаторно-мнемоническими механизмами, как и составляющие грамматического строя, однако их различная локализация не позволяет отнести фразео-паремиологические единицы ни к «строительному материалу» языка, ни к инструкциям по пользованию элементами его множеств. Скорее грамматика служит средством внутренней организации клишированных единиц и их сращения с другими актантами предложения, как в случае с фразеологизмами и поговорками (присловьями).

4. Типология клишированных единиц

За основание для любой типологии как способа мысленного деления явлений на группы принимается существенный (коренной) признак предмета, который должен отражать природу описываемого класса явлений, т. е. быть естественным. Прецедентом *неестественной* (искусственной) классификации единиц нереконструируемого фонда современного немецкого литературного языка можно считать семасиологический (алфавитный) регистр клишированных единиц, упрощающий их словарный поиск, но нисколько не способствующий пониманию самой природы фразео-паремиологической лексики.

За основу *естественной* типологии клише берутся, как правило, их три существенных признака: 1) комплексность, 2) стабильность и 3) идиоматичность.

1. *Комплексность (Komplexität)* относится к формальным признакам устойчивых единиц и означает, что они должны состоять минимум из двух компонентов. Следовательно, образные однокомпонентные выражения вроде *Odyssee, Tagtraum* и суггестивные деонимизированные апеллятивы *Krösus, Xanthippe* к клишированной лексике не относятся.

2. *Стабильность (Stabilität)* распространяется как на формальную, так и содержательную сторону устойчивых единиц и предполагает, что их изменить значительно сложнее, чем свободные (комбинаторные) сочетания (*abwesend sein wegen Krankheit*). Стабильность включает три подпризнака: а) последовательность, б) расширяемость / сокращаемость и в) заменимость синонимами.

А. *Последовательность (Abfolge)* подразумевает фиксированную секвенцию приводящих элементов клишированных единиц, к примеру: *deutsch und deutlich* ‘четко и ясно (объяснить)’, а не **deutlich und deutsch*.

Б. *Расширяемость / сокращаемость (Erweiterbarkeit / Reduzierbarkeit)* означает, что по всей лексической длине клише нельзя произвольно вставить дополнительные элементы либо изъять имеющиеся, например: *j-m den Zahn ziehen* ‘лишить иллюзий’, а не **j-m den **kranken** Zahn ziehen*.

В. *Заменимость синонимами (Austauschbarkeit von Synonymen)* предполагает, что компоненты клишированных единиц нельзя заменить синонимичными лексемами без потери содержания, ср.: *j-m den roten Hahn aufs Dach setzen* ‘поджечь чей-то дом’, а не **j-m **das rote Huhn** aufs Dach setzen*.

3. *Идиоматичность (Idiomatizität)* относится к содержательной стороне клишированных единиц и означает, как уже отмечалось выше, невыводимость общего значения клише из суммы значений его компонентов.

Существенное функциональное основание типологии по экспрессивно-семантической окраске предложено Э. Г. Ризель (RIESEL 1959: 184). В соответствии с ним весь фразео-паремиологический фонд разделяется на две большие группы: i) группу нейтральных клише, которые, тем не менее, могут быть функционально-стилистически дифференцированными, т. е. пополнять репертуар различных функционально-стилистических разновидностей немецкого литературного языка, и ii) устойчивых сочетаний с экспрессивно-семантической окраской. Таким образом, данный шаг рекурсии связан с выделением экспрессивной фразеологии как одного из важнейших типов клишированной лексики.

I. Первая группа охватывает преимущественно стилистически нейтральные эквиваленты отдельных слов, лишённые образности плана содержания. Подгруппами данных явлений выступают следующие:

— субстантивные или глагольные словосочетания, к примеру: *grüner Tee, zweite Lautverschiebung, Acht geben*;

— устаревающие адвербиально-генитивные сочетания, ср.: *erhobenen Hauptes, unbeschwerten Gemütes, stehenden Fußes*;

— глагольные словосочетания с выраженной тенденцией к словослиянию, однако имеющие после Реформы немецкой орфографии различные способы написания, например: *endlagern, brustschwimmen, Schach spielen*;

— устойчивые глагольно-именные сочетания, состоящие из абстрактного существительного и (вспомогательного) глагола (*Funktionsverbgefüge*), ср.: *Verdacht schöpfen, in Kenntnis setzen*.

II. Вторая группа значительно обширнее первой и содержит образные клише в прямом или переносном значении, при этом образ может быть выражен катахрезой (*verblasstes Bild: Stuhlbein*), что со временем приводит к потере мотивированности единиц. К экспрессивным клише относятся:

а) сочетания, выражающие отдельные понятия, к примеру: *nie und nimmer, abgegolten und erledigt, etwas aus dem Stegreif tun*;

б) сочетания, содержащие завершённую мысль в формате

предложения, ср.: *was zum Kriechen geboren, taugt nicht zum Fliegen; die Feder ist mächtiger als das Schwert; was lange währt, wird endlich gut;*

с) сочетания, занимающие промежуточное положение между первыми двумя подгруппами, например: *zu tun haben wie der Leipziger Rat, heulen wie ein Schloßhund, leben wie Gott in Frankreich.*

А. К сочетаниям, выражающим отдельные понятия, относятся:

1) идиомы, 2) фразеологизмы, 3) обороты речи и 4) гендиадис.

1. *Идиомы (Idiome)* — это устойчивые сочетания, полностью утратившие в ходе идиоматизации дословное значение, к примеру: *an j-m einen Narren gefressen haben* ‘бредить кем-то’. Главное отличие идиом от фразеологизмов заключается в том, что синхронно не представляется возможным установить, имел ли когда-либо место описываемый ритуал.

2. *Фразеологизмами (Phraseologismen)* обозначаются такие устойчивые единицы, которые частично утратили дословное значение, однако зачастую еще содержат ссылку на ритуальное действие, ср.: *die Ringe tauschen* ‘обручиться’.

3. *Обороты речи (Redensarten, фр. façon de parler* ‘способ говорить’) являются формальными сочетаниями слов, используемыми в виде самостоятельных предложений в определенных ситуациях повседневного общения и имеющими выраженный ритуальный характер, ср.: *grüß Gott!*

4. *Гендиадис (Zwillingsformel, Paarformel, Doppelung, Hendiadyoin, греч. ἐν διὰ δύοῖν* ‘один через два’) — коллективное обозначение сдвоенных клише, элементы которых связаны друг с другом союзами «und» или реже «oder». С точки зрения функциональной стилистики, гендиадис — тавтологическое просторечие с функцией усиления признака средствами аллитерации, рифмы, ассонанса и т. п., например: *niet- und nagelfest, (außer) Rand und Band, rein und raus*. Удвоение возможно и в пределах отдельного слова или через редупликацию более 50% морфемного состава слова; в этом случае граница элементов гендиадиса нередко маркируется при помощи морфемы «m» (MÜLLER 2009: 80), к примеру: *Techtelmechtel, Kuddelmuddel, doppelt(-)gemoppelt*.

Гендиадис бывает общеязыковым и контекстуальным. Последний типичен для жанров официально-деловой и разговорно-обиходной разновидностей немецкого литературного языка, ср.: «*Schlacht oder Schlichtung?*» (название репортажа телерадиокомпании ARD о протестных акциях защитников Хамбахского леса); «*Leben ist mehr als **Rackern und Schuften**, / Leben ist mehr als **Kohle und Kies***» (фрагмент композиции Р. Цуховски). В контекстуальном употреблении встречаются многокомпонентные клише, которые известны как *гендиатрикс* (*Drillingsformel, Hendiatris*, греч. ἐν διὰ τρεῖς ‘один через три’) и *гендиатетракис* (*Vierlingsformeln, Hendiatetrakis*, греч. ἐν διὰ τετράκις ‘один через четыре’), например: *verwöhnt, verhätschelt und vertätschelt; frisch, fromm, fröhlich, frei* (лозунг физкультурников) (КОБЕНКО 2019: 98). Увеличение лексической длины гендиадиса способствует размытию границ идиоматизации, в результате чего явление становится сложнее запомнить и воспроизвести в речи. Именно поэтому конструкции из трех и более элементов, как правило, покидают фразео-паремиологический фонд современного немецкого литературного языка и бытуют в его синхронном функциональном репертуаре уже в качестве средств иносказания и выделения признака.

В. Сочетания, содержащие завершённую мысль в формате предложения, представлены: 1) цитатами и крылатыми изречениями, 2) афоризмами, 3) пословицами и 4) пародированными паремиями.

1. *Цитаты* (*Zitate*, лат. *citatum* ‘приведенное’) и *крылатые слова* (*geflügelte Worte*) — это известные изречения или выдержки из текстов классиков, «отлитые» в оригинальной и емкой форме, ср.: «*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie und grün des Lebens goldner Baum*» (Й. В. Гете «Фауст»). Многие цитаты превосходят в своем синтаксическом объеме простые предложения и никогда не употребляются без сноски на автора. Это их общая особенность, отличающая их от остальных паремиологических единиц. Одной из схожих разновидностей цитат выступает *лозунг* (*Losung*, свн. *lōzngē* ‘жеребьевка’) как лаконичный призыв или руководящая идея, к

примеру: «*Alles mit dem Volk, alles durch das Volk, alles für das Volk*» (девиз Веймарской республики).

2. *Афоризмы* (*Aphorismen, Sinnsprüche, Sentenzen*) (греч. ἀφορισμός ‘Abgrenzung, Bestimmung’) представляют собой меткие, остроумные, запоминающиеся и компактные изречения в поэтической или прозаической форме, опосредующие определенное познание, умозрение или наблюдение, ср.: «*Träume sind Schäume*» (Ф. Шиллер); «*Verstand schafft Leiden*» (А. С. Грибоедов). Как правило, в афоризмах сконцентрирован полезный и поучительный авторский опыт, поэтому зачастую они уместаются в формат простого предложения. Крылатое изречение или афоризм, автор которого безвременно забыт, переходит в разряд пословицы или фразеологизма, если имеются открытые актаны, например, известное выражение «*der Berg kreißt und gebiert eine Maus*» ‘родила гора мышь’ принадлежит перу римского поэта Горация (лат. «*Parturient montes, nascetur ridiculus mus*»). Фразео-паремиологический фонд современного немецкого литературного языка содержит множество фразеологизмов, берущих свое начало в античности и использующихся сегодня без ссылки на источник, ср.: *ein Wolf im Schafspelz* (библейзм), *Öl ins Feuer gießen* (Гораций) (АФОНЬКИН 1985: 20).

3. *Пословицы* (*Spruchwörter, Proverben*, свн. *spruchwort* ‘распространенный оборот’) являются «квантами» народной мудрости, возникшими анонимно и «упакованными» в формат простого предложения для удобства запоминания и устной передачи, ср.: *ein Sieb hält kein Wasser* ‘в решете воду не носят’, *die Katze lässt das Mäusen nicht* ‘сколько волка ни корми, он все в лес глядит’.

4. *Пародированными паремиями* (*parodierte Parömie, Sprichwortparodie*) обозначаются трансформации паремиологических сочетаний главным образом с целью создания юмора и сатиры, например: *wer Katalog sagt, muss auch Kataster sagen* (по аналогии с «*wer A sagt, muss auch B sagen*»); *Vorwärtsgang ist aller Laster Anfang* (по аналогии с «*Müßiggang ist aller Laster Anfang*»), где можно наблюдать игру слов, построенную на омонимии единиц *das Laster* (порок) vs. *der*

Laster (грузовик). Если в результате трансформации образуется антоним оригинала, принято говорить об «антипословице» (*Antispruchwort*), ср.: *ein Tritt sagt mehr als tausend Worte* (вместо «*ein Bild sagt mehr als tausend Worte*»). Примечательной разновидностью эративов выступает *апология* как прецедент сатирического переосмысления явлений первых двух групп, ср.: *Kunst kommt von können, nicht von wollen, sonst würde es Wulst heißen*. Вопреки бытующему в кругах германистов убеждению, антипословицы — не всегда продукты юмористической трансформации: среди пестрого многообразия единиц фразео-паремиологического фонда современного немецкого литературного языка существуют готовые антонимические панданы, принадлежащие к разным группам класса В, к примеру: *den Jüngling ziert Bescheidenheit* (Плавт) vs. *Bescheidenheit ist eine Zier, doch weiter kommt man ohne ihr* (пословичный афоризм, ошибочно приписываемый Вильгельму Бушу). Рифмованные паремии в данной группе — отнюдь не редкость, ведь посредством рифмования клише легче усваивается пользователем и тем самым продлевает свою бытность в языке, ср.: *nur die Harten kommen in den Garten* ‘мир покоряется смелым’.

С. К сочетаниям, занимающим промежуточное положение между первыми двумя подгруппами, относятся *устойчивые сравнения* (*stehende Vergleiche*), обладающие всеми перечисленными выше признаками фразеологизмов, благодаря чему получили в немецком секторе германского языкознания обозначения «компаративные фразеологизмы» (*komparative Phraseologismen*) и «фразеологические сравнения» (*phraseologische Vergleiche*) (BURGER 2007: 46–47), например: *grinsen wie ein Honigkuchenpferd* ‘улыбаться как майская роза (в апреле)’, *hausen wie die Hunnen* ‘будто Мамай прошел’. Все сравнения построены по схеме: **А** равно **В** на основе признака **С**, обозначаемого латинизмом «*tertium comparationis*» (лат. «третье для сравнения»), ср.: *Markus (A) ist stark (C) wie eine Eiche (B)*. Союз *wie* выражает равенство сравниваемых явлений, между которыми устанавливается эмпирическая связь, при этом его обиходно-тер-

риториальный вариант *als* имеет слабую литературную освоенность. Сравнения, в которых союз опущен, обозначаются *имплицитными*, к примеру: *du lächerlicher Cicero!* (К. Тухольский). Несмотря на сходство с фразеологизмами, устойчивые сравнения лексически нестабильны. Так, компоненты В и С могут варьировать в широком диапазоне. К примеру, в сравнении «*voll sein wie...*» существует 13 вариантных оппозиций компонента В, что является абсолютным рекордом в системе современного немецкого литературного языка, ср.: «...¹20 / ²40 / ³100 / ⁴1000 *Russen* / ⁵1000 *Mann* / ⁶*ein Amtmann* / ⁷*Sack* / ⁸*Eimer* / ⁹*Schwein* / ¹⁰*eine Kanone* / ¹¹*eine Granate* / ¹²*Haubitze* / ¹³*Strandhaubitze*». Колебания компонента С, образующего основу сравнения, имеют значительно меньшую амплитуду и редко выходят за четырехчленный ряд, к примеру: ¹*sanft* / ²*brav* / ³*unschuldig* / ⁴*zahn sein wie ein Lamm*; ¹*munter* / ²*fit* / ³*gesund sein wie ein Fisch im Wasser*.

5. Заключение

В предложенной типологии отражены лишь базовые типы клише, соответствующие основным шагам рекурсивного деления фразео-паремиологического фонда современного немецкого литературного языка. Более детальное его описание с охватом всех ветвлений языковой ризомы может стать задачей отдельной монографии или же серии работ, однако в любом случае исследователям придется признать и принять за основу функциональный детерминизм клишированной лексики, благодаря которому обследованный состав не является стабильным, а типологическая принадлежность — окончательной. Одни типы регулярно переходят в другие, цитаты и афоризмы медленно кочуют в пословичный фонд, а пополнение фразеологии происходит за счет удачных комбинаторных решений в потоке «живой» немецкой речи, ср.: «*j-m über die Schulter schauen*» (= *j-m bei der Arbeit zuschauen*) или «*der Wein (Alkohol) löst die Zunge*». Примером таких трансформаций можно считать «сгущение» известной цитаты Гете «*grau, teurer Freund, ist alle Theorie und grün des Lebens goldner Baum!*» до компактного присловья «*etw. ist (nur) graue Theorie*» (что-то не доказано, умозрительно). Как

и любой другой сегмент лексической системы современного немецкого литературного языка, структура и типы клишированной лексики корректируются действующим узусом, экстралингвистическими факторами и условиями коммуникации, поэтому тщательный анализ конституирующих ее элементов, их связей, функций, разновидностей и неоднородностей представляется постоянной и всегда актуальной задачей германского языкознания.

© Кобенко Ю. В.

3.6. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. СПЕНСЕРА*

1. Экспликация темпоральности в произведениях ранне-новоанглийского периода

Эдмунд Спенсер — один из величайших поэтов ранненовоанглийского периода — оставил лингвистам и литературоведам богатейшее наследие, требующее анализа и осмысления. В частности, его восприятие времени, специфика метафорической передачи темпоральности в его произведениях представляют для исследователей широчайшее и интереснейшее поле деятельности.

Спенсер, живший в Великобритании в XVI в., является ярким представителем эпохи Ренессанса. Для писателей того периода время представлялось антагонистом, с которым люди должны были бороться, которого жаждали победить. Они, в отличие от представителей более ранних эпох, занимали активную жизненную позицию, пытаясь взять верх над временем.

Сравнивая произведения ранненовоанглийского периода с литературой, написанной на среднеанглийском языке, можно увидеть, как изменяется восприятие жизни и времени: если в книгах XII-XV вв. эксплицируется предопределенность человеческой жизни, подчиненной воле Господа, то в литературе эпохи Возрождения люди уже наделены свободой выбора и берут на себя ответственность за совершенные ими поступки (TIME AND THE LITERARY 2002).

Эпоха Ренессанса ознаменовала расцвет гуманистической традиции, признававшей индивидуализм как выделенность человека из общества и природы. Это повлекло за собой определен-

* Исследование подготовлено в рамках инициативной НИР «Интерсемиотические трансформации лингвокультурных концептов в художественном дискурсе» (Регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР: АААА-А20-120021090137-4) на кафедре теории и практики английского языка и перевода СПбГЭУ.

ный драматизм восприятия человеком его места в мире, понимание ограниченности возможностей людей отмеренным им сроком существования на земле, осознание необратимости движения временного континуума.

Люди стремятся выявить законы природы, научно обосновать происходящие в мире процессы в надежде преодолеть свое бессилие перед природой вещей и неумолимым течением времени.

Огромное влияние на изменение восприятия темпоральности оказало то, что эпоха Возрождения была эпохой великих географических открытий, что обусловило расцвет таких наук как, например, математика и астрономия. Важным фактором являлось и распространение книгопечатания. Изменения в политике, культуре, экономике Великобритании привели к значительным изменениям взгляда на время.

Многие ученые пишут о том, что восприятие времени изменилось, прежде всего, благодаря важным экономическим переменам: постепенному переходу к капитализму, сопровождающемуся бурным экономическим ростом, увеличению значимости городской культуры. Эти факторы оказали сильное влияние на модификацию перцепции времени (HALE 1993; JARDINE 1996; KING 2003; NAUERT 2006; SIDER 2005 и др.).

Капиталистический подход к жизни предопределил отношение ко времени как к невозполнимому экономическому ресурсу. Поэтому для произведений той эпохи характерна экспликация времени как ценности, которую важно использовать бережно, с умом (QUINONES 1972). Время стало ассоциироваться с деньгами, материальным воплощением богатства, которое можно потратить. Приходит осмысление того, что время — это деньги (LANDES 2000).

Люди эпохи Ренессанса воспринимали время как дар Божий. Они считали, что пустая трата времени — большой грех, что на Страшном Суде с них спросят не только за совершенные ими злодеяния, но и за упущенное время, которое они могли бы потратить на благие дела, но не сделали этого в мирской жизни. Люди понимают, как быстротечна их жизнь, как она ничтожно

коротка по сравнению с вечностью, и к человеку приходит жажда славы, которая может помочь ему «продлить» свою жизнь в памяти людей, оставить след на земле на века (QUINONES 1972). Слава может сделать бессмертным как поэта, так и его творения. Поэтому писатели ранненовоанглийского периода так жаждали славы не ради того, чтобы потешить свое тщеславие, но ради того, чтобы победить время, доказать, что люди могут стать в какой-то степени бессмертными.

Люди эпохи Возрождения много размышляли над неизбежностью смерти. Но она не кажется писателям чем-то противоестественным, а наоборот, представляет собой логическое завершение жизненного цикла человека. Жизнь была дарована человеку Всевышним, и этот дар необходимо вернуть в назначенный день.

Люди ощущают, что их жизнь не принадлежит им целиком, но они владеют мгновением настоящего. В средние века значимость мгновения не ощущалась людьми, а теперь она приобретает огромное значение (ГУРОЧКИНА, ПЕРСИНИНА 2009).

Как и в более ранние эпохи, время воспринималось в ранненовоанглийский период как господин, который управляет жизнью людей. Все в мире закономерно и подчинено внутренним законам. Они справедливы, хотя и непонятны человеку. Все в мире повторяется, движется по спирали.

В произведениях XVI-XVII вв. время эксплицируется и как поток событий, который несет человека по дороге его жизни. Человек при этом занимает активную позицию, но все же не может изменить ход событий. Он вынужден ждать того благоприятного момента, когда он сможет совершить задуманное и проявить себя (НИЛЬСЕН 2009; 2020).

2. Время в произведениях Э. Спенсера

Спенсер, как истинный представитель своей эпохи, с одной стороны, стремился показать в своих произведениях, что время, как и все остальное, можно изучить и понять, и даже преодолеть его власть с помощью любви и продолжения рода, а, с другой стороны, — время, имеющее божественное начало, не может быть

подчинено воле человека.

Спенсер в своих творениях отдает должное времени и любви, восхваляя их в стихах. Эти понятия расценивались ранее Петраркой и Августином как созданные самим же человеком искушения, которые уводят его от мыслей о понятиях неизменности и безопасности жизни, данных нам Богом. Но Спенсер пишет о том, что любовь и почитание времени одобряются Высшими Силами. Поэт указывает на то, что стремление к противостоянию течению времени присуще только человеку и является крайне важным свойством человеческой природы (QUINONES 1972: 243).

Стремление к гуманизму, которое было описано еще Джорджем Вайзом, проявляется с новой силой у Спенсера. Эти убеждения контрастируют с идеями Чосера, но при этом Спенсер проявляет должное уважение к умозаключениям своих предшественников-писателей.

Фундаментальной основой произведений Спенсера можно считать внимание к последовательности и преемственности поколений, а в его величайших работах, таких как *Сады Адониса* и *Эпиталамион*, он выражает свою веру в возможность продолжения жизни в потомках с особой силой. По его мнению, наличие детей и почтительное отношение ко времени — это два способа, с помощью которых человек может создать видимость вечности и противостоять течению времени, при этом не обесценивая значимые вещи, но объединяя их в стройную систему для достижения великой цели. Простой человек по имени Джордж у Спенсера становится святым покровителем Англии, который походит на Христа, но не благодаря своей жертвенности, а из-за триумфального восхождения (ibid.: 244). Он является воплощением сочетания национальной идеи и религии, земного и божественного. В гуманистическом лексиконе Спенсера христианство возвышается до героизма. Это коренным образом отличает его воззрения от представлений Чосера, который снижает образ героизма до непокорности.

Манеру оязыковления времени в произведениях Спенсера можно назвать триумфальной: он следует на судьбоносный зов,

предначертанный звездами, напоминая Горация и Овидия в жалобах на неизменность судьбы. Такая линия потенциальной возможности достижения человеком успеха в стремлении победить время прослеживается в произведении Спенсера *Эпиталамион* (ibid.: 244).

Вне зависимости от целей и способов убеждения, в книгах Спенсера всегда возникает спор о времени. В его работах *Руины времени* и *Слезы муз* освещаются вопросы тщетности бытия и необходимости решительных действий со стороны человека (ibid.: 246).

Для Спенсера, как и для Петрарки или Дю Белле, идеал культурного наследия был представлен примером города Рима. В переводах Спенсером произведения *Руины Рима Дю Белле* описывается падение великого города под натиском глобальной неминуемой силы, приносящей изменения, — времени. В вышеупомянутых сонетах прослеживается тот же способ изображения событий и мыслей, каким пользовались при написании своих произведений Шекспир и Даниэль (ibid.: 252). В изображении падения Рима Спенсер, следуя по стопам Дю Белле, пишет о непостоянстве мира. Можно говорить о том, что Рим в его изменении в понимании Спенсера является примером течения времени. Время и город как бы сопоставлены, для чего автор использует приемы развернутых метафор и сравнения. Предполагается, что Рим олицетворяет собой целый мир, так как в рассматриваемое время являлся одним из главных и крупнейших городов.

Читатель, обращая внимание на *Руины Рима Дю Белле*, может ощутить все величие призрачного города, а изображение развалин рисует в сознании картину угаснувшего величия. Историческое и поэтическое воображение Дю Белле, к которому Спенсер в свойственной ему манере добавляет свое видение, предоставляет читателю не только историческое описание событий, но и передает ту атмосферу, которая царил в великом городе в прошлые столетия. Подобное описание не позволяет погибнуть прошлому величию, позволяя ему продолжать жить в памяти людей. Таким образом, происходит возрождение прекрас-

ной жизни через взгляд в прошлое. Рим является моделью культурной целостности и в то же время великого разрушения, и его античное величие всегда вдохновляло поэтов Ренессанса своей архитектурой и скульптурами, которые послужили моделями и материалом для многих величайших произведений. Многие молодые поэты пытались воплотить идею взаимосвязи искусства и общества, но впервые в полной мере это удалось лишь Спенсеру, что является одной из его важнейших заслуг. Литературное произведение *Руины времени* очень близко по содержанию *Руинам Рима*. В каждом из них город выступает в качестве символа огромного влияния времени на всю человеческую и жизнь, равно как и на каждое отдельное событие (ibid.: 260).

Важная историческая функция произведений Спенсера также заключается в яростном порыве «обогнать» время, одержать над ним победу (ibid.: 264).

3. Метафоры времени в произведениях Э. Спенсера

Рассмотрим метафоры времени, встречающиеся в произведениях Спенсера *Amoretti and Epithalamion* («Аморетти и Эпиталамион»)¹ и *Fovvre Hymnes* («Четыре Гимна»)².

3.1. *Time is a possession*

Наиболее частотной метафорой в рассматриваемом материале является TIME IS A POSSESSION, которая представляет время как предмет обладания, истощимый ресурс, который следует разумно расходовать. Например, его можно потратить на получение удовольствия от жизни, как в следующей строке из «Четырех Гимнов»: «But there their termelesse time in pleasure spend,..» (SPENSER 1596: 26). В данном предложении существительное «time» сочетается с глаголом «spend», имеющим значение «тратить». Таким образом, время становится похожим на монеты, которыми можно расплатиться за удовольствия.

¹ Spenser, Edmund. (1595) *Amoretti and Epithalamion*. Retrieved from <http://www.shakespeares-sonnets.com/Archive/Spenser1.htm>.

² Spenser, Edmund. (1596) *Fovvre Hymnes*. Retrieved from <https://archive.org/details/fovvrehymnes00spen/page/4/mode/2up>.

Сочетание лексических единиц «time» и «spend» мы видим и в *Amoretti and Epithalamion*. Например:

«WHEN my abode's prefixed time is spent,
My cruel fair straight bids me wend my way:
but then from heaven most hideous storms are sent
as willing me against her will to stay» (SPENSER 1595).

В этом случае поэт не только дает нам понять, что время, как и деньги, можно потратить («time is spent»), но и то, что отрезки времени, отпущенные человеку для тех или иных дел, конечны, и их длина предопределена высшими силами («prefixed time»). Такое отношение ко времени, безусловно, характерно для писателей эпохи Возрождения.

В следующих двух контекстах темпоральные номинации («time») также сочетаются с глаголом «to spend»:

«Thus I the time with expectation spend,
and fain my grief with changes to beguile...» (ibid.).

Помимо существительного *time* в оязыковлении метафоры TIME IS A POSSESSION в стихах Спенсера могут участвовать и другие лексемы, номинирующие время, например, «year is spent»:

«So since the winged God his planet clear
began in me to move, one year is spent:
the which doth longer unto me appear,
then all those forty which my life outwent» (ibid.).

Потрачены могут быть не только годы, но и часы («the hours their numbers spend»):

How slowly do the hours their numbers spend? (ibid.).

Еще одним глаголом, участвующим в экспликации метафоры TIME IS A POSSESSION, является «to waste», передающий представления о неразумном отношении ко времени, пустой его трате. Автор выражает сожаление, если время потрачено зря («forty years... which I have wasted»), поскольку для человека Ренессанса пустая трата времени — это грех:

«Then by that count, which lovers' books invent,
the sphere of Cupid forty years contains:
which I have wasted in long languishment,
that seemed the longer for my greater pains.
But let me love's fair Planet short her ways
this year ensuing, or else short my days» (ibid.).

Таким же грехом представляется и постоянное пребывание в унынии: когда ночи полны печали («the nights they grieve and groan»), а дневные часы проходят без пользы («The days they waste»), они потрачены зря — такая жизненная позиция не может быть оценена как правильная в ранненовоанглийской литературе:

«Thenceforth they plain, and make full piteous moan
Unto the author of their baleful bane:
The days they waste, the nights they grieve and groan,
Their lives they loath, and heavens light disdain» (ibid.).

Метафора TIME IS A POSSESSION может быть выражена также при помощи сочетания темпоральных номинаций с притяжательными местоимениями, наличие которых говорит о принадлежности времени человеку. Например, таким местоимением может быть «*my*» в сочетании с «*days*»:

«But let me love's fair Planet short her ways
this year ensuing, or else short my days» (ibid.).

В другой строке мы видим употребление абсолютной формы притяжательного местоимения первого лица единственного числа «*mine*» с существительным «*day*»:

«But let this day, let this one day be mine,
Let all the rest be thine» (ibid.).

В *Amoretti and Epithalamion* лексема «*day*» также сочетается с абсолютной формой притяжательного местоимения 2-го л. «*yours*»:

«NOW cease ye damsels your delights fore-past;
Enough is it, that all the day was yours:
Now day is done, and night is nighing fast:
Now bring the Bride into the bridal bowers» (ibid.).

В представленных выше контекстах человек представляется хозяином времени. Он обладает временем как собственностью, может его тратить, с умом или неразумно, на благие дела или на ненужные страдания. В таких случаях реализуется метафора TIME IS A POSSESSION, которая обычно передается с помощью сочетания темпоральных номинаций с глаголами «to spend» и «to waste» или притяжательными местоимениями, эксплицирующими принадлежность времени человеку. Но, несмотря на восприятие времени как собственности, людей нельзя назвать полноправными хозяевами своей жизни. Отрезки времени, которые они проживают, отмерены им свыше («prefixed time»), и человек не может этого изменить. Он только может и должен научиться расходовать отпущенное ему время разумно.

3.2. *Time is a master*

Противоположный взгляд на время передается в ранненовоанглийских текстах с помощью метафоры TIME IS A MASTER, репрезентирующей восприятие времени как высшей силы, имеющей власть над человеком. Такое отношение ко времени было в большей степени характерно для более ранних памятников литературы, создававшихся в эпоху средневековья. Тогда люди считали, что полностью подчинены власти времени и не могут ей противостоять. В эпоху Возрождения человек уже воспринимает время как антагониста, с властью которого можно бороться. И герои ранненовоанглийских произведений делают попытки взять верх над временем, занимая активную жизненную позицию, пытаются повлиять на ход вещей, на жизнь свою и окружающих их людей. Но все же время остается непобедимой высшей силой, диктующей человеку, сколько ему отмерено жить. И образ этой высшей силы передается с помощью метафоры TIME IS A MASTER. В произведениях Спенсера, в частности, эта метафора вербализуется в следующих строках из *Amoretti and Epithalamion*:

«All flesh is frail, and all her strength unstayed
like a vain bubble blown up with air:
devouring time and changeful chance have preyed,

her glory's pride that none may it repair» (ibid.).

Время предстает перед нами в образе неумолимого существа, способного поглотить все сущее («devouring time»). Оно может не только уничтожить самого человека, но и память о нем, стереть его славные дела из памяти людей, отобрав таким образом у людей последнюю надежду на своеобразное бессмертие — жизнь в памяти последующих поколений, на которую люди эпохи Ренессанса уповали как на одну из немногочисленных, но самых надежных возможностей продлить свое существование на земле.

Смена дня и ночи так же не подвластна человеку, как и длина его жизненного пути. День и ночь сами решают, когда явить людям свет, когда его у них отнять, когда сменять друг друга. Людям остается только надеяться на лучшее и ждать подходящего момента для свершения задуманного:

«For when as day the heaven doth adorn,
I wish that night the noyous day would end:
and when as night hath us of light forlorn,
I wish that day would shortly reascend» (ibid.).

В *Fovvre Hymnes* день также схож с живым существом, которое являет свой лик людям, когда пожелает, и заставляет их приступить к своим ежедневным рутинным делам:

«But soone as day doth shew his deawie face,
And cals foorth men vnto their toilsome trade...» (ibid.: 68).

Однако иногда человек может одержать верх над временем и продлить приятные мгновения, если сумеет схватить за бороду этого седовласого старика-время:

«FRESH spring the herald of love's mighty king,
In whose coat-armour richly are displayed,
all sorts of flowers the which on earth do spring
in goodly colours gloriously arrayed.
Go to my love, where she is careless laid,
yet in her winter's bower not well awake:
tell her the joyous time will not be stayed

unless she do him by the forelock take» (ibid.).

Таким образом, время в ранненовоанглийских источниках по-прежнему предстает перед читателем как господин, власти которого люди вынуждены подчиняться, хотя иногда они все же пытаются ей противостоять.

3.3. *Time is a moving object / subject*

Важное место в ранненовоанглийских текстах занимает метафора TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT, передающая представления о движении времени, его бесконечном течении из прошлого в будущее. Эта метафора встречается в памятниках всех трех периодов истории английского языка. Ее отличительной чертой является то, что с каждым периодом бег времени оязыковывается как все более быстрый, что обусловлено постоянно ускоряющимся темпом жизни. Так, например, в следующих строках из *Amoretti and Epithalamion* говорится о том, что один год сменяет другой, и бег времени передается с помощью глагола «to run»:

«THE weary year his race now having run,
The new begins his compassed course anew:
with show of morning mild he hath begun,
betokening peace and plenty to ensue» (ibid.).

В следующем контексте речь идет о том, что часы, наполненные радостью и удовольствиями, летят слишком быстро («but joyous hours do fly away too fast»), и их надо ценить по достоинству:

«So sorrow still doth seem too long to last,
but joyous hours do fly away too fast» (ibid.).

В художественном произведении течение времени может быть показано и как замедленное, если это отвечает замыслу автора, как, например, в следующих строках, где ночи, наполненные грустными мыслями, длятся слишком долго. Это медленное движение времени передано с помощью сочетания наречия «slowly» с глаголом «to move»:

«And many nights, that slowly seemed to move,
their sad protract from evening until morn» (ibid.).

В другом контексте время уподобляется печальной птице, медленно движущейся сквозь пространство, и здесь Спенсер снова использует сочетание лексических единиц «slowly» и «to move»:

«How slowly does sad Time his feathers move?» (ibid.).

Однако «птица-время» в произведениях Спенсера не всегда движется медленно. Она способна расправить крылья и лететь на высокой скорости («flitting Time»):

«Before this worlds great frame, in which al things
Are now contain'd, found any being-place,
Ere flitting Time could wag his eyas wings
About that mightie bound, which doth embrace
The rolling Spheres, and parts their houres by space,
That high eternall powre, which now doth moue
In all these things, mou'd in it selfe by loue» (ibid.: 25).

Если поэту не так важно показать скорость, с которой движется время, он использует в своих стихах сочетание темпоральных номинаций с такими глаголами движения, как «to pass» и «to come»:

«For lo the wished day is come at last,
That shall for all the pains and sorrows past,
Pay to her usury of long delight» (ibid.).

В приведенных выше строках существительное «day» в сочетании с глаголом «to come» эксплицирует движение времени («day is come»). А в следующем контексте этот же глагол сочетается с другим словом — «hours», передающим значение отрезка времени:

«But first come ye fair hours which were begot
In Joves sweet paradise, of Day and Night,
Which do the seasons of the year allot,
And all that ever in this world is fair
Do make and still repair» (ibid.).

С глаголом «to come» в *Amoretti and Epithalamion* употребляется и существительное «night»:

«Now night is come, now soon her disarray,
And in her bed her lay» (ibid.).

Этот же глагол сочетается в стихах Спенсера и с лексемой «spring», передавая читателю атмосферу весны, которая приходит к людям в строго отведенное ей время, и все расцветает, подчиняясь непреложным законам природы:

«For lusty spring now in his timely hour
is ready to come forth him to receive:
and warns the Earth with divers colored flower,
to deck him self, and her fair mantle weave» (ibid.).

Поэт предостерегает читателя, говоря ему, что ушедшего времени («passed time») не вернуть, поэтому надо торопиться жить:

«Make haste therefore sweet love, whilst it is prime,
for none can call again the passed time» (ibid.).

Очевидно, что метафора TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT играет существенную роль в творчестве Спенсера. Для поэта важно показать течение времени, то слишком медленное, наполненное грустными раздумьями, то слишком быстрое, полное веселья и радости. Для этого в тексте используется сочетание лексических единиц, номинирующих различные отрезки времени, с глаголами движения.

3.4. *Time is space*

Одной из древнейших метафор, связанных с экспликацией темпоральности, является метафора TIME IS SPACE, связывающая представления о времени и пространстве в единый пространственно-временной континуум. Так, в поэзии Спенсера минуты уподобляются долгим милям пути («every minute seem a mile»), когда герой произведения, охваченный печалью, уныло бредет по дороге своей жизни:

«Thus I the time with expectation spend,
and fain my grief with changes to beguile,
That further seems his term still to extend,
and maketh every minute seem a mile» (ibid.).

В другом контексте в *Amoretti and Epithalamion* метафора TIME IS SPACE репрезентируется благодаря тому, что существительное

«time» употребляется в сочетании с наречием «high», вследствие чего время становится похожим на ландшафт, имеющий как равнинные части, так и возвышенности:

«SWEET warrior when shall I have peace with you?
High time it is, this war now ended were...» (ibid.).

Таким образом, в ранненовоанглийских текстах метафора TIME IS SPACE, характерная для письменных памятников всех периодов истории английского языка, представлена достаточно широко и разнообразно.

4. Заключение

Для Спенсера как для истинного представителя эпохи Ренессанса время имело огромное значение. Оно было господином, вершащим судьбы людей и решающим, когда человеку суждено уйти из жизни, сумеет ли он исполнить задуманное и достичь своих целей или уйдет в мир иной, не оставив следа на земле. Оно было ценным сокровищем, исчерпаемым ресурсом, который надо расходовать с особой осмотрительностью. Оно было пространством, в котором существуют люди. Оно было путником, спешащим из прошлого в будущее. Все эти представления о времени отражены в произведениях Спенсера с помощью таких метафор как TIME IS A MOVING OBJECT / SUBJECT, TIME IS A MASTER, TIME IS A POSSESSION, TIME IS SPACE. Они помогают нам понять не только взгляд поэта на время, но и то, какова была специфика темпоральности в картине мира людей эпохи Возрождения.

© Нильсен Е. А.

3.7. ПОЛИНОМИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В НОМИНАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

1. Введение

В лингвистике существует еще много неразработанных проблем, своеобразных лакун. Этой публикацией хотелось бы привлечь внимание ученых-лингвистов к полиномии, как к универсалии, не дробя ее на отдельные вопросы синонимии, вариантов, параллелей, заимствований и т. п., которые неоднократно освещались в различных работах. Следует отметить важность этой исследовательской задачи для языкознания и признать тот факт, что изучение языковой полиномии обладает как большим научным потенциалом, так и практической значимостью.

Публикация представляет собой один из этапов многолетнего изучения автором полиномии в языке (ШЕМЧУК 2006) как результата модернизации номинативной системы, направленного на поиск другого названия для какого-либо референта, при этом причины появления новых имен могут быть разнообразными (ШЕМЧУК 2010).

Истоки возникновения внимания к данному явлению следует искать в античности. Как известно, теория происхождения имен интересовала древних греков. Можно вспомнить знаменитый диалог Платона *Кратил*, в котором такие теории, как фюсей (physei) и тесей (thesei) выносятся на суд Сократа. Сторонники теории тесей (thesei) утверждали, что между вещью и ее именем нет соответствия, т. е. имя не отражает природы (сущности) предмета и закрепляется за ним «по положению», иными словами предметы именуется по условному соглашению самих людей, сознательно, без связи с природной сущностью предметов. В качестве защиты своих утверждений приводится факт сосуществования в языке синонимов, когда одному предмету соответствовало несколько имен, а значит факт полиномии (многоименности) был замечен еще в Древней Греции.

На наш взгляд, позже механизм возникновения полиномии

в языке описал в 1929 г. С. О. Карцевский в своей работе *Об асимметричном дуализме лингвистического знака*:

«Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» (КАРЦЕВСКИЙ 1965: 90).

Стремление обозначаемого выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак, ведет к языковой полиномии — множественности названий.

Это явление следует рассматривать так же, как противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается верным: многоименности (полиномия) и многозначности (полисемия), т. е. как еще одного примера языковой антиномии.

«Что же касается лингвистического освещения термина «антиномия», то оно тесно связано с концепцией В. Гумбольдта о диалектике языка. Ученый в своей работе «О сравнительном изучении языков...» выделяет следующие антиномии языка: 1) языка и мышления; 2) произвольности знака и мотивированности элементов языка; 3) объективного и субъективного в языке; 4) языка как деятельности и как продукта деятельности; 5) устойчивости и движения в языке; 6) целого и единичного в языке; 7) индивидуального и коллективного в языке; 8) языка и речи; 9) понимания и непонимания» (ПИСАРЬ 2016: 15).

В отличие от понятия «полиномия» термин «полисемия» достаточно распространен в лексикографических источниках; существует большое количество работ, посвященных анализу многозначности лексем на материале различных языков. В свою очередь, явление полиномии остается малоизученным не только как антиномичное по отношению к полисемии, но и как универсальное для всех языков.

Многие ученые обходили стороной явление полиномии, считали его своего рода очевидным и не нуждающимся в исследовании. Редким исключением можно считать работы В. Д. Девкина, в которых упоминается этот термин. В первых своих исследованиях В. Д. Девкин назвал данное явление «полиономией» (ДЕВКИН 1979). Ученый также предлагал считать полиономию частью антиномии, однако в качестве второго положения антиномии он назвал олигономию:

«Наряду с другими противоречивыми особенностями разговорной лексики выделяется еще одна антиномия: противоборствуют две тенденции — стремление к многоименности (п о л и о н о м и и), к тому, чтобы все нужное было названо, имело свое имя, и стремление к малоименности (о л и г о н о м и и) — тенденции обойтись минимальным количеством знаков (при условии их универсализации и максимального использования» (ibid.: 167).

В этой работе В. Д. Девкин, опираясь на коллоквиальный фонд словарей Х. Кюшера, количественно подтвердил тенденцию к полиномии немецкого разговорного языка.

Необходимо отметить, что термин «полиономия» подхватили и упоминали в работах ученики В. Д. Девкина, например, Л. А. Нефедова (НЕФЕДОВА 2018). Исследователи языковых универсалий, используя данные немецкого и русского языков, отмечают вербальную избыточность в этих языках, рассматривая при этом избыточность, прежде всего, как плеоназм, т. е. как речевое явление (ФИЛИППОВА 2011). Русисты описывают избыточность лексико-семантической системы (ГЕНЕРАЛОВА 2017), а также пытаются осмыслить полиномию в терминологии (ПОПОВА 2012). Что касается немецких ученых, то они предпочитают термин «*Mehrnamigkeit*» («многоименность») (FRIEBERTSHÄUSER, DINGELDEIN 1988: 630-631). В дальнейшем, исходя из благозвучия и закона экономии языковых средств, целесообразным считаем остановиться на термине «полиономия».

Понятие «полиономия» неразрывно связано с референцией,

как с отнесенностью «актуализованных имен, именных выражений или их эквивалентов к объектам действительности (понятиям, которые, в свою очередь, представляют собой базовые единицы, хранящие и аккумулирующие в социальной памяти знания о мире. Помимо организующей, классифицирующей и систематизирующей функций понятия выполняют функцию концептуальной ориентации человека в мире, способствуя его творческой и преобразующей деятельности). Именно референтная соотнесенность с уже известным предметом или явлением является дифференциальным признаком полиномии.

Ситуацию референции Б. Т. Ганеев связывает с динамикой соотношений субъекта и объекта. По его мнению, соотношение этих двух элементов референциальной пары выглядит следующим образом: субъект — всегда на орбите, а объект — в центре. Объект многогранен при четком различении атрибутов или шарообразен при пестроте, нечеткости выделения атрибутов. Возникает кажущаяся аналогия с орбитами планет, спутников и т. п., вращающихся вокруг своих орбит, небесных тел. Существуют четыре субъектно-объектные динамические ситуации референции: *статокинетическая* (неподвижность субъекта — мобильность объекта), *кинетостатическая* (мобильность субъекта — неподвижность объекта), *дикинетическая* (мобильность субъекта и объекта), *дистатическая* (неподвижность субъекта и объекта) (ГАНЕЕВ 2004: 18)

Вышеприведенные субъектно-объектные динамические ситуации референции частично проясняют картину неравномерности появления новых имен, которое активно проходит в кинетостатической ситуации. Дистатическая, а также статокинетическая ситуации приводят к неизменности имени и отсутствию процесса обновления имени. Дикинетическая ситуация, напротив, ведет к бесконечной смене имен при модификации денотата, что противоречит основополагающему принципу полиномии, принятому в качестве постулата, — неизменности денотата. Таким образом, лишь одна из четырех субъектно-объектных динамических ситуаций референции содействует процессу полиномии (ШЕМЧУК 2006: 65-66).

Мы считаем также возможным использовать понятие дивергенции для раскрытия сущности явления полиномии, поскольку *дивергенцию* традиционно определяют как

«...диахронический процесс, приводящий к увеличению разнообразия в *системе языковой* вследствие обособления в самостоятельные инвариантные единицы тех сущностей, которые прежде были вариантами одной единицы (дивергенция на инвариантном уровне), либо вследствие появления новых вариантов (формальных и смысловых) у уже имеющихся единиц (дивергенция на вариативном уровне)» (Виноградов 1998: 136).

Таким образом, дивергенция объясняет универсальный характер полиномии. Следует считать полиномию результатом дивергенции на вариативном уровне.

В широком смысле термин «полиномия» следует рассматривать с точки зрения многоименности самой языковой системы при множестве референтов. *В узком смысле* термин «полиномия» означает результат, когда один референт получает несколько названий, т. е. полиномия объясняется намерением дать новое имя существующему референту.

Источники возникновения полиномии в языке можно разделить на две группы: *внутренние* и *внешние*. Такое деление, с одной стороны, обусловлено самой номинативной системой языка, с другой стороны, нельзя отрицать факта тесных языковых контактов, которые в последнее время стали активно изучаться в контактной лингвистике.

«Сложность и многосторонность явлений, окружающих человека в повседневном обиходе, требуют точных и разнообразных названий всего того, что существенно и необходимо. Вполне понятно стремление к выработке номинативных средств, достаточно верно и полно отражающих релевантные признаки объективных предметов. Эта тяга все называть реализуется разными путями...» (Девкин 1979: 169).

Как мы уже упоминали выше, в работе следует рассмотреть в качестве средств выражения полиномии в языке такие явления как

синонимия, вариантность, дублетность, лексическая параллельность, перифраз, словарная мода, переименование, заимствование, диалектизм и социолектизм.

2. Средства выражения полиномии в языке

2.1. Синонимы

Термин «синонимы» используется для называния близких по значению лексем. В отличие от ономаσιологического подхода, который прежде всего следует применять в исследовании вопросов полиномии, а, значит, и при анализе синонимов, проблемой синонимии традиционно занимаются семасиологи, анализируя сходство и различие семантики синонимов, представленное в синонимических рядах. Например, под общим руководством Ю. Д. Апресяна был составлен *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, во втором издании которого содержится 354 синонимических ряда основной антропоцентрической лексики русского языка. В этом словаре

«последовательно отражаются семантические, референциальные, прагматические, коннотативные, коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, морфологические и просодические сходства и различия между синонимами, а также условия нейтрализации различий» (АПРЕСЯН 2004: 2).

Сравнением синонимии русского и немецкого языков с применением антропоцентрического подхода занималась В. М. Хантакова, по мнению которой, синонимия,

«как одна из важнейших универсальных семантических констант естественного языка, зиждется на диалектическом единстве семантического тождества и различия языковых единиц разной сложности и синтаксической конфигурации (морфем, слов, словосочетаний, предложений, текстов). Соотнесенность с внешней референцией и процессы смыслопорождения с участием синонимов в значительной мере обусловлены личностной пристрастностью говорящего» (ХАНТАКОВА 2006: 6).

Иными словами, синонимы являются по своей сущности

средствами выражения полиномии в языке, о чем свидетельствует тенденция составлять из них синонимические ряды.

2.2. Варианты

В научной литературе последних лет проблематика исследования языковых вариантов оформилась в теорию вариантности, или теорию лингвистического варьирования, или вариологии — раздела языкознания, изучающего варианты явления в языке (ШЕМЧУК 2013: 36).

Проблема вариантности рассматривалась в работах таких лингвистов как З. М. Богословская (БОГОСЛОВСКАЯ 2007), К. С. Горбачевич (ГОРБАЧЕВИЧ 2009), И. В. Лобанова (ЛОБАНОВА 2010) и др. На сегодняшний день наиболее полно вопросы вариантности в современном немецком языке разработаны в диссертации А. Н. Руссу. Ученый предлагает рассматривать в немецком обиходном языке фонетическую вариантность, словообразовательную вариантность и грамматическую вариантность (РУССУ 2015).

Нас, прежде всего, интересуют словообразовательные варианты, которыми могут обладать в немецком разговорном языке существительные, прилагательные и наречия. Здесь следует выделить количественные колебания: *Lauskälte / Lausekälte, kotzgrob / kotzengrob* и качественные колебания: *Hundskerl / Hundekerl*. К словообразовательному типу варьирования, вызванному конкуренцией полносложных и неполносложных соединений, относятся также некоторые случаи вариантности определяющей основы сложного слова между единственным и множественным числом при условии сохранения тождества слова: *Lauseforke / Läuseforke, Kramladen / Krämerladen* (ibid.: 16).

Если рассматривать вариантность в системе английского языка, то следует упомянуть работу З. Г. Прошиной и С. Л. Нельсон *Варианты английского языка и расширяющийся круг Качфу* (ПРОШИНА, НЕЛЬСОН 2020: 523-550), а также целый цикл работ З. Г. Прошиной по вариологии на материале английского языка.

2.3. Параллели

Для выражения тождественных отношений (см. подробнее о

сущности лингвистической категории тождества в работе Л. К. Свиридовой [СВИРИДОВА 2019]) между языковыми единицами в лингвистике применяется термин «параллелизм». Параллелизм проявляется в существовании, по меньшей мере, двух подобных единиц. Такие единицы связаны между собой отношениями абсолютной эквивалентности.

В последней работе Ю. М. Шемчук и А. И. Раевич были рассмотрены особенности металингвистических параллелей в научном, академическом и бытовом дискурсах. Исследование было выполнено на материале немецкого, английского и русского языков. В статье были рассмотрены такие металингвистические параллели, как *die Sprachwissenschaft* и *die Linguistik*, *die Lautlehre* и *die Phonetik*, *das Präfix* и *die Vorsilbe*, *das Lexikon*, *das Nachschlagewerk* и *das Wörterbuch*, *die Präposition*, *das Verhältniswort* и *das Vorwort*, *die Wortart*, *die Wortklasse*, *der Sprachteil* (устаревшая лексема) и *der Redeteil* (устаревшая лексема) и др.

«В результате анализа металингвистических параллелей было установлено, что большинство лексем имеет дискурсивные особенности употребления в зависимости от контекста, которые необходимо учитывать при выборе наиболее подходящего термина между несколькими металингвистическими параллелями» (ШЕМЧУК, РАЕВИЧ 2020: 69).

Таким образом, к выбору одной лексемы из нескольких параллелей следует подходить с учетом контекста дискурса.

2.4. Перифразы

Перифраз возникает как образная вторичная номинация, которая описывает предмет или явление действительности. Структурно перифраз может быть представлен как сложной синтаксической конструкцией, так и отдельным словом. Русскоязычные иллюстрации к вышесказанному можно найти в *Словаре перифраз русского языка* (НОВИКОВ 2004).

Перифрастические конструкции любого языка по-своему уникальны. Они находятся на стыке лингвистики и культуры, поскольку демонстрируют особенности жизни людей той или иной

страны. Зачастую один и тот же город по-разному воспринимается окружающими. Огромную роль играют географическое положение, политическая обстановка, исторические события и культурные ценности, связанные с определенным топонимом, в связи с чем у носителей языка появляются ассоциации, в результате которых город получает второе наименование (ПЕРЕДРЕЕВА 2018: 24).

Некоторые примеры перифрастических номинаций немецких городов: *Bayerisches Venedig* (Passau), *die Hauptstadt des Karnevals* (Köln), *die Perle an der Weser* (Bremen), *Saale-Athen* (Halle und Jena), *Spree-Athen* (Berlin).

2.5. Модные слова

Модные слова возникают, на наш взгляд, по той же самой причине, по которой появляется модная одежда. И не случайно, известная книга В. Шнайдера *Wörter machen Leute* (SCHNEIDER 2000) носит такое название, ведь оно является своеобразным каламбуром на основе немецкой поговорки *Kleider machen Leute*. Видимо, автор хотел сказать названием книги, что человек, как языковая личность, выбирает не слова, а символы повышения своего статуса.

В исследовании О. И. Титковой, посвященном модному слову в немецком языке, предлагаются следующие его характеристики:

- обозначение уже имеющегося денотата;
- широкое значение (у единиц, характеризующихся экспрессивностью и оценочностью);
- высокая частотность употребления;
- коммуникативная функция «социального сигнала» (в широком значении);
- временный характер популярности (ТИТКОВА 1994).

Популярными словами в немецкоязычном лексиконе являются, например, такие заимствованные из английского языка лексемы как *Look*, *New Look Nightclub*, *Nightlife*.

Примечательно, что русскоязычный *Словарь модных слов* В. Новикова пережил с 2004 г. множество переизданий в разных издательствах, и на сегодняшний день его последней версией

считается публикация 2019 г. с измененным названием *Словарь модных слов. Языковая картина современности* (НОВИКОВ 2019), что свидетельствует о востребованности книги у читателей.

2.6. Переименования

Переименование, понимаемое как замена одного имени другим, следует рассматривать в качестве одного из видов номинации. При этом, целесообразно отметить, что одномоментное переименование, т. е. появление в результате нормативно-правовых актов новых топонимов или антропонимов, является самым наглядным примером данного языкового явления. В Российской действительности примерами таких переименований могут стать названия городов *Калининград*, *Санкт-Петербург* и станций Московского метрополитена: *Александровский сад* (бывшая «Калининская»), *Алексеевская* (бывшая «Щербаковская»), *Выхино* (бывшая «Ждановская»), *Китай город* (бывшая «Площадь Ногина»), *Лубянка* (бывшая «Дзержинская»), *Охотный ряд* (бывшая «Проспект Маркса»), *Сухаревская* (бывшая «Колхозная»), *Тверская* (бывшая «Горьковская»), *Царицыно* (бывшая «Ленино»), *Чистые пруды* (бывшая «Кировская»).

В Германии после 1990 г. городу *Karl-Marx-Stadt*, переименованному в 1953 г., вернули прежнее название *Chemnitz*, а городу *Wilhelm-Pieck-Stadt*, переименованному в 1961 г., вернули название *Guben*.

Природа переименований, выраженных именами нарицательными, объясняется тем фактом, что язык сам избавляется от ненужных, копирующих другую лексику единиц. Не всегда это происходит одномоментно, как с именами собственными. Переименования могут какое-то время использоваться с прежними лексемами, конкурируя, сосуществуя.

2.7. Заимствования

Проблема исследования заимствований привлекает своим достаточно понятным характером. Заимствованная лексика выделяется своей чужеродностью на фоне исконной, ее не сложно

обнаружить в языке и описать. Вероятно, не существует лексикологов, которые бы не исследовали заимствованные слова.

О популярности исследований заимствований говорит тот факт, что по состоянию на сентябрь 2020 г. российская научная электронная библиотека eLIBRARY.ru включает уже 878 работ, посвященных заимствованиям только в немецком языке.

2.8. Дублеты

Х. Мунске (MUNSKE 1990) своеобразно описывает появление дублетов в немецком языке. Он считает угнетение немецкого языка более престижными иностранными лексемами особенностью немецкой истории с многочисленными примерами диглоссии по образцам «латинский — немецкий», «французский — немецкий» и т. д. Тем не менее, если дублеты диглоссии «латинский — немецкий» обнаруживают, как правило, гетерогенность стилевого характера (ср., например, *Reminiszenz* — (*Rück*)*erinnerung*, где латинский дублет свойствен научному стилю), то в ситуации появления английского имени у того, что уже было названо, новая лексема стилистически не отличается от прежней (см. подробнее в [ШЕМЧУК 2006]).

Иногда дублетность рассматривается как свойство языка допускать появление копирующих уже существующую лексему слов, например, дублирование одного термина другим. Вероятно, в этом есть некоторая языковая целесообразность, как и в том, что в таком случае термины становятся по отношению друг к другу параллелями.

2.9. Диалектизмы

На проблему существования диалектов обратили в свое время такие ученые как А. И. Домашнев (1983), Н. И. Филичева (1983), Н. Niebaum, J. Macha (2006) и др. Работы А. И. Домашнева *Современный немецкий язык в его национальных вариантах* и Н. И. Филичевой *Диалектология немецкого языка до сих пор являются базовыми для диалектологов.*

Однако сегодня исследования диалектизмов в немецком языке проводятся на стыке диалектологии и других научных

направлений: политической лингвистики, фразеологии, дискур-
сологии, теории текста и т. п.

В одной из последних работ, посвященных исследованию немецкоязычных диалектизмов, например, анализируется зависимость их употребления от особенностей политического и спортивного дискурсов (ПАНТЕЛЕЕВА 2020).

2.10. Социолектизмы

Социолектизмами называют лексемы, которые принадлежат к языку определенной социальной группы и передают его специфику. В современном языкознании можно встретить этот термин применительно к криминальным арготизмам (ЯКОВЧИЦ 2010), а также, например, к профессиональной лексике, которая анализируется с позиции неологии языка государственного управления (ЗАВАРЗИНА 2019).

Однако классическими примерами социолектизмов в немецком языке остаются лексемы, которые передают специфику молодежного социолекта. Следует отметить, что среди молодежных социолектизмов в Германии ежегодно выбирают так называемое «молодежное слово года», которое воспринимается молодым поколением как новое и является наиболее популярным. Так, словами года стали в 2008 г. *Gammelfleischparty* (Ü30 Partys), в 2009 г. *hartzen* 'auf der faulen Haut liegen', в 2010 г. *Niveaulimbo* 'ständiges Absinken des Niveaus', в 2011 г. *Swag* [swæg] 'coole Ausstrahlung', в 2012 г. *Yolo* 'You Only Live Once Sei's drum', в 2013 г. *Babo* 'Anführer, Chef', в 2014 г. *Läuft bei dir* 'alles perfekt' (иногда в ироническом употреблении), в 2015 г. *Smombie* 'Smartphone + Zombie', в 2016 г. *fly sein* 'abgehen', в 2017 г. *i bims* 'ich bin's', в 2018 г. *Ehrenmann/Ehrenfrau* 'Gentleman, Lady, jemand, der etwas Besonderes für dich tut' и в 2019 г. *Cringe* [krɪndʒ] 'zurückschrecken; etwas, was einem peinlich ist, oder das man sich fremdschämt. Das ist Fremdscham erregend'. Как видно из вышеприведенных «молодежных слов года», не все они по структуре односложные, более того, в 2014 и 2017 гг. были выбраны синтаксические конструкции; есть также заимствования из английского языка.

3. Заключение

На основе проведенного анализа полиномии как языкового явления было охарактеризовано само явление полиномии в номинативной системе языка и систематизированы средства ее выражения, к которым можно отнести синонимы, варианты, дублиеты, лексические параллели, перифразы, модные слова, переименования, заимствования, диалектизмы и социолектизмы.

В данной работе в качестве иллюстраций были использованы примеры из немецкого и русского языков.

На наш взгляд, результаты исследования полиномии вносят вклад в общую лингвистическую теорию и способствуют более глубокому пониманию процессов, происходящих в лексической структуре языка. Полученные результаты могут быть использованы для проведения дальнейших исследований на материале различных языков.

© Шемчук Ю. М.

Раздел IV
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

4.1. DER MYTHOS VOM RUSSISCHEN NIL — DIE WOLGA IN DEN REISEBERICHTEN VON RUSSISCHEN UND EUROPÄISCHEN REISENDEN

Alle großen Flüsse halten dem Vergleich mit den Schlagadern der Erde stand. Gemeinsam bilden sie ein energetisches System, das nicht nur physikalisch Kraft, sondern auch symbolisch Impulse verleiht. Seit je her sehen Menschen im Fließen des Wassers ein Werden und Vergehen und damit eine Parallele zum Lebenszyklus.

Urvölker sahen in den mächtigen Wasserströmen ihre nächsten Verwandten, die in schwierigen Situationen helfen, schützen, raten konnten. Den alten Griechen waren ihre Flüsse heilig, galten sie doch als unsterblich (STOCK 2013). Liebe- und kraftvoll sprechen die Menschen heute noch von „Mütterchen“ — „Matuschka“ — Wolga oder „Vater“ Rhein, vom Nil als „Lebensader“.

Zur Vorbereitung auf die virtuelle Wolgareise sollen zunächst Betrachtungen von Sprachwissenschaftlern einfließen. Folgen doch die Reiseberichtersteller einer Gewohnheit im Gebrauch des Genus, der kulturhistorisch bereits auf die Mythenbildung der Wolga einstimmt. Ob Stereotypen großer Ströme eher dem Männlichen oder dem Weiblichen zuzuordnen sind und sich daraus Rückschlüsse auf den Genus eines Flussnamens ableiten lassen, ist wissenschaftlich nicht eindeutig zu belegen. Der Freiburger Onomastiker Prof. Konrad Kunze vertritt die These, dass die Namen der Flüsse aus ganz unterschiedlichen Epochen stammen und die wenigen maskulinen Flussnamen im deutschen Sprachraum deutlich vorgermanischen Ursprungs sind. „Kelten, Römer, Germanen — alle waren sie hier, und je nachdem, wer einem Fluss den Namen gab, dessen Spuren haben sich gehalten“ (KURZE 2010). Die Germanen gaben den Flüssen meist weibliche Namen, die Römer eher männliche.

Die Namensgebung des Rheins lässt sich nicht eindeutig den Römern oder den Kelten zuordnen. Beide verehrten Götter und brachten zumindest die großen Flüsse gern mit Göttern, wie dem Flussgott Rhenus, in Verbindung. Diese Götter waren männlichen Geschlechts (ibid.).

Im Einzugsgebiet der Wolga kamen und gingen seit der Bronzezeit Sumerer und Akkader, iranische und turksprachige Stämme, Griechen, Bulgaren. Sie brachten Juden- und Christentum und den Islam mit. Die Wolga, als der größte Fluss auf dem europäischen Kontinent, entwickelte sich zu einem verbindenden Element zwischen Europa und dem Orient. Eine auf Gottheiten beschränkte maskuline Namensgebung lässt sich somit nicht erklären.

Bruno Strecker, wissenschaftlicher Mitarbeiter am Institut für Deutsche Sprache in Mannheim, stellte in einem Artikel in der Zeitschrift *Sprachreport* klar, dass die Namensgebung deutscher Flüsse nicht auf die Genera ausländischer Flüsse übertragbar sei. Während im Deutschen viele der längsten Flüsse eine feminine Form haben, tragen sie weltweit eher maskuline Namen. Strecker lässt Beispiele folgen: der Amazonas, der Nil, der Mississippi, der Niger, der Amur, der Don, der Sambesi, der Ebro, der Tejo (STRECKER 2015: 33-36).

Die Fahrwasser der Sprachwissenschaft verlassend soll im Folgenden der Sprung in die Historie und das fruchtbare Wasser des Nils gewagt und die Suche nach Vergleichbarem von Mütterchen Wolga und dem „großen Fluss — iteru aa“, wie schon die alten Ägypter ihn nannten, aufgenommen werden. Auch dort traf der griechische Geschichtsschreiber und Geograph Herodot 500 v. Chr. auf Ägypter Libyer und Hellenen. In seinen Reiseaufzeichnungen befasst er sich auch mit dem der ägyptischen Religion eigenen Dualismus. So verwundert es nicht, dass mit dem Nil gleich zwei Götter verehrt wurden:

„Osiris, ursprünglich ein Vegetationsgott mit der Vorstellung, einen Samen zu beerdigen (säen) woraus neues Leben erwächst (Wiedergeburt) und Hapi als Erscheinung der Nilflut, die dem Land die Fruchtbarkeit verleiht“ (BEINLICH 1979: 11-14).

Seit rund 30 Millionen Jahren fließt das Wasser des alten Nils, wie das Forscherteam um Claudio Faccenna (2109) von der Universität Roma Tre in Rom anhand von Gesteinsanalysen und einer Modellsimulation offenlegen konnte. Vor mehr als 3000 Jahren gelang es den alten Ägyptern, durch technisch ausgeklügelte Be- und Entwässerungsanlagen die natürlich begrenzte Wasserversorgung auszugleichen.

Die Ägyptologen Isis Fouad und Barbara Ibrahim weisen im Zusammenhang mit der Bedeutung der Schifffahrt auf dem Nil darauf hin, dass die Ägypter das Rad, welches mit den Hyksos in die Gegend kam, ignorierten, dem Esel als Transportmittel kaum Beachtung schenkten, weil die Fortbewegung per Schiff auf dem größten Fluss Afrikas einfach die schnellste war (FOUAD, IBRAHIM 2009).

Mögen die Forscher ihre Fragen weiter stellen, verbindet doch der Volksmund unbeirrt Flüsse mit sagemumwobenen Gestalten, wie Nixen / Sirenen / Undinen, die Helden verführen und verlocken. Das Wasser birgt eine geheimnisvolle Unterwelt mit mächtigen Zauberern und Dämonen. In der Zeit der Romantik dichtete oder wiederbelebte man Sagen, die den nationalen Charakter des Volkes durch den Fluss unterstrichen: der Rhein ist rein, am Felsen sitzt die Loreley mit goldenem Haar, nur der für die deutsche Sprache typische Diphthong „ei“ hilft beim Schöpfen der nationalen Identität. Währenddessen ist die Wolga tief mit dem gegen den Zaren rebellierenden Donkosaken Stenka Rasin verbunden, der die persische Prinzessin ins Wasser der Wolga wirft, um seine Standhaftigkeit und Männlichkeit zu beweisen. Überliefert sind seine Worte

„Ach du, Mütterchen Wolga, großer Fluss. Viel hast du mir gegeben, Gold und Silber, alles Gute; wie ein Vater und eine Mutter mit Ruhm und Ehre beschenkt; und ich habe dir bisher mit nichts gedankt“ (MISAL 1993: 373).

Mit dem Beginn der Volksaufstände im 17. Jahrhundert wird die östliche Wolga zum Zufluchtsort Verfolgter und später auch vieler Leibeigener. Der Mythos der Kosaken als Kämpfer für die Freiheit war geboren (HAUSMANN 2009).

Flüsse führen ein doppeltes Leben — ein geologisches und ein kulturelles — ganz in Anlehnung an den ägyptischen Dualismus. Das war und ist immer das große Thema der Dichter und Denker aller Epochen. In der russischen Kultur war im Begreifen des Nationalen besonders die Epoche des Silbernen Zeitalters, die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert, sehr wichtig. Besonders die Philosophen jener

Zeit (Wladimir Solowjew, Dmitrij Merezhkowskij, Iwan Iljin) formulierten die Hauptkonzepte der russischen Kultur und brachten sie den westlichen Lesern nahe. Unter anderen waren in der Hinsicht die Schriften Wassilij Rosanows, dem literarischen Wegbereiter der russischen Moderne, von besonderer Bedeutung. Er entwirft 1907 eine Metapher, wie sie treffender kaum sein kann: „Alles an der Wolga scheint sich nicht zu bewegen; es eilt nicht, es atmet nur, einen gleichmäßigen, guten, jahrhundertealten Atem“ (ROSANOW 1992).

In seinem bekannten Artikel *Der russische Nil* setzt er sich mit der Interpretation des Wolga-Bildes auseinander. In diesem Text geht es um die physische, geografische und tiefe mythologische Bedeutung der Flüsse, um die Kultur und Wirtschaftsleben entstehen (der Nil in der Archaik, die Wolga in der neuen Zeit). Dabei gelangt man unweigerlich zur tiefsten Assoziation von Wolga-Nil-Russland-Ägypten-Asien. Rosanow verleiht der Wolga die zauberhafte Funktion der Furcht. Ihr weiblicher Name lässt die Wolga als Gottesgabe und Nahrungsspenderin erscheinen (ROSANOW 1907).

Was führt Rosanow mit seinem Vergleich nach Ägypten? Erstens, ist das Thema Ägypten in Rosanows Werken das zentrale. Zu nennen sind seine Arbeiten *Das wiedergeborene Ägypten*, *Über ägyptische Obeliskten*, *Ägypten — das goldene Vließ*, *Aus östlichen Motiven*. Er entwickelt die Konzeption, dass die mit Ägypten verbundene Urenergie weiterwandelt und unauslöschlich bleibt. Sie sei mit naiven, heidnischen Kräften jeder neuen großen Kultur im Kontakt — in unserem Falle der russischen. Er mochte den Anblick von Ägypten, dem damaligen, farbenprächtigen, köstlichen, das ihn so stark an die Wolga erinnerte. Sie bedeutet für Rosanow Kindheit, der Nil aber — Blütezeit. Also ist die Wolga nur potenziell der Nil. Der Nil verheißt Zukunft (ibid.).

Obwohl die Idee von Rosanow heute stark in der russischen Philosophie verwurzelt, ist ihre biografische Prägung unverkennbar. Er denkt an die Wolga im Zusammenhang mit der eigenen Kindheit in Kostroma, nennt diese Periode der Hoffnungen „mein erstes Jahrhundert“, verknüpft sein zweites, die Jugendperiode, voll von Leidenschaften und Sorgen, mit Simbirsk.

„Anderes Wetter — anderes Leben! Es regnet. Was soll das für das

ganze Universum? Doch das ist mein kleiner Kosmos. Wenn es regnet, sitze ich zu Hause, wenn nicht, laufe ich zur Wolga mit den anderen Kindern...“ (ROSANOW 1992).

Linien, Landschaften und Ortsnamen spielen beim Konstruieren des nationalen und biographischen Mythos eine besondere Rolle und wurden zum Gegenstand zahlreicher Studien bedeutender Wissenschaftler. Dabei geht es immer um das kollektive, fassbare Gedächtnis von mehreren Generationen. Der russische Philosoph Valery Podoroga, bekannt für seine Mimesis, bildet folgende Argumentationslinie: der Ort als Landschaft ist ein Ereignis, und das Ereignis erschafft einen Gedanken, der Gedanke wiederum weist auf das Undenkbare, auf einen Ort hin (PODOROGA 1993: 233).

Die Idee einer Verbindung zwischen der Landschaft sowie der Denk-, Schreib- und Erzählweise ist weithin akzeptiert und von den Nachfolgern Martin Heideggers intensiv diskutiert. Diesen Zusammenhang veranschaulicht die Idee aus seinem bekannten Werk *Einführung in die Metaphysik*. Das Räumen erbringe das Freie, das Offene für das Siedeln und Wohnen des Menschen.

„Räumen ist, in sein Eigenes gedacht, Freigabe von Orten, an denen die Schicksale der wohnenden Menschen sich ins Heile einer Heimat oder ins Unheile der Heimatlosigkeit oder gar in Gleichgültigkeit gegenüber beiden kehren“ (HEIDEGGER 1941).

Und schon gebührt Heideggers Interesse dem Ort, den er rhetorisch abhandelt: Was ist ein Ort? Ein Gebiet von bestimmten „Dingen“. Durch Dinge versammeln sich an einem Ort Himmel und Erde, die Göttlichen und die Sterblichen. Und an solch einem Ort ist das eigentliche Leben möglich. Als Ort kann man auch eine Meeresküste oder die beiden Ufer eines Flusses, die ihn zwingen und begrenzen, definieren (ibid.).

Die Wolga gehört zu den bedeutendsten Ortsnamen der russischen Kultur. Nicht nur, weil sich um sie das Leben im Laufe von tausenden Jahren entwickelt und rankt, sondern, weil sie die gesamte Weisheit der an ihr liegenden Ortschaften in sich aufgenommen hat.

Diese kommt in ganz verschiedenen Texten, Sagen, Liedern, Kunstwerken zum Ausdruck. Eine der wichtigsten Quellen dabei bleibt die Reiseliteratur sowohl russischer als auch ausländischer Autoren.

Die Frage „Was ein Ort ist“ steht auch im Fokus von Wissenschaftlern, die sich mit sozio- und naturbezogenen Phänomenen, aquatischer Mythologie und deren Ausdruck in der Kultur sowie dem Begriff „Reise“ beschäftigen. Beispielhaft kann eine Forschungsgruppe aus Twer, der die Autoren des Buches *Russische Kultur im Spiegel der Reisen*, Miljugina und Stroganow, angehören, genannt werden (МИЛЮГИНА, СТРОГАНОВ 2013). Beide Autoren erweitern die Flussthematik um die des russischen Sumpfes zwischen Natur und Kultur ebenso wie das der Badekurorte in der russischen Kultur (МИЛЮГИНА 2004; МИЛЮГИНА 2012).

Ihrer Meinung nach kennzeichnet die Intensivität der Bewegung eine Reise. Dabei bleiben Informationen stets unvollständig, partiell und subjektiv. So setzt der Reisende nach seinem Wunsch und Willen Puzzles des wahrgenommenen Raums zusammen. Der reale Raum kollidiert dabei mit einem imaginären (ЯМПОЛЬСКИЙ 2000). Auf diese Weise entstünden Narrative von Reiseberichten, bemerkt der bekannte russische Soziologe Dmitrij Samjatin (ЗАМЯТИН 1999; ЗАМЯТИН 2000). Er betrachtet die Reise als eine Art der „sozialen Praxis“, die geografische Metaphern zu erschaffen hilft. Modelliert wird wie folgt: Jeder Reisende hat ein VOR-Bild, unter dem Einfluss autoritärer Quellen und bekannter Tatsachen, präsent. Dann wird das Ziel der Reise bestimmt. Zwangsläufig kommt es zum Konflikt zwischen Erwartungen und erlebten Bildern. Am Ende entsteht ein neues Konstrukt, das in den kulturellen Raum gesendet und weiterhin rezipiert wird. Durch die Verbindung von geografischen, wirtschaftlichen, statistischen Informationen mit den Dimensionen der menschlichen Existenz, Psyche und Physis, entsteht die komplexe Morphologie des Bildes. Diese Morphologie ändert sich von Epoche zu Epoche. Jeder Reisende und über die Reise Schreibende schafft eine eigene Welt. Das Identische kann absolut unterschiedlich beschrieben werden.

Unser Ziel ist aber nicht, alle Arten der Reiseberichte zu untersuchen, sondern zu extrahieren, wie das Bild der Wolga mythologisiert

wird und wie diese Mythologisierung mit nationalen Konzepten korreliert.

Traditionell lassen sich Reisetexte in vier Gruppen in Bezug auf den Zweck der Reise unterscheiden. Obwohl es oft unmöglich ist, Grenzen zwischen diesen Gruppen zu ziehen, beeinflussen doch immer die Hauptintentionen den Ton der schöpferischen Aussage:

- Forschungsreisen;
- Unterhaltungsreisen;
- Repräsentationsreisen, z. B. von Adligen und Vertretern der Zarenfamilien — man zeigte sich dem Volk und lernte es kennen;
- Poetisch-philosophische Reisen. Diese Tradition beginnt mit den *Briefen des russischen Reisenden* (1789-1790) von Nikolaj Karamzin und *Reisen von Sankt-Petersburg nach Moskau* (1790) von Alexander Raditschew.

Die drei ersten außer Acht lassend, soll nun der Fokus auf den vierten Typus gelenkt werden.

Mit der rasanten Entwicklung des Schiffsverkehrs im 19. Jahrhundert, erschienen erste thematische Aufzeichnungen zahlreicher Schriftsteller, wie Iwan Gontscharow und sein *Essay Reise durch die Wolga* (1873-1874) oder Alexander Ostrowskij und seine Tragödie *Schlechte Partie* («Бесприданница»). In letzterer ist zu lesen, das Wolgawasser sei ein ganz besonderer Saft (1878).

Eins der wichtigsten und häufigsten Motive in Texten über eine Wolgareise ist das der Wolga-Landschaften. Besonders die Beschreibungen von Sachar Prilepin sind erwähnenswert, spricht er doch vom Wolgaabhang und davon, welche Perspektive sich dem Menschen durch diese Einzigartigkeit des Reliefs eröffnet:

„In Nishni Nowgorod gibt es zwei Besonderheiten, welche die Landschaft prägen: das Hochwasser und das Profil des Ufers. Der Flussverlauf teilt einerseits die Stadt horizontal, eröffnet andererseits Weite und löst jene durch Ufer begrenzte Geschlossenheit auf, erzeugt Lust auf Abenteuer, Reisen, lange Fahrten und entlockt der Phantasie unbekanntes Gespenstergestalten. So war es auch zu Zeiten der Nishegoroder Messe... Und Hügel und Berge füllen die dritte Dimension“ (ПРИЛЕПИН 2013).

Das Bild des Abgrundes zeichnet auch Ivan Gontscharow in seinem berühmten Roman *Die Schlucht*. Sie wird zu dessen Hauptsymbol und Sinnbild der tragischen Ereignisse und Schicksale der Protagonisten der dargestellten Generationen (ГОНЧАРОВ 2017). Die Hauptfigur des Romans ähnelt dem Erzähler aus dem Essay von Gontscharow *Wolgareise* — skeptisch, von Langerweile ergriffen und verloren, so wie viele russische Menschen jener Zeit.

Beginnt man über Wege der Mythologisierung des russischen Charakters am Beispiel der Reiseliteratur zu reflektieren, sollte auch der wichtigste nichtrussische Schriftsteller Astolphe Louis Léonor, Marquis de Custine (1790-1857) und sein Reisebericht *La Russie en 1839* zu Wort kommen. Das Werk zählt heute zu den wichtigsten Büchern, die jemals über Russland geschrieben worden sind. Als glühender Verfechter der Monarchie entsprangen seine Reiseabsichten nach Russland einer Suche nach Argumenten zur Bestätigung der Monarchie als der besten Herrschaftsform im Vergleich zur modernen Demokratie in Amerika. Diese Absicht erfüllte sich nicht. Seine sozial- und wirtschaftskritischen Beobachtungen riefen in England, Deutschland und Frankreich große Zustimmung hervor, in Russland, verständlicherweise, Ablehnung. Zeichnet er doch ein Bild russischer Menschen, sowohl der Behörden, als auch der Bevölkerung, die ihm während seiner gesamten Reise misstrauisch, vorsichtig und geheimniskrämerisch vorkamen.

Sehr anschaulich ist das Kapitel, wo es um den Weg von Jaroslawl nach Nishni Nowgorod geht. Die Landschaft gleicht einer breiten Allee, unendlich lang und immer gleich grün, an den Seiten zweigen kleinere, schlechtere, mit Gras bewachsene Landstraßen ab, umgeben mit Sümpfen in denen mehrere Gefahren lauern¹:

¹ «...Дорога из Ярославля в Нижний на большом протяжении похожа на широкую, прямую парковую аллею. С обеих сторон идут другие аллеи поуже, покрытые зеленым ковром и обсаженные срезями. Дорога эта отличается мягкостью, потому что путешественник почти все время едет по траве, если не считать болотистых участков, которые приходится пересекать по зыбким бревенчатым мосткам. Последние таят в себе немало опасностей и для коляски, и для лошадей» (КЮСТИН).

Der Reisende ruft aus:

„Was für ein Land! Unendlich, flach wie ein Handteller, ohne Farben, ohne Konturen, ewige Sümpfe... Vorn sieht man nur niedrigwachsende Heide und am Straßenrand — Dörfer mit grauen Erdhütten und alle dreißig bis fünfzig Meilen ausgestorbene, menschenverlassene Städte... mit den Straßen wie in Kasernen, als wären sie nur für Manöverzwecke gebaut worden. Zum hundertsten Mal schildere ich Ihnen Russland so, wie es ist“ (Übersetzung von S. A.)².

Und weiter beschreibt Astolphe Custine eine Begegnung mit einem Zug von Gefangenen:

„Was für eine Truppe ist das? Das sind Kosaken, die Verbannte nach Sibirien begleiten. Ist es kein Mythos, keine erfundene Zeitungsgeschichte? Ich war wie vor den Kopf geschlagen! Sibirien!“³.

Zurückkehrend zum Fokus des gewählten Themas, so erweist sich die Beschreibung des Flusses als spannend:

„Dieses Land ohne prachtvolle Landschaften durchfließen die Flüsse

² «Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина, без красок, без очертаний; вечные болота, на горизонте — низкорослые жалкие рощи и вдоль дороги — серые, точно вросшие в землю лачуги деревень и каждые тридцать — пятьдесят миль — мертвые, как будто покинутые жителями города, тоже придавленные к земле, тоже серые и унылые, где улицы похожи на казармы, выстроенные только для маневров. Вот вам, в сотый раз, Россия, какова она есть» (КЮСТИН).

³ «Вчера перед тем, как потерпеть очередную аварию, мы неслись карьером по малолюдному тракту.

Какая прекрасная дорога, обратился я к моему фельдъегерю. «Ничего нет удивительного, — заметил тот, — ведь это большая сибирская дорога».

Вдруг, взглядевшись вперед, я заметил вдалеке, на одной из боковых аллей дороги, кучку вооруженных людей, сделавших привал под деревьями.

— Что это за отряд? — спросил я фельдъегеря.

— Это казаки, конвоирующие сосланных в Сибирь преступников, — был ответ.

Значит, это не миф, не газетная выдумка!» (КЮСТИН).

— riesige, aber ohne jegliches Kolorit. Sie bewegen ihr bleischimmern-
des Gewässer zwischen Sandufern... Von diesen Flüssen rührt eine
Langeweile und Sehnsucht, so, wie sich der endlose Himmel im
schwarzen Wasser widerspiegelt. Die nördliche Sonne und das Klima
legen auf alles den Schatten eines Grabes. Schon in ein paar Wochen
durchdringen den bedauernswerten Reisenden Furcht und Zittern. Er
fühlte sich bestimmt lebendiger, wäre er unter die Erde geschaufelt,
und er versuchte, sich aus dem Leichentuch auszuwickeln, fortzulau-
fen, ohne einen Blick zurück geworfen zu haben. Weg von diesem
Friedhof, dem endlosen. So niedergedrückt fuhr ich diesen Weg nach
Sibirien weiter!“⁴

Auf diese Weise entsteht ein manifestes Vorurteil von totaler und
unausweichlicher Unfreiheit der Russen: Russland sei ein Gefängnis,
die Wolga sei voll von Treidlern. Alle Wege führten nach Sibirien! Das
Bild von Ilja Repin „Die Wolgatreidler“ (1873) tut sein Übriges.

Die Analyse des von Custine verfassten Reiseberichtes wäre
ohne die Schilderung seiner Eindrücke nach der Ankunft in Nishni
Nowgorod unvollständig. Einzigartig in Umfang und Tiefe sind seine
Beschreibungen der Stadt und der Messe am Zusammenfluss von
Wolga und Oka. Begeistert von der geografischen Lage schreibt er:
Die Stadt sei „die schönste, die ich in Russland gesehen habe“ und „ein
Ort zum Malen“ (CUSTINE 1985: 361). Sachlich umreißt er das Zusam-
menspiel von Messegelände und Wasser. Die Flüsse begrenzten den

⁴ «По этой стране без пейзажей текут реки огромные, но лишённые
намека на колорит. Они катят свои свинцовые воды в песчаных берегах,
поросших мшистым перелеском, и почти не приметны, хотя берега не
выше гати. От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их
тусклой глади. Зима и смерть, чудится вам, бессменно царят над этой
страной. Северное солнце и климат придают могильный оттенок всему
окружающему. Спустя несколько недель ужас закрадывается в сердце
путешественника. Уж не похоронен ли он заживо, мерещится ему, и он
хочет разорвать окутавший его саван, бежать без оглядки из этого
сплошного кладбища, которому не видно ни конца, ни края.

Подавленный такими невеселыми думами, ехал я по большой си-
бирской дороге» (КЮСТИН).

Platz auf natürliche Weise und stünden einer Ausdehnung entgegen. Außerdem begleite die latente Gefahr einer Überschwemmung das Messetreiben, da das gesamte Areal nur geringfügig über dem Wasserspiegel läge. Das Abwassersystem der Messe erklärt Custine zur bedeutendsten architektonischen Errungenschaft, die ihm während seiner Reise durch Russland begegnet sei. Die riesigen Wassermengen aus Wolga und Oka durchspülten das System und garantierten so Hygiene und Sauberkeit auf dem Messegelände. Auch menschlich erlebt er eine Überraschung: Der Gouverneur von Nishni Nowgorod, Buturlin, erwies sich nicht nur als sehr gastfreundlich, sondern „für einen Russen sogar mittheilend“ (ibid.: 364).

Die Reihe poetisch-philosophischer Reiselektüre mit politischer Tragweite ließe sich von Custine über Balzac bis hin zu Leon Feuchtwanger, Andre Gide oder Bertold Brecht fortsetzen.

Ein Beispiel, wie gleiche Themen aus ganz unterschiedlicher Perspektive gesehen werden können, soll über das bekannte Wolga-Essay des ersten Vertreters der russischen Regenbogenpresse, Vladimir Giljarowskij, verdeutlicht werden. Giljarowskij thematisiert die Unfreiheit und Not in Russland und verankert sie im tiefen Fluss:

„Wir übernachteten auf dem bloßen Sand und zogen morgens weiter das Schiff aufwärts durch Mütterchen Wolga. Ich war an die Stelle des Treidlers getreten, der gestern abend bei Jaroslawl hingefallen, sekundenschnell gestorben war und dort sofort im Sand begraben wurde. Fast ein Viertel der Treidler starben in diesem Cholerajahr 1871... Aber immer klingt mir in den Ohren das schöne Lied über den Pudel unseres Anführers, das ich später nie wieder gehört hatte...“ (ГИЛЯРОВСКИЙ 1934)⁵.

⁵ «Ночевали мы на сыром песке, а назарее я в новых лаптях впрягся в лямку и зашагал в ватаге вверх по матушке по Волге. Взяли меня на место бурлака, который вчера уже под самым Ярославлем упал в лямке и тут же умер, на берегу, и тут же его зарыли в песок в густых тальниках. Чуть не четверть ватаги за путину переумирало. Холерища семьдесят первого года на Волге была жестокая. И порка розгами... А

Diese Episode über die Treidler entstammt dem Kapitel „Unter der lüsternen Ziege“ in Anspielung auf das Stadtwappen von Nishni Nowgorod, wo der Hirsch einer Ziege ähnelt. Von Bedeutung ist hierbei der Begriff „lüstern“. Er impliziert, wie Kaufleute während der Messe feiern, wie sie das ganze Geld verprassen, um sich mit Schauspielerinnen auf einer teuren Reise zu vergnügen. Die Schiffe fahren dabei um die Wette. Einer der Helden bezahlt am Ende die Wettfahrt mit seinem Leben. Das Schiff ist überheizt, es explodiert, es konnte so schnell nicht fahren.

Als Übergang zu einem weiteren Mythos dient ein Zitat von Cusine, welches ebenso wie bei Giljarowskij dem Gesang der Wolgatreidler gewidmet ist:

„Die traurigen Töne des russischen Liedes beeindrucken alle Ausländer. Die Melodie ist nicht nur schwermütig, sie ist auch melodisch und kompliziert im hohen Grade... Wenn sie von mehreren Stimmen gesungen wird, nimmt das Lied fast einen religiösen Charakter an“ (ГИЛЯРОВСКИЙ 1934).⁶

Das Zitat berührt den zweiten Mythos über Russland: das heilige und unheilige. Ohne Religiosität lässt sich Russland nicht annähernd beschreiben, weder das russische Leben noch die russischen Landschaften. Die Frage ist jedoch, ob die Darstellung als etwas Helles oder, wie so oft, als etwas Zerstörendes erfolgt. Russland trägt zwei Seelen in der Brust — „die asiatische, östliche und die europäische, westliche“ (ГОРЬКИЙ 1949). Aufschlussreich erweist sich an dieser Stelle die Trilogie von Maxim Gorkij *Kindheit, Unter den Menschen und Meine Universitäten* in der Interpretation von Merezhkowskij unter der Überschrift *Das unheilige Russland. Religion von Gorkij: Pro und Contra*. Die Ideologie und Figuren Gorkijs sieht er dabei mit der Ideologie

в ушах звенит голос нашего запевалы бурлацкого, его песня о пуделе, которой я после никогда не слышал» (ГИЛЯРОВСКИЙ 1934).

⁶ «Печальные тона русской песни поражают всех иностранцев. Но она не только уныла — она вместе с тем и мелодична и сложна в высшей степени то в хоровом исполнении приобретает возвышенный, почти религиозный характер» (ГИЛЯРОВСКИЙ 1934).

der damaligen russischen Gesellschaft verknüpft, mit der Mehrheit der Bevölkerung, und das sind die einfachen Wolgabewohner.

Im autobiographischen Werk beschreibt Gorkij seine enge Verbindung mit der Wolga und ihrer Energie im Guten wie im Bösen. Das Gute projizierte er auf die Gestalt der Großmutter, das Böse — auf die des Großvaters.

Epigraph:

„Einmal hat der Großvater Aleschka bis zur Bewusstlosigkeit ausgepeitscht. Seit diesem Moment — erinnert sich Gorkij — fühlte ich mich als hätte ich keine Haut mehr am Herzen und wurde total sensibel gegenüber jedem Schmerz. Sowohl gegenüber dem eigenem als auch dem der anderen. Dasselbe hautlose Herz schlägt bis jetzt in meinem Körper“ (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1916)⁷.

Am Beispiel von Gorkijs Werk spricht Merezhkowskij von den zwei Seelen Russlands und auch von den zwei Göttern. Großmutter's Gott ist ein „lieber Freund für alles Lebende“, des Großvaters Gott ist ein grausamer und hässlicher, wie er selbst. „Früher war der Opa gutherzig, aber als es ihm in den Sinn kam, in der ganzen Welt der klügste zu sein, da wurde er dumm und böse“ (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1916)⁸.

Die Großmutter bildet das Zentrum. Ihr faltiges Gesicht ist lebendig, realistisch, ihr Antlitz zugleich symbolisch und volkstümlich, geheimnisumwoben, mit der Erde, diesen Wolgaufern verbunden⁹.

Als Beweis für diesen Gedanken zitiert Merezhkowskij Gorkij:

⁷ «Однажды дедушка засек Алешу до потери сознания. “С тех дней, — вспоминает Горький, — точно мне содрали кожу с сердца, — оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде, своей и чужой”. Вот это сердце с содранною кожей все еще бьется в Горьком» (ГОРЬКИЙ 1949).

⁸ «Он ведь раньше-то больно хорошим был, да как выдумал, что нет его умнее, с той поры и озлился и глупым стал» (ГОРЬКИЙ 1949).

⁹ «Бабушка вся, до последней морщинки, лицо живое, реальное; но это не только реальное лицо, а также символ. Бабушка — сама Россия в ее глубочайшей народной религиозной сущности. Отречься от Бабушки, значит, отречься от самой России. Любовь к земле, тайна земли и соединила его с Бабушкой, с ее народной сущностью, ибо тайна народа — тайна земли» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1916).

“Glaub diesem dummen Weibe nicht. Seit ihrer Jugendzeit war sie dumm, verrückt und konnte nicht lesen. Keine Heilige, sondern eine verdammte Sünderin. Was mag sie — tanzen, singen, Tabak schnupfen, Wein trinken. Betrunken ist sie noch besser.

Mein Gott! Wie gut alles ist, — murmelt sie betrunken, als ob sie betete. Sie betet nicht richtig. Ich habe es ihr mehrmals beigebracht, Dummkopf, macht sie es doch auf ihre heidische Weise, Ketzerin, Tschuwashin...“ (...)¹⁰.

Merezhkowskij bildet ein Modell dieser Synthese und nennt es „Heilig im Unheil“: Der Gute, der Schwache, der Gutherzige wird geschlagen und alle empfinden dabei Mitleid und sind tiefst berührt! Der Mythos vom Heiligen Russland ist organisch mit dem Mitgefühl verbunden.

Im Essay von Merezhkowskij über Gorkij tauchen weitere Gedanken auf. Einer betrifft den Stich in die weibliche Brust. Gorkij stach mit einem Messer dem Stiefvater in die Brust. Seit der Zeit ist dieses Messer in ihm. Mythophysisch bedeutet die Kränkung der Mutter die Kränkung Russlands.

Und wenn der Opa die Oma schlägt, schweigt sie duldsam —

„es ist mein Schicksal, zu dulden“, und wir sind berührt. Merezhkowskij fragt sich: „soll ich überhaupt über diese bleiernen Abscheulichkeiten des wilden russischen Lebens sprechen“ — schon, um das Russische zu verstehen...“ (ГОРЬКИЙ 1949).¹¹

¹⁰ «— Ты ей, старой дуре, не верь. Она смолоду глупа, она безграмотна и безумна. Бабушка — не святая, а грешная, “окаянная”. Любит плясать, петь, нюхает табак, пьет вино. И выпивши, становится еще лучше.

— Господи, Господи! Как хорошо все! Нет, вы смотрите, как хорошо-то все! — говорит пьяная, точно молится.

Вообще не умеет молиться, как следует.

— Сколько я тебя, дубовая голова, учил, как надобно молиться, а ты все свое бормочешь, еретица... чуваша проклятая!» (ГОРЬКИЙ 1949).

¹¹ «Когда Дедушка бьет Бабушку смертным боем, и та молчит, терпит — “мне заказано терпеть”, мы умиляемся:

Die alles vergebende Gestalt der Großmutter, das Symbol des Weiblichen, Gebärenden korrespondiert mit Rosanows Vision vom Mütterchen Wolga als Inbegriff der Fruchtbarkeit, einer naiven, unsterblichen Energie.

Wer sind diese Wolgabewohner? Was treibt sie? Was macht sie stark? Eine Mixtur aus Genen, Sprachen und Religionen? Man könnte bestimmt mit diesen Fragen anfangen. Aber bei der gewählten Komposition dieser Abhandlung wird deutlich, wie kontrastiv man sich zum Thema Wolga äußern kann. Mal auf philosophischem Niveau, mal auf der Alltagsebene, ohne wissenschaftliche Hypothesen.

Einige Tatsachen sprechen dafür. An den Ufern der Wolga lebten ursprünglich allerlei Völker, bis zu 30 Minderheiten mit eigenen Sprachen und Traditionen: Mari, Tataren, Tschuwaschen, Udmurten, Ersja und andere. Die Länge des Flusses beträgt 3690 km, er ist damit der größte in Europa. Diese Diversität muss obligatorisch in Betracht gezogen werden. Und hierbei ist die Vorstellung von der Wolga, wie der eines Ganzen, das wiederum aus zahlreichen kleinen Einzelteilen besteht, sehr wichtig. Diese Idee entwickelten Wissenschaftler aus Kasan und Saratow im Rahmen des Projektes „Erforschung von Ortsnamen entlang der Wolga“. Jedes Jahr findet zum Thema „Namen der Gebiete und Ortschaften an der Wolga“ in verschiedenen Städten ein Treffen statt, in Saratow, Kasan, Astrachan usw. Wertet man die Ergebnisse der Forschung aus, ist zu erkennen,

Однажды “господин в новом мундире”, Алешин отчим, бил его больную мать. “Даже сейчас вижу, — вспоминает Горький, — эту подлую, длинную ногу, с ярким кантом вдоль штанины, вижу, как она раскачивается в воздухе и бьет носком в грудь женщины”. Алеша схватил нож и ударил отчима. Вот этот нож все еще в душе у Горького: для него не в переносном смысле, а в точном, кровном, кровавом: обида России — обида матери» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1916).

«Меня дедушка однава бил на первый день Пасхи от обедни до вечера. Побьет — устанет, а отдохнув — опять. И вожжами и всяко. Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью отвечаю — стоит...» (ГОРЬКИЙ 1949).

dass die Onomastik in erster Linie auf der Grundlage der heidnischen Kulturen entstand und nur sehr wenig mit dem Russischen, wie allgemein angenommen, zu tun hat. Der Name „Wolga“ selbst bestätigt diese Annahme.

Auf mariisch heißt die Wolga „Jul“, tatarisch „Idel“, tschuwaschisch „Atan“, kalmückisch „Izhil-jol“, in der Antike hieß sie „Rha“ (Claudius Ptolemäus). Der Name an sich ist iranischer Herkunft. Der altslawische Name „Wl’ga“ geht vermutlich auf „właga“ — Feuchtigkeit — zurück oder das baltische „valkea“ — weiss. Auch „Itil“ ist belegt, wie es im tatarischen erhalten geblieben ist (ТЮНЯЕВ 2012).

Diese bunte Mischung aus Wortherkunft und Bedeutung ist heute noch zu spüren, wenn man eine lange Wolgareise unternimmt und den Blick über die kleinen Dörfer schweifen lässt. Die Beständigkeit der Natur scheint dem Reisenden immer ähnliche Bilder von der Wolga zu malen, wie sie bei Rosanow bereits auftauchen oder in den noch früheren Reiseberichten des Arabers Ibn Fozlan in *Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren* aus dem Jahr 922. Explizit schildert er seine Eindrücke von den Ufern der Wolga, indem er berichtet:

„Die dortigen Bewohner benachrichtigten mich, dass zur Winterszeit die Nächte die Länge der Sommertage und die Tage die Kürze der Sommernächte hätten; so dass (sagten sie), wenn einer von uns alsdann zur Zeit der Morgendämmerung sich an das Ufer des Flusses Itil, der noch keine ganze Parasange von uns entfernt ist, begibt, es Nacht geworden ist und alle Sterne am Himmel aufgegangen sind, ehe er dort anlangt“ (FRAEHN 1832: 47).

Allerdings ist die Perspektive Ibn Fozlans die des Besuchers der quirligen Hauptstadt Itil am Wolgadelta, Anziehungspunkt für byzantinische, waragäische und Wolga-bulgarische Händler. Seit der Mitte des 8. bis zum 10. Jahrhundert war Itil die Hauptstadt des Reiches der Chasaren, einem Turkvolk und die turksprachige Übertragung des Namens Wolga.

Das untere Bild zeigt ein typisches mordowisches Weib aus dem nördlichen Nishegoroder Gebiet. Es mutet sehr arrogant, gar nicht keusch und makellos an. Dieses Weib scheint demonstrativ stark, fast dämonisch zu sein. Ihr Lachen mit offenem Mund ist nahezu aggressiv.

Der Maler, Filipp Maljawin, arbeitet hier faktografisch genau. Er spürt regelrecht den Charakter solcher Frauen. Braut und Bräutigam wurden jung getraut, man heiratete mit 13. In der Ehe konnten Frauen den Gatten schlagen und über ihn regieren. Bei den Wolgavölkern war dieser Status einer starken Frau weit verbreitet. Erwähnt sei an dieser Stelle der Film "Owsjanki" (ALEXEJ FEDORTSCHENKO, 2010), in dem die Traditionen von Merjanien, ein Gebiet um Wladimir und Jaroslawl, im Mittelpunkt stehen. Die Hauptfigur, Miron Aleksejewitsch, Direktor der Papierfabrik, bestattet seine Ehefrau, indem er sie traditionsgemäß am Wolgaufer verbrennt. Filmisch zeigt der Regisseur den Weg des Gatten und des Liebhabers, bei den Merjanien nichts Ungewöhnliches, zum Ort an der Wolga. Dort philosophieren beide über den Sinn des Lebens. Diese lange Reise verkörpert die Vorstellung über den besonderen russischen Weg der Reflexion, die Suche nach dem Sinn, die für den russischen Charakter die wesentliche darstellt. Der ruhige Fluss des Wassers gleicht dabei dem bedächtigen Gang der Gedanken.

Hier schließt sich der Kreis wieder. „Alles an der Wolga scheint sich nicht zu bewegen; es eilt nicht, es atmet nur, einen gleichmäßigen, guten, jahrhundertealten Atem“, wie der Nilgott Hapi seit Jahrmillionen.

Parallelen zwischen Wolga und Nil wurden deutlich: in der Größe, der Religiosität, der Fruchtbarkeit, der Inspiration. Auch wenn sie sich in ihrem Genus unterscheiden, bleibt ein unermesslicher Raum für weitere Untersuchungen in Bezug auf die Geschichte, Traditionen und mythologische Bedeutung der Wolga bestehen und inspiriert nicht nur Forscher, sondern auch Reisende, Mütterchen Wolga zu besuchen.

© Аверкина С. Н.

© Лаххайн Б.

© Разина И. С.

© Сакулина Е. А.

4.2. ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 40-Х — 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Формирование нового образа России — страшного тоталитарного государства СССР и советского народа как серой массы, механической совокупности «винтиков» в его механизме — происходит в Англии постепенно, начиная с эпохи сталинских репрессий. Хотя мотив механизации жизни в связи с осмыслением русской революции и русского коммунизма возникает в английской литературе еще в конце 1920-х гг. (в произведениях Д. Г. Лоуренса [КОРОЛЕВА 2015]), это представление не проникает глубоко в толщу английской культуры и остается плодом авторского осмысления культурно-исторических процессов современности. Следующее десятилетие — 1930-е гг., так называемое «розовое десятилетие» («Pink Decade») — характеризуется распространением в Англии социалистически-коммунистических симпатий в среде как интеллектуальной элиты, так и рабочего класса вплоть до августа 1939 г. когда в газетах появляются сведения о пакте Молотова-Риббентропа.

Явлений, формирующих волну воодушевленного интереса к советской России в Англии 1930-х, великое множество. Характерен, в частности, факт, отмеченный в автобиографии Леонардо Вулфа: когда в 1930 г. «Хогарт Пресс» (издательство четы Вулф) выпустило «отличную, хотя и чересчур радужную» книгу марксиста и апологета русской революции Мориса Добба о России, она стала, наравне с памфлетом Муссолини *The Political and Social Doctrine of Fascism* («Политические и социальные доктрины фашизма»), бестселлером. Вулф справедливо замечает: это было признаком эпохи (WOOLF 1967: 161).

Характерен и другой факт: в книге *Soviet Communism: A New Civilisation?* («Советский коммунизм: новая цивилизация?»), написанной знаменитыми супругами Сиднеем и Беатрисой Вебб по следам их относительно длительного (в течение нескольких меся-

цев) путешествия по Советскому Союзу в 1932 г. и опубликованной в 1935 г.,¹ — книге, по замечанию рецензентов, «поразительной» (ORIE 1936: 131) и «наиважнейшей» в сфере социально-политических исследований своего времени (ROWSE 1936: 502), — подробно разбираются вопросы экономического, социального и политического характера. На основании тщательного сравнения, анализа фактов и их интерпретации авторы приходят к выводу о том, что в СССР под знаменем социальной справедливости рождается новая цивилизация — без социального неравенства и частной собственности, без свободного рынка и капиталистических отношений, без национальной идеи, но с государственным планированием, всеобщим образованием и одинаковыми правами для всех. Эта цивилизация предстает в книге огромным скачком вперед и вверх по сравнению с цивилизацией европейской: в сравнении с «псевдодемократической» Великобританией и националистическими, фашиствующими Италией и Германией. В то же время, эта советская цивилизация рождается как родное детище Европы. Как афористично подметил историк А. Л. Рауз в своей рецензии на книгу Веббов, «похоже, что Россия и Запад движутся в одном направлении и к аналогичному устройству общества» (ibid.: 506)².

С десятилетием 1930-х гг., характеризующимся сильными «симпатиями к СССР со стороны британских интеллектуалов и простых граждан» (ГРОМЫКО 2008: 56), резко контрастирует вторая половина 40-х гг.: в это время в Англии твердые очертания приобретает представление о СССР как угрозе политической, социальной и общечеловеческой. Если в 1930-х «миф о 1917-м получил новый импульс к развитию» на фоне экономической депрессии 1929 года и массовой безработицы, если выступления рабочих и служащих «на улицах Лондона и Нью-Йорка, Парижа и Берлина» в это время проходили под лозунгами создания «более рационального, более человеческого общества» с оглядкой на СССР,

¹ Сидней Вебб приезжал в СССР и в 1934 г.

² Перевод здесь и далее мой. — С. К.

то в 1940-х под влиянием широко распространившейся информации о «показательных судебных процессах, убийстве Троцкого, соглашении между Германией и СССР» и т. п. наступило общее «разочарование» (ТОУНБЕЕ 1967: 19). В массовой литературе оно дало сильнейший импульс обыгрыванию нового сюжета на старый лад: сюжету о захвате Европы объединенной армией Германии и Советского Союза (CROSS 1985: 76).

Если в 1936 г. публицист и известный политический деятель, член коммунистической партии Великобритании (в 1930-х гг.) и представитель лейбористской партии в Парламенте Джон Стрэчи в нашедшей книге *Theory and Practice of Socialism* («Теория и практика социализма») высказывает уверенность в том, что сталинская Россия представляет собой «новый вид демократии» — «бесклассовое общество», первую ступень на пути к истинному коммунизму (МАТТИК 1937), то в 1940 г. под впечатлением от пакта Молотова-Риббентропа он порывает с коммунистической партией, отказывается от своей веры в рождение новой (коммунистической) цивилизации в СССР и переходит на позиции социал-демократов.

Что касается первой половины 1940-х гг., ее следует считать особым периодом в истории англо-русских отношений. Соглашение о военном-политическом союзе СССР и Великобритании, заключенное в мае 1942 г. во время страшных испытаний Второй мировой войны, породило широкий сочувственный интерес к русскому человеку в его новой советской — и антигитлеровской — формации. Ключи к пониманию мировоззрения этого нового советского человека стали искать в советской литературе: на английский язык начали активно переводить романы советских авторов, многие из которых были изданы в особых сериях издательства «Hutchinson» — *Library of Soviet Novels* («Библиотека советских романов») и *International Authors* («Зарубежные авторы»). Собрание коротких рассказов самых разных советских писателей — от Горького до Бабеля, от Зощенко до Гроссмана — было представлено в книге *Soviet Anthology* («Советская антология»), вышедшей

под редакцией Джона Родкера в 1943 г. В аннотации отмечалось, что рассказы объединены целью помочь глубокому пониманию союзников через произведения, в которых видна человечность советского гражданина (RODKER 1943: dust jacket).

Однако с 1945 г., несмотря на освобождение советскими войсками Европы от фашизма (и вследствие этого освобождения и политического доминирования СССР), советское государство начинает все более восприниматься как военно-политическая угроза. Внешняя причина этому — укрепление политической позиции «страны Советов», контроль над Восточной Европой и некоторыми другими странами, который она установила по итогам Второй мировой войны. Уже в 1945 г. Великобритания по указанию премьер-министра У. Черчилля начинает готовиться к войне с СССР. В 1946 г., когда Холодная война разделяет мир на два политических лагеря, Великобритания естественным образом оказывается в лагере США.

У однозначной оценки действий и собственно существования СССР в Англии была причина и внутренняя, социально-ментальная. Во-первых, вся история существования британского мифа о России (помимо слоя, сформированного в начале XX в.) подталкивала к определенному прочтению внешних действий и внутреннего устройства социалистического государства. Во-вторых, произошло естественное разочарование английской интеллектуальной элиты в результатах русской революции: они оказались равно далеки как от социального «рая на земле», так и от установления демократических свобод, подобных английским.

Разочарование наступило не только под воздействием известий из «страны Советов» о массовых репрессиях, расстрелах, коллективизации, пятилетках, госпланах и тому подобном. Сильное впечатление произвела на английское общество книга Роберта Конквеста *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties* («Большой террор», 1968), в которой Сталин и весь государственный строй был изображен в самых мрачных тонах.

Важную роль сыграли и другие факторы: «страх потери

идентичности в связи с распадом империи» в послевоенную эпоху и воздействие нескольких волн русской эмиграции (ХАБИБУЛЛИНА 2014: 172). Действительно, с одной стороны, за период 1945-1965 гг. Великобритания — это величайшее по своей территории и населению из когда-либо существовавших государств — потеряла почти все свои колонии, начиная с Индии (во второй половине 40-х гг.). Процесс окончательного распада империи завершился передачей суверенитета над Гонконгом КНР в 1997 г. (хотя Британии и сейчас принадлежат 14 заморских территорий). В этом контексте тоталитарный коммунистический режим стал рассматриваться как угроза не только политическая, но и национальная, как механизм, угрожающий поглотить все человеческое, человеческое, национальное, особенное.

Русские эмигранты, как свидетели и участники трагических событий, связанных с революцией и революционным террором, ужасами гражданской войны, коллективизации и раскулачивания, культа Сталина и преследования «врагов народа», воспринимались как жертвы новой и дикой государственной системы. Они активно участвовали в создании нового слоя мифа о России с акцентами на бесчеловечности, полновластии государственной машины и безвластии человека и нового представления об имперской России как о «золотом веке» русской истории и о русской революции как об окончательной национальной катастрофе.

В этом новом отношении к имперской России, совсем не однозначно закрепившемся в английской культуре, сказался имагологический механизм отождествления. В данном случае происходило масштабное отождествление духовно-мистического слоя мифа о России с образом имперской России в целом; иначе говоря, духовно-мистический слой, сформировавшийся в начале XX века в британском мифе о России (КОРОЛЕВА 2014: 136-174), был ретроспективно спроецирован на предыдущий образ политического врага и соперника. Параллельно происходило отождествление старого представления об имперской России с новым

— об СССР: образ нового, еще более масштабного врага, покушающегося не только на территории, но и на национальный суверенитет, национальный дух, человечность, явственно наследовал те импульсы демонизации, которые окрасили собой английские образы России в XIX в. (ibid.: 113-135).

Показательно в этом смысле предельно лаконичное и до профанности упрощенное заявление современного английского журналиста и писателя Эндрю Миллера: «Неумеренная жестокость безумных царей и Сталина теперь в прошлом» (MILLER 2010). Так же, как и в конце XIX в., только с еще бóльшим сочувствием и постоянством, в эту эпоху высвечивался по контрасту с образом государства образ русского народа-жертвы, народа-страдальца. Озвучивая черты этого образа, главная героиня философско-исторического романа Пенелопы Лайвли *Moon Tiger* («Лунный тигр», 1987; роман получил Букеровскую премию) Клаудиа Хэмптон, пытаясь уловить и написать «историю мира», нередко обращается мыслями к судьбе русского народа и, обобщая, приходит к выводу, что русские — самый многострадальный народ в мире, что страдания миллионов и миллионов крестьян в царской России, а затем гибель миллионов советских граждан в Мировой войне и в сталинских лагерях как бы отображают страдания ликов, изображенных на русских иконах (LIVELY 2006).

Стереотипизации (с тенденцией к преувеличению) подвергались во время Холодной войны не только представления о страданиях советских граждан, о жертвах внутренних репрессий и жестокости коммунистического режима (в частности, эта стереотипизация вылилась в общее представление о том, что русские никогда не улыбаются, потому что они несчастны), но и представления о промышленно-экономической отсталости СССР. В прессе распространялась информация о том, что советские потребительские товары были неудобны в использовании, что многие поступали в продажу с очевидным браком. Более того, широко бытовало мнение о недоступности для обычного советского гражданина таких обиходных товаров как чайники, кастрюли, утюги

и туплю, не говоря уже об электрических бритвах.³

В 1960 г. британские стереотипы о Советском Союзе и советском образе жизни легли в основу популярной юмористически-сатирической повести о фантазийном путешествии англичанина в СССР *By Rocking Chair across Russia* («В кресле-качалке по России»). Книга о «настоящей России», написанная от лица «очевидца», никогда в стране не бывшего, содержала в себе фантазмагорические описания клея, который ничего не приклеивает, шляп, из-под которых нещадно торчат уши, и баллистических межконтинентальных ракет, сделанных отчасти из жесткого картона (ATKINSON, SEARLE: 1960). Британские юмористы Аткинсон и Серль — авторы юмористических рассказов в «Панче» — конечно, смеялись в книге не только над советским бытом и советской политикой, но и над британскими стереотипами о всем советском.

В период 1930-х — 1940-х гг. художественная литература обретает особую роль в отношениях с британским мифом о России: в художественных произведениях впервые формируются (а не только воспринимаются и видоизменяются) новые представления о русском мире. Именно в литературе начинает оформляться критика сталинского режима, именно здесь социалистический тоталитаризм впервые выводится как фундаментальный, всеобъемлющий объект изображения.

Уже в 1940 г. в свет выходит первый европейский антисоветский (точнее, антисталинский) роман *Darkness at Noon* («Слепящая тьма») Артура Кестлера. Роман о старом большевике Рубашове, проходящем арест, допросы и пытки в сталинских застенках и, в конце концов, признающем свою фиктивную вину в подрыве коммунистического режима, имел огромное воздействие на британского читателя в том, что касается отношения к Сталину, сталинизму и репрессивному строительству коммунизма в СССР второй половины 30-х гг. Он исподволь сближал режимы Гитлера и

³ См. об этом подробнее в работе В. Кларксон *Спутники и буфеты: демонстрация советского образа жизни в Великобритании времен холодной войны, 1961-1979* (CLARKSON 2012).

Сталина. Он задавал две перспективы развития современного человечества через отсылки (в эпиграфах) к Макиавелли (сентенция об оправданности убийств, если это нужно для стабильности власти) и Достоевскому (об искреннем сопереживании другому человеку).

Роман не давал простых ответов на сложные вопросы, но формировал ту парадигму оппозиций, которая затем разрабатывалась и в высокой, и в массовой литературе и создавала, в конечном итоге, стереотипный комплекс «советских смыслов» в британском мифе о России. Через судьбу, личность, размышления и переживания героя Кестлер выстраивал оппозиции «государство — человек», «политические цели — человеческие мотивы», «стратегические задачи власти — человечность личности». Сложность художественной текстуры романа оказалась подстать отношениям противоборства-взаимодействия в этих оппозициях. С особенной силой эта сложность проявляется в парадоксальном открытии Рубашова и читателя: как активный деятель революции, как соратник будущего «могильщика революции», как вершитель судеб многих невинных, герой является не только жертвой нового режима, но и его соучастником, его строителем (ЗЛОБИНА 1989).

В борьбе за осмысление своей жизни и своей грядущей — вслед за вытянутым из него признанием и приговором — смерти Рубашов, этот абсолютно преданный делу революции и партии, большевик чувствует себя примиренным с самим собой и свободным только тогда, когда находит сочувствие и прощение некоего Немого Собеседника — совести? А может быть, того самого «нададресата» Бахтина, который не предаст и не потребует принести в жертву свою душу? В любом случае, именно эта перспектива внутреннего разговора героя с собой и Собеседником, вынесение на этот внутренний суд своих идей и поступков сообщает символическому смыслу названия романа — «Тьма в полдень» (если переводить дословно) — особую философскую глубину (KOESTLER 2006). Не только разум преданных делу партии большевиков или покорного им инертного общества тонет во мгле затверженных

идей, фраз, суждений, но и само дело партии, коммунистическая идеология (подобно фашистской), политическая формация тоталитаризма предстает лишь временной тьмой или помрачением, которое нужно и можно отогнать от человечества, чтобы оно вновь увидело свет человечности и жизни.

Роман был высоко оценен Джорджем Оруэллом, критиками и британской общественностью и по сию пору считается одним из лучших британских политических романов XX в. Примечательно, что Артур Кестлер — еврей, рожденный в Венгрии, получивший образование в Австрии, бредивший русской революцией, писавший в 1932 г. в СССР книгу о пятилетке, переживший три месяца тюремного заключения во франкистской Испании и вышедший из тюрьмы «пробужденным» общением с Немым Собеседником, живший некоторое время в Париже и, наконец, осевший в 1941 г. в Лондоне, — некоторое время сам состоял в коммунистической партии Германии и вышел из нее в 1938 г., после известий о сталинских показательных судах и репрессиях («московские процессы», дело Каменева — Зиновьева и др.).

Роман *Слепящая тьма* — один из источников двух других известных английских романов с «русским следом». В 1945 и в 1949 гг. Джордж Оруэлл последовательно издает романы-антиутопии *Animal Farm: A Fairy Story* («Скотный двор») и *Nineteen eighty-four: A Novel* («1984»), изображающих, правда, не СССР, но «тоталитарный иерархический строй, основанный на изощренном физическом и духовном порабощении, пронизанный всеобщим страхом и ненавистью» (БАРТОВ 2009).

Модель диктатуры, обрисованная и в *Скотном дворе*, и в *1984* — не специфически русская или советская. Это модель обезчеловечивающего, убивающего человеческую душу и разум тоталитаризма, ставшего знаком и болезнью XX века. Описывая ее в своих романах, Оруэлл исходит не только из того, что он читает о сталинских репрессиях и культе личности в СССР этого времени, но и из страшного европейского опыта подчинения человека фашист-

ском режиме в Италии, Испании, Германии (ЗВЕРЕВ 1989). В знаковой статье 1941 г. *Literature and Totalitarianism* («Литература и тоталитаризм») Оруэлл с трагической ясностью указывает на стремление государства к всевластному контролю над мыслью и чувством человека как на ужасающий признак современного общества и равно соотносит этот контроль с Германией, Италией и Россией (ORWELL 1941). Знаком приобщенности Великобритании к стремлению государства подавить личность человека в романе «1984» становится место действия: им избран Лондон, ставший на момент изображаемых действия столицей Океании — одной из трех враждебных друг другу сверхдержав.

В то же время, всем читателям-современникам было понятно, что прототипом тоталитарных монстров в произведениях Оруэлла был, в первую очередь, Советский Союз 40-х гг. с его сталинским репрессивным аппаратом. Этому акценту в понимании проблематики романа «Скотный двор» немало способствовал сам Оруэлл: чего только стоит постоянное обращение «товарищи» («comrades»), используемое скотом, восстающим против рабства на английской ферме (ORWELL 2000). Узнаваемы были ораторские приемы и революционная роль борова Майора (Ленин), и черты внешности, характера и судьбы двух других «основных» боронов — Наполеона (Сталин) и Снежка (Троцкий). Эти детали, разумеется, были автору необходимы: по его словам, обращенным к советскому читателю в предисловии к изданию на украинском языке, пафос романа заключался в стремлении разрушить популярный в левых европейских кругах миф о Советском Союзе как образце социализма — разрушить для того, чтобы тоталитарный сталинский социализм никогда не был воспроизведен в Великобритании (ORWELL 1947).

За оруэлловскими романами последовал новый роман А. Кестлера *The Age of Longing* («Век вожеления», 1951). Написанный в жанре альтернативной истории, подобном многим массовым британским политическим романам, начиная с конца XIX в.,

он повествовал о готовящейся и, практически, свершившейся оккупации Франции советскими войсками, о нежелании союзников помогать ей в борьбе с коммунистическим террором и о закрывающем глаза на нависшую угрозу веселящемся Париже. Лаконичная фабула обогащена столкновением разных точек зрения на политику, человека и мир, в деталях изложенном в многочисленных рассуждениях героев. Сам А. Кестлер, оценивая фабулу своего романа в предисловии, написанном спустя много лет, отмечал: «Это, конечно, не должно было звучать пророчеством — это предупреждение, раздавшееся в разгар сталинского террора» (KOEHLER 1970: ix).

В массовом шпионском романе Яна Флеминга *From Russia with Love* («Из России с любовью», 1957) «советские смыслы», сформированные во многом в творчестве Кестлера и Оруэлла, обретают жесткую оценочность и стереотипную простоту. Русский мир у Флеминга — преимущественно мир КГБ и Смерша. С этими образами жестко увязаны мотивы смерти, страха, опасности, механичности и жестокости системы, хитрости и лживости (характерны повторяющиеся слова-мотивы ‘murder’, ‘brutality’, ‘carelessness of human life’, ‘guile’; ‘mechanical’ and ‘infernally dull’ (people)), жесткой пропаганды и агрессивных экспансионистских намерений государства (FLEMING 2012: 13, 22). В эту канву вплетается характеристика русских как полудиких людей с рабским менталитетом, не способных к творчеству и тупо исполняющих приказы. Так, запах роз и духов, пронизывающий русский воздух, скрывает «звериное зловоние», исходящее от людей; «звериное» проглядывает в пристрастии генерала Г. к непристойным ругательствам и в непристойном же узле волос Розы Клебб (чье имя в мотивной структуре романа прочитывается также многозначно). Подчиненные генерала, получившие выговор, названы «мужиками», выпоротыми «кнутом». В этих и подобных отсылках к внеисторическому звериному началу в флеминговском образе ясно просвечивает слой британского мифа о России, сформиро-

ванный в XVI в. (КОРОЛЕВА 2014: 92-112); в характеристике государственной машины и людей-винтиков — новый «советский» слой мифа о России.

В то же время, главная героиня романа (которая появляется в главе под номером «007») Татьяна Романова воплощает в себе то новое, что Британия открыла в русском романе, русской культуре и русском мистическом сознании в начале XX в. Это интуитивная религиозность, чувствительность, естественная наивность, тяга к высокой культуре. Интересно, что Флеминг обрисовывает эти черты Татьяны в определенно сниженном, профанном тоне: тяга к культуре проявляется в том, что любимым словом девушки является «культурный» («kulturny»). Интуитивная религиозность — в том, что в трудную минуту она вспоминает оставшиеся в детстве слова молитвы. Чувствительность и естественность — в том, что она сразу и бесповоротно влюбляется в Бонда.

Сниженный, ироничный тон в целом пронизывает роман: проявляющаяся в нем авторская позиция подразумевает ненужность излишне серьезного отношения как к себе, так и к агрессивному противнику. Серьезность — явление системное, у Флеминга же системность и упорядоченность связывается с антимиром СССР. О том, что английская шутка, насмешка побеждает советскую прямолинейно-агрессивную серьезность, прямо говорится в тексте: «Способ поймать русских — заставить их смешно выглядеть. Приведи их в замешательство. Смейся над ними. Они не могут этого выносить», — так советует Бонду один из самых ярких положительных персонажей романа Дарко Керим (FLEMING 2012: 268).

В фабуле романа постулируемая победа несистемного смеха над механистичностью системы воплощается в неожиданную и, одновременно, неизбежную победу британского агента над агентом советским и, вместе с ним, над всей продуманной системой советских хитросплетений. Противопоставленные основам советского мира энергия и здравый смысл, интуиция и быстрая реак-

ция на ситуацию, склонностью к авантюризму и человеческая чувствительность Джеймса Бонда оказываются сильнее жестокой тоталитарной системы врага. Его победа, однако, в конечном итоге неоднозначна: Джеймс как будто погибает от рук главы Смерша Розы Клебб, погибает в равной борьбе и неожиданной схватке с этим воплощением жестокого, милитаристско-мазахистского советского режима.

В целом, в британском шпионском романе соотносительность «русских» мотивов с определенными слоями британского мифа о России *встраивается в канон жанра*: не только у Флеминга, но и — гораздо позже, уже в другую эпоху британской рецепции русского мира — у Ле Карре (*The Russia House*, 1989), у Ф. Форсайта (*Icon*, 1996), у Р. Харриса (*Archangel*, 1998), у А. Драйдена (*Moscow Sting*, 2009) образ современной России актуализует мотивы некультурности и варварства, вневременной деспотичности режима, необъяснимой склонности народа к рабству и унижению, азиатчины, цинизма, агрессии и, с другой стороны, на уровне отдельных выделенных русских персонажей, — мотивы душевности, сердечности, искушенности. «Русское» при этом в английском шпионском (и криминальном) романе расценивается не всегда как абсолютно чужое и чуждое.

Неоднозначны оценки «русского» на фоне сюжетно-фабульной неоднозначности в романах, которые в меньшей степени вписываются в канон криминального жанра. В произведении Грэма Грина *The Human Factor* («Человеческий фактор», 1978) главный герой исходит из одного идейного посыла: что социальные идеи-стереотипы, в том числе, идеи цивилизации, английскости, русскости, патриотизма и т. д. ложны, что государственная машина везде механистична и жестока, что ценны только человеческие чувства и теплые отношения и что только чувствами и отношениями «свое» отделяется от «чужого».

«Элитарный» шпионский роман Грина *Человеческий фактор* в определенном смысле написан в противовес романам Флеминга. Об этом говорит сам автор в размышлениях о своем творчестве:

«Моим стремлением после войны было написать шпионский роман, свободный от традиционного насилия, которое, несмотря на Джеймса Бонда, не было чертой британских секретных служб» (GREENE 1980: 306).

Нестереотипен не только жанр шпионского романа в этом произведении, но и образ советской России.

Напряжение в романе связано не с внешними действиями и жесткими столкновениями представителей двух политических лагерей, а со сложным положением живого, способного на выбор человека в мире политических игр и социальных стереотипов. Грин представляет игры и системы Британии и СССР *равно* беспринципными, бесчеловечными, механистичными. Каждая из них защищает свои интересы схожими методами. Показателен в этом отношении параллелизм образов «квадратов», в одном из которых сначала британские, а потом советские спецслужбы предлагают главному герою Морису Кэслу, специалисту британской разведки, выполнять свою работу, не задаваясь вопросом о том, что находится в других. Не только системы, но и люди по обе стороны «железного занавеса» похожи: так, русская женщина, присматривающая за квартирой Кэсла, выказывает такую же реакцию неприятного удивления при виде фотографии его чернокожих жены и сына, что и мать Кэсла.

Лейтмотивом романа становится относительность социальных идей-стереотипов — таких как предатель и предательство, демократия, коммунизм и капитализм — в искусственно разделенном обществе. В ситуации выбора между невозможностью соединиться с любимой и обращением за помощью к людям из противоположного политического лагеря, к так называемым врагам-коммунистам, герой выбирает второе. Тем самым он выбирает человеческую любовь, частную жизнь, семью, ставя под сомнение какую-либо ценность навязываемых государством и обществом представлений о долге, принципиальности, справедливости. Разделение на «своих» и «чужих», таким образом, в романе связано

не с национальным, политическим или государственным принципом, но с человеческими чувствами и внутренней позицией.

В то же время, Грин изображает несовпадение национального британского и русского. Так, британское в романе характеризуется перерывами в снабжении электричеством, забастовками, инфляцией, мягкими методами работы секретных служб, уважением к спорту и верой в интуицию. Русское — жесткой идеологией, бедностью, хорошо развитой культурной жизнью, хорошо работающей государственной машиной, снегом. Образ снега с особой силой воплощает ощущение чуждости, враждебности русского пространства герою:

«Этот снег был совсем не таким, каким представлялся ему в детстве и ассоциировался со снежками, и сказками, и санками. Это был снег безжалостный, бесконечный, все уничтожающий, — снег конца света» (GREENE 1978: 322).

Он отчетливо соотносится с образом Руси как чудовищного антимира, и с образом дикой, туземной России, уходящим в век XVI.

Разумеется, роман Грина примечателен по контрасту не только с текстом Флеминга, но и с массой других британских романов, в которых изображалась советская Россия в период холодной войны. В острый художественный и философский конфликт с этим мейнстримом в изображении советской России и с воспроизводимыми в нем устойчивыми стереотипами о советском политическом режиме более чем десятилетием ранее вступает роман Энтони Берджесса о путешествии англичанина в Россию *Honey for the Bears* («Клюква для медведей», 1963). Как известно, роман был написан по следам русского путешествия автора (в 1961 г.) и воплотил в себе его неожиданно веселые впечатления от столкновения с русским миром. О них Берджесс кратко и остро рассказал позже в своих мемуарах: ожидая увидеть (под влиянием стереотипов, тиражированных британскими СМИ) «спянное железной дисциплиной «полицейское государство»» и «обезличенные массы», он был сильно удивлен неожиданной чрезмерной свободой, «бедностью, грязью, добродушным пьяным разгильдяйством» и «идиотизмом советской

идеологии» (цит. по: [МЕЛЬНИКОВ 2003]).

Герой романа Берджесса, однако, не только видит неожиданное и не видит ожидаемое, но пытается разгадать русскую душу — и постепенно отчаивается в этом, натываясь на бесконечные парадоксы и противоположные крайности: зазнайство у русских соседствует с самобичеванием, тяга к знаниям — с одержимостью одной идеей; жестокость — с бескрайней жалостью. Гораздо лучше у него получается разгадывать загадки о себе: его жена уходит от него к русской женщине, он же обнаруживает в себе гомосексуальное влечение (BURGESS 2013). При всем этом *Клюква для медведей* — не только «комедия положений», «пародирующая штампы «шпионского романа» и высмеивающая стереотипные представления о России» (МЕЛЬНИКОВ 2003), но и многоплановый художественный текст, затрагивающий темы жесткости советской идеологии, жестокости репрессий, потери советским человеком высокой культуры и творческой энергии императорской России.

В 60-е гг. — годы хрущевской оттепели, несколько смягчившей противостояние СССР и Запада и открывшей двери в МГУ для стажировок избранных британских студентов, — комедия положений и ироничный тон проникают и в другие британские романы о России. Шпионские и политические триллеры начинают терять однозначность в изображении устрашающе-механистичного мира, пронизанного подозрением и слезкой. Так, в психологическом детективе М. Фрейна *The Russian Interpreter* («Переводчик с русского», 1966) явное несовпадение того, что герои рассказывают о себе, с тем, что кроется за их загадочными поступками, разворачивается не только в серьезном детективном и социально-политическом повествовании, но и в смешных ситуациях и самоиронии. Смешна уже начальная ситуация, движущая фабулу романа: для того, чтобы общаться со своей русской возлюбленной (Раей), британский предприниматель (Гордон Проктор-Гоулд) просит британского студента (Пола Маннинга), владеющего русским языком, выступить в качестве «частного» переводчика. Ко-

медийна ситуация, в которой подвыпивший Маннинг «переводит» по просьбе Гордона его речь с английского снова на английский. Двунправленной иронией пронизаны слова рассказчика о герое в зачине романа:

«Маннинг относился к порядку и аккуратности почти с фанатичным пристрастием, пытаясь воздвигнуть вокруг себя крепкую стену порядка и тем самым отгораживаясь от обширного русского сумбура» (FRAYN 2015: 1).

Комически-сатирическое начало окрашивает собой и гротескную антиутопию К. Эмиса *Russian Hide and Seek* («Русские прятки», 1980). Роман рассказывает о красивых, сильных и образованных русских офицерах, очень похожих на аристократических героев Л. Н. Толстого и, одновременно, очень холодно-рассудочных и механистично-прагматичных, которые организуют оккупацию Великобритании и оставляют ее жителей, практически, без национальной идентичности — без прошлого, без культуры и почти без языка. Сама оккупация не изображена: читателя сразу погружают в мир «осоветченной» Англии в XXI в. При этом смешные сцены с попытками театральных постановок и песен на английском языке имеют явный трагический пафос, а трагическое событие оккупации получает ироничное название «*rasification*» ('замирение' или 'усмирение') (AMIS 1980).

Обобщая все вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что в английской культуре в период 1940-х — 1980-х гг. сформировался новый образ России — образ России советской, связанный с представлением о военно-политической, идеологической, духовной угрозе тоталитарного государства-монстра. Особенностью функционирования этого образа в литературе следует считать стремительность смысловых изменений внутри него: первоначальные интонации ужаса, негодования, отвращения уже в 60-х, 70-х гг. совмещаются в художественных произведениях о России с интонациями иронического недоверия, подтрунивания, переворачивания стереотипов. Это, в первую очередь,

связано с особенностями эпохи: XX век как век массовой информации и, соответственно, массивного распространения стереотипов, должен был породить не только технику массового внушения, но и противодействия ей, отстранения от стереотипов (роман Грина в этом смысле очень показателен), попытки заглянуть за их границы. Этому способствовал, конечно, личный опыт общения писателей с русским миром.

© Королева С. Б.

4.3. ЦИФРОВОЙ ГИПЕРТЕКСТОВЫЙ РОМАН КАК ЖАНР СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Введение: сетевая литература — новый вид литературы и новое поле филологических исследований

Сетевая литература (сетература) представляет собой новый стремительно развивающийся феномен, начало которому положило появление интернета. Системное изучение этого явления, которое находится в стадии активного становления, пока только начинается. В отечественной науке к наиболее значительным работам, исследующим проблематику сетературы как особого вида литературы, посвящены кандидатская диссертация Л. Р. Ким (КИМ 2018а), книга М. П. Абашевой и Ф. А. Катаева (АБАШЕВА, КАТАЕВА 2013), ряд серьезных журнальных публикаций (ВИЗЕЛЬ 1999; КОРНЕВ 1998; ЛИЦАРЕВА 2012; НАСЕДКИНА 2001; РОСЛЫЙ 2014; САРИН 2017) и несколько концептуальных статей, опубликованных в интернете (прежде всего на сайте «Сетевая словесность» в разделе «Теория сетературы» (АНДРЕЕВ 2020; ВИЗЕЛЬ 1998). Что касается англоязычного литературоведения, то здесь помимо работ таких пионеров изучения этого феномена, как Н. К. Хейлз (HEYLES; HEYLES 2008), Дж. Ландоу (LANDOW 1992), Э. Аарсет (AARSETH 1997), Д. Хекман и Д. О'Салливан (HECKMAN, O'SULLIVAN 2018), а также многочисленных статей, посвященных различным аспектам нового вида литературы, следует упомянуть основанный К. Кипом, Т. МакЛафлином и Р. Пармером сайт «Электронный лабиринт», который содержит довольно обширный теоретический раздел (THE ELECTRONIC LABYRINTH 1993-2001).

Несмотря на очевидный невероятный подъем интереса, который наблюдается в последнее время к изучению литературы в сети, появление множества дискуссионных работ, освещающих разные ее аспекты, поле это еще не получило всестороннего системного описания — ведь оно представляет собой нечто на наших глазах становящееся, напоминающее собой плазму, из которой постоянно рождается что-то новое, заставляющее на ходу

переосмыслить уже построенные теории. С этим связана новизна и актуальность предлагаемого в данной статье исследования.

Особенности поэтики «сетевой литературы» связаны, прежде всего, со сменой бумажного носителя электронным (в связи с чем вслед за У. Эко и М. Маклюэном принято говорить о конце «гуттенберговой цивилизации»), со спецификой бытования литературы в Интернете, с ростом влияния компьютерного курса. Перечисленные факторы породили особую роль автора и читателя (сузив полномочия первого и расширив роль второго), специфику их взаимодействия (читатель может активно вмешиваться в творческий процесс, а иногда сам становится полноправным создателем текста), способ публикации (минуя издательства, редакторскую и корректорскую правку) и ее характер (короткими продолжениями «продами»).

Исследователи заговорили о близости сетературы с фольклором (КИМ 2018b), о месте сетевой литературы в общем поле «массовой культуры» (САРИН 2017) и ее «отношениях» с постмодернизмом (САРИН 2017; КОРНЕВ 1998).

Действительно, сетевая литература вернула словесность в лоно народного творчества и одновременно как никогда прежде сделала литературу продуктом по-настоящему массового потребления, предоставив читательской массе самой составлять о потребляемом продукте мнение, не принимая во внимание оценку профессионального читателя (редакторов, издателей, критиков).

1. Цифровой гипертекстовый роман (генезис, основная терминология)

В связи со сказанным выше интересным представляется тот факт, что, началом сетевой литературы принято считать (GRUPPO 2016: 8; HAYLES 2008: 6), появление в 1987 г. романа американского писателя Майкла Джойса *Afternoon, a Story* (JOYCE 1987), представлявшего собой мультимедийное произведение, основанное на гипертексте и распространяемое на дискетах, который скорей можно было бы считать образцом не «массовой», но «элитарной» литературы.

Вместе с тем, тот факт, что «первенец» сетевой литературы носил гипертекстуальный характер, вряд ли можно считать случайностью. Такой вид романа, получивший в дальнейшем название «гипертекстовый» или «гиперроман», опирался на возможности, которые предоставили появившиеся компьютерные технологии, позволившие идеально «обслуживать» установку на гипертекстуальность, характерную для постмодернистской литературы. Не будет преувеличением сказать, что само рождение цифрового гиперромана — продукт постмодернистского видения мира как некоего единого текста¹, соединенный с ресурсами, открывшимися благодаря появлению современных технологий и многократно усилившимися вследствие появления в 1993 г. всемирной сети интернет — World Wide Web (показательно, что С. Корнев называет интернет «принципиально “постмодернистской средой”» [КОРНЕВ 1998]).

Гиперроман явился жанром, с которого началась сетевая литература как новый вид литературы, эмансипированной «от власти печатного станка» (КОРНЕВ 1998). Такой роман представлял собой «конгломерат малых форм, своеобразную мозаику — цикл рассказов со сквозным героем, или роман-притчу <...> состоящий из отдельных замкнутых и самодостаточных элементов» (ДАЛИДОВИЧ 2001).

Поскольку поле изучения сетевой литературы, подобно самому предмету исследования, является сферой «неустоявшейся», неудивительно, что, как это часто случается в различных национальных литературно-критических парадигмах, в отечественных и зарубежных работах, посвященных вопросу литературы в сети, присутствуют некоторые терминологические нестыковки.

Так, в англоязычной научной литературе данное явление называют:

- «electronic literature» или «eLiterature» (буквально «электронная литература»);
- «digital literature» (буквально «цифровая литература»);

¹ Подробнее о связи гиперромана с постмодернизмом (ВИЗЕЛЬ 1998).

- «web fiction», «network literature» или (собственно «сетевая литература»).

Использование этих терминов позволяет англоязычным исследователям поворачивать изучаемый феномен разными сторонами: под «web fiction» / «network» / «online literature» имеется в виду литература, которая существует в сети, причем часто (хотя и не всегда) там и создается.

Термины «electronic literature» и «digital literature» используются как синонимы, и подразумевают такой вид литературы, который не может ни создаваться, ни функционировать вне сети.

В традиции, сложившейся в русскоязычной критике, термин «сетевая литература» включает оба описанных выше феномена, не дифференцируя их. Однако для настоящей статьи представляется уместным оговорить существующие различия, поскольку они окажутся значимыми для понимания того, какую нишу занимает гиперроман в структуре сетевой литературы, которая будет пониматься максимально широко как всякая литература, создаваемая в сети.

Таким образом, сетевая литература будет трактоваться как новый вид литературы, возникший благодаря появлению новой (виртуальной) среды для бытования литературы, а цифровая литература — как подвид этого нового «многовидного» явления. Что касается гиперромана — он будет рассматриваться как жанр цифровой литературы.

2. Жанровые доминанты цифрового гипертекстового романа

2.1. Гипертекстуальность

Ключевой чертой гиперромана абсолютное большинство исследователей (АБАШЕВА, КАТАЕВ 2013; КИМ 2018а; DE VIVO 2011; НЕСКМАН, O'SULLIVAN 2018; HAYLES 2007) называют гипертекстуальность — наличие в тексте гипертекстовых ссылок, причем здесь они носят смыслопорождающий характер, поскольку за счет них читатель передвигается по тексту, «создавая» собственный роман. В этом смысле, само название жанра является говорящим.

Термин «гипертекст» был введен в оборот программистом, математиком и философом Теодором Нельсоном в 1965 г., когда цифровой литературы еще не существовало, однако этот термин с полным правом может быть отнесен к электронному формату текста, являющегося продуктом принципиально новой информационной технологии и способа публикации. Нельсон понимал под гипертекстом текст, состоящий из фрагментов, соединенных линиями, за счет которых текст получает возможность разветвляться, что позволяет читателю выбирать различные пути продвижения по нему. Англоязычный сайт «Электронный лабиринт» определяет гипертекст как текст, представляющий информацию в виде

«связной сети гнезд, в которых читатели свободны прокладывать путь нелинейным образом», допускающий возможность «множественности авторов, размывания функций автора и читателя, создания пространственных работ с неопределенными границами, множественности путей прочтения» (THE ELECTRONIC LABYRINTH 1993-2001).

Гипертекстуальность — явление, характерное и для бумажной литературы. М. Наседкина отмечает, что предвестниками гиперромана на бумаге можно считать *Хазарский словарь* М. Павича, *Бледный огонь* В. Набокова, *Игра в классики* Х. Кортасара (НАСЕДКИНА 2001). Перечень этот может быть продолжен поздними романами И. Кальвино, произведениями Х. Л. Борхеса, Б. Касареса, Х. Кортасара и многих других авторов, причисляемых к постмодернистам. Однако именно в сети появилась возможность соединения нескольких текстов через специальные «каналы» (ссылки, изображения, сами слова и прочее), которая значительно увеличила потенциал гипертекста.

Итальянский ученый П. Д'Алессандро в своем исследовании *Философия гипертекста* указывает на коренное отличие цифровой гипертекстовости от интеретекстуальности в бумажной литературе, отмечая, что в сетевом гиперромане гипертекст не просто ссылается на возможные межтекстовые отношения, как это делает любой традиционный литературный текст, но дает читателю

точную информацию обо всех возможных связях, которые текст может иметь с другими текстами (D'ALESSANDRO 2015: 34).

Ссылка цифрового гипертекста — это, по точному наблюдению М. Визеля, «материализовавшаяся» коннотация» (ВИЗЕЛЬ 1998). В этом автор усматривает «живое воплощение провозглашенного Эко вслед за Маклюэном процесса смены “гуттенберговой цивилизации” “цивилизацией образа”: аллюзии и намеки огрубляются, визуализируются, вытаскиваются на поверхность» (ВИЗЕЛЬ 1998).

Одновременно использование в произведении цифрового гипертекста приближает принцип его функционирования к принципу на котором строится работа человеческого мозга, где разворачивание мысли подчинено свободной ассоциации, углубляя и рафинируя таким образом провозглашенное писателями-модернистами начала прошлого века стремление приблизиться к человеческому бессознательному.

Организованы гиперссылки могут быть разными способами. Три ведущих типа гипертекстов описал в статье *Ceteramtuра как ee NET. От эстетики Хейана до клеточного автомата и обратно* А. Андреев:

- «елка с игрушками» — по принципу ссылок в обычном тексте, но «компьютеризировано и сетезировано»,
- «сад расходящихся тропок», где «Гипер-Книга представляет собой набор глав и путеводитель; проходя главы по разным «маршрутам», читатель получает эффекты нескольких книг»,
- «макrame» — тип, состоящий из множества мелких историй, связанных между собой ассоциациями (АНДРЕЕВ 2002).

2.2. Гибридность / мультимедийность

Следующая черта цифрового гиперромана — гибридность семиотических кодов или мультимедийность. Создатели гипертекстовых романов активно используют символы: «смайлики», пиктограммы для обозначения «точек входа» в мультимедийные ассоциации или другие эпизоды своего произведения, а поскольку «часто автор является одновременно и верстальщиком,

так что различные способы разметки и выделений и даже применение таблиц могут стать дополнительным выразительным средством» (ДАЛИДОВИЧ 2001).

Кроме иллюстраций мультимедийность современного гипертекстового романа может быть реализована через чтение, сопровождаемое музыкой, видеофрагментами. Г. Далидович сообщает о существовании экспериментальных образцов синтезирующих запахи и предполагает в перспективе возможные «инклюды» реальной жизни (ДАЛИДОВИЧ 2001). По мнению итальянского исследователя Ф. Де Виво, эта «гибридность» ставит под сомнение традиционное представление о литературе, одновременно не опровергая ее» (DE VIVO 2011: 3-4). Действительно, в этой точке граница между гиперроманом и, скажем, видеоигрой выглядит весьма размытой, так как некоторые видеоигры содержат нарративный элемент.

А. Камеллини в книге *От романа до сетей, цифровое письмо как новая форма романа* для проведения такого разграничения предлагает обратиться к определению игры по Гадамеру, для которого «субъектом игры является не игрок, а сама игра. <...> Игра как таковая больше не оставляет личности тех, кто играет за кого-либо» (ГАДАМЕР 1960: 76). Таким образом гиперроман, по мнению исследовательницы, отличается от видеоигры то, что в нем главную роль играет воображение читателя, а не заранее заданные ему образы. В видеоигре игроку не надо воображать персонаж и сюжет, они заданы создателем игры. Свобода игрока ограничивается его ходами, в то время как в гипертекстовом романе читателю необходимо самому выбрать путь развития повествования и вообразить персонажей (CAMELLINI 2015: 114-115). Ф. Де Виво добавляет к этому еще одно отличие, связывая его со значением самого слова «литература», которое происходит от латинского «litteratura» (написанное), в свою очередь восходящего к слову «littera» (буква): несмотря на пересечение в гиперромане разных семиотических систем, доминантой в нем является текст (DE VIVO 2011: 3-4).

2.3. Дискретность, многовариантность и интерактивность

Еще одна жанрообразующая черта гиперромана — дискретность. Такой тип романа состоит из отдельных завершенных эпизодов, последовательность которых задает сам читатель, выбирая собственный путь для их прочтения, чем, собственно, и конструирует сюжет из заготовленных автором блоков, получивших название «лексия», с опорой на термин, введенный в 70-х гг. Р. Бартом, и обозначающий «единицу чтения» (БАРТ 2001: 40), т. е. фрагмент текста, принадлежащий большему тексту. В контексте гипертекстового романа под лексией понимается фрагмент текста и все гиперссылки, к нему принадлежащие (LANDOW 1992: 4).

«Никто не обязан использовать весь предложенный создателем гиперромана материал: можно остановить чтение на любом этапе и оно, в известном смысле, будет завершенным» (ДАЛИДОВИЧ 2001).

Таим образом, из дискретности гиперромана вытекают две других его черты: принципиальная многовариантность прочтения и интерактивность.

Автор создает «среду» и «контент» для творчества и передает бразды правления читателю, который сам создает роман, читая его. Каждый читатель выстраивает собственный уникальный сюжет, выбирая последовательность входов; масштаб знакомства с текстом романа и степень детализации прочтения. «Количество возможных комбинаций не ограничено. В этом смысле, дочитать гиперроман до конца невозможно» (ibid.). М. Визель уподобляет подобного рода тексты «лабиринту, по хаотически разбросанным фрагментам которого следует просто бродить как по красивым комнатам, не пытаясь предугадать заранее, что окажется за поворотом» (ВИЗЕЛЬ 1998)

Так, например, англоязычный роман *Hegirascope*, созданный в 1995 г., состоит из 175 лексий и 7000 ссылок. В каждой лексии имеются заголовки на цветном фоне, а под ними короткие отрывки текста. В этом романе нет никаких визуальных анимаций и подсказок, как двигаться в его пространстве. (автор в предисловии предлагает просто «нырнуть» в него («dive in»), хотя для более

традиционно настроенного читателя имеется указатель содержания, состоящий из гиперссылок, расположенных на экране нелинейно — правда, при чтении романа предложенным автором способом, обнаруживается, что названия ссылок указателя все равно не совпадают ни с заглавиями лексий, ни со ссылками, расположенными на лексиях, — таким образом, как и обещает автор на одной из вводных лексий: «Where you're going there are no maps» («там, куда вы направляетесь, нет карт») (HEGIRASCOPE 1995). Начинается роман с нескольких последовательно сменяющихся лексий без гиперссылок, с которыми читатель знакомится в том порядке, в котором это задумал автор. Затем появляются лексии, каждая из которых имеет четыре ссылки — четыре возможных варианта продолжить чтение, между которыми читатель должен выбирать. Выбор определенной ссылки приводит к открытию соответствующего текста. Взаимодействие с текстом осложняется тем, что страница обновляется и меняет свое содержание каждые 30 секунд, и поэтому у читателя не хватает времени, чтобы внимательно прочесть текст и осознанно принять решение, как поступить дальше. Если читатель не хочет или не успевает пройти по гиперссылке, страницы сменяются в порядке нумерации.

2.4. Принципиальная многоплановость сюжета

Другой жанровой доминантой гипертекстового романа можно считать принципиальную многоплановость сюжета (возможность обзора событий с позиций различных действующих лиц). Именно эта многоплановость обеспечивает непрерывность действия при дискретности общей структуры. По мнению Г. Далидовича,

«В этом смысле гиперроман более точно повторяет дискретную структуру реальной жизни, чем монолитное, связанное единым логическим замыслом произведение классической романистики» (Далидович 2001).

На этом принципе построен писавшийся с 1996 по 1999 г. роман *The Company Therapist*, в работе над которым активно участ-

вовали его читатели (полный список участников с указанием созданных ими характеров выложен на сайте, где размещен роман [THE COMPANY THERAPIST 1996-1999]). Начинающий психиатр доктор Чарльз Балис поступает на работу в компьютерную компанию «Silicon Impressions Inc.» (сокращенно SII), которая нещадно эксплуатирует своих работников — большинство из них проводят на рабочем месте более шестидесяти часов в неделю. Иногда они даже ночуют там. У большинства людей, работающих в SII, нет ни времени, ни сил для общения за пределами работы, поэтому они вынуждены искать эмоциональное и сексуальное удовлетворение среди своих коллег. Лекции романа представляют собой медицинские карты пациентов, стенограммы психотерапевтических сеансов, заметки доктора о пациентах, транскрипты телефонных разговоров и т. п. У читателя есть возможность поочередно погружаться в судьбу каждого из персонажей, чтобы увидеть происходящее его или ее глазами. И каждый раз после такого погружения интерпретация событий будет претерпевать изменения.

2.5. Установка на провокацию

Провокация как средство привлечения внимания — прием, характерный, одновременно и для массовой, и для элитарной культуры (достаточно вспомнить литературу модернизма начала прошлого века). В гиперромане чаще всего провокативную роль выполняют заголовки. Так, в романе *Hegirascope* в перечне содержания встречаются: «Depiction of Naked Breasts», «Happy Anniversary, Dstroyer of Worlds», «The Adultery Suite at Lax» «The Sixties are Undead» и т. п. Провокативную функцию в упомянутом романе выполняют и особые лекции, представляющие собой страницы полностью черного или белого цвета. Для того, чтобы обнаружить на них гиперссылки и продолжить чтение, нужно выделить правой кнопкой мыши «спрятанный» за фоном текст, но до этого читатель должен додуматься сам, иначе он оказывается в западне и знакомство с романом на этом обрывается. Провокационно звучит и один из центральных слоганов романа: «What if

the world still won't be still?» («Что если мир по-прежнему не будет прежним?»), и создаваемая самостоятельной сменой лекций раз в полминуты атмосфера нервнующей спешки и непредсказуемости развития взаимодействия с текстом.

3. Положение гиперромана в иерархии жанров сетевой литературы

Гиперроман, хотя и предполагал постмодернистский элемент игры с читателем, оказался достаточно элитарным, «высоко-лобным» видом романа. Во-первых, он требовал больших энергозатрат от создателя: нелинейный сюжет выстраивать невероятно сложно, ведь автору требуется рассказать историю, в которой любой отдельный эпизод мог бы стать одновременно и отправной, и конечной точкой (JOHNSON 2013); кроме того, автору требовались довольно серьезные познания в области компьютерных технологий, чтобы снабдить эпизоды интерактивными элементами и прочими спецэффектами. Как остроумно заметил Г. Далидович,

«Хорошо если автор умеет писать не только по-русски, но и «по-явски», или, хотя бы представляет имеющиеся возможности дополнительных средств гипертекста» (ДАЛИДОВИЧ 2001).

Потребовал гиперроман особенных качеств и от читателя: с первой же страницы он оставался один на один с пространством романа без привычного «поводыря» в виде автора или рассказчика и должен был брать всю инициативу в свои руки, исследуя текст, подобно первопроходцу. Такого рода чтение само по себе требует известного напряжения, а авторы гиперроманов каждый на свой лад как могли усложняли эту задачу (так, например, «РО-МАН» написан на русском языке латиницей, так что через его текст приходится буквально «продираться»). Понятно, что массовому читателю, который рассматривает чтение как часть досуга, такое взаимодействие с текстом кажется обременительным.

Кроме того, врагом цифрового гиперромана явились и сами новые технологии, его породившие, точнее, их стремительное развитие. Так, роман *Afternoon, a Story*, который положил начало жанру, можно прочитать только в устаревших браузерах (Internet Explorer

3.0 и ныне несуществующем Netscape Navigator) или на CD-ROM, который совместим только с Windows моложе седьмой версии.

Потому нельзя не согласиться с утверждением С. Корнева, что «гипертекстовая беллетристика остается все-таки занятием маргинальным, она относится к области филологических экспериментов и литературных игр» (КОРНЕВ 1998).

Заключение

Жанр гипертекстового романа явился пилотным жанром сетевой литературы. Хотя сетевая литература все больше и больше разворачивалась за годы своего существования в сторону «массового» читателя, гиперроман, с которого она начиналась, относится к элитарным жанрам — он одинаково сложен и для создателя, и для «потребителя». По этой причине круг авторов и читателей таких романов ограничен.

Тем не менее, гиперроман занял в современной сетевой литературе свою нишу и существует и по сей день, в том числе и в рунете. Появились даже «народные» проекты такого рода, среди которых обширная коллекция англоязычной гипертекстовой беллетристики, выложенная на сайтах *Hyperizons: hypertext fiction* (1997) и *Eastgate: Serious Hypertext* (2016). В руинете таким проектом стал «РОМАН» (1987-1997), который принято считать первым русскоязычным гиперроманом. Он отличается от своих англоязычных «братьев по жанру» тем, что его разработчик Р. Лейбов, вместо того, чтобы традиционно предложить читателю выбрать различные варианты развития сюжета, дал в качестве заправки короткий текст с началом и концом, предложив всем желающим его продолжить с любого места. В результате вместо одной ветвящейся сюжетной линии появилось множество линий, причудливо связанных между собой гиперссылками.

Что же касается самого принципа цифровой гипертекстуальности, появившегося с изобретением виртуального пространства, то он не стал, как это виделось авторам и теоретикам, стоявшим у истоков гипертекстового романа, доминирующим способом со-

здания литературных произведений. Однако, поскольку «гипертекст оказался прекрасным приемом для связывания между собой коллекций текстов линейного характера, так же, как и высказываний, принадлежащих различным людям» (JOHNSON 2013), то с появлением Интернета, он шагнул за пределы литературы и сделался основным принципом существования в сети: заметка в соцсетях может ссылаться на новостную статью, которая ссылается на статью в энциклопедии и так дальше до бесконечности. Причем отделить факт от вымысла часто практически не представляется возможным. Таким образом, любое наше путешествие в сети становится похоже на блуждание по лексиям некоего глобального гиперромана.

© Цветкова М. В.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абашева М. П., Катаев Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность. Пермь: Пермский гос. гуманитар.- пед. ун-т, 2013. [Abasheva, Marina P., & Kataev, Filipp. A. (2013) *Russkaya proza v epokhu Interneta: transformatsii v poetike i avtorskaya identichnost'* (Russian Prose in the Epoque of the Internet). Perm: Perm State University. (In Russian)].
- Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. М.: ВЛАДОС, 1999. [Abramov, Boris A. (1999) *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Sopostavitel'naya tipologiya nemetszkogo i russkogo yazykov* (Theoretical Grammar of the German Language. Comparative Typology of German and Russian Languages). Moscow: VLADOS. (In Russian)].
- Абрамова С. В. Выражение связности текста в научной литературе на испанском языке (сравнительно с русским) // Лингвистические особенности научного текста. М.: Наука, 1981. С. 66—74. [Abramova, Svetlana V. (1981) *Vyrazheniye svyaznosti teksta v nauchnoy literature na ispanskom yazyke (sravnitel'no s russkim)* (Expression of Text Coherence in Scientific Literature in Spanish (as compared to Russian)). In Tsvilling, Mikhail Ya. (ed.) *Lingvisticheskiye osobennosti nauchnogo teksta* (Linguistic Features of a Scientific Text). Moscow: Nauka, 66—74. (In Russian)].
- Авербух К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. [Averbukh, Konstantin Ya. (2005) *Obshchaia teoriia termina: kompleksno-variologicheskii podkhod* (General Term Theory: Complex and Variological Approach). Advanced PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Аверина А. В., Кострова О. А. Грамматика немецкого языка. М.: Юрайт, 2019. [Averina, Anna V., & Kostrova, Olga A. (2019) *Grammatika nemetskogo yazyka* (Grammar of German). Moscow: Yurait. (In Russian)].
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. [Avrorin, Valentin A. (1975) *Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* (Problems of Studying the

- Functional Side of Language (To the Question of the Subject of Sociolinguistics). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Адоевская О. В. Пространство непосредственной коммуникации и его глагольная организация в современном немецком языке. Самара: ПГСГА, 2009. [Adoyevskaya, Olga V. (2009) *Prostranstvo neposredstvennoy kommunikatsii i yego glagol'naya organizatsiya v sovremennom nemetskom yazyke*. (Space of Face-to-face Communication and its Verbal Organization). Samara: PGSGA. (In Russian)].
- Азгихина Н. И. Парадоксы российской истории // Женщина Плюс. 2001. № 1. URL: <http://www.owl.ru/win/womplus/2001/anadia.htm> (дата обращения 16 сентября 2020). [Azgihina, Nadezhda I. (2001) *Paradoksy rossiyskoy istorii*. *Zhenshhina Plus*, 1. Retrieved from <http://www.owl.ru/win/womplus/2001/anadia.htm>. (In Russian)].
- Акинина П. С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса (на материале выступлений президента США Барака Обамы). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. [Akinina, Polina S. (2019) *Lingvopragmaticheskiye osobennosti amerikanskogo politicheskogo diskursa (na materiale vystupleniy prezidenta SSHA Baraka Obamy)* (Linguopragmatic Peculiarities of American Political Discourse (on the Material of US President Barak Obama's Speeches)). PhD thesis in Philology. Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Алпатов В. М. (2000) Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: УРСС, 2000. С. 192—209. [Alpatov, Vladimir M. (2000) *Zarubezhnaya sotsiolingvistika o problemakh dvuyazychiya i yazykov natsional'nykh men'shinstv* (Foreign Sociolinguistics about the Problems of Bilingualism and Languages of National Minorities). In Krysin, Leonid P. (ed.) *Rechevoye obshcheniye v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* (Speech Communication in Conditions of Linguistic Heterogeneity). Moscow: URSS, 192—209. (In Russian)].
- Алхастова З. Р., Карпова О. М. Словари культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2020. [Alhastova, Zalina R., & Karпова, Olga M. (2020) *Slovari kulturnogo naslediya (na materiale slovarey*

- yazyka angliyskikh pisateley, tsitat i poslovits* (Dictionaries of Cultural Heritage with Special Reference to Dictionaries of English Writers, Quotations and Proverbs). Ivanovo: Ivanovo State University (In Russian)].
- Алхастова З. Р. Словари английских пословиц в парадигме английской национальной лексикографии. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2018. [Alhastova, Zalina R. (2020) *Slovari angliyskikh poslovits v paradigme angliyskoy natsionalnoy leksikografii* (Dictionaries of English Proverbs in the Paradigm of English National Lexicography). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Аминева Т. А. Сложноподчиненное предложение с придаточным субъектным в референциально-прагматическом аспекте (на материале современного немецкого языка). Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2005. [Amineva, Tamara A. (2005) *Slozhnopodchinnoye predlozheniye s pridatocnym subjektnym v referentsial'no-pragmaticheskom aspekte: na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka* (Compound Sentence with Subject Clause: Referential and Pragmatic View: as Exemplified by Contemporary German). Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Анашкина И. А. Терминологический аспект изучения аксиологии звучащего текста // Терминоведение. 1995. Вып. 2—3. С. 95—96. [Anashkina, Irina A. (1995) Terminologicheskii aspekt izucheniia aksiologii zvuchashchego teksta (The Terminological Aspect of Studying Axiology of a Spoken Text). *Science of Terminology Journal*, 2—3, 95—96. (In Russian)].
- Андреев А. Сетература как ее NET. От эстетики Хейана до клеточного автомата и обратно // Сетевая словесность. 2002. URL: <https://www.netslova.ru/andreev/setnet/>. [Andreev, Aleksey. (2002) Seteratura kak eyo NET. Ot estetiki Heyana do kletocnogo avtomata i obratno (Web Literature and how it does not Exist. From the Esthetics of Heyan to the Sell Machine and Back). *Web Literature*. Retrieved from <https://www.netslova.ru/andreev/setnet/>. (In Russian)].

- Антонова А. В. Речевая манипуляция в предвыборном агитационном дискурсе Великобритании. М.: Маска, 2011. [Antonova, Anna V. (2011) *Rechevaya manipulyatsiya v predvybornom agitatsionnom diskurse Velikobritanii* (Speech Manipulation in Great Britain's Election Propaganda Discourse). Moscow: Maska. (In Russian)].
- Апресян В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 24—44. [Apresyan, Valentina Yu. (1999) *Ustupitel'nost' v yazyke i slova so znacheniyem ustupki* (Concession in the Language and Words with the Meaning of Concession). *Topics in the Study of Language*, 5, 24—44. (In Russian)].
- Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Физматлит, 2010. [Arakin, Vladimir D. (2010) *Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of English and Russian). Moscow: Fizmatlit. (In Russian)].
- Асланова М. Г. Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы) // Политическая лингвистика. 2015. 1 (51). С. 74—82. [Aslanova, Mariya G. (2015) *Sredstva sozdaniya pozitivnogo imidzha v rechi politika (na materiale teksta vtorogo inaugurationsionnogo obrashcheniya Baraka Obamy)* (Means of Creation of a Positive Image in the Speech of a Politician (on the Material of the Second Inaugural Address by Barack Obama's)). *Political Linguistics*, 1 (51). 74—82. (In Russian)].
- Афонькин Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. М.: Русский язык, 1985. [Afon'kin, Yuriy N. (1985) *Russko-nemetskiy slovar' krylatykh slov* (Russian-German dictionary of winged words). Moscow: Russkiy Yazyk. (In Russian)].
- Байкова О. В. Современное состояние немецких говоров Кировской области и особенности их системы вокализма. Киров: ВятГГУ, 2008. [Baikova, Olga V. (2008) *Sovremennoye sostoyaniye nemetskiikh govorov Kirovskoy oblasti i osobennosti ikh sistemy vokalizma* (The Current State of the German Dialects of the Kirov Region and the Peculiarities of their Vocal System). Kirov: Vyatka State University. (In Russian)].
- Байкова О. В. Характер немецко-русского двуязычия немцев-билингвов Кировской области // Двуязычное образование: теория и практика: Материалы междунар. науч. конф. 26–28 апреля 2011

- г. Хельсинки, Финляндия / под. ред. М. В. Копотева, Е. Ю. Протасовой. Хельсинки: Хельсинский университет; СПб.: Златоуст, 2011. С. 35—37. [Baikova, Olga V. (2011) Kharakter nemetsko-russkogo dvuyazychiya nemtsev-bilingvov Kirovskoy oblasti (The Nature of the German-Russian Bilingualism of the Bilingual Germans of the Kirov Region). In Kopoteva, M. V., & Protasova, E. Yu. (eds.) *Dvuyazychnoye obrazovaniye: teoriya i praktika* (Bilingual Education: Theory and Practice). Helsinki: University of Helsinki; Saint-Petersburg: Zlatoust, 35—37. (In Russian)].
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. [Baranov, Anatoliy N., & Dobvol'skiy, Dmitriy O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of the theory of phraseology). Moscow: Znak. (In Russian)].
- Барм Р. S-Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Barthes, Roland. (2001) *S-Z*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Бартов А. «Новояз» в литературе и в жизни. К 60-летию выхода романа Джорджа Оруэлла «1984» // Нева. 2009. № 3. С. 159—165. [Bartov, A. (2009) «Novoyaz» v literature i v zhizni. K 60-letiyu vykhoda romana Dzhordzha Oruella «1984» ('Novoyaz' in Literature and Life. To the 60th Anniversary of George Orwell's Novel '1984'). *Neva*, 3, 159—165. (In Russian)].
- Бекбалаева Ч. А. К вопросу о лингвометодике сопоставительного преподавания иноязычных кинем в условиях родного языка (о преодолении нежелательной межкультурной паралингвистической интерференции) // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) / отв. ред. О. А. Шульга. СПб.: Реноме, 2012. С. 105—108. [Bekbalaeva, Cholpon A. (2012) K voprosu o lingvometodike sopostavitel'nogo prepodavaniya inoyazychnykh kinem v usloviyakh rodnogo yazyka (o preodolenii nezhelatel'noy mezhkul'turnoy paralingvisticheskoy interferentsii) (On the Question of the Linguistic Methodology of Comparative Teaching of Foreign Language Kinemes in the Conditions of the Native Language (on Overcoming Unwanted Intercultural Paralinguistic Interference)). In Shul'ga, O. A. (ed.) *Filologicheskiye nauki v Rossii i za rubezhom* (Philological Sciences in Russia and Abroad). Saint Petersburg: Renome, 105—108. (In Russian)].

- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. [Belikov, Vladimir I., & Krysin, Leonid P. (2001) *Sotsiolingvistika* (Sociolinguistics). Moscow: Russian State University of the Humanities. (In Russian)].
- Бердникова О. В. Контрастивно-фонологический анализ систем вокализма русского и испанского языков. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. [Berdnikova, Olga V. (2003) *Kontrastivno-fonologicheskii analiz sistem vokalizma russkogo i ispanского yazykov* (Contrastive Phonological Analysis of the Vocalism Systems of the Russian and Spanish Languages). PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Берзина Г. П. Уступительный концепт как интегративный комплекс // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. 2012. С. 359—362. [Berzina, Galina P. (2012) *Ustupitel'nyj kontsept kak integrativnyj kompleks* (Concessive Concept as an Integrative Complex). *Cognitive Language Research*, XI, 359—362. (In Russian)].
- Беспалова Е. В. Концепт ЛЕС / WALD в русских и немецких фразеологизмах и поговорках // Русская германистика. Т. 13. М.: ЯСК, 2016. С. 168—176. [Bespalova, Ekaterina V. (2016) *Contsept LES / WALD v russkikh i nemetskikh frazeologizmakh i paremiyakh* (Concept FOREST / WALD in Russian and German Phraseological Units and Proverbs). *Russkaya germanistika*, 13. Moscow: LRC Publishers, 168—176. (In Russian)].
- Блинова Ю. А. Прецедентные имена и названия как средства экспликации ценностных ориентаций в художественном дискурсе (на материале романа Юдит Шалански «Шея жирафа») // Эволюция и трансформация дискурсов. 2018. Вып. 3. С. 179—187. [Blinova, Yulia A. (2018) *Precedentnyye imena i nazvaniya kak sredstva eksplikatsii tsennostnykh orientatsiy v khudozhestvennom diskurse: na materiale romana Judith Schalansky "Sheya Zhirafa"* (Precedent Related Names and Titles as Explication Means of Value Orientations in Fictional Discourse: as Exemplified by the Novel by Judith Schalansky "The Neck of Giraffe"). *Evolutsiya i Transformatsiya Diskursov* (Discourse Evolution and Transformation), 3, 179—187. (In Russian)].
- Блинова Ю. А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе. Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2007. [Blinova, Yulia A. (2007)

- Precedent-related Proper Names in German News Paper Discourse* (Precedent-related Proper Names in German News Paper Discourse). Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Блок Э. Е. Контрастивный анализ как научная база для создания компьютерных тренажеров иноязычного произношения // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия 9: Филология. 2015. № 10. С. 97—105. [Blok, Evelina E. (2015) Kontrastivnyy analiz kak nauchnaya baza dlya sozdaniya kompyuternykh trenazherov inoyazychnogo proiznosheniya (Contrastive Analysis as a Scientific Basis for the Creation of Computer Simulators for Foreign Language Pronunciation). *The Buryat State University Bulletin*, 10, 97—105. (In Russian)].
- Богословская З. М. О разных уровнях и ступенях анализа формальных вариантов слова // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 296. С. 21—23. [Bogoslovskaya, Zoya M. (2007) O raznykh urovnyakh i stupenyakh analiza formal'nykh variantov slova (Various Levels in the Analysis Formal Variation of Words). *Tomsk State University Journal*, 296, 21—23. (In Russian)].
- Богоявленская Ю. В. Современные сопоставительные исследования: новые векторы развития // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sopostavitelnye-issledovaniya-novye-vektory-razvitiya> (дата обращения: 01.09.2020). [Bogoyavlenskaya, Yuliya V. (2015) Sovremennyye sopostavitel'nyye issledovaniya: novyye vektory razvitiya (Modern Comparative Research: New Vectors of Development). *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sopostavitelnye-issledovaniya-novye-vektory-razvitiya>. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. // Ред. Н. Н. Болдырев. М: Институт языкознания РАН, 2009. С. 91—103. [Boldyrev, Nikolay N. (2009) Problemy issledovaniya yazykovogo znaniya (Problems of Language Knowledge Research). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, t. I. Kontseptual'nyy analiz yazyka (Cognitive Studies of Language, vol. I. The Conceptual Analysis of Language). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 91—103.

- (In Russian)].
- Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык. (1998). М.: Март. [Bo'l'shoi tolkovyy slovar' nemetskogo yazyka: Dlya izuchayushhikh nemetskiy yazyk. (1998). Moscow: Mart. (In German and Russian)].
- Борисова Е. Б. Германистика и зарубежная литература на карте факультета иностранных языков СГСПУ: этапы развития, достижения, перспективы // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 28—33. [Borisova, Elena B. (2016) Germanistika i zarubezhnaya literature na karte fakulteta inostrannykh yazykov SGSPU: etapy razvitiya, dostizheniya, perspektivy (Germanic Studies and Foreign Literature on the Map of Foreign Languages Faculty of the Samara State University of Social Sciences and Education: Development Stages, Achievements, Perspectives). *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*, 3, 28—33. (In Russian)].
- Борисова Е. Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология — лингвопоэтика — перевод. Самара: ПГСГА, 2011. [Borisova, Elena B. (2011) *Khudozhestvennyy obraz v angliyskoy literature XX veka: tipologiya — lingvopoetika — perevod* (Artistic Image in British Literature of the 20th Century: Typology — Linguopoetics — Translation). Samara: PGSGA. (In Russian)].
- Буранов Д. Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М.: Высшая школа, 1983. [Buranov, Dzhamaldin B. (1983) *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i tyurkskikh yazykov* (Comparative Typology of English and Turkic Languages). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Бурдаева Т. В. Сложноподчиненное предложение как знаково-коммуникативная единица: концептуальный подход (на материале научно-технических текстов немецкого языка). М.: РУСАЙНС, 2020. [Burdayeva, Tatiana V. (2020) *Slozhnopodchinjonnoye predlozheniye kak znakovo-kommunikativnaya yedinitisa: konceptual'nyy podkhod (na materiale nauchno-technicheskikh tekstov nemetskogo yazyka)* (Compound Sentences as a Sign and a Communicative Unit: Conceptual Approach). Moscow: RUSCIENCE. (In Russian)].
- Вандышева А. В. Гендерная языковая картина мира // Язык. Дискурс. Текст. 2007. С. 31—38. [Vandyшева, Anna V. (2007) *Gendernaya yazykovaya kartina mira*. *Yazyk. Diskurs. Tekst* (Language. Discourse.

- Text), 31—38. (In Russian)].
- Варнавская Е. В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2009. [Varnavskaya, Elena V. (2009) *Status i funktsionirovaniye eponimov v meditsinskoj terminologii ispanского yazyka* (Status and Functioning of Eponyms in the Spanish Medical Terminology). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Величкова Л. В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1989. [Velichkova, Lyudmila V. (1989) *Kontrastivno-fonologicheskiy analiz i obucheniye inoyazychnomu proiznosheniyu* (Contrastive Phonological Analysis and Teaching Foreign Language Pronunciation). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Веревкина Ю. О. Немецкие рекламные поликодовые тексты: герменевтический подход. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: ПГСГА, 2010. [Veryovkina, Yuliya O. (2010). *Nemetskiye reklamnyye polikodovyye teksty: germenevticheskiy podkhod* (German Advertising Combination Texts: Hermeneutic Approach). Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Samara: PGSGA. (In Russian)].
- Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. 1999. № 10. С. 169—177. [Vizel', Mihail. (1999) *Giperteksty po tu i etu storony ekrana* (Hyper Texts on This and Other Side of the Screen). *Inostrannaya literatura* (Foreign Literature), 10, 169—177. (In Russian)].
- Визель М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста // *Сетевая словесность*. 1998. URL: <https://www.netslova.ru/viesel/viesel.htm>. [Vizel', Mikhail. (1998) *Pozdniye romany Italo Kal'vino kak obraztsy giperteksta* (The Late Novels by Italo Calvino as the Examples of Hypertext Fiction). *Web Fiction*. Retrieved from <https://www.netslova.ru/viesel/viesel.htm>. (In Russian)].
- Виноградов В. А. Типология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 512—514. [Vinogradov, Viktor A. (1990) *Tipologiya* (Typology). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* (Linguistic

- Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 512—514. (In Russian)].
- Виноградов В. А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616—617. [Vinogradov, Viktor A. (1990) *Yazykovaya situatsiya* (Language situation). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovyetskaya entsiklopediya, 616—617. (In Russian)].
- Виноградов В. А.* Дивергенция // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136. [Vinogradov, V. A. (1998) *Divergentsiya* (Divergence). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Yazykoznaniiye* (Linguistics). Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 136. (In Russian)]. [2nd ed.]
- Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (1947) // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140—161. [Vinogradov, Viktor V. (1947, 1977) *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh yedinit v russkom yazyke* (On the main types of phraseological units in Russian). In Kostomarov, Vitaliy G. (ed.) *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* (Selected Works. Lexicology and lexicography). Moscow: Nauka, 140—161. (In Russian)].
- Виноградова С. Г.* Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2016. [Vinogradova, Svetlana G. (2016) *Kognitivnyye osnovy kommunikativnogo chleneniya slozhnogo predlozheniya* (Cognitive Basis of Functional Perspective of Compound Sentences). Extended Abstract of advanced PhD thesis in Philology. Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Волохина Г. А., Попова З. Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. [Volokhina, Galina A., & Popova, Zinaida D. (2003) *Sintaksicheskiye kontsepty russkogo prostogo predlozheniya* (Syntactic Concepts of the Russian Simple Sentences). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Воронина О. А.* Гендер // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А.

- Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. [Voronina, O. A. (2002) Gender. In Denisova, A. A. (ed.) *Slovar' gendernykh terminov* (Dictionary of Gender Terms). M.: Informatsiya XXI vek, 2002. (In Russian)].
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, Hans-Georg. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* (Truth and Method: Introduction to Philosophical Hermeneutics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М.: Русский язык, 1975. [Gak, Vladimir G. (1975) *Russkiy yazyk v sopostavlenii s frantsuzskim* (Russian versus French). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1983. [Gak, Vladimir G. (1983) *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of French and Russian). Moscow: Prosveshheniye. (In Russian)].
- Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 5—17. [Gak, Vladimir G. (1989) O kontrastivnoy lingvistike (On Contrastive Linguistics). In Neroznak, Vladimir P., & Gak, Vladimir G. (eds.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. XXV. Kontrastivnaya lingvistika* (News in Foreign Linguistics. XXV. Contrastive Linguistics). Moscow: Progress, 5—17. (In Russian)].
- Ганеев Б. Т. Противоречия в языке и речи: Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2004. [Ganeyev, Bulat T. (2004) *Protivorechiya v yazyke i rechi* (Contradictions in Language and Speech). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Ufa: Bashkir State University. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи. На материале русского и французского языков. М.: УРСС, 2009. [Garbovskiy, Nikolay K. (2009) *Sopostavitel'naya stilistika professional'noy rechi. Na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov* (Comparative Stylistics of Professional Speech. Based on the Material of Russian and French Languages). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Флинта, 2018. [Gvozdev, Aleksandr N. (2018) *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* (Essays about Stylistics of Russian). Moscow: Flinta. (In Russian)].

- Генералова Е. В. Избыточность как характерная черта лексико-семантической системы языка Московской Руси // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Е. П. Осипова. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2017. С. 19—26. [Generalova, Elena V. (2017) *Izbytochnost' kak kharakternaya cherta leksiko-semanticheskoy sistemy yazyka Moskovskoy Rusi* (Redundancy as a Typical Feature of the Lexical-Semantic System of the Language of *Moskovskaya Rus'*) In I. I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy (I. I. Sreznevskiy and Russian Historical Linguistics: Experience and Prospects). Ryazan': Ryazan' State University, 19—26. (In Russian)].
- Гиляровский В. А. Под веселой козой // Друзья и встречи. М.: Гослитиздат, 1934 [Электронный ресурс] // URL: <https://homelibrary.ru/gilyarovskiy-v-a/pod-veseloy-kozoy> (дата обращения 24.07.2020). [Gilyarovskiy, Vladimir A. (1934) *Pod veseloi kozoi* (At the Merry Goat). In *Friends and Meetings*. Moscow: Goslitizdat Publishing House (2020, July 24). Retrieved from <https://homelibrary.ru/gilyarovskiy-v-a/pod-veseloy-kozoy>. (In Russian)].
- Головин Б. Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии // Учен. записки Горьковского гос. ун-та. 1970. Вып. 114. С. 17—26. [Golovin, Boris N. (1970) *O nekotorykh zadachakh i tematike issledovaniya nauchnoy i nauchno-tekhnicheskoy terminologii* (On Some Objectives and Research Subjects of Scientific and Scientific and Technical Terminology). *Scholarly Notes of Gorky State University*, 114, 17—26. (In Russian)].
- Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. [Golovin, Boris N., & Kobrin, Rafail Yu. (1987) *Lingvisticheskiye osnovy ucheniya o terminakh* (Linguistic Basics of Terms Theory). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Нижний Новгород: Поволжье, 2010. [Golubeva, Nadezhda A. (2010) *Grammaticheskiye pretsedentnyye edinitiy v sovremennom nemetskom yazyke* (Grammatical Case-Units in the Modern German Language). Nizhny Novgorod: Povolzhye. (In Russian)].

- Голукович А. Е. Репрезентация концепта «концессивность» в английской языковой картине мира. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, Воронежский гос. пед. ун-т, 2007. [Golukovich, Alla E. (2007) *Reprezentatsiya kontsepta «kontsessivnost'» v anglijskoy yazykovoy kartine mira* (Representation of the Concept of “Concession” in the English Language Picture of the World). Advanced PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. (In Russian)].
- Гончаров И. А. Обрыв. М.: Время, 2017. [Goncharov, Ivan A. (2017) *Obryv* (The Precipice). Moscow: Vremya. (In Russian)].
- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. М.: Либроком, 2009. [Gorbachevich, Kirill S. (2009) *Variantnost' slova i yazykovaya norma: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* (Word Variation and Language Norm: Based on the Material of the Modern Russian Language). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Горбунов М. В. Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. [Gorbunov, Mikhail V. (2011) *Printsipy registratsii i leksikograficheskogo opisaniya imyon sobstvennykh v slovaryakh angliyskogo yazyka dlya obshchikh i spetsialnykh tseley* (Principles of Registration and Lexicographic Description in Specialized English Dictionaries for General and Special Purposes). PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Городникова М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново: Московский гос. лингвистический ун-т, 1999. С. 81—92. [Gorodnikova, M. D. (1999) *Gendernyy aspekt obrashheniy kak faktor rechevogo regulirovaniya*. In Khaleyeva, Irina, I. (ed.) *Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii* (Gender Factor in Language and Communication). Ivanovo: Moscow State Linguistic University, 81—92. (In Russian)].
- Горький М. Детство. В людях. Мои университеты // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1949 [Электронный ресурс] // URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/about/merezhkovskij-ne-svyataya-rus.htm> (дата обращения 24.07.2020). [Gorky, Maxim.

- (1949) Detstvo. V lyudyakh. Moi universitety (My Childhood. In the World. My Universities). In *Collected Works*. Vol. 13. Moscow: Goslitizdat Publishing House (2020, July 24). Retrieved from <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/about/merezhkovskij-ne-svyataya-rus.htm>. (In Russian)].
- Гринеv-Гринеvич С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. [Grinev-Grinevich, Sergey V. (2008) *Terminovedeniye* (Science of Terminology). Moscow: Akademiya Publ. (In Russian)].
- Гриценко Е. С. Язык. Гендер. Дискурс. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. [Gritsenko, Yelena S. (2005) *Yazyk. Gender. Diskurs* (Language. Gender. Discourse). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University. (In Russian)].
- Громыко Ал. А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2008. [Gromyko, Aleksey A. (2008) *Obrazy Rossii i Velikobritanii: realnost i predrassudki* (Images of Russia in Britain: Reality and Superstitions). Moscow: Russian Academy of Sciences; Russkiy сувенир. (In Russian)].
- Гудавичюс А. Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас, 1985. [Gudavichyus, Aloizas J. (1985) *Sopostavitel'naya semasiologiya litovskogo i russkogo yazykov* (Comparative Semasiology of the Lithuanian and Russian Languages). Vilnius: Mokslas. (In Russian)].
- Гундарева Е. С. Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики (на материале немецкоязычной прозы). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2002. [Gundareva, Elena S. (2002) *Slozhnopodchinennoye predlozheniye s pridatochnym objektivnym v yedinstve sintaksisa i pragmatiki* (Compound Sentence with an Object Clause as Syntactic and Pragmatic Unit). Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education (In Russian)].
- Гундарева Е. С., Кострова О. А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными объектными). Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2005. [Gundareva, Elena S., & Kostrova, Olga A. (2005) *Semiotika kosvennosti v nemetskom yazyke: na materiale slozhnopodchinennykh predlozheniy s pridatochnymi objektivnymi* (Semiotics of Indirectness in German Language: on the material of complex subordinate sentences with object clauses). Tolyatti: Tolyatti State University. (In Russian)].

- tochnymi obyektnymi* (Semiotics of Indirect Speech in German: as Exemplified by Compound Sentences with Object Clauses). Togliatti: Togliatti State University. (In Russian)].
- Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта: Наука, 2003. [Gurevich, Valeriy V. (2003) *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazykov. Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazyka* (Theoretical Grammar of the English language. Comparative Typology of English and Russian). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Гурочкина А. Г., Персинина А. С. Концепт «время» и его образная объективация в поэтическом идиолекте У. Шекспира // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 201—208. [Gurochkina, Alla G., & Persinina, Anna S. (2009) *Kontsept vremya i ego obraznaya obyektivatsiya v poeticheskom idiolekte U. Shekspira* (Time Concept and its Figurative Objectification in W. Shakespeare' Poetic Idiolect). *Cognitive Studies of Language*, I, 201—208. (In Russian)].
- Далидович Г. Перспективы гипертекстовой романистики // *Сетевая словесность*. 2001. URL: <https://www.netslova.ru/dalidovich/words1.htm>. [Dalidovich, Georgiy. (2001) *Perspektivy gipertekstovoy romanistiki* (Perspectives of Hupertext Novel). *Web Fiction*. Retrieved from <https://www.netslova.ru/dalidovich/words1.htm>. (In Russian)].
- Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. [Danilenko, Valery P. (1977) *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* (Russian Terminology: Linguistic Description Experience). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. [Devkin, Valentin D. (1979) *Ne-metskaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika* (German Spoken Language: Syntax and Vocabulary). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)].
- Деже Л. Некоторые замечания о роли приложения типологии к контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 179—186. [Dezső, László. (1989) *Nekotoryye zamechaniya o roli*

- prilozheniya tipologii k kontrastivnoy lingvistike (Some Remarks on the Application of Typology in Contrastive Linguistics). In Neroznak, Vladimir P., & Gak, Vladimir G. (eds.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. XXV. Kontrastivnaya lingvistika* (News in Foreign Linguistics. XXV. Contrastive Linguistics). Moscow: Progress, 5—17. (In Russian)].
- Джеймс К. Контрастивный анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 205—306. [James, Carl. (1989) Kontrastivnyy analiz (Contrastive Analysis). In Neroznak, Vladimir P., & Gak, Vladimir G. (eds.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. XXV. Kontrastivnaya lingvistika* (News in Foreign Linguistics. XXV. Contrastive Linguistics). Moscow: Progress, 205—306. (In Russian)].
- Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2013) *Besedy o nemetskom slove* (Conversations about the German word). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russian)].
- Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005. [Dobrosklonskaya, Tatyana G. (2005) *Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi)* (Questions of Studying Media Texts (Research Experience of Modern English Media Language)). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Докинз Р. Слепой часовщик. Как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной. М.: АСТ: CORPUS, 2019. [Dawkins, Richard (2019) *Slepyy chasovshchik. Kak evolyutsiya dokazyvayet otsutstviye zamysla vo Vselennoy* (The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe without Design). Moscow: AST: CORPUS. (In Russian)].
- Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л.: Наука, 1983. [Domashnev, Anatoliy I. (1983) *Sovremennuyu nemetskiy yazyk v ego natsional'nykh variantakh* (Modern German Language in all its National Variants). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Евтушенко О. А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2006. [Yevtu-

- shenko, Oksana A. (2006) *Institutsional'nyy kontsept "poritsaniye" v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* (The Institutional Concept of "Censure" in the English and Russian Linguistic Cultures). PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР / Отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1988. С. 38—135. [Jedlichka, Alois (1988). *Literaturnyy yazyk v sovremennoy kommunikatsii* (Literary Language in Modern Communication). In Kondrashov, Nikolay A. (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk 20: Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh CHSSR* (New in Foreign Linguistics. Issue 20: The Theory of Literary Language in the Works of Scientists from Czechoslovakia). Moscow: Progress, 38—135. (In Russian)].
- Заварзина Г. А. Инновации в языке нового государственного управления: профессионально-престижные социолектизмы или знаки коммуникативных неудач? // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2019. № 24. С. 109—112. [Zavarzina, Galina A. (2019) *Innovatsii v yazyke novogo gosudarstvennogo upravleniya: professional'no-prestizhnye sotsiolektizmy ili znaki kommunikativnykh neudach?* (Innovations in the Language of New State Government: Prestigious Professionalisms or Signs of Communicative Failure?). *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*, 24, 109—112. (In Russian)].
- Закирьянов К. З. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометодический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-issledovanie-raznostrukturnykh-yazykov-lingvometodicheskiy-aspekt> (дата обращения: 09.09.2020). [Zakiryaynov, Kabir Z. (2015) *Sopostavitel'noye issledovaniye raznostrukturnykh yazykov: lingvometodicheskiy aspekt* (Comparative Study of Languages of Different Structures: Linguo-methodological Aspect. *The Liberal Arts in Russia*, 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-issledovanie-raznostrukturnykh-yazykov-lingvometodicheskiy-aspekt>. (In Russian)]. doi: 10.15643/libartrus-2015.3.6.

- Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. [Zamyatin, Dmitriy N. (1999) *Modelirovaniye geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoi geografii* (Modelling of Geographical Images: The Space of Humanitarian Geography). Smolensk: Oikumena. (In Russian)].
- Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). С. 255—275. [Zamyatin, Dmitriy N. (2000) *Fenomenologiya geograficheskikh obrazov* (Phenomenology of Geographical Images). *New Literary Review*, 6, 255—275. (In Russian).]
- Зверев А. М. О старшем брате и чреве кита: набросок к портрету Оруэлла // Джордж Оруэлл: «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 5—21 [Электронный ресурс] // URL: https://orwell.ru/library/novels/1984/russian/rpfc_az (дата обращения: 11.09.2020). [Zverev, Aleksey M. (1989) *O starshem brate i chreve kita: nabrosok k portretu Oruella* (On the Elder Brother and the Whale Belly). In *Dzhordzh Oruell: "1984" i esse raznykh let*. (George Orwell: "1984" and Essays from Different Years). Moscow: Progress, 5—21. Retrieved from https://orwell.ru/library/novels/1984/russian/rpfc_az. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л. Контрастивная лингвистика и типология // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrastivnaya-lingvistika-i-tipologiya> (дата обращения: 28.08.2020). [Zelenczkiy, Aleksandr L. (2010) *Kontrastivnaya lingvistika i tipologiya* (Contrastive Linguistics and Typology). *Proceedings of Voronezh State University*, 1. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrastivnaya-lingvistika-i-tipologiya>. (In Russian)].
- Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Академия, 2004. [Zelenczkiy, Aleksandr L. (2004) *Sravnitel'naya tipologiya osnovnykh evropeyskikh yazykov* (Comparative Typology of Major European Languages). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. (1993) Особенности

- мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука. С. 90—157. [Zemskaya, Yelena A., Kitaygorodskaya, Margarita A., & Rozanova, Nina N. (1993) *Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi* (Features of Male and Female Speech). In Zemskaya, Yelena A., & Shmelyov, Dmitriy N. (eds.) *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* (Russian Language in its Functioning: Communicative-Pragmatic Aspect). Moscow: Nauka, 90—157. (In Russian)].
- Злобина М. Версия Кестлера: книга и жизнь // Новый мир. 1989. № 2. С. 257—264. [Zlobina, Maya. (1989) *Versiya Kestlera: kniga i zhizn'* (Koestler's Version: Book and Life). *Novyy mir* (New World), 2, 257—264.
- Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л. Лингво-темпоральный анализ инаугурационных выступлений глав США и России // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 150—154. [Zubanova, Lyudmila B.; Zyhovskaya, Natalia L., & Shub, Mariya L. (2019) *Lingvo-temporal'nyy analiz inauguratsionnykh vystupleniy glav SSHA i Rossii* (Lingvo-temporal Analysis of Inaugural Speeches of the USA and Russia Heads of States). *Sociological Studies*, 4, 150—154. (In Russian)]. doi: 10.31857/S013216250004022-7
- Иванова Н. Е. Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2007. [Ivanova, Nataliya E. (2007) *Bibleiskiyе frazeologizmy i ikh leksikograficheskaya razrabotka v slovaryakh angliyskogo yazyka razlichnykh tipov* (Bible Phraseology and its Lexicographic Description in Modern English Dictionaries of Different Types). PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Ивановская лексикографическая школа: традиции и инновации / под ред. Ф. И. Карташковой. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. [Kartashkova, Faina I. (ed.) (2011) *Ivanovskaya leksikograficheskaya skola: traditsii i innovatsii* (Ivanovo Lexicographic School: Traditions and Innovations). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Иконникова В. А. Особенности семантики английских юридических терминов в текстах международного контрактного права: (синхронный и диахронный аспекты). Дис. ... канд. филол. наук:

- 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2005. [Ikonnikova, Valentina A. (2005) *Osobennosti semantiki angliyskikh yuridicheskikh terminov v tekstakh mezhdunarodnogo kontraktного prava: (sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty)* (The Peculiarities of the English Law Term Semantics in the Texts of the International Contract Law: Synchronic and Diachronic Aspects). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Ильин Е. П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. [Ilyin, Yevgeniy P. (2010) *Pol i gender* (Sex and Gender). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Исаев М. К. Лингво-контрастивное исследование речевой деятельности в условиях искусственного двуязычия. Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 1992. [Isaev, Mulramedzhan K. (1992) *Lingvo-kontrastivnoye issledovaniye rechevoy deyatel'nosti v usloviyakh iskusstvennogo dvuyazychiya* (Contrastive Study of Oral Activity in Conditions of Artificial Bilingualism). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. [Kazarina, Valentina I. (2003) *Sintaksicheskiy kontsept "sostoyanie" v sovremenном russkom yazyke* (Syntactic Concept "State" in the Modern Russian Language). Advanced PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Владикавказ: Сев. -осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2002. [Kambolov, Tamerlan T. (2002) *Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Severnoy Osetii: istoriya, sovremennost', perspektivy* (Language Situation and Language Policy in North Ossetia: History, Modernity, Prospects). Advanced PHD thesis in Philology. Vladikavkaz: North Ossetian State University. (In Russian)].
- Карпова О. М. Шекспировская лексикография нового времени: возвращение глоссариев // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. 2012. С. 48—53. [Karpova, Olga M. (2012) *Shekspirovskaya leksikografiya novogo vremeni: vozvrashcheniye glossariyev* (Modern Shakespeare Lexicography:

- Glossaries Come Back). *Journal of Ivanovo State University*, 1, 48—53. (In Russian)].
- Карпова О. М. Шекспировские словари нового поколения (на материале специальных словарей) // Вестник Московского гос. обл. ун-та». Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 8—14. [Karpova, Olga M. (2019) *Shekspirovskiye slovari novogo pokoleniya (na materiale spetsialnykh slovarey)* (Shakespeare Dictionaries of New Generation). *Linguistics. Bulletin of the Moscow Region State University*, 2, 8—14. (In Russian)]. Doi: 10.18384/2310-712X-2019-2-8-14.
- Карпова О. М. Волонтерская лексикография (на материале толково-энциклопедического словаря «Florence in the Works of World Famous People» // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 29—34. [Karpova, Olga M. (2020) *Volonterskaya leksikografiya (na materiale tolkovo-entsiklopedicheskogo slovarya “Florence in the Works of World Famous People”)* (Volunteer Lexicography with Special Reference to Encyclopedic Dictionary “Florence in the Works of World Famous People”). *Linguistics. Bulletin of the Moscow Region State University*, 3, 29—34. (In Russian)]. Doi: 10.18384/2310-712X-2020-1-29-34.
- Карпова О. М., Уткина Н. С. Английская авторская лексикография: от Шекспира к Гарри Поттеру. Иваново: Ивановский гос. ун-т», 2013. [Karpova, Olga M., & Utkina, Natalya S. (2013) *Angliiskaya avtorskaya leksikografiya: ot Shekspira k Garri Potteru* (English Author Lexicography: from Shakespeare to Harry Potter). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Кару К. Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Дис. ... доктора философ. наук. Тарту: Тартуский ун-т, 2006. [Karu, Katrin (2006) *Ustupitel'nye konstruksii v ehstonskom i russkom yazykakh* (Concessive constructions in Estonian and Russian). Advanced PhD thesis in Philosophy. Tartu: University of Tartu. (In Russian)].
- Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. Ч. 2. М: Просвещение, 1965. С. 85—90. [Kartsevskiy, Sergey O. (1965) *Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka* (On the Asymmetric Dualism of the Linguistic Sign). In Zvegintsev Vladimir A. (ed.) *Istoriya yazykoznaniya XIX-XX*

- vekov v ocherkakh i izolecheniyakh* (History of linguistics of the 19th — 20th centuries in essays and extracts). Moscow: Prosveshcheniye Publishers, 85—90. (In Russian)].
- Кацуба А. Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 1 (292). С. 53—57. [Katsyuba, Larisa B. (2013) Determinatsiya paremii kak yedinitseyazyka i kommunikatsii (Determination of Paroemia as a Unit of Language and Communication). *Chelyabinsk State University Bulletin*, 1, 53—57. (In Russian)].
- Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Воронежский гос. тех. ун-т, 2001. [Kashkin, Vyacheslav B. (2001) *Funktsional'naya tipologiya: neopredel'onnuyu artikl'* (Functional Typology: Indefinite Article). Voronezh: Voronezh State Technical University. (In Russian)].
- Кашкин В. Б. Сопоставительная лингвистика. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. [Kashkin, Vyacheslav B. (2007) *Sopostavitel'naya lingvistika* (Comparative Linguistics). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Ким Л. П. Сетевая литература: теоретические аспекты изучения. Дис ... канд. филол. наук: 10.01.08. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2018а. [Kim, Lidiya. (2018a) *Setevaya literatura: teoreticheskiye aspekty izucheniya* (Web Literature: Theoretical Aspects of Investigation). PHD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Lomonosov University. (In Russian)].
- Ким Л. П. Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами. К постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 232—236. [Kim, Lidiya. (2018b) *Izucheniye russkoy setevoy literatury fol'kloristicheskimi metodami. K postanovke problem* (Investigating the Russian Web Literature with the Means of Folklore Methods. Problem Statement). *Philological Sciences*, 2 (80), part 2, 232—236. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: РАН, 1999. [Kirilina, Alla V. (1999) *Gender: lingvisticheskiye aspekty* (Gender: Linguistic Aspects). Moscow: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М: Институт социологии РАН, 1999. [Kirilina, Alla V. (1999) *Gender: lingvisticheskiye*

- aspekty* (Gender: Linguistic Aspects). Moscow: Institute of Sociology; Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 65—89. [Kitaigorodskaya, Margarita V. (1993) *Chuzhaya rech' v kommunikativnom aspekte* (Alien Speech in the Communicative Aspect). In Zemskaya, Yelena A., & Shmelyov, Dmitriy N. (eds.) *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* (Russian Language in its Functioning: Communicative-Pragmatic Aspect). Moscow: Nauka, 65—89. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. От гендиадиса до гендиатетракиса: опыт демаркации симптоматических явлений (на материале современного немецкого языка) // Германистика сегодня: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 16–17 октября 2018 г.) / под ред. М. А. Кульковой. Казань: Изд-во КФУ, 2019. С. 98—102. [Kobenko, Yuriy V. (2019) *От gendiadisa do gendiatetrakisa: opyt demarkatsii simptomaticheskikh yavleniy* (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) (From Hendiadis to Hendiatetrakis: An Experience of Demarcating Symptomatic Phenomena (With Special Reference to Modern German)). In Kul'kova, Mariya A. (ed.) *Germanistika segodnya* (Germanic studies today). Proceedings of the International scientific conference. Kazan: Kazan Federal University, 98—102. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. Подходы к организации словника и принципы построения лемм двуязычного фразео-паремиологического словаря // Этнология: традиции и современность / пад навук. рэд. Н.П. Мартысюк. Минск: РИВШ, 2016. С. 178—183. [Kobenko, Yuriy V. (2016) *Podkhody k organizatsii slovnika i printsipy postroyeniya lemm dvuyazychnogo frazeo-paremiologicheskogo slovarya* (Approaches to the Organization of the Vocabulary and the Principles of Constructing Lemmas of a Bilingual Phraseological-Paremiological Dictionary). In Martysyuk, Natella P. (ed.) *Etnalohija: tradytsyi i sučasnasc'* (Ethnology: traditions and modernity). Minsk: RIVSh, 178—183. (In Russian)].
- Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13—36. [Kozintseva, Natalia A. (2007)

- Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti (Typology of the Category of Evidentiality). In Khrakovskiy, Viktor S. (ed.) *Evidencial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* (Evidentiality in the Languages of Europe and Asia). Saint Petersburg: Nauka, 13—36. (In Russian)].
- Козлова А. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2019. [Kozlova, Lyubov A. (2019) *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of English and Russian). Barnaul: Altai State Pedagogical University. (In Russian)].
- Конецкая В. П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. М.: Высшая школа, 1993. [Konetszkaya, Venera P. (1993) *Vvedeniye v sopostavitel'nyuyu leksikologiyu germanskikh yazykov* (Introduction to Comparative Lexicology of Germanic Languages). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: РИТМ, 2019. [Konopel'ko, Inessa P. (2019) *Sopostavitel'nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka* (Comparative Analysis in Language Research and Teaching). Voronezh: RITM. (In Russian)].
- Коноплева Н. А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С. 50—55. [Konopleva, N. A. (2002) *Gendernyye stereotipy* (Gender Stereotypes). In Denisova, A. A. (ed.) *Slovar' gendernykh terminov* (Dictionary of Gender Terms). M.: Informatsiya XXI vek, 2002, 50—55. (In Russian)].
- Контрастивная грамматика. Языки народов СССР — германские языки / отв. ред. Б. М. Балин. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1984. [Balin, V. M. (ed.) *Kontrastivnaya grammatika. Yazyki narodov SSSR — germanskiye yazyki*. (1984) (Contrastive Grammar. Languages of the Peoples of the USSR vs. Germanic languages). Kalinin: Kalinin State University. (In Russian)].
- Конькова И. И. Структурно-функциональные характеристики антропотопонимических и терминологических составляющих англоязычного научно-технического дискурса. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2018. [Konkova, Inna I. (2018) *Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki antropotoponimicheskikh i terminologicheskikh sostavlyayushchikh angloyazychnogo nauchno-tekhnicheskogo diskursa*. Dis. ... kand. fилол. nauk: 10.02.04. Nizhnyy Novgorod: NGLU im. N. A. Dobrolybova, 2018. (In Russian)].

- teristiki antropotoponimicheskikh i terminologicheskikh sostavlyaiushchikh angloyazychnogo nauchno-tekhnicheskogo diskursa* (Structural and Functional Characteristics of the Anthropotoponymic and Terminological Components in the English Scientific and Technical Discourse). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistics University. (In Russian)].
- Корпов В. Ю. Семантико-функциональная грамматика в современной лингвистике и практике // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. С. 6—15. [Korprov, Viktor Yu. (2016) *Semantiko-funktional'naya grammatika v sovremennoy lingvistike i praktike* (Semantic Functional Grammar in Modern Linguistics and Practice). In Lebedeva, A. L., et al. (eds.) *Semantiko-funktional'naya grammatika v lingvistike i lingvodidaktike* (Semantic Functional Grammar in Linguistics and Language Education). Voronezh: Nauka-Unipress, 6—15. (In Russian)].
- Корпов В. Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. [Korprov, Viktor Yu. (2010) *Sopostavitel'nyy sintaksis russkogo i angliyskogo yazykov* (Comparative Syntax of Russian and English Languages). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Корнев С. «Сетевая литература» и завершение модерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 29—47. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/4/setevaya-literatura-i-zavershenie-post-moderna.html>. [Kornev, Sergey. (1998) «Setevaya literatura» i zaversheniye moderna (“Web Literature” and the End of Modernity). *New Literary Review*, 32, 29—47. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/4/setevaya-literatura-i-zavershenie-post-moderna.html>. (In Russian)].
- Королева С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: ДиректМедиа, 2014. [Koroleva, Svetlana B. (2014) *Mif o Rossii v britanskoj kulture i literature (do 1920-kh godov)* (The Myth of Russia in British Culture and Literature (until the 1920s)). Moscow: DirectMedia. (In Russian)].
- Королева С. Б. Россия в творчестве Д. Г. Лоуренса: борьба за настоящее и будущее // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3. С. 47—52. [Koroleva, Svetlana B.

- (2015) Rossiya v tvorchestve D. G. Lourensa: borba za nastoyashcheye i budushcheye (Russia in D. H. Lawrence's Works: Struggle for the Present and the Future). *Proceedings of Voronezh State University*, 3, 47—52. (In Russian)].
- Корошкова С. А. Социолингвистическая характеристика рекламных текстов в гендерном аспекте (на материале русскоязычных журналов). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. [Korochkova, Svetlana A. (2004) *Sotsiolingvisticheskaya kharakteristika reklamnykh tekstov v gendernom aspekte (na materiale russko-yazychnykh zhurnalov)* (Sociolinguistic Characteristics of Advertising Texts in the Gender Aspect (based on the Material of Russian-language Journals)). PHD thesis in Philology. Saint Petersburg: Herzen University. (In Russian)].
- Кострова О. А. Средства выражения условных отношений в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ярославль: Ярославский гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, 1971. [Kostrova, Olga A. (1971) *Sredstva vyrazheniya usloynykh otnosheniy v sovremennom nemetskom yazyke (Expression Means of Conditional Relations in Modern German)*. Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Yaroslavl': Yaroslavl' State Pedagogical University. (In Russian)].
- Кострова О. А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на материале современного немецкого языка). Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: РАН, 1992. [Kostrova, Olga A. (1992) *Prodolzhennaya sintaksicheskaya forma kak promezhutochnoye zveno mezhdu prostym predlozheniyem i sverhkfrazovym yedinstvom* (Extended Syntactical Form as an Interim Unit between Simple Sentence and Discourse). Extended Abstract of advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Кострова О. А. Стратегии создания аспектуально-детерминантного равновесия в немецком и русском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 72—84. [Kostrova, Olga A. (2019) *Strategii sozdaniya aspektual'no-determinantnogo ravnovesiya v nemetskom i russkom yazykakh* (Aspectual and Determinative Balance in German and Russian). *Voprosy kognitivnoy lingvistiky* (Issues of Cognitive Linguistics), 3, 72—84. (In Russian)].

- Кострова О. А., Собчакова Н. М. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и английском языках. Самара: ПГСГА, 2011. [Kostrova, Olga A., & Sobchakova, Natalia M. (2011) *Slozhnopodchinennyye predlozheniya s pridatochnymi vremeni v nemetskom i angliyskom yazykakh* (Compound Sentences with Temporal Clauses in German and English). Samara: PGSGA. (In Russian)].
- Краус И. К. Языковые ситуации в странах развитого социализма и проблемы культуры языка // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 24—27. [Kraus, I.K. (1985) *Yazykovyye situatsii v stranakh razvitygo sotsializma i problemy kul'tury yazyka* (Language Situations in the Countries of Developed Socialism and the Problems of Language Culture). *Voprosy yazykoznaneya* (Topics in the Study of Language), 1, 24—27. (In Russian)].
- Крупина Е. А. Словари к древнеанглийской поэме «Беовульф»: становление и современное состояние. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2018. [Krupina, Ekaterina A. (2018) *Slovary k drevneangliyskoy poeme "Beowulf": stanovleniye i sovremennoye sostoyaniye* (Dictionaries to Old-English Poem "Beowulf": Formation and Modern State). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. [Krysin, Leonid P. (1998) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* (Explanatory Dictionary of Foreign Words). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Кубарев Е. М. О сопоставительном методе в языкознании (на примере категории отрицания в русском и немецком языках) // Самарские филологи. Евгений Михайлович Кубарев: сочинения / отв. ред. Р. И. Тихонова. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2001. С. 10—26. [Kubarev, Evgeniy M. (2001) *O sopostavitel'nom metode v yazykoznanii: na primere kategorii otritsaniya v russkom i nemetskom yazykakh* (About Comparative Method in Linguistics: as exemplified by the Category of Negation in Russian and in German). In Tikhonova, R. I. (ed.) *Samarskiye filologi: Evgeniy Mikhailovich Kubarev: sochineniya* (Samara Philologists: Evgeniy Mikhailovich Kubarev: Works). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 10—26. (In Russian)].

- Кудрявцева И. Г. Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний (на материале английской и русской специальной лексики научно-технической области «Интернет»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2010. [Kudriavtseva, Irina G. (2010) *Osobennosti formal'noy struktury i semanticheskiye kharakteristiki terminologicheskikh slovosochetaniy (na materiale angliiskoy i russkoy spetsial'noy leksiki nauchno-tekhnicheskoy oblasti "Internet")* (The Peculiarities of the Formal Structure of Terminological Word-combinations and their Semantic Characteristics (with Special Reference to the English and Russian Terms of the Scientific and Technical Sphere "The Internet"). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Region State University. (In Russian)].
- Кузьмина С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2015. [Kuz'mina, Svetlana E. (2015) *Prostoye predlozheniye sovremennogo angliyskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii sintaksicheskogo kontsepta* (Simple Sentence in Modern English as a Means of Representing a Syntactic Concept). Advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Куликова А. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты (на материале русской и немецкой лингвокультуры). Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2004. [Kulikova, Lyudmila V. (2004) *Mezhkulturnaya kommunikatsiya: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty (na materiale russkoy i nemetskoy lingvokul'tur)* (Cross-cultural Communication: Theoretical and Applied Aspects (based on the Material of the Russian and German Cultures of Language)). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. (In Russian)].
- Кулинич М. А. и др. Креолизованные тексты в различных типах дискурса (на материале английского языка). Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2017. [Kulinich, Marina A., et al. (2017) *Kreolizovannyye teksty v razlichnykh tipakh diskursa* (Creolized Texts in Different Discourse Types). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].

- Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Пер. с франц. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008 [Custine, Astolphe de. (2008) *Rossiya v 1839 godu* (Russia in 1839). Saint Petersburg: Kriga. (In Russian)].
- Лапшина А. Ю. Коммуникативная стратегия неявного управления в межжанровом пространстве нарративного интервью (на материале немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2008. [Lapshina, Anastasiya Ju. (2008) *Kommunikativnaya strategiya neyavnogo upravleniya v mezhzhanrovom prostranstve narrativnogo intervyyu (na materiale nemetskogo yazyka)* (Communicative Strategy of Implicit Governance in Narrative Interview: as Exemplified by German). Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Левенкова Е. Р. Контрастивный анализ национально-специфических концептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. С. 62—70. [Levenkova, Yelena R. (2010) *Kontrastivnyy analiz nacional'no-spezificheskikh kontseptov v institutsional'nom politicheskom diskurse Velikobritanii i SSHA* (Contrastive Analysis of National Specific Concepts in the Institutional Political Discourse of Great Britain and the USA). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 32 (213). *Philology. Art Studies*, 42, 62—70. (In Russian)].
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Издательство ЛКИ, 2007. [Leichik, Vladimir M. (2007) *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* (Science of Terminology: Object, Methods, Structure). Moscow: LKI Publ. (In Russian)].
- Леонович О. А. В мире английских имен. М: АСТ, 2002. [Leonovich, Oleg A. (2002) *V mire angliiskikh imen* (In the World of the English Names). Moscow: AST Publ. (In Russian)].
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva, Viktoria N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. [Lippman, Walter. (2004)

- Obshchestvennoye mneniye* (Public Opinion). М.: Institute of the Public Opinion Foundation. (In Russian)].
- Лицарева К. С. Типологические черты сетевой литературы. Проблема автора и читателя. // Вестник Вятского гос. ун-та. 2012. Т. 2. № 2. С. 125—127. [Litsareva, Kseniya. (2012) Tipologicheskiye cherty setevoy literatury. Problema avtora i chitatelya (Typological Features of Web Literature. The Issue of the Author and the Reader). *Bulletin of Vyatka State University*, 2 (2), 125—127. (In Russian)].
- Лобанова И. В. Акцентные нормы современного немецкого языка: проблемы вариантности // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2010. № 4. С. 127—131. [Lobanova, Irina V. (2010) Aktsentnyye normy sovremennogo nemetskogo yazyka: problemy variantnosti (Accentual Norms of the Modern German Language: Problems of Variation). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Kostroma State University), 4, 127—131. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. [Losev, Aleksey F. (1982) *Znak. Simvol. Mif* (Sign. Symbol. Myth). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Лукин О. В. Наталия Александровна Булах: поколения и парадигмы // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 33—39. [Lukin, Oleg V. (2016) Nataliya Aleksandrovna Bulakh: pokoleniya i paradigmy (Nataliya Alexandrovna Bulach: Generations and Paradigms). *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* (Verhnevolzhski Philological Bulletin), 2, 33—39. (In Russian)].
- Лутфуллина Г. Ф. Сравнительная типология английского и родного языков. Казань: Казанский гос. энерг. ун-т, 2017. [Lutfullina, Gyu'l'nara F. (2017) *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i rodnogo yazykov* (Comparative Typology of English and Mother Tongue). Kazan': Kazan State Power Engineering University. (In Russian)].
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva, Viktoriya N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russian)].
- Малых Л. М. К проблеме изучения различий в сравнительном языкознании // Вестник Удмуртского гос. ун-та. Серия «История и филология». 2009а. № 1. С. 107—119. [Malykh, Lyudmila M. (2009a)

- К проблеме изучения различий в сравнительном языкознании (On the Problem of Studying Differences in Comparative Linguistics). *Bulletin of Udmurt University*, 1, 107—119. (In Russian)].
- Малых Л. М. К проблеме статуса контрастивной лингвистики // Вестник Вятского гос. ун-та. 2009б. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-statusa-kontrastivnoy-lingvistiki> (дата обращения: 05.09.2020). [Malykh, Lyudmila M. (2009b) K probleme statusa kontrastivnoy lingvistiki (On the Problem of the Status of Contrastive Linguistics). *Herald of Vyatka State University*, 2. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-statusa-kontrastivnoy-lingvistiki>. (In Russian)].
- Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знання, 2004. [Manakin, Vladimir N. (2004) *Sopostavitel'naya leksikologiya* (Comparative Lexicology). Kyiv: Znannya. (In Russian)].
- Маник С. А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Дис. ...доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2020. [Manik, Svetlana A. (2020) *Angloyazichnaya politicheskaya leksikografiya: formirovaniye, razvitiye, sovremennoye sostoyaniye* (English Political Lexicography: Formation, Development, Modern State). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Манькин В. А. Социолингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1992. [Manykin, Vladimir A. (1992) *Sotsiolingvisticheskiy aspekt funktsionirovaniya dialektov nemtsev Povolzhya* (Sociolinguistic Aspect of the Functioning of Volga Germans' Dialects). PHD thesis in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. [Maslova, Valentina A. (2004) *Lingvokul'turologiya* (Linguoculturology). Moscow: Akademiya». (In Russian)].
- Мелентьева О. А. Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2014. [Melentiyeva, Olga A. (2014) *Slovari yazyka Chosera v paradigmme*

- angliyskoy pisatelskoy leksikografii* (Chaucer Dictionaries in the Paradigm of English Lexicography). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Мельников Н. Рецензия на кн.: Энтони Берджесс. «Клюква для медведей» // Знамя. 2003. № 4. С. 228—231. [Mel'nikov, Nikolay. (2003) Retsenziya na kn.: Antony Burgess. "Kl'ukva dl'a medvedey" (Review of the Book: Anthony Burgess. Honey for the Bears). *Znamya*, 4, 228—231. (In Russian)].
- Мережковский Д. С. Не святая Русь (Религия Горького). М.: Книгоиздательство писателей, 1916. URL: <http://merezhkovskiy.lit-info.ru/merezhkovskiy/kritika-mer/nevoennyj-dnevnik-1914-1916/ne-svyataya-rus.htm> (дата обращения 24.07.2020). [Merezhkovskiy, Dmitriy S. (1916) *Ne svyataya Rus' (Religiya Gor'kogo)* (Not Sacred Russ (Gorky's Religion)). Moscow: Writers' Publishing House (2020, July 24). Retrieved from <http://merezhkovskiy.lit-info.ru/merezhkovskiy/kritika-mer/nevoennyj-dnevnik-1914-1916/ne-svyataya-rus.htm>. (In Russian)].
- Милюгина Е. Г. «Живых и мертвых вод исток»: акватическая мифология в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. // Мир романтизма. 2004. Т. 9 (33). С. 42—58. [Milyugina, Yelena G. (2004) "Zhivykh i mertvykh vod istok": akvaticheskaya mifologiya v russkoi poezii kontsa XVIII — nachala XIX v. ("The Source of Living and Dead Water": Aquatic Mythology in Russian Poetry of the Late 18th — Early 19th Centuries). In *Mir romantizma* (The World of Romanticism), 9 (33), 42—58. (In Russian)].
- Милюгина Е. Г. Русская река. М.: Белый город, 2012. [Milyugina, Yelena G. (2012) *Russkaya reka* (The Russian River). Moscow: Belyi gorod. (In Russian)].
- Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. [Milyugina, Yelena G., & Stroganov, Mikhail V. (2013) *Russkaya kul'tura v zerkale putestestvii* (The Russian Culture Reflected in Traveling). Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Моргун Е. А. Концептуализация инаугурационного дискурса (на примере инаугурационных речей американских президентов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 11 (192). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. С. 81—86. [Morgun, Yelena A. (2010)

- Kontseptualizatsiya inauguratsionnogo diskursa (na primere inauguratsionnykh rechey amerikanskikh prezidentov) (Conceptualization of Inaugural Discourse (on the Example of Inaugural Speeches of US Presidents)). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 11 (192). *Philology. Art Studies*, 42, 81—86. (In Russian)].
- Морозова А. Н., Никитина Т. Г., Сидоренко А. С. Полифония слова и текста (James Joyce's Dubliners). Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2016. [Morozova, Alevtina N.; Nikitina, Tatiana G., & Sidorenko, Alla S. (2016) *Polifoniya slova i teksta (James Joyce's Dubliners)* (Polyphony of Word and Text (James Joyce's Dubliners)). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Москалюк Л. И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. [Moskalyuk, Larisa I. (2000) *Sotsiolingvisticheskiye aspekty rechevogo povedeniya rossiyskikh nemtsev v usloviyakh bilingvizma* (Sociolinguistic Aspects of Speech Behavior of Russian Germans in the Context of Bilingualism). Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. (In Russian)].
- Муркин В. Я. Каким быть учебному пособию по курсу «Сравнительная типология иностранного и родного языков»? // Сопоставительный анализ лексических и грамматических единиц (категорий) в русском и германских языках. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1986. С. 70—82. [Murkin, Viktor Ya. (1986) *Kakim byt' uchebnomu posobiyu po kursu "Sravnitel'naya tipologiya inostranogo i rodnogo yazykov"?* (What will the Teaching Aid for the Course "Comparative Typology of Foreign and Native Languages" be like?) In Murkin, Viktor Ya. (ed.) *Sopostavitel'nyy analiz leksicheskikh i grammaticheskikh edinits (kategoriy) v russkom i germanskikh yazykakh* (Comparative Analysis of Lexical and Grammatical Units (Categories) in Russian and Germanic Languages). Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, 70—82. (In Russian)].
- Мясковская Т. В., Семина В. В. Особенности классификации исторических антропонимов // Science and World. International Scientific Journal. 2014. 12 (16). Vol. II. 52—55. [Myaskovskaya, Tatyana V., & Semina, Vera V. (2014) *Osobennosti klassifikatsii istoricheskikh an-*

- troponimov (The Peculiarities of Historical Anthroponyms Classification). *Science and world. International Scientific Journal*, 12 (16). Vol. II, 52—55. (In Russian)].
- Наседкина М. Сетература или Neteratura // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение, журналистика. 2001. № 5. С. 35—38. [Nasedkina, Marina V. (2001) Seteratura ili Neteratura (Seteratura or Neteratura). *Bulletin of RUDN*, 5, 35—38. (In Russian)].
- Нелюбин А. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта: Наука, 2012. [Nelyubin, Lev L. (2012) *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of English and Russian Languages). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Нерознак В. П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1987. С. 5—26. [Neroznak, Vladimir P. (1987) O trekh podkhodakh k izucheniyu yazykov v ramkakh sinkhronnogo sravneniya (Three Approaches to Learning Languages in Synchronous Comparison). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Sopostavitel'naya lingvistika i obucheniye nerodnomu yazyku* (Comparative Linguistics and Non-Native Language Teaching). Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics, 5—26. (In Russian)].
- Нефедова А. А. Диатопическая вариативность немецкого языка как причина лексической полиномии (на материале культурно-маркированной лексики) // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 3 (39). С. 19—31. [Nefedova, Lyubov' A. (2018) Diatopic Variety of German as a Reason for the Lexical Polyonymy (On the Material of the Culturally Marked Vocabulary). *Scientific Journal Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, 3 (39), 19—31. (In Russian)]
- Никольский А. Б. Синхронная социолингвистика: теория и практика. М.: Наука, 1976. [Nikolskiy, Leonid B. (1976) *Sinkhronnaya sotsiolingvistika: teoriya i praktika* (Synchronous Sociolinguistics: Theory and Practice). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. [Nikonova, Zhanna V. (2006) *Teoriya freymov v lingvisticheskikh issledovaniyakh*

- (Frame Theory in Linguistic Research). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. [Nikonova, Zhanna V. (2007) *Freymovy analiz rechevykh aktov (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* (Frame Analysis of Speech Acts (Based on the Material of the Modern German Language)). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Нильсен Е. А. Отражение образной составляющей концепта «время» в произведениях английских авторов XVI века // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 300—305. [Nilsen, Yevgeniya A. (2009) *Otrazheniye obraznoy sostavlyayushchey kontsepta vremya v proizvedeniyakh angliyskikh avtorov XVI veka* (Explication of the Metaphorical Part of the “Time” Concept in the Opuses of English Writers of the 16th Century). *Tambov University review*, 12 (80), 300—305. (In Russian)].
- Нильсен Е. А. Особенности репрезентации темпоральных представлений в ранненовоанглийских текстах // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 1 (49). С. 69—85. [Nilsen, Yevgeniya A. (2020) *Osobennosti reprezentatsii temporalnykh predstavleniy v rannenovoangliyskikh tekstakh* (Metaphorical Representation of Time in Renaissance English Literature). *LUNN Bulletin*, 1 (49), 69—85. (In Russian)].
- Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004. [Novikov, Andrey B. (2004) *Slovar' perifraz russkogo yazyka (na materiale gazetnoy publitsistiki)* (Paraphrase Dictionary of the Russian Language (On the Materials of Newspaper Journalism)). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Новиков В. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2019. [Novikov, V. (2019) *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* (Dictionary of Trendy Words. Language Picture of the Present). Moscow: Slovarei XXI veka. (In Russian)].
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. [Apresyan, Yuriy D. (ed.) (2004) *Novyyu*

- obyasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* (New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms). Moscow; Vienna: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах // Социальная реальность. 2006. С. 125—141. [Oslon, Aleksandr. (2006) *Uolter Lippman o stereotipakh* (Walter Lippman about Stereotypes). *Sotsial'naya real'nost'* (Social Reality), 125—141. (In Russian)].
- Пантелеева О. В. Зависимость употребления диалектизмов от особенностей типа медиадискурса // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 193—196. [Panteleyeva, Olga V. (2020) *Zavisimost' upotrebleniya dialektizmov ot osobennostey tipa mediadiskursa* (Dependence of the Use of Dialectisms on the Characteristics of the Type of Media Discourse). *Modern Pedagogical Education*, 3, 193—196 (In Russian)].
- Паршин П. Б. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы «хоть») // Референция и проблемы текстообразования: сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. С. 146—168. [Parshin, Pavel B. (1988) *Ustupka i antiustupka v deonticheskom dialoge (funktsionirovanie leksemy khot')* (Assignment and Anti-assignment in the Deontic Dialogue (Functioning of the Lexeme “though”). *Reference and Problems of Text Formation*. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Передреева Т. В. Национально-культурная специфика немецких топонимических перифраз // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 84—87. [Peredreeva, Tatyana V. (2018) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika nemetskikh toponimicheskikh perifraz* (National and Cultural Specificity of the German Toponymic Periphrases). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 84—87. (In Russian)].
- Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. [Permyakov, Grigoriy L. (1970) *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchey teorii klishe)* (From Saying to Fairy Tale (Notes on General Cliché Theory)). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Перцева В. Г. Англоязычные словари языка политиков и философов (на материале словарей цитат и пословиц). Дис. ... канд. филол.

- наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2019. [Pertseva, Vera G. (2019) *Angloyazychnye slovari yazyka politikov i filosofov (na materiale slovarey tsitat i poslovits)* (English Dictionaries of Politicians and Philosophers (with Special Reference to Dictionaries of Quotations and Proverbs). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Петрова Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. СПб.: СПбГУ; Академия, 2011. [Petrova, Yelena S. (2011) *Sopostavitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov. Grammatika* (Comparative Typology of the English and Russian Languages. Grammar). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Akademiya. (In Russian)].
- Петрянина О. В. Локативность как периферийное средство выражения темпоральных отношений в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2007. [Petryanina, Olga V. (2007). *Lokativnost' kak periferiynoye sredstvo vyrazheniya temporal'nykh otnoshenij v sovremennom nemeckom yazyke* (Location as a Periphery Means of Temporality Expression in Contemporary German). Extended Abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Печенкина Т. Г. Синтаксическая категория уступительности и формы ее выражения в русском языке 2-ой половины XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ленинград, Ленинградский пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1976. [Pechyonkina, Taisya G. (1976) *Sintaksicheskaya kategoriya ustupitel'nosti i formy eyo vyrazheniya v russkom yazyke 2-oy poloviny XIX veka* (Syntactic Category of Concessionality and its Expression Forms in the Russian Language of the 2nd Half of the 19th Century). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Leningrad, Leningrad Pedagogical Institute. (In Russian)].
- Пешковский А. М. Лексема // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2-х т. Т. 1. А-П. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Стб. 399—402. [Peshkovskiy, Aleksandr M. (1925) *Leksema* (Lexeme). In *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturny'kh terminov* (Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms). In 2 vols. Vol. 1 A-P. Moscow; Leningrad: L. D. Frenkel Publishers, col.

- 399—402. (In Russian)].
- Пильгун Е. В. Концептуализация инаугурационного дискурса президентов США // Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2013. Вып. 1. С. 92—98. [Pilgun, Yelena V. (2013) Kontseptualizatsiya inauratsionnogo diskursa prezidentov SSHA (Conceptualization of the Inaugural Discourse of US Presidents). *Present-day Issues of Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages*, 1, 92—98. (In Russian)].
- Писарь Н. В. К вопросу об определении понятия «дихотомия» в лингвистике // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 3. С. 12—18. [Pisar', Nadezhda V. (2016) K voprosu ob opredelenii ponyatiya «dikhotomiya» v lingvistike (On the Definition of “Dichotomy” in Linguistics). *IKBFU's Vestnik*, 3, 12—18. (In Russian)].
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2011. [Plungyan, Vladimir A. (2011) *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov* (Introduction into Grammar Semantics: Grammar Meanings and Grammar Systems of Languages). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Подольская Н. В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 36—37. [Podol'skaia, Nataliya V. (1990) Anthroponymics. In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopaedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX—XX вв. М: Наука, 1993. [Podoroga, Valeriy A. (1993) *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoi kul'ture XIX—XX vv.* (Landscape Metaphysics. Communicative Strategies in Philosophical Culture of the 19th and 20th Centuries). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Попова Л. В. Терминологическая полиномия в языке русского права XVII — XIX веков как отражение эволюции правового мышления // *Lingua mobilis*. 2012. № 3 (36). С. 85—89. [Popova, Lyudmila V. (2012) Terminologicheskaya polinomiya v yazyke russkogo prava 17-

- 19 vekov kak otrazheniye evolyutsii pravogo myshleniya (Terminological Polynomy in the Language of Russian Law in 17th—19th Centuries as a Reflection of Evolution of Law Thinking). *Lingua mobilis*, 3 (36), 85—89. (In Russian)].
- Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация. Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 52—62. [Potapov, Vsevolod V. (1997) *Yazyk zhenshchin i muzhchin: foneticheskaya differentsiatsiya* (Language of Women and Men: Phonetic Differentiation). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* (The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language), 56 (3), 52—62. (In Russian)].
- Прагматика высказывания и текста / отв. ред. О. А. Кострова. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 1999. [Kostrova, Olga A. (ed.) (1999) *Pragmatika vyskazyvaniya i teksta* (Pragmatics of Utterance and Text). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian and German)].
- Прилепин З. Нижний Новгород я выбрал сам [Электронный ресурс] // URL: <https://progorodnn.ru/news/60524> (дата обращения 12.08.2020). [Prilepin, Zakhar. *Nizhnii Novgorod ya vybral sam* (I Chose Nizhny Novgorod Myself) (2020, August 12). Retrieved from <https://progorodnn.ru/news/60524>. (In Russian)].
- Пространство и время в языке / под ред. О. А. Костровой. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2001. [Kostrova, Olga A. (ed.) (2001) *Prostranstvo i vremena v yazyke* (Space and Time in the Language). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Прошина З. Г., Нельсон С. Л. Варианты английского языка и расширяющийся круг Качру // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 3. С. 523—550. [Proshina, Zoya G., & Nelson, Cecil L. (2020) *Varianty angliyskogo yazyka i rasshiryayushchiysya krug Kachru* (Varieties of English and Kachru's Circle). *Russian Journal of Linguistics*, 24 (3), 523—550. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Структура простого высказывания на английском языке. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2018. [Rakhmankulova, Svetlana E. (2018) *Struktura prostogo vyskazyvaniya na angliyskom yazyke* (Structure of Simple Utterance in

- English). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Рахманкулова С. Е. Узвальная синтаксическая интерференция: проявления и пути преодоления (на материале английского и русского языков) // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 450. С. 40—48. [Rakhmankulova, Svetlana E. (2020) Uzual'naya sintaksicheskaya interferentsiya: proyavleniya i puti preodoleniya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) (Usual Syntactic Transfer: Manifestations and Ways of Overcoming (based on the Material of the English and Russian languages)). *Tomsk State University Journal*, 450, 40—48. (In Russian)].
- РОМАН (1987-1997). URL: https://kodu.ut.ee/~roman_l/hyperfiction/. [ROMAN (NOVEL). Retrieved from https://kodu.ut.ee/~roman_l/hyperfiction/. (In Russian)].
- Рослый А. С. «Сетевая литература» как феномен актуальной словесности // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 149—153. [Rosly, Andrey S. (2014) «Setevaya literatura» kak fenomen aktual'noy slovesnosti (“Web Literature” as a Phenomenon of Contemporary Literary Process). *Scientific Thought of the Caucasus*, 1, 149—153.
- Руссу А. Н. Вариантность слова в современном немецком разговорном языке: Автореф. канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Московский гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова, 2015. [Russu, Anna N. (2015) *VARIANTNOST' SLOVA V SOVREMENNOM NEMETSKOM RAZGOVORNOM YAZYKE* (Word Variety in Modern Colloquial German). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Sholokhov Moscow State University for the Humanities. (In Russian)].
- Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Вып. 1—2. С. 120—138. [Ryabova, Tatyana B. (2003) Stereotipy i stereotipizatsiya kak problema gendernykh issledovaniy (Stereotypes and Stereotyping as a Problem of Gender Studies). In Reznik, Yu. M. (ed.) *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* (Personality. Culture. Society), vol. 1—2, 120—138. (In Russian)].
- Савельев С. В. Нищета мозга. М.: ВЕДИ, 2014. [Savelyev, Sergey V. (2014) *Nishcheta mozga* (Brain poverty). Moscow: VEDI. (In Russian)].
- Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. [Savitskiy, Vladimir M. (2006) *Osnovy obshchey teorii idiomatiki* (General

- Theory of Idioms). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Савицкий В. М. Пространственные категории в методологическом инструментарии современного языкознания // Дискурсивный континуум: текст — интертекст — гипертекст / отв. ред. О. А. Кострова. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2007. С. 6—10. [Savitskiy, Vladimir M. (2007) Prostranstvennyye kategorii v metodologicheskom instrumentarii sovremennogo yazykoznaniiya (Space Categories in the Methodology of Contemporary Linguistics). In Kostrova, Olga A. (ed.) *Diskursivnyy kontinuum: tekst — intertekst — gipertekst* (Discursive Continuum: Text — Intertext — Hypertext). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 6—10. (In Russian)].
- Салистра И. Д. Очерки методов обучения иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1966. [Salistra, Isaak D. (1966) *Ocherki metodov obucheniya inostrannym yazykam* (Essays on Methods of Teaching Foreign Languages). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989. [Sannikov, Vladimir Z. (1989) *Russkiye sochinitel'nye konstruksii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis* (Russian Compositional Constructions Semantics. Pragmatics. Syntax). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Сарин Л. Сетература как художественное явление: между постмодернизмом и «массовой культурой» // Преподаватель XXI век. 2017. № 3. С. 433—440. [Sarin, Lina. (2017) Seteratura kak khudozhestvennoye yavleniye: mezhdu postmodernizmom i "massovoy kul'turoy" (Web Literature between Postmodernism and "Mass Literature"). *Teacher XXI century*, 3, 433—440. (In Russian)].
- Свиридова Л. К. К вопросу о сущности лингвистической категории тождества // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 4 (28). С. 50—58. [Sviridova, Larisa K. (2019) K voprosu o sushchnosti lingvisticheskoy kategorii tozhdestva (To the Question about the Essence of the Language Category of Identity). *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* (Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics), 4 (28), 50—58. (In Russian)].
- Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт

- описания. М.: Наука, 1990. [Seliverstova, Olga N. (1990) *Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika: Opyt opisaniya* (Contrastive Syntactic Semantics: An Experience of Description). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Seliverstova, Olga N. (2004) *Trudy po semantike* (Works on Semantics). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Синельникова Л. Н., Богданович Г. Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. Симферополь: Гуманитарно-педагогическая академия, 2001. [Sinel'nikova, L. N., & Bogdanovich, G. Yu. (2001) *Vvedenie v lingvisticheskuyu genderologiyu* (Introduction to Linguistic Genderology). Simferopol': Gumanitarno-pedagogicheskaya akademiya (Humanitarian and Pedagogical Academy). (In Russian)].
- Синеокова Т. Н. Динамика развития концепта FAMILY в инаугурационных речах президентов США // Филология в контексте коммуникации и современной культуры. Материалы Междунар. филол. конгр. Т. 1. / отв. ред. С. С. Бычков, В. В. Катермина, А. М. Прима, А. В. Самойлова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 99—106. [Sineokova, Tatiana N. (2020) Dinamika razvitiya kontsepta FAMILY v inauratsionnykh rechakh prezidentov SSHA (Dynamics of the Development of the Concept *FAMILY* in Inaugural Speeches of US Presidents). In Bychkov, Sergei S.; Katermina, Veronika V.; Prima, Anastasiya M., & Samoylova, Antonina V. (eds.) *Filologiya v kontekste kommunikatsii i sovremennoy kul'tury. Materialy Mezhdunarodnogo filologicheskogo kongressa* (Philology in Context of Communication and Modern Culture. Proceedings of International Congress), vol. 1. Krasnodar: Kuban State University, 99—106. (In Russian)].
- Синеокова Т. Н. Идентификация пола говорящего по конструктивным особенностям речи в состоянии эмоционального напряжения (на материале английского языка) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: сб. научн. статей. Вып. 1. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2006. С. 34—40. [Sineokova, Tatyana N. (2006) Identifikatsiya pola govoryashchego po konstruktivnym osobennostyam rechi v sostoyanii emotsional'nogo napryazheniya (na materiale angliyskogo

- yazyka) (Identification of the Speaker's Gender by Constructive Features of Speech in a State of Emotional Stress (on the Material of the English Language)). In Sineokova, Tatyana N. (ed.) *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* (Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity). Issue 1. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University, 34—40. (In Russian)].
- Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 19—35. [Skalichka, Vladimir. (1963) *O sovremennom sostoyanii tipologii* (On the Current State of Typology). In Zvegintsev, Vladimir A. (ed.) *Novoye v lingvistike* (News in Linguistics), III. Moscow: Foreign Literature Publishers, 19—35. (In Russian)].
- Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 27—31. [Skalichka, Vladimir. (1989) *Tipologiya i sopostavitel'naya lingvistika* (Typology and Comparative Linguistics). In Neroznak, Vladimir P., & Gak, Vladimir G. (eds.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. XXV. Kontrastivnaya lingvistika* (News in Foreign Linguistics. XXV. Contrastive Linguistics). Moscow: Progress, 27—31. (In Russian)].
- Смирницкая С. В., Баротов М. А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб.: Изд-во РАН, 1997. [Smirnitskaya, Svetlana V., & Barotov, Machnun A. (1997) *Nemetskiye govory Severnogo Tadjikistana* (German Dialects of Northern Tajikistan). Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Стеблецова А. О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. [Stebletsova, Anna O. (2009) *Natsional'naya spetsifika delovogo obshheniya v angloyazychnoy i rusko-yazychnoy kommunikativnykh kul'turakh* (National Specificity of Business Communication in English-speaking and Russian-speaking Communicative Cultures). Voronezh: Voronezh State University Publishing House. (In Russian)].
- Стернин И. А. Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж: ВГАУ, 2002. [Sternin, Iosif A. (2002) *Obshcheniye s muzhchinami i zhenshchinami* (Communication with Men and Women). Voronezh: Voronezh State

- Aviation University. (In Russian)].
- Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. [Sternin, Iosif A. (2007) *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* (Contrastive Linguistics. Problems of Theory and Research Methods). Moscow: AST; Vostok-Zapad. (In Russian)].
- Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 55—67. [Sternin, Iosif A., & Bykova, Gulchera V. (2000) *Kontsepty i lakuny* (Concepts and Gaps). In *Jazykovoye soznaniye: formirovaniye i funktsionirovaniye* (Linguistic Consciousness: Formation and Functioning). Moscow: Institute of Linguistics; Russian Academy of Sciences, 55—67. (In Russian)].
- Стернин И. А., Чубур Т. А. (ред.). Контрастивная лексикология и лексикография. Воронеж: Истоки, 2006. [Sternin, Iosif A., & Chubur, Tatyana A. (eds.) (2006) *Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya* (Contrastive Lexicology and Lexicography). Voronezh: Istoki. (In Russian)].
- Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. Воронеж: Истоки, 2014. [Sternina, Marina A. (2014) *Sopostavitel'no-parametricheskii metod lingvisticheskikh issledovaniy* (Comparative-Parametric Method of Linguistic Research). Voronezh: Istoki. (In Russian)].
- Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия. 1967. С. 34—41. [Superanskaya, Alexandra V. (1967) *Mikrotoponimiya, makrotoponimiya i ikh otlichiye ot sobstvenno toponimii* (Microtoponymy, Macrotoponymy and their Difference from Proper Toponymy). *Microtoponimiyu*, 34—41. (In Russian)].
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. [Superanskaia, Alexandra V. (1973) *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* (General Theory of a Proper Name). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. [Superanskaia, Alexandra V. (1984) *Chto takoye toponimika?* (What is Toponymics?). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Сусов И. П., Юганов В. И. Типология языков и контрастивная лингвистика // Вопросы сравнительной типологии (германские, романские, русский, тюркские языки). Ташкент: Ташкентский гос. пед. ин-т иностр. языков, 1981. С. 59—60. [Susov, Ivan P., & Yuganov, Viktor N. (1981) *Tipologiya yazykov i kontrastivnaya lingvistika* (Typology of languages and contrastive linguistics). In *Voprosy sravnitel'noy tipologii (germanskiye, romanskiye, russkiy, tyurkskiye yazyki)* (Comparative Typology Issues (Germanic, Romanic, Russian, Turkic Languages)). Tashkent: Tashkent State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 59—60. (In Russian)].
- Теремова Р. М. К вопросу о субкатегоризации уступительных ситуаций в современном русском языке. Новосибирск: Наука, 1987. [Teremova, Rimma M. (1987) *K voprosu o subkategorizatsii ustupitel'nykh situatsiy v sovremennom russkom yazyke*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)].
- Титкова О. И. Популярные слова в составе лексикона немецкого языка (к определению статуса и коммуникативной значимости единиц немецкого лексикона). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Московский лингвистический ун-т, 1994. [Titkova, Olga. I. (1994) *Populyarnye slova v sostave leksikona nemetskogo yazyka (k opredeleniyu statusa i kommunikativnoy znachimosti edinits nemetskogo leksikona)* (Popular Words in the German Lexicon (To the determining the Status and Communicative Significance of German Lexicon Units)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Токарева Е. Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2005. [Tokareva, Yelena N. (2005) *Spetsifika vyrazheniya otsenki v gendernom diskurse (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* (Specificity of Expression of Evaluation in Gender Discourse (Based on the Material of Modern English)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Ufa: Bashkirsky State University. (In Russian)].
- Троицкая О. Г. Гендерный аспект фонетических исследований. URL: <http://www.isuct.ru/konf/shcherba/trud/troic-kaya.htm> (дата обращения 04.06.2020). [Troitskaya, Olga G. *Gendernyy aspekt foneticheskikh issledovaniy* (Gender Aspect of Phonetic Research). Retrieved from

- <http://www.isuct.ru/konf/shcherba/trud/troic-kaya.htm>. (In Russian)].
Тырыгина В. А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. М.: Librokom, 2010. [Tyrygina, Valentina A. (2010) *Zhanrovaya stratifikatsiya mass-mediynogo diskursa* (Genre Stratification of Mass Media Discourse). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Тюняев А. А. Этимология топонима Волга (и значение связанных слов). 2012. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/wulfher/post238877163> (дата обращения 02.10.2020). [Tyunyaev, Andrey A. (2012) *Ehtimologiya toponima Volga (i znachenie svyazannykh slov)* (The Etymology of the Toponym Volga (And the Meanings of Connected Words) (2020, October 2). Retrieved from <https://www.liveinternet.ru/users/wulfher/post238877163>. (In Russian)].
- Ужова О. А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. [Uzhova, Olga A. (2011) *Leksikograficheskoye otrazheniye angliyskoy kultury v slovaryakh angliyskogo yazyka. Istoriko-tipologicheskoye issledovaniye* (Lexicographic Reflection of English Culture in English Dictionaries. Historic-Typological Research). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Уланович О. И. Когнитивно-концептуальный анализ американского инаугурационного дискурса // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2015. С. 32—38. [Ulanovich, Oksana I. (2015) Kognitivno-kontseptual'nyu analiz amerikanskogo inauguratsionnogo diskursa (Cognitive-conceptual Analysis of American Inaugural Discourse). In Ulanovich, Oksana I. (ed.) *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire* (Linguistic Identity and Effective Communication in Modern Multicultural World). Minsk: Belarusian State University, 2015, 32—38. (In Russian)].
- Урысон Е. В. Союз «хотя» сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 35—53. [Uryson, Elena V. (2002) Soyuz “khotya” skvoz' prizmu semanticheskikh primitivov (The Conjunction “although” through the Prism of Semantic Primitives). *Topics in the Study of Language*, 6, 35—53. (In Russian)].

- Успенский Л. В. Загадки топонимики. М.: Молодая гвардия, 1973. [Uspenskii, Lev V. (1973) *Zagadki toponimiki* (Toponymics Riddles). Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)].
- Уткина Н. С. Современная картина английской авторской лексикографии (на материале справочников тематики фэнтези). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2007. [Utkina, Nataliya S. (2012) *Sovremennaya kartina angliyskoy avtorskoy leksikografii (na materiale spravochnikov tematiki fantazy)* (Modern Scene of English Author Lexicography with Special Reference to Reference Books on Fantasy). PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. [Fyodorov, Andrey V. (1971) *Ocherki obshhey i sopostavitel'noy stilistiki* (Essays on General and Comparative Stylistics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Фефилов А. И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1985. [Fefilov, Aleksandr I. (1985) *Osnovy konfrontativnogo analiza leksiki nemetszkogo i russkogo yazykov* (Fundamentals of Confrontational Analysis of the Vocabulary of the German and Russian Languages). Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute. (In Russian)].
- Филиппова И. Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 150—155. [Filippova, Irina N. (2011) *Klassifikatsiya verbal'noy izbytochnosti*. (Classification of Verbal Redundancy). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 150—155 (In Russian)].
- Филичева Н. И. Диалектология немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. [Filicheva, Ninel' I. (1983) *Dialektologiya nemetskogo yazyka* (Dialectology of the German Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты. Дис. ... доктора филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2004. [Furs, Lyudmila A. (2004) *Sintaksicheski reprezentiruyemyye kontsepty* (Syntactically Representable Concepts). Advanced PhD thesis in Philology. Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Хабibuллина Л. Ф. Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе // Вестник Нижегородского гос.

- ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 170—175. [Khabibullina, Lilya F. (2014) Spetsifika stereotipizatsii obraza Rossii v sovremennoy angliyskoy literature (The Particular Character of Stereotypization of the Image of Russia in Contemporary English Literature). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2 (3), 170—175. (In Russian)].
- Хазагеров Г. Г. Топос vs концепт: к изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. 6—26. [Hazagerov, Georgiy G. (2008) Topos vs kontsept: k izucheniyu toposfery kul'tury (Topos vs. Concept: to the Study of Culture's Toposphere). *Bulletin of Southern Federal University. Philological Sciences*, 3, 6—26. (In Russian)].
- Хантакова В. М. Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности. Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Иркутск: Иркут. гос. лингвистический ун-т, 2006. [Khantakova, Viktoriya M. (2006) *Sinonimiya form i sinonimiya smyslov: teoreticheskaya model' analiza integrativnogo vzaimodeystviya sinonimicheskikh edinits odno- i raznourovnevoy prinadlezhnosti* (Synonymy of Forms and Synonymy of Meanings: A Theoretical Model for Analyzing the Integrative Interaction of Synonymous Units of One- and Multilevel Affiliation) Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. (In Russian)].
- Храковский В. С. Уступительные предложения в системе имплицативных конструкций // Общее языкознание и теория грамматики / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб: Наука, 1998. С. 79—89. [Khrakovskiy, Victor S. (1998) Ustupitel'nye predlozheniya v sisteme implikativnykh konstruksiy (Concession Clauses in the System of Implicative Constructions). In Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *General Linguistics and Grammar Theory*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Хроменков П. Н. Контент-анализ инаугурационных речей (на материале речей президентов США конца XVIII — начала XX вв.) // Вестник Московского гос. обл. ун-та (Электронный журнал). 2016. № 1. [Khromenkov, Pavel N. (2016) Kontent-analiz inauguratsionnykh rechey (na materiale rechey prezidentov SSHA kontsa XVIII — nachala XX vv.) (Content-Analysis of the Inauguration

- Speeches (by the example of Inaugural Speeches of the USA Presidents from the End of 18th Century till the Beginning of 20th Century)). *Bulletin of Moscow Region State University. Electronic Journal*, 1. (In Russian)]. doi: 10.18384/2224-0209-2016-1-733.
- Чубур Т. А. Контрастивная лингвистика и лексикографическое описание слова. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2009. [Chubur, Tatyana A. (2009) *Kontrastivnaya lingvistika i leksikograficheskoye opisaniye slova* (Contrastive Linguistics and Lexicographic Description of the Word). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. (In Russian)].
- Шаумян С. К. Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков. М.: Наука, 1974. [Shaumyan, Sebastian K. (1974) *Applikativnaya grammatika kak semanticheskaya teoriya estestvennykh yazykov* (Applicative Grammar as a Semantic Theory of Natural Languages). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Проблемы контрастивной стилистики // Вопросы языкознания. М., 1991. № 4. С. 31—44. [Shveytser, Aleksandr D. (1991) Problemy kontrastivnoy stilistiki (Problems of Contrastive Stylistics). *Topics in the Study of Language*, 4, 31—44. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Контрастивная лингвистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. [Shveytser, Aleksandr D. (1993) *Kontrastivnaya lingvistika. Gazetno-publicisticheskiy stil v angliyskom i russkom yazykakh* (Contrastive Linguistics. Newspaper-journalistic Style in English and Russian). Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. [Schweitzer, Aleksandr D., & Nikolsky, Leonid B. (1978) *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* (Introduction to Sociolinguistics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи—3. Саратов: Колледж, 2002. С. 205—214. [Sheygal, Yelena I. (2002) Inauguratsionnoye obrashcheniye kak zhanr politicheskogo diskursa (Inaugural Address as a Genre of Political Discourse). In *Zhanry rechi — 3* (Speech Genres — 3). Saratov: Kolledzh, 2002, 205—214. (In Russian)].
- Шейнов В. П. Женщина плюс мужчина. Познать и покорить. Минск:

- Харвест, 2011. [Sheynov, Viktor P. (2011) *Zhenshhina plus muzhchina. Poznat' i pokorit'* (Woman plus man. To know and conquer). Minsk: Harvest. (In Russian)].
- Шемчук Ю. М. Модернизация существующей лексики современного немецкого языка. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2006. [Shemchuk, Yuliya M. (2006) *Modernizatsiya sushchestvuyushchey leksiki sovremennogo nemetskogo yazyka* (Modernization of the Existing Vocabulary of the Modern German Language). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Шемчук Ю. М. Обновление лексики современного немецкого языка. М.: Московский гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова, 2010. [Shemchuk, Yuliya M. (2010) *Obnovleniye leksiki sovremennogo nemetskogo yazyka*. (Updating the Vocabulary of the Modern German Language) Moscow: Moscow State University for the Humanities. (In Russian)].
- Шемчук Ю. М. Варианты в молодежном социолекте как проблема вариологии // Иностранные языки в высшей школе. 2013. № 1 (24). С. 36—39. [Shemchuk, Yuliya M. (2013) *Varianty v molodezhnom sotsiolekte kak problema variologii* (Variants in the Youth Sociolect as a Problem of Variology). *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* (Foreign Languages in Higher School), 1 (24), 36—39. (In Russian)].
- Шемчук Ю. М., Раевич А. И. Металингвистические параллели: особенности их проявления в научном, академическом и бытовом дискурсах // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 60—69. [Shemchuk, Yuliya M., & Rayevich, Alena I. (2020) *Metalinguistic Parallels: Features of their Manifestation in Scientific, Academic and Everyday Discourses*. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 60—69. (In Russian)]. doi: 10.18384/2310-712X-2020-4-60-69
- Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 187—204. [Sternemann, Reinhard. (1989) *Vvedeniye v kontrastivnyuyu lingvistiku* (Introduction to Contrastive Linguistics). In Neroznak, Vladimir P., & Gak, Vladimir G. (eds.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. XXV. Kontrastivnaya lingvistika* (News in

- Foreign Linguistics. XXV. Contrastive Linguistics). Moscow: Progress, 187—204. (In Russian)].
- Эльжерокова Э. Х. Лексикографическая разработка топонимов в словарях английского языка. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2018. [Elzherokova, Elina Kh. (2018) *Leksikograficheskaya razrabotka toponimov v slovaryakh angliyskogo yazyka* (Lexicographic Description of Toponyms in English Dictionaries). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Юсупов У. К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. [Yusupov, Utkur K. (1987) *Linguodidakticheskiy aspekt sopostavitel'nogo izucheniya yazykov* (Linguodidactic Aspect of Comparative Language Learning). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Sopostavitel'naya lingvistika i obucheniye nerodnomu yazyku* (Comparative Linguistics and Non-Native Language Teaching). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Язык в пространстве и времени / под ред. О. А. Костровой. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2002. [Kostrova, Olga A. (ed.) (2002) *Yazyk v prostranstve i vremeni* (Language in Space and Time). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. (In Russian)].
- Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. М. Наука, 1972. С. 95—113. [Jakobson, Roman O. (1972) *Shiftery, glagol'nyye kategorii i russkiy glagol* (Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb). In Uspenskiy, Boris A. (ed.) *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* (Principles of Typological Analysis of Languages of Different Systems). Moscow: Nauka, 95—113. (In Russian)].
- Яковичиц Т. Н. Социолектизмы в толковых словарях русского языка (на материале криминального аргю) // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 808—810. [Yakovchits, Tatyana N. (2010) *Sotsiolektizmy v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka (na materiale kriminal'nogo argo)* (Sociolectisms in the Explanatory Russian Dictionary (Based on the Criminal Argot)).

- Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 4-2, 808—810. (In Russian)].
- Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad Marginem, 2000. [Yampol'skiy, Mikhail B. (2000) *Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya* (The Observer. Essays on the History of Vision). Moscow: Ad Marginem. (In Russian)].
- Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. [Yartseva, Viktoriya N. (1981) *Kontrastivnaya grammatika* (Contrastive Grammar). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Ярцева В. Н. Контрастивная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva, Viktoriya N. (1990) *Kontrastivnaya lingvistika* (Contrastive Linguistics). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- A Basic Chaucer Glossary*. Retrieved from <http://pages.towson.edu/duncan/glossary.html>.
- A Grammar of the English Tongue, with the Arts of Logick, Rhetorick, Poetry, &c. Also Useful Notes, Giving the Grounds and Reason of Grammar in General. The whole making a compleat System of an English Education.* (1714). London: Printed for John Brightland.
- A Milton Dictionary*. Retrieved from <http://www.questia.com/library/book/a-milton-dictionary-by-edward-le-omte.jsp>.
- Aarseth, Espen. (2015) *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. Baltimore and London: John Hopkins University Press.
- Abbott, Edwin Abbott. (1871) *English Lessons for English People*. London: Seeley, Jackson, and Halliday.
- Abraham, Werner, & Janssen, Thomas. (eds.) (1989) *Tempus — Aspekt — Modus. Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Aikhenvald, Alexandra Y. (2006). Evidentiality in Grammar. In Brown, Keith (ed.) *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier, 320—325. Doi: 10.1016/B0-08-044854-2/00252-2
- Amis, Kingsley. (1980) *Russian Hide and Seek*. London: Hutchinsonson.
- Armstrong, Jane. (ed.) (2010) *The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations*. London: Bloomsbury Publishing.

- Atkinson, Alexander, & Searle, Ronald. (1960) *By Rocking Chair Across Russia. The First-Hand Report of a Man Who Has Never Been There*. New York: World Publishing Co.
- Austin, John L. (1973) *How to do things with words*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Bach, Kent. (1975) Performatives are Statements Too. *Philosophical Studies*, 28 (4), 229—236.
- Baikova, Olga V. (2008) Der Sprachgebrauch von russlanddeutschen Sprecherinnen in Gebiet Wjatka in der Textsorte Erlebnisbericht. In Brandt, Gisela. (ed.) *Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs VIII: Sprachliches Agieren von Frauen in approbierten Textsorten*. Internationale Fachtagung Magdeburg 10, 11.09.2007. Stuttgart: Verlag Hans-Dieter Heinz. S. 179—187.
- Bailey, Nathan. (1736) *Dictionarium Britannicum: Or a more Compleat Universal Etymological English Dictionary Than any Extant*. London: Printed for T. Cox. [2nd ed. with numerous Additions and Improvements]
- Ballmer, Thomas T. (1979) Zur Klassifikation von Sprechakten. In Grewendorf, G. (ed.) *Sprechakttheorie und Semantik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 247—274.
- Banks, Fiona. (2018) *Shakespeare: Actors and Audiences*. London and New York: Bloomsbury Arden.
- Barclay, James. (1813) *The Bungay Edition of Barclay's Dictionary, greatly Improved & Superbly Embellished*. Bungay: Published by T. Kinnersley.
- Barrett, John. (1573) *An Alvearie, or, Triple Dictionarie, in Englishe, Latin, and French. Very profitable for all such as be desirous of any of those three languages*. London: By Henry Denham.
- Beinlich, Horst. (1979) Die Nilquellen nach Herodot. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, 106, 11—14.
- BKL — *Brockhaus Konversations-Lexikon*. (1894) In 16 Bd. Bd. II Astrachan-Bilk. Leipzig: F. A. Brockhaus. [14., vollst. neubearb. Aufl.]
- Blühdorn, Hardarik, & Golubeva, Nadežda A. (2007) Konzessivkonnektoren und ihre morphologischen Bestandteile im Deutschen und Russischen. *Das Wort*. Germanistisches Jahrbuch Russland. Bonn: DAAD, 77—100.
- Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich-Hermann. (eds.) (2004) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensomatik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

- Boni, Rosa. (1990) Sprachsituationsbesonderheiten beim Kontakt von Sprachsystemen verschiedenen funktionalen Werts. In *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch*. Moskau; Berlin: DAAD. S. 193—197.
- Boris Johnson's top 50 quotes. Retrieved from <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/london-mayor-election/mayor-of-london/10909094/Boris-Johnsons-top-50-quotes.html>.
- Breindl, Eva. (2004) Konzessivität und konzessive Konnektoren im Deutschen. *Deutsche Sprache*, 32, 2—31.
- Brini, Hafedh. (2000) On Language, translation and comparative stylistics. *Meta: translator's journal*, 45, 3. Retrieved from <http://id.erudit.org/002143ar>. doi: <https://doi.org/10.7202/002143ar>.
- Brockhaus. (2001) Klischee. In *Brockhaus in Text und Bild. Elektronische Ausgabe für Office-Bibliothek*. Mannheim: Bibliographisches Institut, F. A. Brockhaus.
- Broverman, I. K.; Vogel, S. R.; Broverman, D. M.; Clarkson, F. E., & Rosenkrantz, P. S. (1972). Sex-role Stereotypes: A Current Appraisal. *Journal of Social Issues*, 28 (2), 59—78.
- Brown, Stuart. (2005) *Dictionary of Twentieth-Century British Philosophers*. London: Bloomsbury, 2005.
- Bryan, Geroge B. (1997) *The Proverbial Charles Dickens: An index to Proverbs in the Works of Charles Dicken*. New York; Washington; Baltimore; Bern; Frankfurt am Mein; Berlin; Vienna; Paris: Peter Lang Publishing.
- Bryan, Geroge B., & Mieder, Wolfgang. (2005) *A Dictionary of Anglo-American Proverbs and Proverbial Phrases found in Literary Sources of the Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York; Washington; Baltimore; Bern; Frankfurt am Mein; Berlin; Vienna; Paris: Peter Lang Publishing.
- Bryan, Geroge B., & Mieder, Wolfgang. (eds.) (1994) *The Proverbial Bernard Shaw: An Index to Proverbs in the Works of George Bernard Shaw*. London: Greenwood Press.
- Buchanan, James. (1757) *Linguae Britannicae Vera Pronunciatio: Or, A New English Dictionary*. London: Printed for A. Millar.
- Burger, Harald. (2007) *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Burgess, Anthony. (2013) *Honey for the Bears*. New York: W. W. Norton and Co.

- Burnett, James, Lord Monboddo. (1787) *Of the Origin and Progress of Language*. In 6 vols. Vol. IV (1787). Edinburgh: Printed for J. Bell.
- Burns, Elijah A. (1859) *Principles of English Grammar, Defined and Illustrated, To which are added Pieces in Prose and Poetry*. Cincinnati: Published by Applegate & Co. [2nd ed., revised and improved]
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner Verlag.
- Camellini, Agnese. (2015) *Dal romaza alle reti, la scrittura digitale come forma di romanzo*. Roma: Aracne Editrice.
- Chambers — Barnhart, Robert K. (ed.) (2008) *Chambers Dictionary of Etymology*. Edinburgh: H.W. Wilson Company. [8th ed.]
- Chesterman, Andrew. (1998) *Contrastive Functional Analysis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Chomsky, Noam. (1966) *Topics in the Theory of Generative Grammar*. New York: Humanities Press.
- Clark, Sandra. (2018) *Shakespeare and Domestic Life. A Dictionary*. Arden Shakespeare Dictionaries. London and New York: Bloomsbury Arden.
- Clark, William. (1835) *English Grammar, systematically arranged in a Series of easy Lessons appropriately designated*. Wisbech: Printed by N. Walker for the Author.
- Clarkson, Verity. (2012) ‘Sputniks and Sideboards’: Exhibiting the Soviet ‘Way of Life’ in Cold War Britain, 1961-1979. In Cross, Anthony. (ed.) *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture (Collected Essays)*. Cambridge: Open Book Publishers CIC Ltd., 286—300.
- Coates, Richard. (1998). Essays on the early toponymy of the British Isles. In *Toponymic Topics*, 71—73.
- CODEE — Hoad, Terry F. (ed.) (1996) *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Comly, John. (1823) *English Grammar, Made easy to the Teacher and Pupil. Originally compiled for the Use of West-Town Boarding School*. Philadelphia: Published by Kimber and Sharpless.
- Considine, John, & Iamartino, Giovanni. (eds.) (2007) *Words and Dictionaries from the British Isles in Historical Perspective*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Considine, John. (ed.) (2019) *The Cambridge World History of Lexicography*.

- Cambridge: Cambridge University Press.
- Cook, Albert Stanburrough. (1900) *A first Book in Old English. Grammar, Reader, Notes, and Vocabulary*. Boston: Ginn & Company, Publishers. [2nd ed., revised and enlarged]
- Cooper, Thomas. (1578) *Thesaurus Linguae Romanae et Britannicae; tam accurate congestus ut nihil pene in eo defyderari possit, quod vel Latine complectatur ampliffimus Stephani Thesaurus, vel Anglice, toties aucta Eliotæ Bibliotheca: opera & industria Thomæ Cooperi Magdalenensis*. London: In ædibus Henrici Bynnemani.
- Couper-Kuhlen, Elizabeth, & Kortmann, Bernd. (eds.) (2000) *Cause, Condition, Concession, Contrast. Cognitive and Discourse Perspectives*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter.
- Cramp, William. (1838) *The Philosophy of Language, containing practical Rules for Acquiring a Knowledge of English Grammar. With Remarks on the Principles of Syntax and Composition*. London: Relfe and Fletcher.
- Cross, Anthony. (1985) *The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography*. Oxford: Willen and Meeus.
- Cruden's Complete Concordance to the Old and New Testaments*. Retrieved from <http://onlinebooks.library.upenn.edu/web-bin/book/lookupname?key=Cruden,+Alexander,+1699-1770>.
- Crystal, David. (2003) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cubi y Soler, Mariano. (1826) *A New Spanish Grammar, Adapted to every Class of Learners*. Baltimore: Published by Fielding Lucas, Jun'r; London: By Boosey and Sons.
- Custine, Astolphe de. (1985) *Russische Schatten: prophetische Briefe aus dem Jahre 1839*. Nördlingen: Greno.
- D'Alessandro, Paolo. (2005) *Filosofia dell'ipertesto*. Milano: Apogeo.
- Dale, Iain, & Tucker, Grant. (2012) *The Margaret Thatcher Book of Quotations*. London: Biteback Publishing.
- Dale, Iain. (1998) *The Blair Necessities: The Tony Blair Book of Quotations*. London: Robson Books Ltd.
- Day, David. (2013) *A Dictionary of Tolkien*. London: Thunder Bay Press.
- Day, David. (2019) *An Encyclopedia of Tolkien: The History and Mythology That Inspired Tolkien's World*. London: Canterbury Classics.
- De Vivo, Fabio. (2011) eLiterature: la letteratura nell'era digitale.

- Definizione, concetto e statuto. *OLE Officina di Letteratura Elettronica. Lavori del Convegno*. Retrieved from <https://elmcip.net/critical-writing/eliterature-la-letteratura-nellera-digitale-definizione-concetto-e-statuto>.
- Debus, Friedrich. (1980) Onomastik. In Althaus, Hans P.; Henne, Helmut, & Wiegand, Herbert E. (eds.) *Lexikon der germanistischen Linguistik*. 2nd ed. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Dent, Robert. (1981) *Shakespeare's Proverbial Language: An Index*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Di Meola, Claudio. (2004) Ikonische Beziehungen zwischen Konzessivrelation und Konzessivkonnektoren. In Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich-Hermann. (eds.) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorenssemantik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 287—307. (Linguistik: Impulse & Tendenzen 5)
- Di Pietro, Robert. (1978) *Language structures in contrast*. Rouley (Mass.): Newbury House Publishers, 15—51.
- Dickens Glossary*. Retrieved from <http://charlesdickenspage.com/glossary.html>.
- Dickens's Dictionary of London. An Unconventional Handbook*. Retrieved from <http://www.victorianlondon.org/publications/dictionary.htm>.
- Duden — Wissenschaftlicher Rat und die Mitarbeiter der Duden-Redaktion. (eds.) (2007) *Das große Fremdwörterbuch*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Duden — Wissenschaftlicher Rat und die Mitarbeiter der Duden-Redaktion. (eds.) (2017) *Die deutsche Rechtschreibung*. Berlin: Dudenverlag. [27. Aufl.]
- Duden. Redewendungen: Das Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. (2013) Vol. 11. Berlin: Bibliographisches Institut. [4th ed.]
- DUW — Wissenschaftlicher Rat und die Mitarbeiter der Duden-Redaktion. (eds.) (1996) *Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. [3., völlig neu bearb. und erw. Aufl.]
- Dyche, Thomas. (1764) *A Guide to the English Tongue*. In Two Parts. Kendal: Printed by Thomas Ashburner. [44th ed., corrected]
- Eastgate: Serious Hypertext*. (2016) Retrieved from <https://eastgate.com/>.
- eChaucer in the 21 c. Concordance*. Retrieved from <http://www.umm.maine.edu/faculty/necastro/chaucer/concordance>.
- Eckert, Penelope, & McConnell-Ginet, Sally. (2003) *Language and Gender*.

- Cambridge: Cambridge University Press.
- Elstob, Elizabeth. (1715) *The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue. First given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities*. London: Printed by W. Bowyer.
- Erben, Johannes. (1966) *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin: Akademie-Verlag. [9., unveränd. Aufl.]
- Escudero, Maria P. (2011) Barack Obama's Inaugural Address: Metaphor and Values as Captivating Strategies to Celebrate a Presidency. *Pragmalingüística*, 19, 44—55.
- Esser, Jürgen. (1980). Contrastive analysis at the crossroads of linguistics and foreign language teaching. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 18, 181—192.
- Faccenna, Claudio; Glišović, Petar; Forte, Alessandro; Becker, Thorsten W., Garzanti, Eduardo; Sembroni, Andrea, & Gvirtzman, Zohar. (2019) Role of dynamic topography in sustaining the Nile River over 30 million years. *Nature Geoscience*, 12, 1012—1017. Retrieved from <https://www.wissenschaft.de/erde-klima/der-nil-ist-aelter-als-gedacht>. doi: 10.1038/s41561-019-0472-x
- Ferguson, Charles. (1959) Diglossia. *Word*, 15, 325—340.
- Fillmore, Charles. (1968) The Case for Case. Universals in Linguistic Theory. In Bach, E., & Harms, R. T. (eds.) *Universals in Linguistic Theory*. New York; London; Toronto, 1—88.
- Findlater, Andrew. (1886) *Chambers's Etymological Dictionary of the English Language*. London and Edinburgh: W. & R. Chambers. [New and thoroughly rev. ed.]
- Fisiak, Jacek. (1981) *Contrastive Linguistics and the Language Teacher*. Pergamon.
- Fitzpatrick, Joan. (2011) *Shakespeare and the Language of Food: A Dictionary*. Arden Shakespeare Dictionaries. London and New York: Continuum.
- Fleming, Ian. (2012) *From Russia with Love*. London: Vintage Books.
- Foster, James Henry. (2011) *A Doctor's Shakespeare: A Collection of Medical Quotations from Shakespeare*. New York: Sparks.
- Fouad, Isis, & Ibrahim, Barbara. (2009) Der Nil Ägypten, ein Geschenk des Nil. *Kemet*, 1. Retrieved from <https://www.selket.de/kemet/nil>.
- Fraehn, Christian Mart. (1832) *Die ältesten arabischen Nachrichten über die*

- Wolga-Bulgharen aus Ibn Fosflan's Reiseberichte*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Frayn, Michael. (2015) *The Russian Interpreter*. London: Faber and Faber.
- French, D'Arcy A. (1831) *An English Grammar Unfolding the Principles of the English Language with Consistency and Regularity*. Baltimore: Printed by Benjamin Edes.
- Friebertshäuser, Hans, & Dingeldein, Heinrich J. (1988) Zur Struktur und Arealtypologie alltagssprachlicher Worträume in Hessen. In *Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 628—646.
- Fries, Charles. (1945) *Teaching and Learning English as a Foreign Language*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gabets, Anna, & Gené, Arnau B. (2016) Pragmalinguistic Features of American Presidents' Inaugural Addresses of the Last Century (1913–2013). *Journal of Language and Education*, 2 (3), 22—31. doi: 10.17323/2411-7390-2016-2-3-22-31.
- Gally, Henry. (1754) *A Dissertation against Pronouncing the Greek Language according to Accents*. London: Printed for A. Millar.
- Gast, Volker. (2012) *Contrastive Linguistics: Theories and Methods*. Berlin: Mouton de Gruyter. (Dictionaries of Linguistics and Communication Science: Linguistic theory and methodology)
- Gelling, Margaret; Nicholaisen, W. F. H., & Richards, Melville. (1986) *The names of towns and cities in Britain*. London: Batsford.
- Gilchrist, James. (1816) *Philosophic Etymology, or Rational Grammar*. London: Printed by George Smallfield.
- Gillespie, Stuart. (2016) *Shakespeare's Books: A Dictionary of Shakespeare Sources*. London and New York: Bloomsbury Arden. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Goddard, Cliff. (2004) Ethnosyntax, Ethnopragmatics, Sign-Functions, and Culture. In Enfield, N. J. (ed.) *Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture*. Oxford: Oxford University Press, 52—73.
- Granger, S., & Paquot, M. (2012) *Electronic Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- Greene, Graham. (1980) *Ways of Escape*. New York: Simon and Schuster.
- Gruppo, Giada. (2016) Diffusion, analysis and discussion of electronic literature in Italy. *Materialidades da Literatura*, 4 (2), 139—155. doi: 10.14195/2182-8830_4-2_7

- Gulliver's Travels* by J. Swift. Retrieved from <http://www.jaffebros.com/lee/gulliver/dict/index.html>.
- Gunawan, Samuel. (2010) Style of Obama's Inauguration Speech. *K@ta*, 12 (1), 92—107. doi: <https://doi.org/10.9744/kata.12.1.92-107>.
- Hale, John Rigby. (1993) *The Civilization of Europe in the Renaissance*. New York: HarperCollins Publishers.
- Harry Potter Fan Zone Dictionary*. Retrieved from www.harrypotter-fanzone.com/?ID=info/dictionary.
- Hartmann, Reinhard R. K. (1991) Contrastive Linguistics and Bilingual Lexicography. In Hausmann, Franz Josef, et al. (eds.) *Wörterbücher / Dictionaries / Dictionnaires. International Encyclopedia of Lexicography*, III. Berlin: Mouton de Gruyter, 2854—2859.
- Haspelmath, Martin, & König, Ekkehard. (1998) Concessive Conditionals in the Languages of Europe. In Van der Auvera, Johan (ed.) *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 46—78. (Eurotyp, 20-30)
- Haspelmath, Martin. (2010) Comparative Concepts and Descriptive Categories in Crosslinguistic Studies. *Language*, 86, 3, 663—687.
- Hatim, Basil. (1997) *Communication across Cultures. Translation Theory and Contrastive Text Linguistics*. University of Exeter Press.
- Hausmann, Franz Josef. (1989) Allgemeine Aspekte der Wörterbuchtypologie. In Hausmann, Franz Josef; Reichmann, Oskar; Wiegand, Herbert Ernst, & Zgusta, Ladislav. (eds.) *Wörterbücher. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 968—981.
- Hausmann, Guido. (2009) *Mütterchen Wolga. Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Hayles, Katherine N. (2007) *Electronic Literature. What is it?* Retrieved from <http://eliterature.org/pad/elp.html>.
- Hayles, Katherine N. (2008) *Electronic Literature: New Horizons for the Literary. University of Notre Dame Ward-Phillips Lectures in English and Literature*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Hazlitt, William. (1810) *A New and Improved Grammar of the English Tongue: For the use of schools. In which the Genius of our speak especially attended to, And the Discoveries of Mr. Horne Tooke and other Modern Writers on the Formation of Language are, for the first time incorporated*. London:

Printed for M. J. Godwin.

- Heckman, David, & O'Sullivan, James. (2018) Electronic Literature: Context and Poetics. In Heckman, David, & O'Sullivan, James. (eds.) *Literary Studies in the Digital Age: An Evolving Anthology*. Retrieved from <https://dlsanthology.mla.hcommons.org/electronic-literature-contexts-and-poetics/>. doi: 10.1632/lnda.2018.14.
- Hegirascope*. (1995) Retrieved from <https://www.cddc.vt.edu/journals/newriver/moulthrop/HGS2/Hegirascope.html>.
- Heidegger, Martin. (1941) *Die Metaphysik des deutschen Idealismus*. Retrieved from https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2019/12/Die_Metaphysik_des_deutschen_Idealismus.pdf.
- Heine, Bernd. (1997) *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Helbig, Gerhard. (1976) Zur Rolle des kontrastiven Sprachvergleichs für den Fremdsprachenunterricht (Möglichkeiten, Voraussetzungen, Grenzen). *Deutsch als Fremdsprache*, 1, 9—16.
- Helbig, Gerhard. (1981) *Sprachwissenschaft — Konfrontation — Fremdsprachenunterricht*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
- Herberg, Dieter. (2001) *Neologismen der Neunzigerjahre: Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Hilkes, Peter. (1989) Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und Sprachverhalten. *Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache*, 99, 69—83.
- Hjort, Kirsten. (1967) Lexikon, Wörterbuch, Enzyklopädie, Konversationslexikon. In *Muttersprache*, 77, 353—367.
- Huang, Zan. (2012) *The Oxford Dictionary of Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Hunnius, Klaus. (1999) Der Konzessivsatz aus kognitiver Sicht: Überlegungen zur französischen Modalsyntax. In *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, 109, 241—255.
- Hyperizons: hypertext fiction*. (1997) Retrieved from <https://www.uv.es/~fores/programa/hyperizons.html>.
- Iancu, Ioana, & Balaban, Delia C. (2013) Religious influences in inaugural speeches of U.S. presidents. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 12 (34), 101—125. Retrieved from <https://www.re->

- searchgate.net/publication/289682042_Religious_influences_in_inaugural_speeches_of_US_presidents.
- IAP — Inaugural Addresses of the Presidents of the United States (2020, March 13). In *Bartleby.com*. Retrieved from <http://bartleby.com/124/>
- Innes, Paul. (2007) *Class and Society in Shakespeare: A Dictionary*. London and New York: Continuum. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Institut für deutsche Sprache. (2020, Oktober 20). *Ausbau und Pflege der Korpora geschriebener Gegenwartssprache*. Retrieved from <http://www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>.
- Ivic, Christopher. (2017) *Shakespeare and National Identity. A Dictionary*. London and New York: Bloomsbury Arden. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Iyengar, Sujata. (2014) *Shakespeare's Medical Language: A Dictionary*. London and New York: Bloomsbury Arden. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Jane Austin's World. The Dictionary to Sensibility*. Retrieved from <http://janeaustensworld.wordpress.com/2007/12/17/the-dictionary-of-sensibility>.
- Jardine, Lisa. (1996) *Worldly Goods: a New History of the Renaissance*. New York: Nan A. Talese.
- Jaudon, Daniel. (1819) *The Union Grammar*. In three Parts. Philadelphia: Published and sold by David Hogan. [3rd ed.]
- Jesko, Friedrich. (2007) Historische Phraseologie des Deutschen (Historical Phraseology of Germany). In Burger, Harald; Dobrovolskij, Dmitriy; Kühn, Peter, & Norrick, Neil R. (eds.) *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Vol. 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1092—1105.
- Jespersen, Otto. (1907) *John Hart's Pronunciation of English (1569 and 1570)*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. (Anglistische Forschungen, Heft 22)
- Johansson, Stig. (1998) On the Role of Corpora in Cross-Linguistic Research. In Johansson, Stig, & Oksefjell, Signe. (eds.) *Corpora and Cross-Linguistic Research: Theory, Method, and Case Studies*. Amsterdam and Atlanta, GA, 3—24.
- Johnson, Samuel. (1755) *A Dictionary of the English Language; In which the Words are deduced from their Originals and illustrated in their different Significations by Examples from the best Writers. To which are prefixed a History*

- of the Language and an English Grammar*. In 2 vols. Vol. I A-Kyd. London: Printed by W. Strahan, for J. and P. Knapton, etc.
- Johnson, Steven. (2013) *Why No One Clicked On the Great Hypertext Story*. Retrieved from <https://www.wired.com/2013/04/hypertext/>.
- Joyce, Michael. (1987) *Afternoon, a Story*. Retrieved from <https://eastgate.com/catalog/Afternoon.html>.
- Karpova, Olga M. (2011) *English Author Dictionaries (the XVI – the XXI cc.)*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Karpova, Olga M. (2014) Heritage Dictionaries: Old or New Branch of Lexicography? In Karpova, Olga M., & Shilova, Ekaterina A. (eds.) *Heritage Lexicography as Supporting Tool for ICOMOS Proceedings of the International Workshop. Florence, July 21–23, 2014*. Florence-Ivanovo: Ivanovo State University, 41–44.
- Karpova, Olga M. (2015) Dictionaries of National Heritage and Culture (with Special Reference to the Dictionary Project Florence in the Works of World Famous People). In Karpova, Olga M., & Kartashkova, Faina I. (eds.) *Life Beyond Dictionaries*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 92–104.
- Karpova, Olga M. (2018) Shakespeare Terminology with Special Reference to Shakespeare Arden Dictionaries. *Respectus Philologicus*, 33 (38), 9–16.
- Kersey, John. (1708) *Dictionarium Anglo-Britannicum: Or, A General English Dictionary*. London: Printed for J. Wilde.
- Kiernan, Kevin. (2011) *Electronic Beowulf 3.0*. London: British Library. DVD-ROM.
- King, Margaret L. (2003) *The Renaissance in Europe*. New York: McGraw-Hill Companies, Inc.
- Kington-Oliphant, Thomas Laurence. (1878) *The Old and Middle English*. London: Macmillan and Co.
- Kinne, Michael. (1996) Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen. In *Deutsche Sprache*, 4/96, 327–358.
- Kirkham, Samuel. (1833) *English Grammar in Familiar Lectures; Accompanied by a Compendium, Embracing a New Systematick Order of Parsing, a New System of Punctuation, Exercises in False Syntax, and a System of Philosophical Grammar, in Notes*. Rochester, N. Y.: Marshall and Dean.
- Klein, Ernest. (1971) *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Dealing with the origin of words and their sense development thus*

- illustrating the history of civilization and culture*. Amsterdam: Elsevier Publishing Company. [Unabridged, one-volume ed.]
- Klein, Wolfgang. (2013) Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes. In Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Union der deutschen Akademien für Wissenschaften. (ed.) *Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 15—56.
- Kluge, Friedrich, & Lutz, Frederick. (1898) *English Etymology. A select Glossary serving as an Introduction to the History of the English Language*. Boston: D.C. Heath & Co., Publishers.
- Kluge, Friedrich. (1975) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin: de Gruyter. [21. Aufl.]
- Knowles, Elizabeth. (ed.) (2014) *Oxford Dictionary of Quotations*. Oxford: Oxford University Press. [8th ed.]
- Koestler, Arthur. (1970) *The Age of Longing*. London: Hutchinson.
- Koestler, Arthur. (2006) *Darkness at Noon*. London: Scribner.
- König, Ekkehard. (2012) Contrastive Linguistics and Language Comparison. *Languages in Contrast*, 12, 1, 3—26.
- König, Ekkehard, & Gast, Volker. (2009) *Understanding English-German Contrasts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. [2nd ed., revised]
- König, Ekkehard; Siemund, Peter. (1999) Intensifikatoren und Topikalisation: Kontrastive Beobachtungen zum Deutschen, Englischen und anderen germanischen Sprachen. In Wegener, Heide. (eds.) *Deutsch kontrastiv. Typologisch vergleichende Untersuchungen zur deutschen Grammatik*. Tübingen: Niemeyer, 87—110.
- König, Ekkehard; van der Auwera, Johan. (1988) Clause Integration in German and Dutch Conditionals, Concessive, Conditionals, and Concessives. In Haiman, John; Thompson, Sandra A. (eds.) *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 101—133.
- Kostrova, Olga A. (2017) Grammatische Begriffe in deutschen und russischen Lehr- und Wörterbüchern. In Lipczuk, Ryszard; Lisiacka-Czop, Magdalena, & Ramers Karl Heinz. (eds.) *Sprache und Wörterbücher in Theorie und Praxis. Lexikographische und textlinguistische Fragestellungen*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 73—92.
- Kostrova, Olga A. Kinds of Evidentiality in German Complement Clauses. In Suihkonen, Pirkko, & Whaley, Lindsay J. (eds.) *On Diversity and*

- Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014, 311—338.
- Kostrova, Olga A., & Prokop, Izabela. (2019) Erklärende deutsche Grammatik für slawische Muttersprachler // *Германистика 2019: Nove et nova* / отв. ред. Г. Б. Воронина. М.: МГЛУ. С. 211—214. URL: <https://linguanet.ru/upload/media-library/d27/d27afbe447937cb2202bd80bb82cfa5a.pdf>. [Kostrova, Olga A., & Prokop, Izabela. (2019) Erklärende deutsche Grammatik für slawische Muttersprachler. In *Germanistika 2019: Nove et nova* (Germanic Studies 2019: Nove et nova). Moscow: Moscow State Linguistic University, 211—214. Retrieved from <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/d27/d27afbe447937cb2202bd80bb82cfa5a.pdf>].
- Kozem, Iztok, & Kuhn, Tanara Z. (eds.) (2019) *Electronic Lexicography in the 21st century (e-Lxicography)*. *Smart Lexicography. Book of Abstracts*. Brno: Lexical Computing.
- Krzeszowski, Tomasz P. (1976) Interlanguage and Contrastive Generative Grammar. *Interlanguage Studies Bulletin*, 1, 58—78.
- Kühn, Peter. (1986) *Deutsche Wörterbücher. Eine systematische Bibliographie*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
- Kunze, Konrad. (2010) Was bestimmt das Geschlecht eines Flusses? *Das Magazin*, 9, 64.
- Lado, Robert. (1957) *Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Landes, David S. (2000) *Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
- Landow, George P. (1992) *Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lang, Ewald. (2004) Schnittstellen bei der Konnektoren-Beschreibung. In Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich-Hermann. (eds.) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorenssemantik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 45—92. (=Linguistik: Impulse & Tendenzen 5)
- Langworth, Richard M. (2013) *Churchill by Himself*. New York: Rosetta-Books LLC.

- Leech, Geoffrey N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
- Leiss, Elisabeth. (2000) *Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster von Definitheit*. Berlin. New York: Walter De Gruyter.
- Lemnitzer, Lothar. (2007) *Von Aldianer bis Zauselquote. Neue deutsche Wörter. Wo sie herkommen und wofür wir sie brauchen?* Tübingen: Günter Narr.
- Lemnitzer, Lothar. (2020, Oktober 20) *Brauchen wir neue Wörter? Lexikographische Behandlung von Neologismen im Deutschen*. Seminar für Sprachwissenschaft der Universität Tübingen. Retrieved from www.sfs.uni-tuebingen.de/~lothar/nw/Archiv/alphabetisch/index.html.
- LGWb — Götz, Dieter; Haensch, Günther, & Wellmann, Hans. (eds.) (2003) *Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin; München: Langenscheidt.
- Liu, Fang. (2012) Genre Analysis of American Presidential Inaugural Speech. *Theory and Practice in Language Studies*, 2 (11), 2407—2411. doi: 10.4304/tpls.2.11.2407-2411.
- Lively, Penelope. (2006) *Moon Tiger*. London: Penguin Books.
- Lodhi, Muhammad A.; Mansoor, Rashid; Shahzad, Waheed; Robab, Irum, & Zafar, Zunaira. (2018) Comparative Study of Linguistic Features used in the Inaugural Speeches of American Presidents. *International Journal of English Linguistics*, 8 (6), 265—280. doi: 10.5539/ijel.v8n6p265.
- MacLean, George Edwin. (1893) *An Old and Middle English Reader. On the Basis of Professor Julius Zupitza's Alt- und mittelenglisches Übungsbuch, with Introduction Notes and Glossary*. New York; London: MacMillan and Co.
- Maittaire, Michael. (1712) *The English Grammar: Or, An Essay on the Art of Grammar, Applied to and Exemplified in the English Tongue*. London: Printed by W. B. for H. Clements.
- March, Francis Andrew. (1871) *A Comparative Grammar of the Anglo-Saxon Language; In which its Forms are illustrated by those of the Sanskrit, Greek, Latin, Gothic, Old Saxon, Old Friesic, Old Norse, and Old High-German*. New York: Harper & Brothers, Publishers.
- Matthews, Peter Hugoe. (2005) *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Mattik, Paul. (1937) <Review of> The Theory and Practice of Socialism. In Strachey, John. (ed.) *International Review*, April-May. Retrieved

- from <https://www.marxists.org/archive/mattick-paul/1937/strachey.htm>.
- Mayhew, Anthony Lawson. (1891) *Synopsis of Old English Phonology, being a systematic Account of Old English Vowels and Consonants and their Correspondences in the cognate Languages*. Oxford: At the Clarendon Press.
- Meibauer, Jörg. (1999) *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen: Stauffenburg-Verlag.
- Merriam-Webster. (2020a, August 17) Generation. In *Merriam-Webster.com dictionary*. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/generation>.
- Merriam-Webster. (2020b, August 31) Generation. In *Merriam-Webster.com dictionary*. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/generation>.
- Metcalf, Lister. (1777) *Rudiments of the English Tongue; Or, The Principles of English Grammar, Methodically digested into Plain Rules, And adapted to the Capacities of young People*. Newcastle upon Tyne: Printed by T. Saint.
- Mieder, Wolfgang. (1995) *The Proverbial Winston S. Churchill: An Index to Proverbs in the Works of Sir Winston Churchill*. Westport: Greenwood Press.
- Mieder, Wolfgang. (2011) *International Bibliography of Paremiography. Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang and Wellerisms*. Burlington: The University of Vermont.
- Miller, Andrew D. (2010) Why Western authors are in love with Mother Russia. *The Observer*, December 19, 37.
- Minkova, Donna, & Stockwell, Robert. (2009) *English Words. History and Structure*. New York: Cambridge University Press.
- Missal, S. (1993) Stepan Razin in Raum und Zeit Vergleichende Untersuchungen anhand der historischen Romane „Razin Stepan“ von Aleksej P. Capygin, „Stepan Razin“ von Stepan P. Zlobin und „Ja prišel dat' vam volju“ von Vasilij M. Šukšin. Diss. Magdeburg,
- MLS — Glück, Helmut. (ed.) (2000) *Metzler Lexikon Sprache*. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Morris, Richard. (1876) *Historical Outlines of English Accidence, Comprising Chapters of the History and Development on the Language, and on Word-formation*. — London: Macmillan and Co. [5th ed.]
- Müller, Hans-Georg. (2009) *Adleraug und Luchsenohr: Deutsche Zwillingsformeln und ihr Gebrauch*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

- Munske, Horst Haider. (1990) Über den Wandel des deutschen Wortschatzes. In Besch, Werner. (ed.) *Deutsche Sprachgeschichte. Grundlagen, Methoden, Perspektiven*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 387—401.
- Murray, Lindley. (1805) *English Grammar, Adapted to the Different Classes of Learners. With an Appendix, Containing Rules and Observations for Assisting the more Advanced Students to Write with Perspicuity and Accuracy*. Hartford: Printed for Oliver D. Cooke by Lincoln and Gleason. [1st Connecticut ed., with Corrections and Additions]
- Nauert, Charles G. (2006) *Humanism and the Culture of Renaissance Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nemser, William. (1975) Problems and Prospects in Contrastive Linguistics. In Szentiványi, Ágnes; Inkey, Péter, & Szépe, György. (eds.) *Modern Linguistics and Language Teaching*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 99—113.
- Newman, Karen; Clayton, Jay, & Hirsch, Marianne. (eds.) (2002) *Time and the Literary*. New York; London: Routledge.
- Niebaum, Hermann, & Macha, Jürgen. (2006) *Einführung in die Dialektologie des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.
- Noehden (Nöhden), George Henry. (1816) *A Grammar of the German Language*. London: Printed for J. Mawman. [3rd ed.]
- Nur, Hidayat, Taufik; Nababan, Mangatur, & Djatmika, Djatmika. (2019) The Shift Process in Transitivity System on Obama's and Trump's Inauguration Speech: A Translation Study. *Jurnal Humaniora*, 31 (2). doi: 10.22146/jh.v31i2.34901.
- ODEE — Onions, Charles Talbut, et al. (eds.) (1966) *Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Old English Glossary for Beowulf*. Retrieved from <http://www.heorot.dk/glossary.html>.
- Oleksy, Wieslaw. (ed.) (1989) *Contrastive Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Onions, Charles Talbut. *A Shakespeare Glossary*. Retrieved from <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.03.0068:entry=free1>.
- Open Source Shakespeare/Concordance*. Retrieved from <http://www.opensourceshakespeare.org/>.
- Opie, Redvers. (1936) <Review of> Soviet Communism: A New Civilization? *The Quarterly Journal of Economics*, 51 (1), 131—146.

- Orwell, George. (1941) Literature and Totalitarianism. *Listener* (Broadcast on the BBC Overseas Service), June 19. Retrieved from: https://orwell.ru/library/articles/totalitarianism/english/e_lat.
- Orwell, George. (1947) Preface to translation of 'Animal Farm: A Fairy Story' on Ukrainian language. *Prometej*. Retrieved from https://www.orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/english/epfc_go.
- Orwell, George. (2000) *Animal Farm: a fairy story*. London; New York: Penguin Classic.
- Ossner, Jakob. (1985) *Konvention und Strategie: die Interpretation von Äußerungen im Rahmen einer Sprechakttheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- OUED — Onions, Charles Talbut, et al. (eds.) (1937) *Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles*. In 10 vols. Vol. IX Sol-Tol. Oxford: Oxford University Press.
- Oxford Dictionary of Proverbs*. Retrieved from www.oxfordreference.com.
- Oxford English Dictionary*. Retrieved from <https://en.oxforddictionaries.com/english>.
- Paige, Simon. (2014) *The Very Best of Winston Churchill: Quotes from a British Legend*. London: Create Space Independent Publishing Platform.
- Partridge, Eric. (1978) *Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London and Henley: Routledge & Kegan Paul. [4th ed., reprinted]
- Pasch, Renate. (1994) *Konzessivität von Wenn-Konstruktionen*. Tübingen: Günter Narr.
- Pasch, Renate; Brausse, Ursula; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich Hermann (eds.) (2003) *Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfungen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln)*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache. Bd. 9)
- Paul, Hermann. (2002) *Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes*. Tübingen: Niemeyer. [10., überarb. und erw. Aufl.]
- Peirce, Oliver Beale. (1839) *The Grammar of the English Language*. New York: Robinson and Franklin.
- Phillips, Edward. (1706) *The New World of Words: Or, Universal English Dictionary*. London: Printed for J. Phillips. [4th ed., rev., corr., and impr.]
- President's Trump Favorite Words*. Retrieved from [400](https://www.diction-</p></div><div data-bbox=)

- ary.com/e/s/trumps-favorite-words-trump-speak/#the-unique-vocabulary-of-donald-j-trump/.
- Primatt, William. (1764) *Accentus Redivivi: Or, A Defence of an Accented Pronunciation of Greek Prose; shewing it to be Conformable to All Antiquity; Together with an Answer to the Objections of Mekerchus, Ifaac Voffius, Hen-ninius, and other Modern Oppofers of Greek Accents*. Cambridge: Printed by J. Bentham Printer to the University.
- Quasthoff, Uwe. (2007) *Deutsches Neologismenwörterbuch. Neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Quinones, Ricardo J. (1972) *The Renaissance Discovery of Time. Harvard Studies in comparative literature*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press.
- Radcliffe, Susan. (2010) *Oxford Dictionary of Quotations by Subject (Oxford Quick Reference)*. Oxford: Oxford University Press.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- Rodker, John. (ed.) (1943) *Soviet Anthology*. London: J. Cape.
- Rohmawati, Ida. (2016) Appraisal devices realizing attitudes in Barack Obama's inaugural speech. *Jurnal Vision*, 5 (1), 27—55. doi: 10.21580/vjv5i1859.
- Rosanow, Wassilij. (1907) *Der russische Nil*. Retrieved from <https://www.buechertreff.de/forum/thread/87620-wassilij-rosanow-friedrich-gorenstein-abschied-von-der-wolga/>.
- Rosanow, Wassilij. (1992) *Abschied von der Wolga. Einführung von Sonja Margolina*. Berlin: Rowohlt Verlag. [1. Aufl.]
- Rowse, A. L. (1936) <Review of> Soviet Communism: A New Civilisation? By Sydney and Beatrice Webb. *The Criterion*, XV, 502—506.
- Sabatier, Armelle. (2016) *Shakespeare and Visual Culture. A Dictionary*. London and New York: Bloomsbury Arden. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Sameer, Imad H. (2017) Rhetorical and Linguistic Analysis of Bush's Second Inaugural Speech. *Advances in Language and Literary Studies*, 8 (1), 44—50. doi: 10.7575/aiac.all.v.8n.1p.44.
- Schaeder, Burkhard. (1987) *Germanistische Lexikographie*. Tübingen: Niemeyer Verlag. (Lexicographica, Series Maior 21.)
- Schaeder, Burkhard. (2000) Fachwörterbücher als Hilfsmittel bei der

- Übersetzung fachlicher Texte. In Forner, Werner. (ed.) *Fachsprachliche Kontraste oder: Die unmögliche Kunst des Übersetzens*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 113—127.
- Schmidt, Alexander. *Shakespeare Lexicon and Quotation Dictionary Internet version of printed Schmidt's Dictionary*. Retrieved from <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.03.0079&redirect=true>.
- Schneider, Wolf. (2000) *Wörter machen Leute: Magie und Macht der Sprache*. München: Piper Verlag. [9. Aufl.]
- Searle, John R. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1971) *Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Searle, John R. (1975a) A Taxonomy of Illocutionary Acts in Gunderson. *Language, Mind and Knowledge*, 7, 344—369. (Minnesota Studies in the Philosophy of Science).
- Searle, John R. (1975b) Indirect Speech Acts. In Cole, Peter, & Morgan, Jerry L. (eds.) *Syntax and Semantics*, Vol. 3. Speech Acts. New York; San Francisco; London: Academic Press, 59—82.
- Searle, John R. (1979) Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. In Searle, John R. (ed.) *Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 30—57.
- Searle, John R. (1982) *Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Searle, John R., & Vanderveken, Daniel. (1985) *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Serenius, Jacob. (1757) *An English and Swedish Dictionary, Wherein the Generality of Words and Various Significations are rendered Into Swedish and Latin, Forms of Speech, Proverbs and Terms of Art in Husbandry and Gardening especially, observed, Above 2400 English Words traced from their true Original Gothick, And the mistakes of Junius, Menagius and other Etymologists Remark'd. Thereunto is added a Large Collection of Terms of Trade and Navigation and an Herbal Or Index of Plants common to both Nations*. Nykoping (Sweden): Printed at Harg and Stenbro by Pet. Momma. [2nd ed., with large Additions and Amendments]
- Shakespeare Studies. A Guide for Scholars interested in the Study of Shakespeare's Life and Works*. Retrieved from

- <https://guides.nyu.edu/c.php?g=276645&p=1845327>.
- Shakespeare's Most Memorable Quotes*. Retrieved from <https://www.stylist.co.uk/books/shakespeares-most-memorable-quotes/123652>.
- Sider, Sandra. (2005) *Handbook to Life in Renaissance Europe*. New York: Infobase Publishing.
- Sievers, Eduard. (1886) *Angelsächsische Grammatik*. Halle: Max Niemeyer. [2., Aufl.] (Sammlung kurzer Grammatiken germanischen Dialekte. III)
- Sievers, Eduard. (1887) *An Old English Grammar*. Boston: Published by Ginn & Company. [2nd ed.]
- Skeat, Walter William. (1889) *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford: At the Clarendon Press. [New ed., rev. and enlarged]
- Smith, Colin C. (1980) *The survival of British toponymy. Nomina*, 4, 27—40.
- Smith, Roswell Chamberlain. (1831) *The Productive Grammar. English Grammar on the Productive System: A Method of Instruction Recently adopted in Germany and Switzerland, In the Place of the Inductive System*. Boston: Sold by Richardson, Lord & Holbrook.
- Sperber, Dan, & Wilson, Deirdre. (1986) *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell Publishers. [2nd ed., 1995]
- Spevack, Marvin. (1968) *A Complete and Systematic Concordance to the Works of Shakespeare*. Vol. I. Drama and Character Concordances to the Folio Comedies. Hildesheim: Georg Olms.
- Stede, Manfred. (2004) Kontrast im Diskurs. In Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich-Hermann. (eds.) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 255—285.
- Steffens, Doris, & al-Wadi, Doris. (eds.) (2015) *Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001—2010*. Mannheim: IDS.
- Steinbach, Marcus. (2020, Oktober 20) *Lehre*. Retrieved from <http://www.staff.uni-mainz.de/steinbac/Lehre/Grammatik/Wortbildung.pdf>.
- Sternin, Iosif, & Sternina, Marina. (2003) *Russian and American Communicative Behavior*. Voronezh: Istoki.
- Stock, Adolf. (2013, July 7) Flüsse als religiöse Symbole. Preußische Geschichtspolitik am Rhein. *Torial*. Retrieved from <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/geschichte-im-fluss/159161/fluesse-als-religioese-symbole?p=all>.

- Stormonth, James. (1904) *Etymological Dictionary of the English Language, Including a Very Copious Selection of Scientific Terms, for Use in Schools and Colleges and As a Book of General Reference*. Edinburgh: William Blackwood & Sons.
- Stratmann, Francis Henry. (1891) *A Middle-English Dictionary, Containing Words Used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Strecker, Bruno. (2015) Stadt — Land — Fluss. Zum grammatikalischen Geschlecht von Städten — Länder — Flussnamen. *Sprachreport*, 2, 33—36.
- Sullivan, Robert Joseph. (1847) *A dictionary of the English language, for the use of schools, and for general reference; with the principles of pronunciation, orthography, and etymology*. Dublin: Alex. Thom, Printer and Publisher.
- Tamson, George J. (1898) Word-stress in English: A short Treatise on the Accentuation of Words in Middle-English as compared with the stress in old and modern English. In Morsbach, Lorenz. (ed.) *Studien zur englischen Philologie. Heft III*. Halle a. S.: Max Niemeyer.
- Tannen, Deborah. (1989) *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tannen, Deborah. (2007) *You just don't understand Women and Men in Conversation*. New York: Harper. [1st ed., Ballantine Books, 1990]
- Teubert, Wolfgang. (1998) *Korpus und Neologie*. Tübingen: Günter Narr. *The Burns Encyclopedia online*. Retrieved from <http://www.robert-burns.org/encyclopedia/index.shtml>.
- The Company Therapist*. (1996-1999) Retrieved from http://www.thetherapist.com/Authors_All.html.
- The Electronic Labyrinth*. (1993-2002) Retrieved from <http://www2.iath.virginia.edu/elab/>.
- The Encyclopedia of Arda: An Interactive Guide to the Works of J. R. R. Tolkien*. Retrieved from <http://www.glyphweb.com/arda/h/hobbits.html>.
- Thomas, Vivian. (2015) *Shakespeare's Political and Economic Language. A Dictionary*. London and New York: Bloomsbury Arden. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Tolkien Gateway*. Retrieved from http://tolkiengateway.net/wiki/Main_Page.
- Toynbee, Arnold J. (1967) Looking Back Fifty Years. In Toynbee, Arnold J. (ed.) *The Impact of the Russian Revolution 1917 — 1967*. London;

- New York; Toronto: Oxford University Press; Royal Institute of International Affairs, 1—31.
- Vafiadis, Caterina. (2011) *Oltre il lineare: la letteratura elettronica*. Dissertazione Magistrale. Milano: Università degli studi di Milano.
- Van der Auwera, Johan; Schalley, Ewa, & De Vogelaer, Günther. (2010) Analogie und die Verbreitung der verbalen Kongruenz bei Imperativen, Konjunktionen und Antwortpartikeln. In Harnisch, Rüdiger. (eds.) *Prozesse sprachlicher Verstärkung. Typen formaler Resegmentierung und semantischer Remotivierung. Linguistik — Impulse & Tendenzen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 269—305.
- Vinay, Jean-Paul, & Darbelnet, Jean. (1995) *Comparative Stylistics of French and English: a Methodology for Translation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Walker, John. (1801) *A Rhetorical Grammar: In which the Improperities in Reading and Speaking are detected, And the True Sources of Elegant Pronunciation are pointed out. With the Complete Analysis of the Voice, Showing its Specific Modifications, and How they may be applied to Different Species of Sentences, And the Several Figures or Rhetoric*. London: Printed by S. Hamilton. [3rd ed., with considerable alterations and additions]
- Walker, John. (1810) *Elements of Elocution: In which the Principles of Reading and Speaking are investigated*. Boston: Published by D. Mallory & Co.
- Wardhaugh, Ronald. (1970) The Contrastive Analysis Hypothesis. *TESOL Quarterly*, 4 (2), 123. doi: 10.2307/3586182.
- Webster, Noah. (1809) *The American Spelling Book; Containing the Rudiments of the English Language, for the Use of Schools in the United States*. Hartford: Printed by Hudson and Goodwin.
- Webster, Noah. (1833) *An Improved Grammar of the English Language*. New Haven: Published by Durrie and Pack.
- Weekley, Ernest. (1921) *An Etymological Dictionary of Modern English*. London: John Murray.
- Wells, Stanly. (2015) *The Shakespeare Book: Big Ideas Simply Explained*. London: Dorling Kindersley.
- Whorf, Benjamin Lee. (1967) *Language, Thought and Reality*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- WIDEL — Gove, Philip Babcock; the Merriam-Webster Editorial Staff. (eds.) (1993) *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Cologne: Könemann Verlagsgesellschaft MBH.

- Wiegand, Herbert Ernst. (1984) Germanistische Wörterbuchforschung nach 1945. In *Der Deutschunterricht*, 5/84, 10—26.
- Wiegand, Herbert Ernst. (1990) Die deutsche Lexikographie der Gegenwart. In Hausmann, Franz Josef; Reichmann, Oskar; Wiegand, Herbert Ernst, & Zgusta, Ladislav (eds.) *Wörterbücher. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2100—2245.
- Wierzbicka, Anna. (1991) *Cross-cultural Pragmatics: the Semantics of Human Interaction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Wilson, Christopher R., & Calore, Michela. (2014) *Music in Shakespeare: A Dictionary*. London and New York: Bloomsbury Arden. (Arden Shakespeare Dictionaries)
- Wilson, Deirdre. (2016) *Relevance Theory*. Retrieved from file://C:/Users/%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0/Downloads/RelevanceTheory2016.pdf. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199697960.013.25
- Woolf, Leonard. (1967) *Downhill All the Way. An Autobiography of the years 1919 — 1939*. London: Hogarth Press.
- Worcester, Joseph Emerson. (1850) *A Universal and Critical Dictionary of the English Language: To Which Are Added Walker's Key to the Pronunciation of Classical and Scripture Proper Names, Much Enlarged and Improved; And a Pronouncing Vocabulary of Modern Geographical Names*. Boston: Wilkins, Carter, and Company.
- Worcester, Joseph Emerson. (1888) *A New Etymological Dictionary of the English Language*. Philadelphia: J.B. Lippincott Company.
- Zabrocki, Tadeusz. (1981) Theoretical Contrastive Studies: Some Methodological Remarks. In Fisiak, Jacek. (ed.) *Theoretical Issues in Contrastive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 43—57.
- Zacker, Christina. (2004) *Musterbriefe für die private Korrespondenz: Einladungen, Glückwünsche, Dankesbriefe, Kondolenzschreiben*. München: Heyne Verlag.

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Глава 1.1. Метаязык анализа concessivов (на материале современного немецкого языка)

В главе описывается метаязык исследования concessivов — языковых связующих средств с уступительной семантикой, которые являются особым разрядом связующих слов с пропозициональным статусом, специфической семантической композициональностью и синтаксической позициональностью. Это обусловлено их метазначением, раскрывающимся в ряде логических и семантических признаков, формирующих уступительную семантику.

Глава 1.2. Исследование межкатегориального взаимодействия в Самарской лингвистической школе: когнитивно-прагматический аспект

С позиций когнитивно-прагматического подхода систематизируются исследования, объединенные проблемой межкатегориального взаимодействия: диссертации, статьи и монографии, выполненные в школе Самарского социально-педагогического университета. Особое внимание уделяется участию представителей Самарской лингвистической школы в международных проектах.

Глава 1.3. Фреймовая семантика как методология представления интенционального аспекта значения в искусственном интеллекте

Глава посвящена рассмотрению проблемы представления интенционального аспекта значения в искусственном интеллекте. В качестве методологии предлагается фреймовая семантика. На примере фреймового анализа семантического пространства речевого акта поздравления в немецком языке демонстрируются возможности данного метода по представлению основной, типической и потенциально возможной информации о референтной ситуации общения в виде статичного и динамичного фрейма речевого акта. Мо-

делирование фрейма в соответствии с установленными принципами позволяет использовать его для концептуального и семантического анализа любого текста, выступающего вербальным коррелятом речевого акта, в том числе для нужд искусственного интеллекта.

Глава 1.4. Описание синтаксиса английского и русского языков в лингводидактическом аспекте

В работе рассматриваются принципы прикладных сопоставительных исследований, предлагается подход к сопоставительному описанию синтаксиса простого предложения английского и русского языков, ориентированный на потребности обучения английскому языку и основанный на понимании системы синтаксических моделей предложения как системы репрезентантов пропозициональных концептов.

Глава 1.5. Статус концепта *generation* в инаугурационных речах американских президентов

В главе обсуждается статус концепта *generation* в системе концептов американского инаугурационного дискурса. Рассматриваются особенности языковой репрезентации концепта в инаугурационных речах американских президентов, от Джорджа Вашингтона до Дональда Трампа.

Глава 1.6. Эволюционирование гендерного стереотипа в британском медийном дискурсе

В главе анализируется отражение феномена гендерного стереотипа в средствах массовой информации, показывается механизм поддержания и закрепления стереотипизации в позиционировании гендера языковыми средствами в медийных текстах, выявляются изменения в презентации гендерно-ролевого сценария.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

Глава 2.1. Языковая ситуация российских немцев Кировской области и особенности их речевого поведения

В главе подробно анализируется языковая ситуация, которая отражается на языковой компетенции российских немцев Кировской области. Эти два фактора могут рассматриваться как

определяющие признаки речевого поведения немцев вышеназванного региона.

РАЗДЕЛ III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

Глава 3.1. Антропотопонимические и терминологические структуры в англоязычном научно-техническом дискурсе

Глава посвящена рассмотрению рекогнитивной функции онимов (антропонимов, топонимов и эпонимов) и терминов в англоязычном научно-техническом дискурсе. Все указанные лексические единицы были объединены в две группы: антропотопонимические структуры и терминологические. Каждая единица рассматривается отдельно с точки зрения структуры. Материалом исследования послужили англоязычные статьи и монографии, затрагивающие проблематику оптоволоконной техники и технологии, а также нанотехнологий.

Глава 3.2. *Stress*: термин английской фонетики в историко-этимологическом освещении

В главе излагаются результаты исследования этимологии и истории развития лексемы *stress*, входящей в терминологическую систему английской фонетики. В ходе обследования ранних лексикографических источников на английском языке установлено, что узкоспециализированное фонетическое значение слова сформировалось во второй половине XVI в., а не 1749 г., как указывают английские этимологические словари. Эти данные позволяют уточнить хронологические рамки возникновения данной терминологической единицы. Анализ текстовых источников также подтверждает вывод о более раннем, чем это указано в английских этимологических словарях, формировании у лексемы *stress* терминологического значения. Составная терминология, включающая в свой состав исследуемую лексему, согласно результатам исследования, начинает складываться на рубеже XVIII-XIX вв.

Глава 3.3. Немецкая лексикография: между классикой и цифрой

Исследование посвящено анализу структуры и содержания современных лексикографических источников немецкого языка.

Общая научная типология словарей в немецкой лингвистической теории была создана Петером Кюном еще в 1978 г. В основе классификации лежали критерии доминирующей функции. Современная лексикографическая практика все больше основывается на корпусах. С появлением цифровых технологий создание словарей, корпусов и других баз данных содержание и форма подачи словарных материалов меняются. Становится возможным описание и фиксация актуального лексического состава языка, в том числе неологизмов, что ранее было трудоемким процессом и быстро утрачивало актуальность в связи с течением времени. Цифровые технологии позволяют совершенствовать как внешний, так и внутренний дизайн лексикографических данных. В статье рассмотрены классическая организация макро- и микроструктуры словаря или лексикона, уточняются некоторые термины немецкой лексикографии (словарь, лексикон, лемма и др.), проанализированы объем и параметры словарных статей без учета особенностей компьютерного дизайна. Исследование проводится на базе таких авторитетных источников как словари портала OWID (*Элексико* и *Словарь неологизмов*), Большой словарь немецкого языка DUDEN, а также *Deutsches Neologismenwörterbuch* У. Квастхофа. На их базе рассмотрены также особенности отражения неологизмов и тенденции в неологии немецкого языка конца XX — начала XXI в.

Глава 3.4. Словари культурного наследия (на материале английской писательской лексикографии)

Глава посвящена описанию различных направлений в английской авторской лексикографии. Рассматриваются история, современное состояние словарей к отдельным произведениям (к Библии, к *Беовульф*) и ко всему творчеству Чосера, Шекспира и других писателей; энциклопедии, ономастиконы, словари цитат и т. п. Очерчивается цифровое будущее словарей культурного наследия, отражающих культурный код английской нации.

Глава 3.5. Типы клишированных единиц в системе современного немецкого литературного языка

В работе предлагается типология клише в составе современного немецкого литературного языка с точки зрения соотношения его функциональных и системных свойств. За основу взяты такие признаки как комплексность, стабильность и идиоматичность; дифференциальное основание образует принадлежность к экспрессивной семантике.

Глава 3.6. Репрезентация темпоральности в произведениях Э. Спенсера

Исследование посвящено рассмотрению специфики репрезентации темпоральности в произведениях новоанглийского периода, в частности, изучению метафорической экспликации времени в произведениях Эдмунда Спенсера. Основное внимание уделено метафорам *время — путник, время — господин, время — предмет обладания, время — пространство*.

Глава 3.7. Полиномия как универсальное явление в номинативной системе языка

В фокусе внимания — полиномия как особое лингвистическое явление, исследуемое на лексическом материале немецкого и русского языков. Актуальность исследования обусловлена постоянным интересом лингвистов к синонимии, вариантности, дублетности, лексической параллельности, перифразе, словарной моде, переименованию и заимствованию, которые выступают в качестве средств выражения полиномии в номинативной системе языка. В исследовании подчеркивается многоаспектный характер обсуждаемой проблемы для лингвистики.

РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Глава 4.1. Der Mythos vom russischen Nil — die Wolga in den Reiseberichten von russischen und europäischen Reisenden

Глава посвящена формированию мифа о Волге как значимого культурного топоса, повлиявшего на восприятие России отечественными и зарубежными путешественниками, писателями и журналистами. Анализ выбранного дискурса позволяет сделать

вывод об амбивалентном характере сложившегося мифа и пояснить противоречивые мифологемы русской культуры.

Глава 4.2. Образ Советской России в английской литературе 40-х — 80-х годов XX века: к проблеме формирования и функционирования

Образ Советской России как слой британского мифа о России имеет особую историю формирования. Она тесно связана с воздействием художественной литературы на британское коллективное сознание и с разочарованием в той «новой цивилизации», которую примерно до конца 30-х – середины 40-х гг. англичане прозревали в СССР. В основу нового образа легло представление о тоталитарном государстве-монстре и механистичности отношения в нем к человеку. Это представление является стержневым в идейном строе таких значимых для формирования этого образа произведений как *Слепящая тьма* Артура Кестлера, *Скотный двор* Джорджа Оруэлла и *Из России с любовью* Яна Флеминга. Функционирование образа также имеет специфику: в нем наблюдается как стремительная стереотипизация, так и обратный процесс дестереотипизации, т. е. отстранения от стереотипных представлений о советском государстве и человеке.

Глава 4.3. Цифровой гипертекстовый роман как жанр сетевой литературы

Цифровой гиперроман — жанр, с которого началась сетевая литература, все больше привлекающая сегодня внимание исследователей. Однако системное изучение этого феномена только начинается. В главе дается краткий обзор ключевых работ в этой области и выявляются жанровые доминанты гипертекстового романа.

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

SECTION I. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

1.1. Metalanguage of Concession Analysis (Exemplified by the Modern German Language)

The article describes the metalanguage of the study of concessives — language binders with concessive semantics, which are a special category of connecting words with propositional status, specific semantic compositionality and syntactic positionality. This is due to their meta-meaning, which is revealed in a number of logical and semantic features that form concessive semantics.

1.2. Research of Categorical Interaction in Samara Linguistic School: Cognitive and Pragmatic View

From the view point of cognition and pragmatics there are systematized researches: thesis, articles, monographs, made at Samara State University of Social Sciences and Education and combined by the problem of categorical interaction. Especial attention is paid to participation at international projects.

1.3. Frame Semantics as a Methodology for Presenting the Intentional Aspect of Meaning in Artificial Intelligence

This paper is devoted to the consideration of the problem of representing the intentional aspect of meaning in artificial intelligence. Frame semantics is proposed as a methodology. Using the example of a frame analysis of the semantic space of the greeting speech act in modern German, the possibilities of this method for presenting basic, typical and potentially possible information about the reference situation of communication in the form of a static and dynamic frame of the speech act are demonstrated. Modeling the frame in accordance with established principles allows you to use it in the future for conceptual and semantic analysis of any text that acts as a verbal correlate of the speech act, including in artificial intelligence.

1.4. A Study of English and Russian Syntax in Language Teaching Perspective

The paper considers principles of applied contrastive research

and proposes an approach to the contrastive study of English and Russian sentence patterns that squares well with the aims of ESL teaching. The approach is based on understanding sentence patterns as representatives of propositional concepts.

1.5. Status of the Concept *Generation* in Inaugural Speeches of American Presidents

The status of the concept *generation* in the conceptual system of American inaugural discourse is discussed. Peculiarities of verbal manifestation of the concept in inaugural speeches of US presidents, from G. Washington to D. Trump, are presented.

1.6. Gender Stereotypes in the Media Picture of the World

This study reflects the phenomenon of gender stereotypes as presented in the media, shows the way gender stereotyping is maintained and perpetuated by language means in media texts, and identifies changes in the presentation of the gender-role scenario.

SECTION II. LANGUAGE CONTACTS AND VARIATION

2.1. Language Situation of the Russian Germans in the Kirov Region and Features of their Speech Behaviour

This paper gives a detailed analysis of the linguistic situation, which is reflected in the linguistic competence of Russian Germans in the Kirov region. These two factors can be considered as defining signs of the speech behaviour of the Germans in the above-mentioned region.

SECTION III. WORD — SENSE — MEANING

3.1. Anthropotoponymic and Terminological Structures in the English Scientific and Technical Discourse

The paper is devoted to the analysis of the recognitive function of onyms (anthroponyms, eponyms, toponyms) and terms in the English scientific and technical discourse. All the lexical units mentioned above were divided into two groups: anthropotoponymic structures and terminological ones. Each lexical unit is studied independently according to its structure. The research material is the English articles and monographs devoted to fibre-optic technology and nanotechnology.

3.2. *Stress*: The Term of English Phonetics in Historical and Etymological Coverage

The paper presents the results of research on the etymology and history of the development of the lexeme *stress*, which is a part of the terminological system of the English phonetics. The survey of early English lexicographic sources found that the highly specialized phonetic meaning of the word *stress* was formed in the second half of the 16th century, and not in 1749, as indicated by English etymological dictionaries. These data allow us to clarify the chronological framework for the emergence of this terminological unit. Analysing text sources also confirms the conclusion that the lexeme *stress* has a terminological meaning earlier than indicated in dictionaries of English etymology. According to the results of the study, compound terminology that includes the lexeme under study begins to take shape at the turn of the 18th — 19th centuries.

3.3. German Lexicography: Between Classics and Digitalization

This research is devoted to the analysis of the structure and content of modern lexicographic sources of the German language. The General scientific typology of dictionaries in German linguistic theory was created by Peter Kuhn in 1978. The classification was based on the criteria of the dominant function. Modern lexicographic practice is increasingly based on corpora. With the advent of digital technologies, the creation of dictionaries, corpora and other databases, the content and form of presentation of dictionaries and other materials is undergoing changes. It becomes possible to describe and fix the actual lexical composition of the language, including neologisms, which was previously a labour-intensive process and quickly lost relevance due to the passage of time. Digital technologies allow us to improve both the external and internal design of lexicographic data. The paper considers the classical organization of the macro-and microstructure of a dictionary or lexicon, clarifies some terms of German lexicography (dictionary, lexicon, lemma, etc.), analyses the volume and parameters of dictionary entries without taking into account the features of computer design. The research is based on such authoritative sources as

the dictionaries of the portal OWID (*Elexico* and *Dictionary of neologisms*), the Big DUDEN dictionary of German, as well as the dictionary of German neologisms by U. Quasthof. On this basis, the features of the reflection of neologisms and trends in the neology of the German language of the late 20th — early 21st century are also considered.

3.4. Dictionaries of Cultural Heritage with Special Reference to English Author Lexicography

The paper covers different directions in English author lexicography. Its history and modern state of dictionaries to single writers' (the Bible, *Beowulf*) and complete works of Chaucer, Shakespeare and other authors; encyclopaedias, onomasticons, quotations, etc. are being discussed. The author describes the digital future of cultural heritage dictionaries, reflecting cultural code of English nation.

3.5. Types of Clichés in the Modern German Literary Language System

The paper proposes a typology of clichés in the modern German literary language in terms of the relationship between its functional and systemic properties. It is based on such features as complexity, stability and idiomaticity; the differential base forms the belonging to the expressive semantics.

3.6. Temporality Representation in Edmund Spenser's Works

The research focuses on the specific features of temporality representation in Early Modern English literature, in particular, the study of metaphorical time explication in Edmund Spenser's works. The focus of attention is on metaphors *time is a moving object / subject*, *time is a master*, *time is a possession*, *time is space*.

3.7. Polynomy as a Universal Phenomenon in the Nominative System of Language

The purpose of the research is to identify the polynomy as a special linguistic phenomenon using the lexical material of German and Russian languages. The urgency of the research is determined by the constant interest of linguists in synonymy, variant, doublet, lexical parallelism, periphrasis, lexical fashion, renaming and borrowing, which the author calls the means of expressing the polynomy in the

nominative system of the language and indicates the multidimensional nature of this problem for linguistics.

SECTION IV. THEORETICAL ASPECTS OF LITERARY STUDIES

4.1. The Myth of the Russian Nile — the Volga in Travelogues by Russian and European Visitors

The article describes the formation of the myth of the Volga River as a highly meaningful place to the Russian culture and the perception of Russia by both local and foreign travellers, authors, and journalists. The analysis of the chosen discourse shows the ambivalent nature of the established myth and helps to clarify conflicting mythologemes in the Russian culture.

4.2. The Image of Soviet Russia in the English Literature of the 1940s – 1980s: Peculiarities of Functioning

The image of Soviet Russia as a semantic layer of the British myth of Russia has peculiarities in the history of its formation. It is closely connected with the impact of literature on the British collective consciousness and, at the same time, with the disappointment in the ‘new civilisation’ which Englishmen tended to perceive in the USSR until the 1930s — mid-40s. The core of this new image was constituted by a concept of a totalitarian monster-state and mechanical relations between human beings within it. This concept is essentially characteristic of such significant — in terms of the ‘Soviet Russian’ image — novels as *Darkness at Noon* by Arthur Koestler, *Animal Farm* by George Orwell and *From Russian with Love* by Ian Fleming. There are some special features of the image’s functioning, too: it swiftly transformed into a set of stereotypes, which, in their turn, became widely parodied and overturned.

4.3. Digital Hypertext Novel as a Genre of Web Literature

Electronic hypertext novel, the genre web literature has originated with, more and more attracts attention of the researches. However, the systematic investigation of this phenomenon has just started. In the paper, an outline of the key works in the field is given and the features of the hypertext novel are singled out.

ТЕРМИНЫ

- акт, речевой 1.2., 1.3.
 акт, иллокутивный 1.3.
 акт поздравления, речевой 1.3.
 амбивалентность 4.1.
 анализ, историко-лингвистический 3.2.
 антропоним 3.1.
 аспект значения, интенциональный 1.3.
 Берджесс, Энтони 4.2.
 вариантность 3.7.
 глоссарий 3.4.
 диалекты, немецкие островные 2.1.
 дискурс 4.1.
 дискурс, научно-технический 3.1.
 дублетность 3.7.
 жанр речи 1.2.
 заимствование 3.7.
 иллокуция 1.3.
 импликация, concessивная 1.1.
 интеграция, категориальная 1.2.
 интерференция, языковая 1.4.
 искусственный интеллект 1.3.
 Кестлер, Артур 4.2.
 клише 3.5.
 компетенция, языковая 2.1.
 конкорданс 3.4.
 коннектор 1.1.
 концепт 1.2.
 концепт *generation* 1.5.
 concessив 1.1.
 лексикография 3.2., 3.3.
 лексикография, авторская 3.4.
 лемма 3.3.
 лингвистика, когнитивная 1.4.
 лингвистика, контрастивная 1.4.
 лингвистика, сопоставительная 1.4.
 литература, английская 4.2.
 литература, ранненовоанглийская 3.6.
 литература, сетевая 4.3.
 литература, цифровая 4.3.
 медиатекст 1.6.
 метазначение 1.1.
 метафора времени 3.6.
 миф 4.1.
 мода, словарная 3.7.
 модель предложения, синтаксическая 1.4.
 наследие, культурное 3.4.
 номинация 3.7.
 образ Советской России 4.2.
 обучение иностранному языку 1.4.
 ономастикон 3.4.
 Оруэлл, Джордж 4.2.
 параллельность, лексическая 3.7.
 параметр отбора 3.3.
 паремия 3.5.
 переименование 3.7.
 перифраз 3.7.
 поведение, коммуникативное 1.6.
 поле, семантическое 1.6.
 полиномия 3.7.
 прагматика, лингвистическая 1.3.
 предложение, сложноподчиненное 1.2.
 президенты США 1.5.

- пресуппозиция, concessивная 1.1.
прецедентность 1.2.
пропозиция 1.1., 1.4.
рецепция 4.1.
речь, инаугурационная 1.5.
роман, гипертекстовый 4.3.
синонимия 3.7.
ситуация 1.4.
ситуация, языковая 2.1.
словарь 3.4.
словосочетание, терминологическое 3.2.
Спенсер, Эдмунд 3.6.
стереотип, гендерный 1.6.
теория значения 1.3.
теория речевых актов 1.3.
термин 3.1.
термин, лингвистический 3.2.
терминография 3.2.
топоним 3.1.
топос 4.1.
ударение 3.2.
уступительность 1.1.
факторы речевого поведения, социально-демографические 2.1.
Флеминг, Ян 4.2.
фонд, нереконструируемый 3.5.
фразеологизмы 3.5.
функция, социализирующая 1.6.
эпоним 3.1.
этимология 3.2.
язык 3.4.
язык, немецкий 3.3.
язык, современный немецкий литературный 3.5.

KEYWORDS

- act, illocutive 1.3.
- act of congratulations, speech 1.3.
- act, speech 1.2., 1.3.
- ambivalence 4.1.
- analysis, historical and
 linguistic 3.2.
- anthroponym 3.1.
- artificial intelligence 1.3.
- aspect of meaning, intentional 1.3.
- author lexicography 3.4.
- behaviour, communicative 1.6.
- borrowing 3.7.
- Burgess, Anthony 4.2.
- clichés 3.5.
- competence, linguistic 2.1.
- concept 1.2.
- concept *generation* 1.5.
- concession 1.1.
- concessionality 1.1.
- concordance 3.4.
- connector 1.1.
- dictionary 3.4.
- discourse 4.1.
- discourse, scientific and
 technical 3.1.
- doublet 3.7.
- Duden 3.3.
- eponym 3.1.
- etymology 3.2.
- fashion, lexical 3.7.
- field, semantic 1.6.
- Fleming, Ian 4.2.
- function, socializing 1.6.
- fund, non-reconstructable 3.5.
- genre, speech 1.2.
- glossary 3.4.
- heritage, cultural 3.4.
- illocution 1.3.
- image of Soviet Russia 4.2.
- implication, concessive 1.1.
- integration, categorical 1.2.
- interference, language 1.4.
- island dialects, German 2.1.
- Koestler, Arthur 4.2.
- language 3.4.
- language, German 3.3.
- language, modern German
 literary 3.5.
- lemma 3.3.
- lexicography 3.2., 3.3.
- linguistics, cognitive 1.4.
- linguistics, contrastive 1.4.
- literature, Early Modern
 English 3.6.
- literature, electronic 4.3.
- literature, English 4.2.
- literature, web 4.3.
- mediatext 1.6.
- meta-assignment 1.1.
- metaphor, time 3.6.
- myth 4.1.
- nomination 3.7.
- novel, hypertext 4.3.
- onomasticon 3.4.
- Orwell, George 4.2.
- OWID 3.3.
- parallelism, lexical 3.7.
- parameter, selection 3.3.
- paroemia 3.5.
- pattern, sentence 1.4.

- periphrasis 3.7.
- polynomy 3.7.
- pragmatics, linguistic 1.3.
- presidents, US 1.5.
- presupposition, concessive 1.1.
- proposition 1.1., 1.4.
- reception 4.1.
- relationship, precedent 1.2.
- renaming 3.7.
- sentence, compound 1.2.
- situation 1.4.
- situation, language 2.1.
- socio-demographic factors
 - of speech behaviour 2.1.
- speech, inaugural 1.5.
- Spenser, Edmund 3.6.
- stereotype, gender 1.6.
- stress* 3.2.
- synonymy 3.7.
- teaching, foreign language 1.4.
- term 3.1.
- term, linguistic 3.2.
- terminography 3.2.
- terminology, compound 3.2.
- theory of meaning 1.3.
- theory of speech acts 1.3.
- toponym 3.1.
- topos 4.1.
- unit, phraseological 3.5.
- variant 3.7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкина С. Н., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Анашкина И. А., Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Байкова О. В., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Бухаров В. М., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Голубева Н. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Григорьева Л. И., Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Зуева Е. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Иванов А. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Иванова Р. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Иванова Т. К., Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Карпова О. М., Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Кобенко Ю. В., Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

Конькова И. И., Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Королева С. Б., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

Кострова О. А., Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Кохан Н. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия

- Кузьмин Р. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Лакхайн Б.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Никонова Ж. В.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Нильсен Е. А.*, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
- Разина И. С.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Рахманкулова С. Е.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Сакулина Е. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Синеокова Т. Н.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Тырыгина В. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Цветкова М. В.*, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
- Шемчук Ю. М.*, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

LIST OF CONTRIBUTORS

- Anashkina, Irina A.*, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
Averkina, Svetlana N., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
Baykova, Olga V., Vyatka State University, Kirov, Russia
Bukharov, Valeriy M., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
Golubeva, Nadezhda N., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
Grigoryeva, Lidiya I., Kazan Federal University, Kazan, Russia, Россия
Ivanov, Andrey V., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia
Ivanova, Rimma A., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia
Ivanova, Tatyana K., Kazan Federal University, Kazan, Russia
Karpova, Olga M., Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
Kobenko, Yuriy V., National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia
Kokhan, Nadezhda A., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
Konkova, Inna I., Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
Koroleva, Svetlana B., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
Kostrova, Olga A., Samara State University of Social Sciences and Edu-
cation, Samara, Russia
Kuzmin, Robert A., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia
Lachhein, Barbara, Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia
Nikonova, Zhanna V., Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
Nilsen, Yevgeniya A., Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia

- Rakhmankulova, Svetlana Ye.*, Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Razina, Irina S.*, Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia
- Sakulina, Yelena A.*, Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia
- Shemchuk, Yuliya M.*, Moscow State Linguistic University, Moscow,
Russia
- Sineokova, Tatyana N.*, Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Tsvetkova, Marina V.*, National Research University Higher School of
Economics, Nizhny Novgorod, Russia
- Tyryguina, Valentina A.*, Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Zuyeva, Yevgeniya V.*, Nizhny Novgorod Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	4
1.1. Метаязык анализа concessivов (на материале современного немецкого языка) <i>Голубева Н. А., Зуева Е. В.</i>	5
1.2. Исследование межкатегориального взаимодействия в Самарской лингвистической школе: когнитивно-прагматический аспект <i>Кострова О. А.</i>	23
1.3. Фреймовая семантика как методология представления интенционального аспекта значения в искусственном интеллекте <i>Никонова Ж. В.</i>	38
1.4. Описание синтаксиса английского и русского языков в лингводидактическом аспекте <i>Рахманкулова С. Е., Кохан Н. А., Кузьмин Р. А.</i>	59
1.5. Статус концепта <i>Generation</i> в инаугурационных речах американских президентов <i>Синеокова Т. Н.</i>	82
1.6. Эволюционирование гендерного стереотипа в британском медийном дискурсе <i>Тыртыгина В. А.</i>	107
Раздел II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ	137
2.1. Языковая ситуация российских немцев Кировской области и особенности их речевого поведения <i>Байкова О. В., Бухаров В. М.</i>	138
Раздел III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ	164
3.1. Антропотопонимические и терминологические структуры в англоязычном научно-техническом дискурсе <i>Анашкина И. А., Конькова И. И.</i>	165
3.2. <i>Stress</i> : термин английской фонетики в историко- этимологическом освещении <i>Иванов А. В., Иванова Р. А.</i>	178
3.3. Немецкая лексикография: между классикой и цифрой <i>Иванова Т. К., Григорьева Л. И.</i>	196

3.4. Словари культурного наследия (на материале английской писательской лексикографии)	
<i>Карпова О. М.</i>	216
3.5. Типы клишированных единиц в системе современного немецкого литературного языка	
<i>Кобенко Ю. В.</i>	238
3.6. Репрезентация темпоральности в произведениях Э. Спенсера	
<i>Нильсен Е. А.</i>	256
3.7. Полиномия как универсальное явление в номинативной системе языка	
<i>Шемчук Ю. М.</i>	270
Раздел IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	283
4.1. Der Mythos vom Russischen Nil — die Wolga in den Reiseberichten von russischen und europäischen Reisenden	
<i>Аверкина С. Н., Лаххайн Б., Разина И. С., Сакулина Е. А.</i>	284
4.2. Образ Советской России в английской литературе 40-х — 80-х годов XX века: к проблеме формирования и функционирования	
<i>Королева С. Б.</i>	301
4.3. Цифровой гипертекстовый роман как жанр сетевой литературы	
<i>Цветкова М. В.</i>	319
Литература / References	332
Аннотированное содержание монографии	407
The Annotated Content of the Monograph	413
Термины	418
Keywords	420
Сведения об авторах	422
List of Contributors	424

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 2

Коллективная монография

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Подписано в печать 16.11.2020. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 24,88. Уч.-изд. л. 19,69.

Тираж 500 экз. Изд. № 5150. Заказ №

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495)230-20-52

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**
Выпуск 2

ISBN 978-5-9765-4537-3

9 785976 545373 >

ОЛИНТА